

Родная № 3(29)' 2014 **ДАДОГА**

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корьтин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Ясенеv В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — советник заместителя председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) — сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Вячеслав Горелов. «Че Гевара прилетает утром...» <i>Воспоминания сепаратиста</i>	5
Евгений Титков. Главный урок Нюрнберга: Люди, будьте бдительны!.....	28
Игорь Андрушкевич. Столкновение цивилизаций на окраине Руси	43
Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). «Не разлучившись с паствой». <i>Подвиг русского православного духовенства в Первую мировую войну 1914–1918 гг. К 100-летию Первой мировой войны</i>	75
Наталья Петрова. Святой преподобный Андроник — ученик преподобного Сергия Радонежского. <i>К 700-летию преподобного Сергия Радонежского</i>	198
Сергей Перевезенцев. Лестница в небеса. <i>Великий князь Владимирский и Московский Иван Данилович Калита</i>	213
Никита Шевцов, Елена Наумова. Крепость на Двине.....	234

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Леонид Ивашов. Геополитическая ситуация в мировом пространстве в связи с событиями на Украине	35
Наталья Нарочницкая. Чтобы не повторять ошибок прошлого. <i>Мифы Первой мировой</i>	106
Панко Анчев. Отечественная война 1812 г., Империя, революция и Россия в творчестве Ф. И. Тютчева	162

Точка зрения

Иржи Опршал. Украина: уроки и выводы	39
Александр Дугин. Пространственный смысл русской истории начала XX века или Стартовые условия Первой мировой	116
Евгений Примаков. «От регионов зависит успех требуемых перемен в нашей экономике». <i>Статья на основе выступления Е. М. Примакова на заседании «Меркурий-клуба» 19.05.2014 г.</i>	132

Национальная безопасность

Леонид Савин. Украина: поле битвы за мировое господство	54
--	----

ПОЭЗИЯ

Игорь Стрелков	64
Николай Пересторонин	124
Ирина Моисеева	127
Владимир Силкин	174
Станислав Думин	179
Сергей Корытин	241
Священник Сергей Григорьянц	245

ВЕХИ

Никто не забыт. Собственный корреспондент Курганской епархии	68
Покровительница и защитница Святой Руси. К 10-летию возвращения Чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери в Россию. Г. А. Ильина	183
«Родная Ладога» — «журнал стратегической русской мысли». Г. В. Скотникова	248

На рубеже цивилизаций

Анатолий Зайцев. *Мое открытие Исландии. Записки посла. К 70-летию образования Республики Исландия* 135

Моя Смоленка

Борис Ключников. *Мир вам, белые и красные. Главы из новой книги* 150

Славянское братство

Мариан Ткач. *Матица словацкая: покровительница словацкого народа*..... 170

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. *Духовные беседы* 190

Проза

Юрий Лошиц. *Ванночка. Рассказ*..... 208

Николай Коняев. *Волшебное яблоко. Рассказы* 255

Николай Иванов. *Брянская повесть* 277

Сергей Куняев. «Русское дело» Н. Клюева». *Глава из новой книги* 296

Русские судьбы

Юрий Шурупов. *Белые ризы. К 150-летию со дня рождения Великой княгини Елизаветы Федоровны* 222

Великая провинция

Валентин Распутин. *Байкал, Байкал... Очерк* 266

Памятослов

Владимир Крушин. «О, как бы жили мы без Даля?» 272

Виктор Потанин. *Однажды на берегу Волги* 288

Критика, литературоведение

Алексей Любомудров. «...И тридцать три моих стихотворенья выплескивает на берег волна». *О поэзии и прозе Галины Ильиной* 311

Вышла книга

Владимир Некрасов. «Поле Формы Земли». *История открытия закона*..... 316

История и современность

Вячеслав ГОРЕЛОВ

«ЧЕ ГЕВАРА ПРИЛЕТАЕТ УТРОМ...»

*Воспоминания
сепаратиста*

Вячеслав Николаевич Горелов — родился в 1959 г. в городе Армавире Краснодарского края. Окончил Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина). Кандидат физико-математических наук. Автор многих статей, посвященных проблемам русской истории и литературы. Член Попечительского совета крымского отделения «Литературной газеты». Лауреат севастопольского общегородского форума «Общественное признание». **Живет в Севастополе, Крым.**

Идея написать эти заметки появилась 18 или 19 марта, во время стремительного и неожиданного по своим последствиям марш-броска Севастополь — Москва — Севастополь. В дороге, во время короткой паузы, мы с Сергеем Кажановым, учредителем и главным редактором сайта «Форпост», ставшего (наряду с каналом НТС) одним из рупоров «Русской весны» в Севастополе, попытались восстановить хронологию событий, начиная с 23 февраля. Составили перечень того, что происходило в то памятное воскресенье, кое-что вспомнили из событий понедельника — и всё. Последующие дни смешались в бесконечную вереницу встреч, телефонных звонков, совещаний, поездок, споров. Дневниковых записей мы не вели: на это не оставалось ни сил, ни времени. Кроме того, нам, находящимся в череде событий, казалось тогда, что каждая минута вгрызается в подсознание, и каждую из них мы всегда сможем воспроизвести.

Но нет. Человеческая память не творит чудеса, и сейчас, спустя два месяца после начала событий, можно сомневаться в достоверности этих воспоминаний.

Поэтому автор не претендует на истину в последней инстанции и приносит извинения тем, чей вклад в общую победу по беспамятству или незнанию здесь не представлен или представлен недостаточно. Задача была предельно узкой: по возможности точно зафиксировать личные впечатления и в некоторых случаях использовать документы, которые удалось собрать и сохранить. Благодарю Дмитрия Жукова, Михаила Чалого, Сергея Кажанова, Виктора Посметного, Александра Караваева — всех, кто сберег и передал мне документы и предметы, относящиеся к «Русской весне» в Севастополе.

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Я вернулся в Севастополь из Москвы 20 февраля. Вечером созвонился с Сергеем Кажановым, узнал, что 21 февраля в 10 часов в условленном месте проводится совещание инициативной группы, состоящей в основном из членов общественного движения «Республика», созданного по инициативе Алексея Чалого в январе 2014 года. Подробности Сергей пообещал изложить при встрече.

21 ФЕВРАЛЯ

Вступительное слово Сергея было коротким. Действующая власть в Киеве была на грани падения. Это могло случиться (а могло и не случиться) в ближайшие дни и даже часы. Несмотря на большое число неясных исходных данных, на ближайшее воскресенье Алексей Чалый предложил нам запланировать проведение общегородского митинга с условной повесткой «О политической ситуации на Украине». Для проведения митинга требовалась подготовительная работа, в том числе оформление заявки.

Почти всю техническую сторону по организации митинга взял на себя Михаил Чалый. Моя же «боевая» задача состояла в том, чтобы сообщить Ленинской районной администрации о проведении мероприятия — действовал уведомительный порядок. Заявку решили оформлять от имени Учреждения объединений граждан (УОГ) «35-я береговая батарея».

Сразу после совещания (оно закончилось в начале двенадцатого) я поехал на 35-ю береговую батарею, где находился Валерий Иванович Володин, директор Музейного историко-мемориального комплекса и руководитель УОГ. Он знал, в каком формате готовятся подобные документы. Составили, распечатали, подписали, поставили печать. С двумя экземплярами заявки я направился в центр города.

Примерно в 13 часов оказался на улице Советской и был допущен охранныком в общий отдел Ленинской райгосадминистрации. Но там в тот день явно было не до нас: во-первых, затерялся какой-то важный документ, и сотрудники были увлечены поисками. Во-вторых, это был предпраздничный день, в чиновных коридорах витал запах шампанского и салатов.

Наконец, дело дошло до меня. Уважаемая дама из общего отдела прочла документ, но сразу же отметила две ошибки и зарегистрировать его отказалась. Мы с В. И. Володиным очень спешили, и в тексте заявки на проведение митинга вместо того, чтобы обратиться к О. В. Румянцеву (председателю Ленинской райгосадминистрации) обратились к И. А. Истягину (председателю Ленинского районного совета депутатов). Кроме того, мы не указали, что местом проведения мероприятия является площадь Нахимова, а численность участников заявили в пять тысяч человек. «Вы представляете, сколько милиции нужно будет вывести, чтобы обеспечить правопорядок?» Я не представлял, но согласен был внести любые правки, лишь бы получить на нашем экземпляре заявки заветный входящий номер.

Тем временем В. И. Володин созвонился с заместителем начальника УМВД полковником Виктором Ивановичем Гаврилюком и проинформировал его о подготовке заявки для проведения митинга. Получил ответ: «Все сотрудники трудятся без выходных, нам только митинга не хватает!». Тем

не менее, заверил, что если будет согласование, то милиция свою работу по обеспечению правопорядка и безопасности выполнит.

От Михаила Чалого периодически раздавался звонок с единственным вопросом: «Есть разрешение?». Время катастрофически истекало. Рядом с Михаилом сидел Олег Ткаченко, готовый при наличии согласованного уведомления о проведении митинга начать работу по технической подготовке: монтаж сцены, озвучка, изготовление российских флагов и т. п. Следовало также оперативно получить «добро» на подключение усилительной аппаратуры к электропитанию от силового щита на пл. Нахимова, который обслуживается Севастопольэнерго. За это дело взялись В. И. Володин и Олег Юрьевич Жуков, главный энергетик музейного комплекса.

После отказа зарегистрировать заявку на проведение митинга, пришлось бешеным аллюром мчаться на 35-ю батарею и вместе с Валерием Ивановичем переписывать текст. Исправили адресата на О. В. Румянцева, указали, что митинг будет проводиться на площади Нахимова с 16.00 до 19.00. Вместо пяти тысяч предполагаемых участников митинга указали «до 2 тыс. чел.». Было понятно, что это число будет многократно превышено, но будущая реальность нас уже не интересовала. По возвращении в присутственное место я не сразу был допущен в общий отдел: нарядные ухоженные женщины поздравляли героических мужчин, все были в приподнятом настроении и слегка подшофе. Знали бы чиновники, с каким нетерпением и для какой цели ожидал их возвращения в кабинеты последний посетитель той предпраздничной пятницы!

Буквально накануне закрытия Ленинской районной администрации в правом нижнем углу нашей заявки на проведение митинга появился заветный входящий номер: 25/753. Любопытно, что первое число нашего исходящего (№ 25/02/14) совпало с первым числом входящего.

Вечером В. И. Володину удалось решить вопрос по подключению оборудования сцены к электрощитку, расположенному на площади Нахимова. Прием заявок на подключение завершился в 16 часов, но специалисты Севастопольэнерго согласились ждать до 16.30. Фактически же Валерий Иванович смог приехать лишь в 17.20. Дежурный на проходной сообщил, что заявку необходимо опустить в специальный ящик. Это означало, что работа по подключению оборудования для проведения митинга будет сорвана. К счастью, именно в это время через проходную выходили В. Д. Дегтяренко, начальник производственно-технического отдела, и С. Н. Головин, начальник районных электрических сетей. Услышав разговор Володина с дежурным и узнав о проблеме, требующей срочного решения, они вместе с Володиным вернулись в здание и сопроводили его к В. А. Шульженко, техническому директору Севастопольэнерго. Несмотря на то, что установленный порядок рассмотрения заявки был нарушен, Виктор Анатольевич под гарантию будущей оплаты дал «добро» на выезд аварийной машины для подключения электропитания.

Дважды в тот день нам удалось подписать нужные заявки в последние минуты. Случайности начинали складываться в закономерность.

Итак, «Русская весна» в Крыму и Севастополе началась с документа, который был составлен на 35-й береговой батарее. Победный, завершающий этап третьей севастопольской обороны был освящен мужеством защитников города.

Порой пытаются утверждать, что Севастополь незаслуженно носит звание города-героя. Основной аргумент: две обороны, первая 1854–1855 го-

дов и вторая 1941—1942 годов, закончились тем, что город перешел в руки неприятеля. С теми, кто так считает, спорить бессмысленно. Слова декабриста М. А. Бестужева об итогах севастопольской эпопеи: «...Севастополь пал, но пал с такою славою, что каждый русский должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед» — это не для них. Ущербные умом и нищие духом, они никогда не осознают, что 23 февраля 2014 года на площади Нахимова рядом с севастопольцами стояли наши героические деды и прадеды. Они стояли в тяжелом молчании, и в их глазах читался немой вопрос: «Когда-то мы на этой земле сделали все, что было в человеческих силах. Когда-то мы сделали больше, чем человеку подвластно. А вы — сможете?».

Кто знает, не в том ли был высший смысл свершений русского солдата и матроса, чтобы спустя много лет, когда возник уникальный шанс вернуть Севастополь России, эти свершения и эти люди незримо встали за нашей спиной — встали, и не позволили отступить!?

22 ФЕВРАЛЯ

Состоялось еще одно совещание, посвященное организации митинга. Оно ничем примечательным не запомнилось, кроме одного: нам был совершенно неясен сценарий его проведения. Было много идей и много споров, которые только усугубляли всеобщий раздрай. Все зависело от того, с какими идеями придет в Севастополь Алексей Чалый.

Несколько дней спустя, когда революция была в разгаре, Сергей Кажанов зашел по каким-то делам на «конспиративную квартиру». На столе в хаотическом беспорядке лежали оставленные нами записки. Часть для обеспечения секретности была порвана, их потом пришлось склеить. На одной из записок удастся прочесть: «Чегевара прилетает утром 23 февраля (встретить)». Че Гевара — это Алексей Михайлович Чалый.

Мы с Сергеем задумались над тем, чтобы встретить Чалого в аэропорту Симферополя. В таком случае по пути в Севастополь, а это примерно полтора часа, мы смогли бы обсудить разные варианты развития событий. Требовалась еще одна машина, чтобы мы, приехав на ней в аэропорт, на обратном пути ехали вместе с Чалым. Этот вопрос решить не удалось, но верно говорят, что хорошие идеи одновременно посещают многих.

Вечером 22 февраля мне позвонил Александр Кулагин, предложил встретиться, ибо «разговор не телефонный». Через полчаса мы уже сидели в его машине, припаркованной у бывшего кафе «Херсонес», что на углу проспекта Гагарина и улицы Ерошенко. Нынешнее название заведения, пиццерия «Челентано», среди старожилов Туровской слободы, она же Стрелецкая, приживается неохотно.

Саша задал вопрос: «Не считаешь ли ты, что Алексея Михайловича в нынешней ситуации нужно охранять? Давай встретим его в Симферополе». Вряд ли мы могли эффективно охранять, не имея для этого ни спецсредств, ни надлежащей подготовки (хотя сопровождение — это уже дополнительный залог безопасности), но встретить было полезно. Созвонились с Сергеем Кажановым и договорились, что вдвоем выезжаем в Симферополь в воскресенье в половине восьмого.

Около девяти утра мы были в аэропорту. По пути в Севастополь Алексей Чалый изложил план действий. Он состоял из трех основных положений: а) на митинге мы предлагаем севастопольцам избрать Алексея Чалого советником главы городской государственной администрации Владимира Яцубы, при этом глава города остается на своем посту и продолжает заниматься обеспечением жизнедеятельности; б) мы заручаемся поддержкой севастопольского «Беркута», который становится силовым прикрытием для наших дальнейших действий; в) мы привлекаем на свою сторону севастопольскую милицию. Каждый из этих пунктов имел свои нюансы, раскрывать которые нет потребности. Но, главное, запомнились слова Чалого: нам нужно продержаться минимум одну неделю. Если продержимся две — хорошо, три — отлично. На более длительную перспективу мы не загадывали.

Минут через тридцать после нашего отъезда из Симферополя у Сергея Кажанова появилась информация, что в Севастополь уже назначен и выехал новый начальник УМВД из Западной Украины. Это соответствовало законам жанра: новая власть должна была укрепить «взрывоопасный» город своей креатурой. Сведения, однако, не подтвердились. Вообще те несколько дней, пока мать городов русских приходила в себя от горящих шин и смертоубийства, а депутаты почти единогласно штамповали новые законы, не обращая внимания на Севастополь, оказались для нас очень даже нелишними.

Но главное, что я лично для себя вынес из этой короткой поездки: у человека всегда есть выбор. Ты можешь остаться рядом с соратниками, а можешь сказатьсся больным и отлежаться дома. В феврале некоторые политики, депутаты и чиновники как в Киеве, так и, увы, в Севастополе внезапно и остро занедужили. Это понятно: конец зимы, организм ослаблен. Но выбор есть всегда.

В Севастополе нас ожидал Вадим Колесниченко, депутат Верховной Рады. Поздоровались, я попытался пошутить: «А вот и один из тех, кто уже оказался в списке из двадцати пяти» (накануне новоиспеченная киевская власть составила список из 25 человек, которые подозревались в якобы преступлениях против якобы государства. — В. Г.). Вадим Васильевич невесело улыбнулся.

План, который мы оговорили по дороге из Симферополя, разрушился в мгновение ока: а) Яцуба на звонки не отвечал; б) «Беркут» после предательства властей на короткое время, по всей видимости, оказался деморализован; в) милиция лишь пообещала нейтралитет (впрочем, и то хорошо). Срочно собрали инициативную группу.

Все понимали, что накал страстей в городе велик, ожидания запретельные, и мы не имеем права «слить» протест. Он либо перейдет тогда в неконтролируемую фазу, либо угаснет, и мы никогда больше нужное нам количество людей на площадь не выведем. Случится непоправимое — мы навсегда потеряем доверие.

До митинга оставалось два с половиной часа. Сильного решения не было. Как промежуточный вариант промелькнула такая идея: составить, зачитать и принять общим голосованием обращение к Президенту Российской

Федерации с просьбой о поддержке и защите Севастополя. Но тут слово взял Борис Дмитриевич Колесников, адвокат и правозащитник.

Я восхищаюсь хорошими юристами. Почти любую ситуацию они юридически безупречно или почти безупречно могут выкрутить к нужному результату. И вовсе не потому, что юристы продажны, изворотливы, лживы или «закон что дышло». Дело в том, что совершенной, безукоризненной правовой системы, видимо, нет и быть не может. В любой системе существуют лазейки, оставленные законодателями намеренно или случайно, которые можно использовать к вящей пользе одной из сторон, истца или ответчика.

Итак, слово взял Борис Колесников.

Он напомнил, что Севастополь лишен права избирать мэра, поскольку не существует закона о городе Севастополе и его самоуправлении. «А что, если, — предложил Борис Дмитриевич, — на митинге народной воли нам прямым и общим голосованием избрать мэра?»

Этот вариант, конечно, был небезупречен. Некая, никем и ничем не уполномоченная инициативная группа на городской площади простым голосованием предлагает избрать руководителя города. Был и еще один вопрос — мэром формально украинского города предлагалось избрать Алексея Чалого, гражданина Российской Федерации. Одолевали сомнения, но Борис Колесников произнес убийственный аргумент: «Правовое пространство Украины уже настолько разрушено киевским майданом, что мы также имеем все основания поступать вне правового пространства». Возразить было нечего, но главное решение — возглавить революцию — было за Алексеем Чалым.

Полчаса, которые для этого потребовались, показались вечностью. Про такие случаи говорят «Лучше два часа слишком быстро, чем одна минута слишком долго». В передаче «Прямой эфир с Борисом Корчевниковым», которая двумя блоками вышла на канале РТР 14 и 15 апреля, Алексей Чалый подробно рассказал, сколь непросто он принимал на себя столь тяжкую ношу. Мне же запомнились такие его слова: «Вы меня — как лейтенанта Шмидта... Ладно. Давайте попробуем».

Приступили к разработке сценария. Важно было не затягивать митинг, провести его коротко, но сказать и сделать самое главное. Мы понимали, что на сцену потянутся многие, причем некоторые лишь для того, чтобы о себе напомнить. Поэтому решено было так: сначала мы достигаем главной цели, организуем избрание Алексея Чалого народным мэром, а потом предоставляем слово всем желающим. Вести митинг взялся Игорь Соловьев. Чтобы предложить кандидатуру Алексея Михайловича, а потом зачитать резолюцию, требовался твердый командирский голос — им обладал Григорий Григорьевич Донец. Сценарий включал лишь четыре или пять выступлений, не более.

Не помню, участвовал ли я в разработке резолюции. Скорее всего, да, поскольку текст хорошо знаком, но на моем ноутбуке его электронная версия загадочным образом не сохранилась. Примерно за час-полтора до начала митинга мы с Татьяной Сандуловой уехали на площадь Нахимова, чтобы проверить музыкальное сопровождение: флэшку с записями патристических песен и севастопольского гимна.

В тот день накануне митинга народной воли состоялась сессия Горсовета, которая должна была выразить свое отрицательное отношение к захвату

власти в Киеве и принять решение о создании в городе исполкома, как было постановлено на состоявшемся в Харькове съезде депутатов Юго-Востока Украины. Но Горсовет четко свою позицию не заявил, он лишь принял постановление № 7146 «О проведении местного референдума». На подготовку такого мероприятия уходят недели. В условиях быстро развивающихся событий это означало, что Севастополь сдавался Киеву. Беззубая позиция депутатов оказалась как нельзя кстати: проезжая по улице Ленина, мы с Татьяной видели, как разочарованные люди переходили от здания Горсовета к сцене, установленной на площади Нахимова.

Передали флэшку. Зазвучали песни, в том числе «Вставай, страна огромная», а также смонтированное для этого мероприятия обращение к севастопольцам. Оно имело такой же эффект, как некогда церковный набат. Кстати, примерно за полчаса до начала митинга должны были ударить колокола севастопольских храмов, но лишь случайность этому помешала. Молитвенную же поддержку благочинного севастопольского округа протоиерея Сергия (Халюты) мы чувствовали постоянно.

Площадь быстро заполнялась народом. Потом места стало не хватать. Люди стояли на прилегающих улицах, на Мичманском бульваре, кто-то поднялся на постамент памятника Нахимову — такого количества людей я никогда ранее не видел. Оценки, которые прозвучали в СМИ, таковы: от 25 до 35 тысяч. Если взять среднее значение, 30 тысяч, это означает, что на площади Нахимова 23 февраля был едва ли не каждый десятый житель Севастополя.

Игорь Соловьев, Сергей Кажанов и Ольга Тимофеева выехали на мероприятие минут за тридцать до начала, но по дороге сломался старенький «Форд» Соловьева. Ребята откатали машину на обочину, схватили такси и помчались на площадь Нахимова. Игорь и Ольга поднялись на сцену, ожидая выступающих. Вскоре, в нарушение всех наших планов, просочились через охрану и явили себя миру председатель горгосадминистрации Владимир Яцуба и председатель Городского совета Юрий Дойников. Поступок вполне объяснимый: «Если безобразие нельзя предотвратить, его необходимо возглавить». Чтобы не допустить руководителей города к микрофону, Игорь заслонил его собой и стоял, проявляя железное хладнокровие, до прибытия Алексея Михайловича. Люди, которые видели сцену лучше меня (я стоял сбоку, со стороны лестницы), потом рассказывали, что заметили легкую толкотню у стойки с микрофоном, но не понимали причину происходящего. Причина была проста: избрание Алексея Чалого народным мэром Севастополя нужно было провести по нашему сценарию, и никак иначе. Не знаю, как у Игоря и Ольги, у меня сердце колотилось бешено: судьба Севастополя еще не решалась, но судьба протестного митинга решалась точно.

Цель была достигнута: имя Алексея Чалого в городе было известно почти всем, репутация — безупречна. Когда Григорий Григорьевич Донец при голосовании, следуя демократической процедуре, спросил «Кто воздержался?», поднялась и сразу же опустилась чья-то вялая рука: скорее всего, кто-то не успел ее поднять, голосуя «За». Поэтому можно смело сказать, что решение об избрании Алексея Чалого руководителем города было принято собравшимися на площади единогласно. Завершающие слова Чалого на этом митинге были простыми: «Спасибо за доверие. Я пошел трудиться».

Помнится выступление Яцубы, его встреченный неодобрительным гулом призыв сохранять единство Украины и попытка припасть на правое колено в знак верности городу. В ответ раздалось реденькое «Не надо! Верим!». Не любит наш народ показушные эффекты. Не любит — и не напрасно, как показал последующий день.

Резолюция митинга народной воли

В настоящее время на Украине произошел государственный переворот. Власть захватили украинские националисты, которые немедленно начали репрессии против работников милиции и политических оппонентов.

Деятельность Верховной Рады нелегитимна. Севастопольцы ее не признают. Чтобы вернуть ситуацию в законодательное поле, мы требуем от депутатов Верховной Рады фракций Партии регионов и Коммунистической партии Украины сложить свои полномочия. Свое решение от имени Севастополя доводим до регионов Украины и Автономной республики Крым.

Поручить избранному городскому голове незамедлительно приступить к формированию городского исполнительного комитета, отрядов поддержки охраны правопорядка и создание муниципальной милиции в целях обеспечения нормальной жизнедеятельности города.

Севастополь
23.02.2014

Единственный сохранившийся и распечатанный на принтере экземпляр резолюции передал мне Григорий Григорьевич Донец, который срывающимся от волнения голосом зачитывал этот текст 23 февраля. На листке сохранились рукописные пометки:

Алексей Михайлович Чалый. Ув. севастопольцы! Предлагаю избрать городским головою Алексея Михайловича Чалого! Предлагаю всем, кто готов защищать город и помочь в поддержании общественного порядка, записаться вот здесь за столами (за сценой были установлены столы и организована запись в отряды самообороны. — В. Г.).

После основной части митинга, пока выступали другие желающие высказаться, на территории спортклуба КЧФ в течение часа или более шли консультации Алексея Чалого с экспертами, которых важно было привлечь к управлению городом. В их числе были В. В. Аксенов, Е. Б. Алтабаева, В. А. Оганесян. Но этого было мало. Требовалось сделать второй шаг: войти в административные здания. Для этого следовало дожидаться окончания выступающих, иначе люди с площади могли потянуться за нами и, в случае запертых дверей, начать штурм. Наконец, с началом сумерек митинг завершился, севастопольцы стали медленно расходиться, а мы направились к зданию Горсовета.

Как и следовало предполагать, двери были заперты. Кто-то уже стал пробовать их на прочность, но присутствие Вадима Колесниченко оказалось полезным: депутату Верховной Рады отказать было сложно, охрана пропустила с ним Алексея Чалого и еще несколько человек. Потом эту же операцию мы повторили у здания горгосадминистрации — там, правда, ми-

лиционеры довольно долго суетились и бегали вверх и вниз по лестнице, консультируясь с кем-то, но в здание все же удалось войти без разбитых стекол и выломанных дверей. Революция в Севастополе в этом отношении была необычной, а внешнее проявление страстей умеренным. Единственное разбитое стекло на моей памяти — это вывеска Севастопольской городской государственной администрации на украинском языке. Она пострадала вечером 16 марта, в день референдума, и то по-глупому. Как говорится, «при невыясненных обстоятельствах».

Как и о чем шли переговоры Алексея Чалого после митинга — мне неизвестно. Таковое есть предмет грядущих жизнеописаний. Эти воспоминания в основном лишь о том, чему автор был свидетелем и в чем участвовал.

Избрание Алексея Чалого народным мэром Севастополя на общегородском митинге 23 февраля стало первой победой.

24 ФЕВРАЛЯ

День начался тревожно. Предполагалось, что каждое утро, примерно в 10 часов, Алексей Чалый будет выступать с сообщениями для прессы. Шло время, но СМИ тягостно молчали, сайт «Форпост» тоже. В середине дня я не выдержал и направился к Дмитрию Жукову, директору и главному редактору канала «Независимое телевидение Севастополя» (НТС) — кто как не тележурналисты могли знать последние новости? Дмитрий сообщил, что по его данным Служба безопасности Украины (СБУ) планирует арест Алексея Чалого и надо срочно созывать людей к зданию администрации, чтобы отстоять народного мэра. На предприятии «Таврида Электрик» по внутренней компьютерной сети можно было дать общую рассылку, и я мог это сделать. Попросил Дмитрия составить и по электронной почте направить мне текст. Когда вернулся на рабочее место, от директора НТС на мой адрес уже поступила «заготовка» для сообщения:

Севастопольцы! 24 февраля Севастопольская городская государственная администрация опубликовала заявление, в котором митинг Народной воли назван «попыткой радикальных организаций прибегнуть к майданной демократии». Создание исполнительного комитета объявлено незаконным. Волеизъявление севастопольцев чиновники администрации назвали «экстремистскими заявлениями». Сейчас те, кто вчера голосовал за право самим выбирать руководителя, собираются у здания Севастопольской городской государственной администрации.

Пока переписывал исходный призыв, чтобы сделать его более конкретным, по общему адресу «Всем сотрудникам. Севастополь» прошла рассылка от Алексея Гусарова (здесь и ниже орфография оригинала. — В. Г.):

Поступила информация, что СБУ Севастополя хочет арестовать Чалого Алексея Михайловича. Просьба ВСЕМ сотрудникам, кто неравнодушен к судьбе Севастополя — СРОЧНО приехать на площадь Нахимова.

Люди спешно потянулись на проходную — а затем на маршрутках, на троллейбусах, на машинах двинулись защищать руководителя. Двух или

трех человек отвез и я. Севастопольцы мобилизовались очень быстро, и вскоре плотная людская масса заблокировала вход в городскую администрацию. Задачи были таковы: либо не пустить в здание сотрудников СБУ, либо не дать им вывести Алексея Чалого, если он уже арестован и находится внутри. Истинное положение дел тогда никто не знал. Оно и сейчас известно мне лишь отчасти. Полагаю, что рассказывать о реальностях того дня преждевременно, и делать это надо не мне.

Постепенно защита народного мэра трансформировалась в требование провести внеочередную сессию Горсовета и утвердить Алексея Чалого на должности руководителя города, ибо, как выяснилось, утром 24 февраля Владимир Яцуба (тот, который накануне вечером на общегородском митинге пытался припасть на колено, обещая хранить верность городу) написал заявление об отставке.

Это решение, кстати, можно трактовать по-разному. Например, так: ушел достойно, чтобы не препятствовать выбору горожан. Эх, если бы Владимир Григорьевич Яцуба в своем заявлении указал еще и на то, что свои полномочия он передает избранному народом мэру, многих проблем удалось бы избежать! В частности, двоевластия, сложившегося из-за того, что по закону полномочия и обязанности председателя горгосадминистрации в случае его отставки переходили к первому заместителю, Федору Рубанову, который готов был мгновенно сдать Севастополь нелегитимной власти в Киеве. На борьбу с господином Рубановым и тем саботажем, который он учинил и возглавил, сил и нервов ушло немало, но я был вне этого процесса и знаю о нем лишь понаслышке.

В телефоне сохранилась отметка об исходящем звонке, который был сделан мной 24 февраля в 15:39 одному из руководителей Черноморского флота. Именно в это время требования горожан о немедленном проведении сессии Горсовета достигли своего апогея. Мне показалось, что лучших условий для вмешательства флота потом может не оказаться. Мнилось, что если бы туда, на площадь Нахимова, в тот момент прибыли российские морпехи, то горожане на руках занесли бы их в здание — и все закончилось бы полной и окончательной нашей победой. Конечно, все это было бесконечно наивно и даже глупо, ибо выиграть сражение, захватив здание Севастопольской администрации, отнюдь не означало выиграть войну за Севастополь. Но тот телефонный звонок все же объясним: он был продиктован жгучим желанием успеха. Я попросил доложить высшему флотскому начальству о происходящем в городе и объяснить важность быстрых и точных решений. Мой телефонный звонок застал контр-адмирала, имя коего я упоминать не вправе, в дверях: он уходил в штаб флота. Пообещал доложить.

Вечером состоялось важнейшее заседание Севастопольского горсовета. Длилось оно бесконечно — собрать кворум дорогого стоило, ибо депутаты не проявляли жгучего желания приходить на внеочередную сессию. Однако в тот день сошлись воедино два фактора: неистовое желание севастопольцев решить проблему именно сегодня, ибо было понятно, что счет шел на часы, и ночь могла завершиться решительными действиями как со стороны Рубанова, так и киевской хунты. Кроме того, скорее всего нечто важное, хотя и с минимальным перевесом в нашу пользу, сдвинулось в сознании депутатов. Недаром ведь было сказано великим русским писателем: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу

вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...»

На всякий случай мы с Ольгой Тимофеевой оговорили силовой вариант: если Горсовет не примет нужного решения, инициативная группа заходит (вламывается, врывается, вторгается — назвать это можно по-разному, суть понятна) в сессионный зал, объявляет депутатский корпус низложенным, проводит выборы нового, нужного нам состава и принимает решение об утверждении Алексея Чалого руководителем города. Этот сценарий был крайне нежелателен. Ясно, что о легитимности новоявленных и самопровозглашенных депутатов не было бы и речи, но революционность ситуации толкала на революционные поступки.

Стоять на одном месте в плотном оцеплении у входа в здание Горсовета терпения больше не было: эту задачу успешно решали другие. Нужно было побыть одному. Покинув ненадолго митингующих, я пошел по улице Ленина в сторону ДОФа. Говорить об этом, наверно, не следовало бы, слишком личными были мои воззвания — я воззвал к Господу. Молиться нас не научили, все мы родом из советской страны. Потому я просил безыскусно, как мог: «Господи, помоги нам. Ты же видишь, как мы хотим победы! Защити нас и Россию. Помоги, Господи!». Навстречу мне, наверно, шли люди, но я их не видел.

Теперь я истинно знаю, что Господь любит и охраняет наше Отечество. Он порой жестоко терзает нас, испытует, доводит до иступления — но в самый важный, поворотный момент, если мы и боремся, и обращаемся к Нему, Он не оставляет своей непостижимой заботой, даруя нам защиту и покровительство.

Немного успокоившись, вернулся к Горсовету. Снова потянулось неведомое мне время, и вот, наконец, Алексей Чалый вышел из здания и победно вздернул вверх сжатую в кулак правую руку. С перевесом всего в один голос — но состоялось! Люди пели гимн Севастополя. Какая-то дама вблизи Чалого, как он потом признался, невыносимо фальшивила. Алексей Михайлович не выдержал и выхватил у нее микрофон — кадры, когда Чалый поет слова «Легендарный Севастополь...», стали историей.

В решении внеочередной сессии Севастопольского городского совета VI созыва от 24 февраля 2014 года было сказано:

С целью недопущения дестабилизации управления городским хозяйством г. Севастополя, учитывая заявление председателя Севастопольской городской государственной администрации В. Г. Яцубы о сложении им полномочий председателя <...>, в соответствии с пунктом 6 части 1 статьи 26, статей 54 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине», Севастопольский городской Совет решил:

Создать исполнительный орган Севастопольского городского Совета Севастопольское городское управление по обеспечению жизнедеятельности г. Севастополя.

Создать Координационный совет по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности г. Севастополя.

Назначить председателем Координационного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности г. Севастополя Чалого Алексея Михайловича...

Это была наша вторая победа.

В тот вечер в штабе восстания я увидел одного энергичного молодого повесу. Описывать его сложно, но общее впечатление таково: подобные ребята, как нечистый из табакерки, всегда появляются там, где есть возможность понажимать на гашетку. Нам он представился как специалист по противостояниям, имеющий боевой опыт, но мы отнеслись к этому настороженно. Позерства в нем явно было больше, чем того самого «опыта», а ретивая жажда приключений, которая была ключом, была крайне опасной. Мы понимали, что как только в Севастополе прольется кровь, процесс перейдет в иное качество, и результат его может стать совсем не таким, которого мы добивались. «Бывалый» покрутился среди нас, как бы невзначай задирая футболку и демонстрируя упакованный в кобуру короткоствол, и исчез столь же необъяснимо, как появился. Провокатор пришел ниоткуда и ушел в никуда.

25 ФЕВРАЛЯ

В середине дня в помещение, ставшее внешним штабом сопротивления, прибыл Михаил Чалый. Он по просьбе Алексея Михайловича озвучил тезисы, которые нужно было превратить в обращение председателя Координационного совета. Мы с Ольгой Хомяковой и Татьяной Сандуловой набросали их сначала начерно, в рукописном варианте, а потом набрали на компьютере и отредактировали. Привожу текст без изыятий, ибо он наилучшим образом передает накал событий.

Обращение председателя Координационного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя

Севастопольцы! Вы дали мне кредит доверия. Я начал работу. Но в тот момент, когда в город движутся многочисленные «поезда дружбы», городской Совет четыре часа разбирался с моим гражданством. Мое присутствие на сессии показало, что мы и депутаты — это два разных народа. Собственные кресла и благополучие для многих из них гораздо важнее, чем судьба города. Тем депутатам, которые равнодушны или просто боятся, которых удалось запугать, предлагаю добровольно сложить свои полномочия.

По заявлению политиков, захвативших власть в Киеве, в казне нет денег. В этой ситуации мне удалось мобилизовать денежные средства в размере 100 млн грн., чтобы обеспечить первоочередные выплаты пенсионерам, работникам правоохранительных органов, учителям и другим бюджетникам. Мы гарантируем выплату заработной платы сотрудникам «Беркута». Кроме того, наши соотечественники в России готовы оказать финансовую помощь Севастополю, для чего создан специальный фонд. Но администрация в лице Рубанова не дает конкретной информации о потребностях города, о его фактическом финансовом положении. Доступ к профильным управлениям перекрыт.

Перед лицом реальной угрозы мною принято решение о создании анти-террористического центра, объединяющего и координирующего деятельность

отрядов самообороны. Однако отчаянно цепляющийся за власть первый заместитель бывшего председателя горгосадминистрации Рубанов отказывается предоставлять помещение для размещения антитеррористического центра. Фактически Рубанов блокирует деятельность Координационного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя, утвержденного горсоветом 24 февраля.

Саботирующие действия Рубанова расцениваю как влекущие за собой тяжелейшие последствия для города и его жителей и предлагаю ему добровольно сложить свои полномочия.

В городе множатся различные слухи, в том числе об аресте меня и моих соратников. Чтобы люди могли получать своевременные и достоверные сведения, мною принято решение о создании постоянно действующего информационного поста на пл. Нахимова.

Хочу еще раз поблагодарить всех севастопольцев за доверие и поддержку. Продолжаю работу!

Сейчас сложно утверждать наверняка, но мне кажется, этот текст так и не был озвучен. Скорее всего, ситуация менялась слишком быстро, и Алексеем Чалым было сделано следующее заявление (оно сохранилось в моем архиве):

Обеспечение полной безопасности жителей города Севастополя. С этой целью на основании действующего законодательства формируются общественные формирования по охране общественного порядка и определяется порядок их действий. Перед лицом реальной угрозы принято решение о создании Антитеррористического центра, объединяющего и координирующего действия отрядов самообороны. Место записи добровольцев — у входа в городскую администрацию. Начало работы — 26 февраля в 10:00.

По заявлению политиков, захвативших власть в Киеве, в казне денег нет. Нам достоверно известно, что в нашем городе задерживается выплата зарплат бюджетникам. В этой ситуации мне удалось мобилизовать денежные средства в размере 100 млн грн., чтобы обеспечить первоочередные выплаты пенсионерам, работникам правоохранительных органов, врачам, учителям и другим бюджетникам. Мы гарантируем выплату заработной платы сотрудникам «Беркута».

Вечером в помещение штаба прибыла группа людей во главе с Алексеем Чалым. Некоторых я не знал, но по их внешнему виду стало понятно, что создается команда, в состав которой входят специалисты по безопасности и обороне.

Совещание происходило сумбурно, организовать упорядоченное обсуждение почти не удавалось — это запомнилось потому, что я вел протокол, и мне приходилось неоднократно переписывать уже, казалось бы, окончательно сформулированные положения. В числе прочего мы обсуждали установку блокпостов, ибо неоднократно звучали предостережения о так называемых «поездах дружбы», которые киевские радикалы намеревались направить (по другим сведениям — уже направили) в Крым и Севастополь. Угроза была нешуточной.

Крым и Севастополь для украинских националистов не были рядовой территорией. Если бы «Правый сектор» прорвался в Севастополь, всем нашим памятникам — Казарскому, Екатерине Великой, Нахимову, «Мужеству, стойкости, верности комсомольской» — грозило бы низвержение в прах. Стены наших домов были бы исчертаны свастикой, тризубами и лозунгами «Слава Україні!». Ибо Севастополь — это не Полтава, не Винница, не Кировоград. Севастополь — это город-символ. Уничтожить его, запугать население означало бы для украинских неонацистов одержать победу не только над Севастополем, но над Россией. Они стремились бы оттоптаться на Севастополе так, чтобы не осталось ни малейшего сомнения в их победе, а учитывая, сколь трепетно севастопольцы относятся к своей истории, прибытие сюда «поездов дружбы» привело бы к немалой крови.

На совещании было решено направить пикеты самооборонцев, усиленные сотрудниками милиции, в Бахчисарай или Верхнесадовое, чтобы по мере дальнейшего движения проезда к Севастополю и в случае выявления в нем недружественных граждан у горожан было бы время собраться и организовать радикалам «теплую» встречу на железнодорожном вокзале. Мы несколько раз обсуждали этот план, но из-за суматохи, шума и постоянного отвлечения на другие темы я не занес соответствующий пункт в протокол. Ответственный за досмотр поезда так и не был назначен.

Совещание закончилось за полночь. В протокол совещания вошло четыре пункта по программе «Антитеррор» (текст приводится без указания телефонов. — В. Г.):

Антитеррор

Блок-посты. По старым границам. Показать в СМИ (Форпост, НТС). Коля, Потапов.

Столы, запись. Информация об установке столов и записи. Периодическое информирование населения. Подведение итогов вечером. Через СМИ и информационный пост. Сенявский.

Очистка малого зала от «жуков». Литвинов.

Погранзвод по паспортному режиму. Чалый.

Под старыми границами в п. 1.1 имеются в виду границы контрольно-пропускных пунктов, которые существовали в советские годы, когда Севастополь был закрытым городом. В п. 1.2 речь идет об организации записи добровольцев в отряды самообороны. Малый зал в п. 1.3. — это помещение, в котором предполагалось наличие «жучков», установленных СБУ для прослушки.

Кроме того, в тот же вечер Вячеслав Викторович Аксенов продиктовал план действий по экономическому блоку, который включал в себя девять пунктов:

Определиться с местом работы мозгового центра. Варианты: горсовет, СГГА, Таврида. Лучшие — ближе к месту работы руководителя (А. М. Чалого. — В. Г.).

Нужна компьютерная техника с выходом на эл. почту. 2–3 ноутбука и принтер.

Созвать специалистов, в том числе Яцубу (в качестве советника). Аксенов.

Отработать технологию приема благотворительных средств. Определиться с юридическим лицом (БО 35ББ?), счетами, взаимодействием с банком по валютным операциям, получению наличных, перечислению в бюджетные фонды. Уманская, Щербакова, Горелов.

Определиться с порядком получения информации о необходимых выплатах зарплат и пенсий в разрезе предприятий, организаций и отдельных физлиц.

Подготовить предложения по изменению порядка сбора и распределения налоговых платежей. Подготовить проекты соответствующих нормативных документов для исполнителей. Подготовить юридическую защиту предприятий и граждан от контролирующих органов в связи с тем, что их действия будут противоречить ранее действующему законодательству. Колесников, Кулагин.

Организовать взаимодействие по сбору информации с финансовым управлением, казначейством, налоговой, пенсионным фондом, департаментом социальной защиты.

Изучить возможность использования в обращении российского рубля.

Продумать возможность ввести муниципальный налог на неотложные нужды города, не предусмотренные бюджетом, в добровольно-принудительной форме.

Разошлись с пониманием того, что день завершается в организационном отношении лучше, чем предыдущий: во-первых, полным ходом шла установка блок-постов на дорогах, соединяющих Крым и Севастополь, во-вторых, началось формирование внятной, с распределенными полномочиями, структуры управления революционными процессами.

26 ФЕВРАЛЯ

Я проснулся в начале пятого от прорезавшей меня мысли: «Забыл! Не настоял, чтобы в протокол внесли пункт о проверке поезда. Этим никто не занимается!». До прибытия оставалось часа полтора, что-либо организовывать уже было поздно: люди не успели бы доехать до станций, предшествующих Севастополю. Стояла жуткая предрассветная тишина. За то, что она могла быть взорвана прибывшими из «незалежной» молодчиками, я чувствовал свою личную вину. Но обошлось: наутро узнал, что наши самооборонцы осознавали, какую опасность представлял поезд из Киева, пришли на вокзал и проверили состав, прибывший в половине шестого. Вагоны оказались полупустыми. Если радикалы и ехали в них, то покинули поезд где-то раньше, растворившись в крымских просторах.

Возможно, так оно и было. Вот, например, смс-сообщение, полученное мной 25 февраля в 18:00 от Валерия Ивановича Володина и чудом сохранившееся в мобильном телефоне:

Инф-я: в п. Соленое Озеро под Джанкоем прибыли 2 автобуса с воор. людьми, установили палатки, сместили Голову. Передали по тел. через родственника офицера в/о.

«Поезд дружбы» или «автобус дружбы» — какая, в сущности, разница? Это было логично: прорываться в Крым малыми подвижными группами, потом концентрироваться для решающих и мощных ударов. Я переправил это сообщение для справки Михаилу Чалому, который отвечал за силовой блок, и кому-то еще из нашей команды. В те, самые первые дни, все занимались всем. Попутно — нелирическое отступление.

После победы почти все смс-сообщения я удалил из мобильного телефона. Показалось, что необходимость хранить их исчезла. Позже я многократно пожалел об этом, ведь набранные второпях, содержащие опечатки и порой отправленные глубокой ночью, эти смс-ки лучше многих оперативных записей отражали накал событий и позволяли по минутам восстановить хронологию. Случившееся — хороший урок с точки зрения архивоведения: виртуальные электронные ресурсы неустойчивы и ненадежны. Ничего лучшего, чем архаичный бумажный носитель, для хранения информации человечество пока не придумало.

Любопытно, что уже через два дня после митинга на площади Нахимова в адрес Алексея Чалого стали поступать предложения неравнодушных севастопольцев на тему «Как обустроить город». Некоторые из них были по-детски наивными — например, такое:

«Выйти на связь с Москвой и просить материальной помощи (за счет средств за размещение российского флота) для восстановления моста от Карантинной бухты на Северную сторону — до 01.01.2016 г.»

или

«Сделать автостоянку для транспорта вокруг цирка на 1500–2000 тыс. единиц (так в тексте. — В. Г.) и освободить кольцо города».

Какой мост (тем паче, что такого моста никогда ранее не было)? Какая автостоянка? Или, как шутят филологи, какое ваше что? В те дни речь шла об элементарном выживании — но сам по себе шквал писем председателю Координационного совета есть свидетельство беспредельной веры в избранного руководителя.

В 9 часов утра у здания администрации должен был начаться митинг в поддержку Алексея Чалого. Нужно было запитать звукоусилительную аппаратуру, которую предоставил Владимир Тюнин. Около восьми часов мы вместе с Александром Селицким, высоким и сильным парнем, который трудится в одной из авторемонтных мастерских, загрузили в мой УАЗ полностью заправленный топливом тяжеленный дизель-генератор, и к началу митинга он уже тарахтел под зданием горадминистрации. Было ветрено и дождливо, но горожан собралось изрядно: Севастополь пробудился, и мелкие неприятности в виде дождя уже не могли заставить людей отсиживаться по домам.

Я не могу вспомнить содержание выступлений, прозвучавших в то утро. Бессонная ночь и тревожное утро, постоянный поток информации сделали свое дело. Наступало отупение. Показалось даже, что я зря привез этот громоздкий агрегат: могли бы и обойтись, взяли бы электропитание из здания администрации, как и предполагалось (генератор рассматривался нами как резервный вариант на случай, если не разрешат подключить удлинитель к розетке в общественной приемной). Но вот митинг закончился, и выясни-

лось, что в середине дня на площади Нахимова состоится важное мероприятие, для которого всене непременно потребуется звукоусиление. Дизель-генератор для этой цели оказался как нельзя кстати. Дружными усилиями мы вручную перетасили его к подножию памятника, где уже собирались люди.

Через какое-то время подъехала пара легковых авто, и охрана попросила людей расступиться. В образовавшийся живой коридор стремительным шагом проследовал председатель партии «Родина», депутат Госдумы Российской Федерации Алексей Журавлев. Я внутренне сжался: ситуация в городе была революционной, люди на площади ожидали соответствующего пафоса, и вялое выступление вызвало бы в ответ раздражение, свист и крики. Но оратор это отлично чувствовал: его выступление было коротким, напористым и блестяще точным. Если предположить, что руководители Госдумы специально отбирали кандидатуру одного из первых посланников в Севастополь, то выбор оказался безупречен. И главный посыл был нами услышан: Россия о Севастополе помнит, Россия с нами, Россия будет действовать. Значит, нужно держаться. Появилась первая, пока еще робкая надежда. Надежда на то, что наше многолетнее стремление вернуться домой на этот раз состоится, и никогда уж более Россия не допустит того, чтобы южный форпост, ее слава и гордость, город, воистину достойный поклонения как по названию, так и по факту своего исторического существования — никогда и никому не будет передан или подарен.

На площади Нахимова тем временем мокли под дождем три автобуса, на которых севастопольцы должны были направиться в Симферополь, чтобы обозначить отношение к проходящей в тот день сессии крымского парламента. На сессии решался вопрос о признании или непризнании Крымской автономией киевской хунты. Два автобуса заполнились довольно быстро и уехали, третий же, напротив, оставался полупустым. К микрофону время от времени подходил Иван Комелов, призывая людей поехать на митинг, который проходил у стен парламента. Понимая, что время уходит, и выезд третьего автобуса скоро станет неактуален, я обратился к Александру Караваяеву с предложением отправить этот автобус, даже если он не заполнен. Попутно спросил, как дела в Симферополе. Саша обескураженно махнул рукой и тихо ответил: «Там уже мясорубка». Я не обратил внимания на эти слова, а следовало бы. Не обеспокоили меня и призывы Комелова, который неоднократно упоминал в своих обращениях, что для поездки в Симферополь прежде всего требуются молодые мужчины. На вопросы женщин «Почему такая дискриминация?» ясного ответа не было, и фактически в автобусах оказались все, кто хотел или считал себя обязанным помочь симферопольцам. Людей никто не посчитал, не проинструктировал, не назначил старших. Они, в большинстве незнакомые друг с другом, по душевному порыву отправились в Симферополь на мирный, как им казалось, митинг.

В Симферополе же в тот день столкнулись два гигантских людских массива, русскоязычные жители Крыма численностью около пяти тысяч, и крымские татары, коих было около трех тысяч. Известна видеосъемка, сделанная оператором с верхней точки — на ней хорошо видно, как две бушующие многоголовые волны поочередно, с переменным успехом пытаются вытолкнуть друг друга с площади перед парламентом. Это не было массовой дракой, людей было столько, что они не имели возможности для рукопашной; это было яростное противостояние двух кричащих толп.

С одной стороны — людей, набранных с городских площадей примерно так, как в Севастополе, то есть обычных городских обывателей, с другой — рекрутированных молодых мужчин. Численность не победила молодость, молодость не одержала верх над численностью. Потолкались, измяли, отмутузили друг друга и с наступлением темноты разошлись. Итог дня: трое погибших, несколько десятков раненых. Так в Крыму пролилась кровь. Далее нас ожидали два основных сценария: либо эскалация конфликта, либо осмысление происшедшего и успокоение сторон. Слава Богу, что в силу неведомых мне причин — точнее, причин, о которых пока можно только догадываться, Крым пошел по второму пути.

Случившееся в Симферополе коснулось моего товарища, Виталия Хвороста. Его тесть Николай Николаевич Порядин, интеллигентный и уже не молодой человек, почти сразу по выходу из автобуса был сбит с ног, упал на асфальт и оказался под ногами толпы. В результате — сотрясение мозга, переломы нескольких ребер, потеря сознания и симферопольская больница. Лишь спустя пару недель Виталию удалось перевезти его в Севастополь и организовать эффективное лечение. Виталий был прав, когда пенял на то, что мы не должны были отправлять в Симферополь неорганизованных, необученных и незащищенных людей — прав, кто же спорит? Но в те дни многое происходило не так, как должно. Система выстраивалась в процессе, мы учились на своих ошибках по ходу дела. Нас, в отличие от «Правого сектора», для силовых акций никто не готовил, не инструктировал и не оснащал. В феврале 2014 года наш бронепоезд оказался далеко на запасном пути, но, к счастью, в укомплектованном виде, и в боевое состояние мы привели его довольно быстро. Кто знает, не сработала ли в нас генетическая память о «бессмысленных и беспощадных» бунтах, мятежах, революциях, когда бедному собраться — только подпоясаться?

Вечером я отвез генератор обратно в автомастерскую. Никто и словом не обмолвился об арендной плате, о стоимости израсходованного дизельного топлива. Севастопольцы стояли, как монолит. Малоизвестные прежде люди теперь обращались друг к другу «ты», ушли прочь старые обиды, размолвки, дразни. Перед угрозой родному русскому языку, культуре, традициям, вере, истории — перед угрозой самому образу мыслей, который казался нам цельным и праведным, все мелочное ушло на второй план, оказалось пустым и ничтожным. За три дня Севастополь сплотился и перешел в страшную, глухую, по-русски упрямую оборону.

18 марта в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин произнес такие слова: «...Руководство Крыма и Севастополя, депутаты законодательных органов власти, формулируя вопрос референдума, поднялись над групповыми и политическими интересами». Это справедливо не только в отношении руководителей и референдума — это справедливо по отношению ко всем севастопольцам и особенно в первые дни русского возрождения. В те дни, когда еще никто не знал, чем все закончится.

В ночь на 26 февраля Киев преподнес Крыму и Севастополю бесценный подарок. Исполняющий обязанности министра внутренних дел Украины Арсен Аваков на своей страничке в «Фейсбуке», то есть в стиле, свойственном высококлассному руководителю высшего уровня, сообщил о расформировании специального подразделения «Беркут». Накануне, 25 февраля,

Алексей Чалый заявил о готовности принять в Севастополе бойцов спецподразделения «Беркут», выплачивать им зарплату и обеспечить безопасность семьям. Стойкость и мужество «беркутовцев» во время событий на Майдане вызывали восхищение в Севастополе. Известна репортажная съемка оператора НТС, когда автобусы прибыли из Киева на площадь Нахимова: бойцов «Беркута» встречали с цветами, как героев, вернувшихся с войны. На глазах у крепких взрослых мужиков были слезы.

26 февраля председатель Координационного совета Алексей Михайлович Чалый подписал распоряжение № 1 «О создании специального муниципального подразделения милиции “Беркут”». Исполняющим обязанности командира был назначен подполковник милиции А. В. Чередниченко.

Севастопольцы дважды вставали на защиту своих парней: попытки разоружить «Беркут» и опечатать оружейные комнаты, расположенные в бывшей Артиллерийской слободке на улице Щербака, завершились полным фиаско. И в важнейший момент севастопольский «Беркут» занял оборону на Перекопе и Чонгаре, опередив бандеровскую гопоту, которая ринулась наводить в Крыму и Севастополе свои порядки. Гопота, увидев перед собой вооруженных людей, замешкалась, остановилась, ожидая подкрепления — и в этот момент на перешеек подтянулись три сотни лихих кубанских казаков. «Дранг нах Крым» не состоялся. Можно сказать, что судьбу полуострова решили минуты — великие минуты.

Пройдет время, и ученые мужи станут дотошно препарировать события, располагая материалом более полным, чем автор этих скромных заметок. Кто-то наверняка примется рассуждать о соотношении случайного и закономерного. Наверно, это будет полезно. Лишь бы не утонули в иллюзии, что история — это якобы совокупность фактов, которые не должны были произойти. Потому что Крым и Севастополь не могли не вернуться в Россию: великие минуты «Русской весны» вершились конкретными людьми, преданными идее. А идея — она как красота: великая сила.

В эти же дни и ночи на одном из предприятий в сверхсрочном порядке были изготовлены 130 комплектов щитов и обрешеченных палок. Для этого использовались эскизы, начерченные со слов Антона, человека знающего, не чета ранее упомянутому «бывалому». Вопрос возник только в том, какую толщину материала использовать. Было два варианта, два миллиметра и три. Во время испытаний двухмиллиметровый щит был пробит ударом наугад выбранной железяки и потому забракован. После этого все щиты делались из металла толщиной три миллиметра. Была разработана простейшая система распознавания «свой — чужой»: на щиты севастопольских самооборонцев нанесли наклейки со словами контр-адмирала Корнилова «Отстаивайте же Севастополь». Все комплекты, щиты и палки были распределены по блокпостам.

Ограждение Севастополя и Крыма от агрессивного бандеровского мира и обеспечение, хотя и начальное, безопасности севастопольцев и крымчан справедливо можно считать нашей третьей победой.

27 ФЕВРАЛЯ

В ночь с 26 на 27 февраля я проснулся от звука пришедшей на мобильный телефон смс-ки. Сообщалось, что здание Совета министров Крыма

в Симферополе захвачено вооруженными людьми. Я переправил это сообщение Сергею Кажанову с вопросом, знает ли он подробности? Сергей не спал, ответил быстро и коротко: знаю, разбираемся, возможно, что это наши.

Остаток ночи и утро прошли в поиске информации. Вдруг на каком-то сайте я увидел сделанную в предракетной дымке фотографию крымского Совмина с водруженным над ним российским триколором. Тогда это приписали появлению в Крыму «вежливых зеленых человечков» — людей в военной форме без опознавательных знаков. Они это были у здания Совмина, или же это была крымская самооборона — вопрос не первый, не второй, и даже не десятый. Важно, что в тот день переломилась ситуация в Симферополе.

Позже я несколько раз встречал «вежливых людей» в Севастополе: у штаба ВМСУ, когда мы «выкуривали» оттуда несговорчивого Сергея Гайдуга сотоварищи, у банковского офиса на улице Ленина, у здания горгосадминистрации. Молчаливые, уверенные, отлично экипированные — и действительно вежливые. По сравнению с теми, кого мы привыкли видеть с шевронами збройних сил Украины (вооруженные силы Украины) или ВМСУ, — неухоженными и какими-то пришибленными, как поденщики на плантациях, переодетые в военную форму, — «вежливые зеленые человечки» были пришельцами с другой планеты. Они незаметно появлялись и незаметно исчезали, но результатом их незаметности стала вполне заметная аннигиляция украинских «поденщиков». Именно аннигиляция: потенциальные защитники Украины рассеялись, как туман после восхода солнца.

Не хотелось бы унижать украинских военных — не их вина, что служили такому государству, но случившееся было закономерным. Ибо государство — это не флаг, не герб, не гимн, и уж тем паче не президент, что талантливо доказал господин Янукович. Государство — это прежде всего люди. Не важно, гражданские или военные, но готовые за него отдать свои жизни. Недаром ведь говорят, что границы государств пишутся кровью.

Однако границы Украины не начертаны кровью только ее народа. Они суть причудливая конфигурация подарков — либо от душевных щедрот Российской империи, либо от бестолковых щедрот Советской власти. И когда со стороны Крыма возникла угроза сиим границам, оказалось, что украинским военным они как телеге пятое колесо.

Для потери полуострова киевская власть сделала больше, чем все про-российские организации Крыма и Севастополя, вместе взятые, за двадцать три украинских года, умноженных на два. Отдельное спасибо Евромайдану: он забил первый гвоздь в крышку проекта, имя которому «Украина — не Россия».

В этот день севастопольцы снова выезжали в Симферополь, но теперь в автобусах находились хорошо организованные и проинструктированные люди. Мы с Александром Караваевым постоянно были на связи, и отбой на возвращение наших ребят в Севастополь был дан только тогда, когда нужные решения были приняты крымским парламентом. Беспорядков в городе не было, активное участие севастопольцев не потребовалось.

Вечером, на обратном пути Саша сообщил, что кто-то из высокого киевского начальства прибыл на аэродром в Бельбек и направляется в столицу Крыма. Возникло предложение заблокировать проезд. Я сомневался, что

ВИП-персону удастся легко разыскать: было уже темно, дорог несколько, и могли разминуться, а люди в автобусе были голодны и устали, поэтому предложил возвращаться в Севастополь.

В середине дня я по каким-то делам оказался у Дома Москвы на площади Нахимова. Было промозгло и дождливо. Вдруг мое внимание привлек не совсем обычный микроавтобус, который подъехал к зданию. Легко отодвинулась дверь, и некто, сильно нагнувшись, вышел на площадь. Когда человек распрямился во весь свой гигантский рост, я глазам своим не поверил: это был Николай Валуев, в прошлом известный профессиональный боксер, ныне — депутат Государственной Думы РФ. Вслед за ним из автобуса вышли руководитель фракции «Единая Россия» Владимир Васильев, Валентина Терешкова, Ирина Роднина и еще несколько человек. Делегация Государственной Думы прошла к Мемориалу защитникам Севастополя, потом, по аллее городов-героев, проследовала к городской ратуше. Странно, но я хорошо помню, что не удивился этому визиту. Видимо, российский стяг, который утром был поднят над административными зданиями в Симферополе, исчерпал отведенный тому дню лимит изумлений. Кроме того, в голове начала выстраиваться логически осмысленная последовательность событий, и последующие дни ее подтвердили.

28 МАРТА

Два сопряженных события: выдающееся и личное.

К первому относится визит Владимира Вольфовича Жириновского, его встреча с председателем Координационного совета и пламенная речь

Выступление В. В. Жириновского у здания Севастопольской городской государственной администрации. 28 февраля 2014 г. Фото В. Горелова

перед севастопольцами: «Если у них есть Майдан, то у нас в России есть Магадан!».

Личное: по наитию взял фотоаппарат и снял выступление трибуна, депутата и бессменного лидера ЛДПР. Привыкший «стрелять» из любого положения, то есть снимать много, всегда и везде, за три недели «Русской весны» в Севастополе я сделал всего восемь снимков. Спасибо коллегам, в том числе Антону Пархоменко из пресс-службы Координационного совета, которые взяли на себя тяжкий труд фотохроникеров.

1 МАРТА

В моем телефоне сохранилось смс-сообщение, отправленное в 00:24 Леониду Денисову, начальнику испытательной лаборатории (ИЛ):

«Завтра утром планируется назначение нового начальника УМВД. Штаб просит для мирного протеста собрать максимальное число людей к 9 часам. Дай клич по своим знакомым и сотрудникам ИЛ».

Люди подтянулись к зданию УМВД на улице Пушкина задолго до предполагаемого времени, и это сыграло решающую роль: новому начальнику взять милицию под свою команду было не суждено. В тот же день председателем Координационного совета Алексеем Чалым было издано распоряжение № 2 «О создании муниципального Управления внутренних дел»:

*Представление начальника муниципального УВД г. Севастополя
полковника милиции А. А. Поддубова. 1 марта 2014 г.
Пресс-служба Координационного совета. Фото А. Пархоменко*

«В связи с назначением нового начальника УМВД в г. Севастополе действующим и.о. министра МВД Украины, без согласования с действующей властью г. Севастополя, с целью поддержания в Севастополе общественного порядка, недопущения противоправных действий, провокаций, массовых беспорядков и мародерства сформировать муниципальное управление внутренних дел. Назначить исполняющим обязанности начальника муниципального управления внутренних дел г. Севастополя полковника милиции Поддубова А. А.».

Еще одним знаковым событием стало заседание Совета Федерации в Москве. Совет Федерации предоставил Президенту право использовать вооруженные силы за пределами страны. Многие в России видели это заседание — но, скорее всего, не многие понимали, сколь волнительным было оно для Крыма и Севастополя. Вечером на площади Нахимова состоялся концерт, и я хорошо помню ощущение светлого и душевного праздника. Мы обнимались и поздравляли друг друга, звонили друзьям и знакомым. Решение Совета Федерации воспринималось как победа. Да, впереди нас еще ожидали многие трудности, но в тот вечер никто об этом не думал. Главное, что мы были под крылом у матушки-России.

Странными бывают мысли человека, причастного к древлехранилищам. Сразу, после голосования в Совете Федерации, у меня возникло опасение, что не останется ни одного российского флага из тех, с которыми севастопольцы вышли на судьбоносный митинг 23 февраля. Олег Ткаченко, который отвечал за подготовку атрибутики, сообщил, что почти все флаги горожане забрали себе, чтобы использовать для последующих мероприятий, но пять или шесть штук сохранились на складе Музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея». Нужно было срочно забрать реликвию. Я направился на батарею и из оставшихся флагов выбрал один — типичный, с длинным трехметровым древком. Флаг целиком в машине не поместился, и полотнище выглядывало наружу через окошко правой задней двери.

Я возвращался в город со стороны Казачьей бухты. Справа от дороги, у КПП российской воинской части, стоял часовой. Увидев УАЗ с развевающимся российским стягом, он улыбнулся и приветственно вскинул руку. Стало ясно, что он уже знает о решении, принятом в Москве, и понимает, что русский солдат и матрос в Севастополе — всегда на родной земле. Есть во Вселенной высшая справедливость, и первый день марта стал днем ее торжества.

Так закончилась первая неделя из трех, отведенных нам для того, чтобы выстоять.

История и современность

Евгений ТИТКОВ

ГЛАВНЫЙ УРОК НЮРНБЕРГА: ЛЮДИ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Евгений Павлович Титков — родился в с. Глыбочка Шаблыкинского района Орловской обл. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Служил офицером в Советской Армии. Окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор монографий об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине, Патриархе Сергии (Страгородском). Опубликовал серию научно-популярных книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии «Александр Невский». Главный редактор альманаха «Арзамасская сторона». Живет в г. Арзамасе Нижегородской области.

Фашисты, захватившие власть в Германии в 1933 г., выдвинули своей целью не просто передел мира, а завоевание мирового господства, распространение на покоренные народы террористической диктатуры монополистического капитала. «Мы хотим, — говорил Гитлер, — произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали и жалости; слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать над широкой массой».

К лету 1941 г. на захваченных землях Европы был установлен «новый порядок» — небывалый по размаху и жестокости режим грабежа, насилия, кровавых расправ и истребления народов. Не считаясь с нормами международного права, человеческой морали, фашисты беспощадно разрушали захваченные города и села, превращали города и села в «пустыню», истребляли мирное население, творили чудовищные злодеяния в отношении военнопленных и гражданских лиц. Только в нашей стране погибло около 27 млн человек, из которых 2/3 мирных, ни в чем не повинных людей. Эти «цивилизованные» варвары XX в. людей сжигали, вешали, убивали, гноили в тюрьмах, обращались с ними хуже, чем со скотиной.

Фашистская верхушка Германии специальными приказами установила для своих вояк полную безнаказанность за преступления еще до их совершения. Директивой верховного командования от 12 мая 1941 г. предписывалось уничтожение политических работников и комиссаров в войсках. Нацистские главари ставили своей задачей уничтожение целых народов за исключением тех, кто относился к их расе. Датчан, голландцев, фламандцев, норвежцев как относящихся к «нордической расе» планировалось германизировать, а

их страны вливались в «великую германскую империю». В полном объеме подлежало истреблению еврейское население Европы, т. е. 11 млн человек, а также цыгане. Из славян планировалось часть онемечить, т. е. оставить для обслуживания господ, а остальных выселить за Урал или уничтожить.

План «Ост» предусматривал фактически истребление славянского народа. Выполняя этот план, начальник отдела колонизации Министерства по делам оккупированных восточных территорий Ветцель 27 апреля 1942 г. разработал документ, который предусматривал принудительное выселение с территории Польши и оккупированных областей СССР 75–85 % населения, более 31 млн человек. Но министерство Розенберга сочло эту цифру заниженной и предложило увеличить ее до 46–51 млн чел. По плану «Ост» планировалось подчинить Германии Западную Сибирь, Новосибирск, Кемеровскую область, Кузбасс. Ставилась задача не только разгромить государство с центром в Москве, но и истребить русских как народ.

В захваченных фашистами городах и селах строились виселицы, людей подвергали нечеловеческим пыткам, унижениям и издевательствам. Арестовывали и казнили за уход с работы, за нарушение установленного комендантского часа, за чтение листовок, за случайно брошенное слово, за не понравившуюся внешность.

Для истребления людей на оккупированных территориях работали четыре группы палачей: СС, СД, гестапо и полиция. Они действовали жестоко, последовательно и продуманно. Так называемые эйнзатцгруппы истребляли миллионы граждан разных национальностей и народов: русских, украинцев, белорусов, евреев, цыган, латышей, поляков, литовцев, сербов, молдаван, французов, грузин, англичан, чехов и др. К примеру, эйнзатцгруппа «С», располагавшаяся в Киеве, только за один день расстреляла в Бабьем Яре 100 тыс. человек. Эти группы травили людей в газовых камерах — душегубках, загоняли мирное население в болота, вешали, сжигали целые села. Только в Белоруссии за годы оккупации фашисты и их пособники сожгли и разрушили 9200 населенных пунктов, из них 5295 уничтожили вместе с населением. Поэтому злодеяния этих варваров не могли пройти безнаказанно.

Идею об уголовной ответственности фашистов за развязывание войны Советский Союз выдвинул уже 22 июня 1941 года. В нотах СССР от 25 ноября 1941 г., от 6 января 1942 г. и 27 апреля 1942 г. сообщалось о зверствах гитлеровцев, а ответственность за них возлагалась на фашистское правительство. Заявления об ответственности гитлеровцев за совершение ими злодеяний были сделаны 25 октября 1941 г. правительствами Англии и США. А 13 января 1942 г. 9 оккупированных нацистами стран подписали декларацию о наказании военных преступников.

К тому времени фашисты превратили жизнь в Европе в кошмар для большинства народов. Для истребления людей они создали сеть концлагерей, где наряду с массовым уничтожением людей в крематориях широко практиковали умерщвления их непосильным трудом и голодом. Так, концлагерь в Освенциме был рассчитан на истребление 30 тыс. человек в сутки, в Трешлинке — 25 тыс., в Собибуре — 22 тыс., в Белжехе — 15 тыс. Уже в начале войны существовали концлагеря Дахау, Заксен-хаузен, Бухенвальд, Ваутхаузен, Флассенберг и Равенсбрюк. Концлагеря поставляли рабочую силу, а их узники беспощадно эксплуатировались на германских заводах. За годы войны фашисты отправили в лагеря смерти 18 млн человек, из них 11 млн были уничтожены.

Коренной перелом в войне, наступивший в результате исторической победы Красной армии в битвах под Сталинградом, Курском и на Днепре в 1942–1943 гг., поставил вопрос о наказании военных преступников за их злодеяния против человечества. Наши союзники на первых порах никак не желали предавать суду высших руководителей фашистской Германии, противились проведению международного судебного процесса.

Главной причиной такого поведения союзников была боязнь, что на открытом процессе всплывут неизвестные широким кругам неприглядные дела правительств США и Англии, других пособников. Это, прежде всего, Мюнхенский сговор, развязавший руки фашистам для начала агрессии в Европе. В правящих верхах западных государств возникли опасения, что подобное судебное разбирательство может перерасти в обвинение всей капиталистической системы, которая привела фашизм к власти. Выступая в английском парламенте 4 октября 1944 г., У. Черчилль заявил: «Нет уверенности, что для таких преступников, как Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер, следует применять процедуру суда».

В феврале 1945 г. на конференции союзников в Ялте британский премьер продолжал отстаивать точку зрения своего правительства о том, что можно ограничиться казнью главарей фашизма без проведения суда над ними. Президент США Рузвельт также проявил непоследовательность в этом вопросе. Он соглашался судить гитлеровских главарей, но заявлял при этом, что процедура эта не должна быть слишком юридической, а на суд не должны допускаться корреспонденты и фотографы. Однако позиция советского руководства была последовательной и непоколебимой: военные преступники должны предстать перед судом по всем нормам международного права.

На международной конференции представителей четырех ведущих стран-союзниц — СССР, США, Англии и Франции, проходившей с 26 июня по 8 августа 1945 г. в Лондоне, благодаря твердой позиции И. В. Сталина, было выработано предложение о создании Международного военного трибунала и его устава. Здесь впервые были даны четкие определения тяжчайших международных преступлений против человечества и провозглашен принцип индивидуальной ответственности за эти преступления.

Содержание этого документа выходит далеко за пределы Нюрнбергского процесса и имеет важное значение и в наше время. Тем, кто совершает агрессии против других стран, геноцид своих народов, следовало бы подумывать, чем кончился процесс над фашистскими военными преступниками.

По соглашению правительств СССР, США, Великобритании и Франции 8 августа 1945 г. был создан Международный военный трибунал. К этому соглашению затем присоединились еще 19 государств. Трибунал состоял из четырех судей и их заместителей, назначенных правительствами Советского Союза, США, Англии и Франции. В состав трибунала от СССР вошли генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко и подполковник юстиции А. Ф. Волчков. Для поддержания обвинения каждое из четырех государств назначило главного обвинителя и его помощника. Главным обвинителем на Нюрнбергском процессе от СССР выступал Р. А. Руденко, а его заместителем — полковник юстиции Ю. В. Покровский. Подсудимые имели защитников по своему выбору или по назначению из немецких юристов. Процесс велся на русском, английском, французском и немецком языках.

Суду трибунала были преданы 24 военных преступника, входивших в правящую верхушку гитлеровской Германии. Среди них Геринг, Гесс,

Риббентроп, Кальтенбруннер, Кейтель, Розенберг, Фриче, Франк, Функ, Шахт, Шпеер, Йодль, Редер, Дениц и др. В вину им вменялись подготовка, развязывание, ведение агрессивных войн и военные преступления против человечества. Процесс над главными немецкими военными преступниками начался в городе Нюрнберге в Германии 20 ноября 1945 г. и закончился 1 ноября 1946 года. Суд осудил агрессию и агрессоров, вскрыл сущность фашизма, показал необходимость бдительности народов.

Первый список главных военных преступников был опубликован 29 августа 1945 года. В нем значились ведущие нацистские политики, промышленники, военные, дипломаты, идеологи — Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель и другие, которые несли главную ответственность за преступления, совершенные гитлеровцами. На скамье подсудимых оказалась почти вся нацистская верхушка, за исключением Гитлера, Геббельса и Гиммлера, покончивших жизнь самоубийством; разбитого параличом Круппа, дело которого было выделено и приостановлено; исчезнувшего и судимого заочно Бормана; Лея, повесившегося в камере нюрнбергской тюрьмы после ознакомления с обвинительным заключением.

В начале октября 1945 г. была закончена работа по составлению обвинительного заключения. Это был документ огромной разоблачительной силы, проливавший свет на кровавую сущность фашизма, на его идеологию, на преступную политику и практику нацизма. Этот материал изобличал гитлеровскую клику, раскрывал роль немецкой военщины в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, а также определял ответственность германских монополий за чудовищные преступления гитлеровцев против своего и чужих народов.

В основу обвинительного заключения была положена концепция общего заговора, составленного фашистской кликой в целях достижения мирового господства путем совершения преступлений против мира, военных преступлений и преступления против человечества. Для обвинения были использованы многие свидетели, очевидцы злодеяний, вражеские архивы, захваченные во время продвижения армий СССР и их союзников, военной, личной и другой документации главарей. Обвинительное заключение было вручено Международному военному трибуналу 18 сентября 1945 г. и через его секретариат передано каждому обвиняемому.

Подсудимых преступников слушали 27 адвокатов с 54 ассистентами-юристами и 67 секретарей. Было удовлетворено ходатайство о вызове 61 свидетеля защиты, а 143 лицам направлены опросные листы. По делу преступных организаций дали показания 101 свидетель защиты перед уполномоченными высокого суда, 22 — перед самим трибуналом. Было резюмировано 196 тыс. письменных показаний. Все 403 судебных заседания были полностью открытыми. В зал заседаний было выдано 60 тыс. пропусков. Из 350 мест 250 было выделено представителям средств массовой информации.

Международный трибунал приговорил к смертной казни через повешение Геринга, Риббентропа, Франка, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Зейс-Инкварт, Йодля, а также Бормана (заочно). К пожизненному заключению были приговорены Гесс, Функ, Редер. Четверо были приговорены к различным срокам тюремного заключения: Дениц — к 10 годам, Нейрат — к 15 годам, Ширах и Шпеер — к 20 годам.

Несмотря на протесты советского представителя, обвиняемые: глава немецкого банка Я. Паппен и заместитель Геббельса Г. Фрице были оправданы.

Трибунал признал преступными организациями нацистскую партию, отряды СС и гестапо, но, вопреки мнению советского представителя, отказался признать преступными отряды СА, гитлеровское правительство, Верховное командование и Генеральный штаб.

Решения Нюрнбергского трибунала, осудившего преступления против мира и человечества, агрессивные войны, геноцид и военные преступления, были закреплены в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН в качестве важнейших принципов международного права.

В ночь на 16 октября 1946 г. на территории Нюрнбергской каторжной тюрьмы приговор был приведен в исполнение. Геринг за два с половиной часа до казни покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий. Йодль и Кейтель просили заменить им позорную казнь через повешение расстрелом, но получили отказ. Трупы казненных фашистов были сожжены, а их прах рассеян с самолета в Баварии. Гесса, который симулировал потерю памяти, приговорили к пожизненному тюремному заключению. Он провел в тюрьме 42 года и в 1987 г., на 93-м году жизни, был найден мертвым в своей камере, согласно официальной версии в результате самоубийства. Дениц, отсидев в тюрьме 10 лет, был освобожден после отбытия срока заключения и умер в 1980 г. в возрасте 89 лет.

В соответствии с законом № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях против мира и человечества», принятым Союзным Контрольным Советом для Германии, американские военные трибуналы в Нюрнберге в 1945–1949 гг. провели целый ряд судебных процессов над немецкими генералами, министрами, дипломатами, директорами химического концерна «ИГ Фарбениндустри», судьями и прокурорами. К этому времени из 19 гитлеровских фельдмаршалов погибли шесть. В. Рейхенау умер от инфаркта в 1942 г., Г. Ключе, В. Модель, Э. Роммель покончили жизнь самоубийством, Э. Витцебена повесили, Ф. Бок погиб вместе с женой и дочерью во время воздушного налета 4 мая 1945 г., когда он ехал в штаб Деница. Почти все остальные оставшиеся в живых фельдмаршалы, в том числе Манштейн, Браухич, Рундштедт, Лееб, Лист, были привлечены к суду. Их судили за военные преступления и за участие в подготовке и проведении агрессивных войн. Три фельдмаршала (Бломберг, Браухич, Буш) скончались в английских и американских тюрьмах, один (Клейст) умер в советском плену. Остальных приговорили к различным срокам тюремного заключения. Но вскоре некоторые из них были помилованы или досрочно освобождены английскими и американскими оккупационными властями. Фельдмаршал Паулюс после освобождения из плена жил в Германской Демократической Республике, где и умер в 1957 году.

Так завершился бесславный путь палачей — фашистов гитлеровской Германии.

Главные японские преступники были преданы Суду Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока. Он был учрежден правительствами СССР, США, Англии, Китая, Франции, Австрии, Канады, Нидерландов и Новой Зеландии, к ним присоединились Индия и Филиппины. Заседания Трибунала проходили в столице Японии Токио с 3 мая 1946 по 12 ноября 1948 года. Бывшим руководителям Японии (28 человек) были предъявлены обвинения в подготовке и развязывании агрессивных войн, нарушении международных договоров и обычаях ведения войны (в том чис-

ле убийство военнопленных). В числе обвиняемых было четыре бывших премьер-министра, 11 министров, командующие армией и флотом.

Семерых обвиняемых Трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Среди них два бывших премьер-министра Х. Тодзио и К. Хирохито. 16 подсудимых, включая командующего Квантунской армией генерала И. Умэдзу, были приговорены к пожизненному тюремному заключению; бывших министров иностранных дел С. Того и М. Сигемицу, подписавших акт о капитуляции Японии, приговорили, соответственно, к 10 и 7 годам лишения свободы.

Тодзио, вылеченный американскими врачами после попытки самоубийства, был повешен вместе с остальными. Министр иностранных дел Е. Мацуока, который в 1941 г. подписывал советско-японский договор о нейтралитете, и начальник морского генерального штаба адмирал О. Нагано умерли во время процесса.

Император Японии Хирохито, сохранивший свой титул по условиям капитуляции, потерял все свои полномочия. Согласно японской конституции 1947 г., подготовленной американской военной администрацией, он остался только «символом государства и единства народа». Оккупационные власти и правительство США, заинтересованные в использовании авторитета императора, воспротивились требованиям о его отречении и предании суду как военного преступника. Они поддерживали выдвинутую самим императором версию, по которой император лишь царствовал, но не управлял государством и поэтому не может нести ответственность за действия правительства и вооруженных сил. Хирохито, по-прежнему окруженный уважением и почетом, дожил до глубокой старости и скончался в 1989 г. в возрасте 88 лет. Император Маньчжоу-Го Пу И, захваченный 17 августа 1945 г. советскими десанниками на аэродроме, где он ожидал самолета для побега в Японию, провел в советском плену почти пять лет. В 1950 г. его передали властям Китайской Народной Республики, и там он был в заключении, а потом на поселении. В 1959 г. Пу был освобожден по амнистии, а в 1962 г. стал даже депутатом Всекитайского Народно-Политического Консультативного Совета. Скончался в 1967 году.

Во многих европейских странах состоялись судебные процессы над оккупантами и коллаборационистами. Глава вишистского правительства маршал Петэн был приговорен к смертной казни. Однако генерал де Голль, возглавлявший Временное правительство Франции, помиловал его, заменив смертную казнь пожизненным заключением. Петэн скончался в 1951 г. в возрасте 95 лет. Председателя Совета министров Виши Пьера Лавала приговорили к смертной казни, он пытался отравиться, но его вылечили и расстреляли. Все министры Виши были привлечены к суду. Их обвинили в государственной измене и многих приговорили к тюремному заключению или другим видам наказания. Свыше двух тысяч французских коллаборационистов приговорили к смертной казни, 39 тыс. — к лишению свободы.

Глава коллаборационистского правительства Норвегии В. Квислинг в октябре 1945 г. был казнен по приговору суда на той самой площади в столице Норвегии, где он в 1940 г. объявил о создании своего правительства. В Бельгии, Голландии, Дании, Люксембурге коллаборационистов арестовывали, судили, приговаривали к тюремному заключению, а иногда и к смертной казни.

В странах Восточной и Юго-Восточной Европы были осуждены бывшие руководители, которые вели войну на стороне Германии. Маршал Антоне-

ску в Румынии и бывший премьер-министр Венгрии Салаши были казнены. Регент Хорти, интернированный сначала немцами, а потом западными оккупационными властями, в 1949 г. перебрался в Португалию, где и умер в возрасте 89 лет. Главу «протектората Богемия и Моравия» Э. Гаху арестовали; он умер в тюрьме. Глава коллаборационистского правительства Сербии генерал Недич был арестован и в тюрьме покончил с собой. Главу хорватского государства А. Павелича заочно приговорили к смертной казни, но он сумел скрыться за границей, в 1959 г. умер в эмиграции. Премьер-министра марионеточного правительства Греции генерала Цолакоглу приговорили к тюремному заключению. Арестованный коммунистическими властями Югославии генерал Михайлович был предан суду и расстрелян за сотрудничество с оккупантами.

В 1946–1947 гг. судили, приговорили к смертной казни за измену и повесили генерала Власова и еще 11 руководителей РОА, а также белогвардейских генералов Краснова и Шкуро, сотрудничавших с гитлеровцами. Их выдали Советскому Союзу США и Англия. Рядовых военнослужащих власовской армии и «национальных легионов», переданных союзниками или захваченных в плен Красной армией, судили и отправляли на «спецпоселение» в отдаленные районы сроком на шесть лет.

Для тех, кто забывает уроки истории, кто их предает, предостережением должен служить Нюрнбергский приговор. На земле и теперь творится немало зла. НАТО, и прежде всего американцы, вновь двигают свои войска, как в свое время и Гитлер, на Восток, на территории бывшего Советского Союза — Латвию, Литву, Эстонию, Грузию, в Среднюю Азию и на Украину.

Западным странам, как в свое время Гитлеру, не хватает жизненного пространства, им нужна Россия с ее огромными природными ресурсами — газом, нефтью, золотом, алюминием и другими ископаемыми. За последние полтора десятка лет в России истреблены миллионы людей, простой народ унижен, оскорблен, его лишают средств к существованию, выбрасывают из жилища. В мирных условиях истребляются миллионы людей. По данным ООН к 2025 г. численность населения России сократится на 31 млн человек. Бывший премьер-министр Англии Д. Мейджер в свое время заявлял: «...Задача России после проигрыша “холодной войны” — обеспечить ресурсное благополучие страны. Но для этого ей нужно всего 50–60 млн человек». К этому как раз стремился и Гитлер.

Нюрнбергский процесс со всей убедительностью показал, что фашизм у власти — это война, это разгул жесточайшего массового террора, это геноцид в отношении всех народов, это унижение миллионов ни в чем не повинных людей. В своем приговоре Нюрнбергский суд отметил, что, кроме отдельных политиков, за спиной эсэсовских палачей стояли промышленные и финансовые воротилы. Большую роль в установлении нацистского режима, в подготовке, развязывании и ведении войны играли германские генералы. Они активно участвовали в совершении всех злодеяний или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений. Все это закончилось величайшей трагедией для них и немецкого народа.

Хочется верить и надеяться, что итоги Нюрнберга будут уроком для тех, кто разжигает ненависть между своими и чужими народами. Главный урок Нюрнберга и поныне звучит однозначно: **Люди, будьте бдительны, фашизм стучится в окно!**

Леонид ИВАШОВ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СВЯЗИ С СОБЫТИЯМИ НА УКРАИНЕ

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 году в Киргизии. В 1964 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником Министра обороны СССР. В первой половине 90-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины... Необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное — дело времени.

Отто фон Бисмарк

Драматические события на Украине активно влияют на расстановку сил в мировом пространстве. Для специалистов не является секретом, что украинский сценарий — это тщательно спланированная, хорошо организованная и обеспеченная финансами геополитическая операция. Вопрос отрыва Украины от России, разрушение православно-славянского единства, использование украинской территории для размещения военных контингентов и объектов НАТО — давняя мечта западных политиков и финансовых олигархов. Еще в директиве Совета национальной безопасности США № 20/1 от 18 августа 1948 г., являющейся стратегическим планом по расшатыванию и уничтожению СССР, Украине было уделено особое внимание. Тот же г-н Бжезинский в своей «Великой шахматной доске» ставил конкретную задачу по отрыву Украины от России, после чего последняя из великой евразийской державы превратится в региональную азиатскую страну. Можно говорить о долговременной политике Запада в отношении Украины и славянских народов, о планировании столкновения народов СССР на евразийском пространстве. Прочитывается и еще один нюанс: Украину как единое крупное государство не желали видеть ни в Евросоюзе, ни на Западе. Она, точнее ее территория, нужна была раз-

дробленной на части, враждующие между собой. Как, кстати, это планировалось и в отношении Югославии. Это звенья одной операции войны нового типа, получившей наименование «Операции по стабилизации». В 2008 г. в США утвержден Полевой устав сухопутных войск FM 3-07 «Stability Operations» («Операции по стабилизации»), разработанный совместно с партнерами по НАТО. В нем делается акцент на межведомственном характере операций по стабилизации, в которых должны участвовать **все** министерства и ведомства США. В уставе формулируется понятие «хрупкое государство», институционно слабое, не способное обеспечивать безопасность и нормальную жизнедеятельность общества и контролировать территорию. Подчеркивается априори, что правительство такого общества нелегитимное и против него можно действовать, игнорируя международно-правовые нормы. Причем в уставе фиксируется не только возможность, но и обязанность США вмешиваться в дела подобных государств. Для успешного проведения «операций по стабилизации» сформирован Экспедиционный корпус гражданских специалистов для действий в сферах «гражданской, государственной и общественной деятельности». Естественно, прежде чем приступить к операции по стабилизации, нужно создать «кризисную или конфликтную ситуацию». Для этого есть четкая методология (учебное пособие «От диктатуры к демократии»), разработанное Дж. Шарпом, руководителем Института А. Эйнштейна, и рассылаемое миллионным тиражом на разных языках. Читая эти два документа — устав и методичку Шарпа, можно прочитать и содержание самой операции.

Что касается Украины, то цель операции очевидна, субъект (заказчик), наиболее заинтересованный в ее осуществлении, — политический класс США и мировой финансовый олигархат, планирующая структура (генштаб) — Совет национальной безопасности США, координатор взаимодействия — Государственный департамент США. Командный пункт в районе действий — посольство США в Киеве. Исполнительные органы — американские и стран НАТО спецслужбы, частные военные корпорации, неправительственные организации. Ответственным должностным лицом за координацию политической части операции назначена Виктория Нуланд, зам. госсекретаря США. От Евросоюза ей подчинялась и координировала действия министров иностранных дел ЕС Кэтрин Эштон, Верховный комиссар ЕС по иностранным делам. Для усиления в качестве «тяжелой артиллерии» привлекались Дж. Маккейн, Дж. Кэрри и др. Непосредственно на поддержку «Майдана» США выделили 5 млрд долларов, около 1 млрд долларов выделили местные украинские олигархи и их зарубежные партнеры. Накануне операции посольство США было усилено представителями спецслужб. Посольство Израиля вообще было заблаговременно переформатировано в штаб спецопераций, во главе с послом, бывшим руководителем одной из спецслужб. Была тщательно организована информационно-психологическая поддержка с целью полного искажения реальности событий, дискредитации украинских властей, возведения в статус главного виновника украинской трагедии Российской Федерации и лично Президента Путина. В качестве идеологической платформы операции избран радикальный национализм, формой практических действий — фашизм.

Не случаен выбор момента начала операции. ЕС не добился серьезных успехов в реализации программы «Восточное партнерство»: из шести стран — кандидатов в Европу — Беларусь и Армения четко взяли ориентир

в Таможенный Союз, Азербайджан не готов идти на радикальные реформы по еврорецептам и ссориться с Россией, Тбилиси предпринимает шаги по восстановлению нормальных отношений с Москвой, в Молдове нарастает народное сопротивление попыткам румынизации страны. И на этом фоне отказ В. Януковича от подписания в Вильнюсе соглашения с ЕС обнулял результаты «Восточного партнерства». А это провал политики Запада на постсоветском пространстве, усиление международных позиций России и ее евразийского внешнеполитического вектора. США, более чем европейцы, были заинтересованы в проведении этой операции. Вашингтон утрачивает статус единственного гегемона на планете, его на вторую позицию подвигает Китай, формируются начала нового мироустройства в лице ШОС, БРИКС, Евразийского Союза. Выходит из-под американского контроля Латинская Америка, исламский мир, Индия, Юго-Восточная Азия. Япония, Южная Корея, Саудовская Аравия и Турция пытаются стать независимыми от США. Выстояли Иран и Сирия. Ничего не добились США в Афганистане и Ираке. Россия с приходом на третий президентский срок В. Путина перестала слушаться Вашингтон, остановила агрессию против Сирии, приютила Сноудена, наращивает военный потенциал, заявляет о защите своих интересов в Арктике, зачищает политическое поле от проамериканской «пятой колонны» внутри страны. К тому же, для В. Путина важно было блестяще провести зимнюю Олимпиаду, что поднимало его престиж как на международной арене, так и в российском обществе. Организаторы украинской геополитической операции прекрасно понимали, что российское руководство будет вести себя крайне осторожно, чтобы не дать повода для срыва или дискредитации Олимпийских игр в Сочи. Как это случилось с бойкотом Олимпиады 1980 г. в Москве. Поэтому российский МИД настойчиво твердил о невмешательстве РФ в украинские события, считая их внутренним делом «незалежной», хотя налицо было внешнее вмешательство и даже вооруженное вторжение спецподразделений США, Израиля, евростран. Так что сроки операции продумывались всесторонне и тщательно.

Учитывалось нарастание всеобщего недовольства населения Украины политикой Януковича и его команды, а также натянутыми отношениями между В. Януковичем и В. Путиным. Операция начиналась под лозунгами за евроинтеграцию, против российского империализма, против политики «донецкой братвы». Действующими силами на Майдане выступали подготовленные в европейских центрах, католических храмах и в молодежных центрах политкомиссары (Кличко, Яценюк, Турчинов и др.), партия Свободы в качестве службы безопасности; «Правый сектор» в качестве ударной силы фашистских отрядов; партия «Батькивщина» как программная сила будущей президентской власти во главе с Ю. Тимошенко и А. Яценюком во главе правительства. Украинский олигархат позиционировали в качестве спонсоров Майдана и будущих хозяев Украины.

Организаторы событий на Украине успешно реализовали первый этап операции — создание нестабильности и конфликтной ситуации в стране. Второй этап предполагал формирование «государства, страдающего от институциональной слабости» (так в уставе FM 3-07 «Stability Operations»). То есть формирование недееспособных органов власти на фоне гражданского конфликта, что стало бы поводом для ввода сил НАТО и Экспедиционного корпуса гражданских специалистов. В апреле 2004 г. Украина подписала соглашение с НАТО о предоставлении своей территории для действий сил

альянса. Так что НАТО войдет в Украину на вполне «законных» основаниях и разместится, прежде всего, на юго-востоке страны, у российских границ. Все развивалось по задуманному сценарию, Запад ликовал, закрывая глаза на полный абсурд с «легитимностью» новых органов власти, с бандитским прошлым некоторых лидеров, с нацистско-фашистской идеологией лидеров «Майдана». Главное — план операции успешно реализовывался. Оставался не реализованным один момент плана — столкнуть в вооруженном конфликте русских и украинцев (Россию и Украину).

Но случилось непредвиденное — население Крыма и Севастополя, хранившее в своей генетической памяти немецко-фашистскую оккупацию, не желало признавать бандитскую власть «Майдана», и, тем более, ей повиноваться. Народ Крыма и Севастополя заявил о своем праве выбора собственной судьбы, избрал временные органы власти и объявил референдум, где был поставлен вопрос о воссоединении с исторической родиной — Россией. Президент РФ запросил у Совета Федерации санкцию на применение Вооруженных сил на территории Украины и немедленно ее получил. Российская общественность активно поддержала намерение крымчан и руководство своей страны. В. Путин произвел проверку боеготовности войск и сил флота, чем показал Западу серьезность своих намерений. В мире сложилась революционная геополитическая ситуация: Москва бросила вызов американскому беспределу, беззаконию и наглости, остановила неофашизм на подступах к своим границам. И получила (явную или скрытую) поддержку международной общественности в лице Китая, Индии, Латинской Америки, Ирана, Турции, значительной части исламского мира, Африки. За спиной России ШОС, БРИКС, ОДКБ. Да и ряд стран Европы наверняка молчаливо приветствует шаги российского руководства. Знаю это по собственному опыту. А это уже совершенно новый мировой расклад сил. Американская администрация Б. Обамы пытается демонстрировать решимость противостоять Москве, делает угрожающие заявления, развернула масштабную антироссийскую информационную кампанию. Но это всего лишь попытка сохранить хорошую мину при плохой игре и не потерять своего избирателя.

Россия, выстояв в этой геополитической битве, становится лидером человечества в противостоянии силам зла и агрессии. Геополитическая структура мира окончательно теряет характер однополярности и обретает контуры многополярности. А это означает, что мир становится более безопасным, у него появляется будущее. Полагаю, мы уже в ближайшее время будем наблюдать стремление многих стран, включая европейских сателлитов США, вырваться из американских объятий и дружить с Россией. Но и самой России следует осознать, что эта битва далеко не последняя, это только начало нового миропорядка, с которым нынешние «хозяева» не согласятся. Необходимо активно собирать под свои знамена православно-славянский мир, народы Евразии, укреплять на основе общей цели развития, общих духовно-нравственных ценностей сообщество российских народов, совершенствовать систему безопасности. Помнить предсмертное завещание Слободана Милошевича: ***«Русские! Я сейчас обращаюсь ко всем русским, жителей Украины и Беларуси на Балканах тоже считают русскими. Посмотрите на нас и запомните — с вами сделают то же самое, когда вы разобьетесь и дадите слабину. Запад, эта бешеная собака, вцепится вам в горло... Братья! Помните о судьбе Югославии! Не дайте поступить с вами так же...»***

Точка ЗРЕНИЯ

Иржи ОПРШАЛ

УКРАИНА: УРОКИ И ВЫВОДЫ

Иржи Опршал — родился в 1932 г. в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник МГИМО МИД СССР — выпуск 1958 г. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 гг. — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 г. — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 годы — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. Живет в Праге, Чехия.

Суждения о том, что происходило и происходит на Украине, у нас в Чехии и в других странах Центральной Европы очень эмоциональны и зачастую превращаются в явно антироссийскую истерию. Уже как-то забыты события, давшие толчок беспорядкам, которые инициировали националистический взрыв на Майдане. Исчезли упоминания о том, кто эти беспорядки спровоцировал. Антироссийские силы более не нуждаются в этих упоминаниях.

Украину окончательно хотят сделать проевропейской, но политиков и аналитиков, которые могут взвешенно и объективно осмыслить будущие перспективы этой страны, очень мало. В чешских и европейских СМИ преобладает изложение мнений экстремистов с Майдана и иже с ними. Время покажет, к каким последствиям это приведет не только внутри Украины, но и в странах Центральной Европы. Здесь опасения пока касаются только постоянно увеличивающегося наплыва украинской рабочей силы. В Чехии уже сейчас работает свыше 150 000 украинцев. В этой связи возрастает тревога по поводу проникновения в Чехию проявлений крайнего национализма и даже неонацизма из Западной Украины.

КРЫМ

Неудивительно, что перед лицом кровавых ужасов киевского переворота, когда даже законно избранный президент Украины Виктор Янукович был вынужден искать спасения своей жизни в России, население и власти автономного Крыма решили взять решение своей судьбы в собственные руки и, проведя референдум, вернуться в Россию. Тем более, что Крым более 170 лет являлся составной частью России, пока в

1954 году Никита Хрущев не принял абсолютно волюнтаристское решение подарить Крым Украине. В своем административном раже он полностью проигнорировал те неслыханные жертвы и массовый героизм русского матроса и солдата, которые ценой своих жизней отстояли Севастополь и весь полуостров в войнах с турецкими, английскими, французскими, немецкими и румынскими захватчиками. Воссоединение Крыма с Россией — самое стратегически перспективное и надежное решение народов Крыма. Еще раз подчеркнем, что когда критики присоединения Крыма к России говорят сегодня об агрессии против суверенной Украины, они умышленно игнорируют тот факт, что в прошлом Крым никогда украинским не был.

АНШЛЮС? МЮНХЕН?

Некоторые чешские политики, такие, как, например, руководитель правой партии ТОЛ-09 князь Шварценберг и его заместитель М. Калоусек, истерически осуждают «русскую агрессию» и сравнивают ее с гитлеровским аншлюсом Австрии в 1936 году. Известно, что Гитлер шантажом и силой захватил эту страну и присоединил ее к своему рейху. Однако известно и то, что Австрия исторически никогда не была составной частью Германии. В этом плане присоединение Крыма к России резко отличается и никакому сравнению не подлежит.

Несостоятельно и проводимое ими сравнение с Мюнхенским сговором, в результате которого Судеты были присоединены к Германии. Оставим в стороне факт, что у тогдашней Чехословакии был союзнический договор с Францией и другими странами. Но самый важный факт: Судеты на протяжении столетий были чешской землей и никогда не принадлежали Германии.

Ясно, что антироссийские идеологи проводят подобные исторические параллели из чисто пропагандистских соображений. То же самое касается запугивания людей опасностью, вытекающей из заявлений представителей России о необходимости заботиться об основных правах русских, оказавшихся в результате развала СССР в так называемом ближнем зарубежье. Подобная забота со стороны России, по мнению глашатаев антироссийской информационной войны, будто бы крайне опасна. Удивительная логика у этих господ. Ведь совсем недавно они поощряли гуманитарные бомбежки Сербии, Ирака и Ливии. Принцип остается тот же самый: все, что делается Западом, надо нахваливать, а все, что делается Россией — хулить! В Сербии от бомбежек НАТО погибло более 2500 человек. В Ираке в результате американской агрессии погибли сотни тысяч ни в чем не повинных людей. В Ливии — десятки тысяч. Но это же совершило содружество «демократических» стран. В Крыму все произошло без жертв, но это по мнению быющих в истерике критиков России — агрессия «путинского режима», который по только им одним известным признакам объявляется не демократическим.

САНКЦИИ

Современные демократы, чтобы уязвить своих противников, придумали наказание в виде санкций. Опираясь на свою мнимую силу, они думают, что эти санкции заставят противника уступить. Исходя из того, что Россия слишком велика, то против нее не стали применять санкции, которые при-

меняли против Северной Кореи или Ирана. На этот раз были придуманы три степени ударов.

Первый направлен против представителей крупного российского бизнеса, поддерживающих линию Президента Путина. Многие сомневаются, что эти санкции будут иметь какой-нибудь эффект. Крупные бизнесмены всегда смогут договориться друг с другом.

Второй удар — последовательные шаги стран Запада в военной области. На наш взгляд, они наиболее опасны, так как провоцируют новую «холодную войну». Наше послевоенное поколение помнит, что эра «холодной войны» длилась долгие 50 лет. А сейчас может произойти и худшее. Уже сегодня американские военные базы находятся в Румынии, Польше и других восточноевропейских странах. Таким образом реализуется важный пункт военной доктрины США на окружение границ России плотным кольцом военных баз. Где это наступление на Восток остановится? Неужели на территории Харьковской области Украины? Антироссийский восторг в Польше и Румынии настолько силен, что власти этих стран требуют от США присутствия все новых и новых боевых кораблей и самолетов боевой авиации. Румыны в своем антироссийском рвении заявили о расширении на своей территории американской военно-морской базы в противовес базе российского флота в Севастополе. Стоит напомнить, что у румын уже есть печальный исторический опыт. Румынские дивизии бок о бок с гитлеровскими атаковали Севастополь в 1942 году, затем воевали вместе с фашистами под Сталинградом, где и были на голову разгромлены войсками Красной армии. Расшаркиваясь перед своими американскими покровителями, они наивно надеются, что сегодня этого не произойдет.

Придуман и реализуется третий вид санкций — экономические и гуманитарные санкции, которых они боятся и сами. Об экономических и деловых контактах всегда думали, что они способны предотвращать военные сражения, и пока они существуют — есть надежды на сохранение мира. Общеизвестно, что торгово-экономические отношения между странами Евросоюза в своем стоимостном измерении перевалили отметку в 400 млрд евро, в то время как торговый оборот между США и Россией составляет всего 27 млрд долларов. Не пытаются ли американцы раздуванием экономических санкций против России нанести заодно немалый ущерб своим европейским союзникам, чтобы ослабить их позиции в конкурентной борьбе на мировых товарных рынках.

МИРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

К счастью, в Чехии есть не только «мастера» истерики, но и взвешенно думающие политики, такие как, например, президент Земан, экс-президент Клаус и даже премьер-министр Сobotка, которые предостерегают относительно крайних мер против России, опасаясь их последствий для Европы и для Чехии. Надеемся, что подобные взгляды будут набирать силу.

Ведь не секрет, что многие трезвомыслящие политики высказываются за немедленное прекращение карательной операции украинских властей на юго-востоке страны и решение всех проблем за столом переговоров.

Что же касается международных отношений, то на мой взгляд — профессионального дипломата, — необходимо наращивание усилий в рамках

ООН и ОБСЕ. В поисках сохранения мира в Европе необходимы совместные позитивные усилия, а не воинственные заявления польских или прибалтийских властей, постоянно требующих наращивания американского военного присутствия в этих странах. Очевидно, что такие действия не помогут смягчению напряженности. Окружение России американскими и натовскими базами уже перешло все рамки разумного. Обещания, которые были даны в конце 1980-х годов тогдашними руководителями США и стран Западной Европы, сегодня ими полностью забыты и цинично игнорируются. С тревогой можно предвидеть, что дальнейшее массированное вмешательство во внутренние дела Украины вооруженных сил США и НАТО создает угрозу нового конфликта в Европе.

Более 20 лет мне лично довелось участвовать в Хельсинкском процессе. Роль ОБСЕ и сегодня может быть очень велика. Она должна последовательно и активно действовать на Украине. Основной принцип Хельсинки — всеобщий консенсус, а не использование вооруженных сил против мирного населения и оппозиции, как на Украине. На основе консенсуса удалось добиться конца «холодной войны» в 80-х годах прошлого столетия. Сегодня нужно приложить все усилия для того, чтобы власти в Киеве не привели Европу в новую эру «холодной войны». ОБСЕ обязана этому воспрепятствовать. Это удастся сделать, если представители и наблюдатели ОБСЕ будут действовать объективно и беспристрастно, требуя обеспечения законных прав всех народов.

ВЫШЛА КНИГА

Нам свыше Родина дана. Псковский край, его история и достижения в свете духовного возрождения общества в поэзии и прозе псковских писателей / Псковское отделение Союза писателей России. — Псков, 2014. — 432 с.

Настоящая книга предназначена для различных возрастных групп читателей и, надеемся, станет для них надежным помощником в укреплении жизнеутверждающих, позитивных идеалов и ценностей, таких как любовь к Родине, патриотизм, понимание величия, самобытности и красоты родной страны, ее непреходящего значения в мировом историческом процессе, в возрастании уважения и привязанности к родному краю — Псковской земле, в утверждении высших потребностей человеческого духа, а также в приобщении молодого поколения к высокому духовному наследию русской литературы.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Игорь
АНДРУШКЕВИЧ

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ОКРАИНЕ РУСИ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская переключка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Мефистофель:

*Словами диспуты ведутся,
Из слов системы создаются;
Словам должны вы доверять:
В словах нельзя ни йоты изменять.*

Гете, «Фауст», часть 1, сцена V

СЛОВАМИ ДИСПУТЫ ВЕДУТСЯ

В последние недели мировые СМИ стали интенсивно упоминать **Украину** в своих информационных и дезинформационных сообщениях. Интересно, что СМИ на испанском языке почему-то Украину переименовали в «**Укранию**», без никаких объяснений такой перемены имени. Все-таки испанский язык считается третьим языком в мире по количеству говорящих на нем людей, так что это изменение является в этом смысле масштабным. Удивление по этому поводу усугубляется еще и тем, что за последние десятилетия глобальные СМИ упорно твердят, что надо точно фонетически воспроизводить все современные политические реформы географических имен и названий. Так, например, город **Вильно** (столица **Виленской губернии** Литовско-Белорусского края Всероссийской империи) так и назывался, в течение почти семи веков, практически на всех языках, но теперь очередная власть его переименовала, а за ней вслед и все глобальные СМИ. Другой пример: имя города Темишвар (в котором его окончание «вар» является сокращением венгерского слова «варош», город) было в прошлом веке переименовано в «Темисоара», так что многие бывшие близкие и далекие соседи этого города часто его поначалу не могли опознать с таким новым произношением. Возвращаясь к «Украине» и к «Укрании», будет небезынтересно проследить этимологию этого имени.

Корень **кра** в слове «Украина» и в производных от него словах восходит к индоевропейским корням **кер, скер, кри** или, в другой вариации, **кос, кес, кас**. Эти корни соответствуют идее, выражаемой нашими современными глаголами *откраивать, кроить, отрезать, резать, сечь, разделять, коротать, рубить, кривить*. От этих корней происходит ряд слов во всех индоевропейских языках, обозначающих действие, инструмент или результат **отрезания, отрубления, отделения, разделения, откола**. Например: **крино** — разделяю по-гречески; **кеиро** — режу по-гречески; **curtus** — укороченный, обрезанный по-латыни; **kartus** — бедный по-литовски; **curvus** — кривой по-латыни; **castrare** — отрезать, оскотить по-латыни; **cortar** — резать по-испански, и т. д.

В современном русском языке этот корень имеется, например, в следующих словах, ведущих свое происхождение от старославянского языка: **край** («букв. значит нечто вроде “надрез, срез”, откуда последующее “предельная линия, ограничивающая протяженность чего-либо”»¹; **окраина, краюха** («ломать хлеба от края... укр. “окраец”» — там же); **короткий, корточки, крат, кривда, кривой** («первонач. значило “срезанный, скошенный”»²); **кроить, украинать, откраивать** и т. д. Кроме того, заимствованы из иностранных языков следующие слова, с тем же общим корнем: **кортик, куртка, секта, сектор, сегмент, секция** и т. д. В названиях следующих инструментов тоже имеется этот корень: **секира** (лат. *secur*), **секач** (откуда глагол **сечь, secare** по-латыни), **Säge** (нем. пила), **Sichel** (нем. серп, Duden, Band 7), **кастрам** (нож, на древнеиндийском языке, отсюда и латинское **castrare**) и т. д. **Коса, косуля** и украинское **косак** («большой нож для резания капусты», словарь Гринченко) тоже связаны с этой группой слов.

Само слово «Украина», или по-древнерусски «**Оукраина**», в смысле обозначения какой-нибудь **окраинной (пограничной) географической области**, упоминается впервые в 1189 году по отношению к **одной области Волынского княжества: «Украина Галичская»** (Ипатьевская летопись) и в 1481 году к **пограничным землям Пскова: «Украина»**. Существует также «**Украина Терская**», название **южного побережья Кольского полуострова**³. В «Толковом словаре» Владимира Даля приведены следующие примеры употребления этого слова: «**Сибирские города встарь зывались украинными. А город Соловецкой место украинное. Латины взяша украинны неколико псковских сел. Даже до украинны страны нашей молдавской**».

В Далмации существует область, называемая по-сербски и по-хорватски «**Краина**», принадлежавшая раньше Австро-Венгрии, которая тогда была пограничной областью с турецкими владениями. По-видимому, австрийцы в данном случае перевели на славянские языки очень употребленное в немецком мире обозначение Grenzgebiet, **пограничная область**. На романских языках название такой области было «марка», откуда «маркграф» и «маркиз».

МАТЕРЬ ГОРОДОВ РУССКИХ

Та географическая область, которую сегодня принято называть «Украиной», называлась «**Русью**», по крайней мере, со времени перемещения

¹ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989.

² Там же.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987.

столицы нашего древнего русского государства из Новгорода в Киев в 882 году. По поводу водворения новгородского князя Олега в **Киеве** летописец пишет под этим годом: *«И беша у него Варязи и Словене и прочие, прозвашася **Русью**»*. Это имя встречается в иностранных источниках уже раньше. Например, в Бертинской летописи записано, что в 839 году к германскому императору явилось посольство **«росов»**. Оно встречается в этот же период также и в арабских, и в византийских источниках. Киев же, согласно летописи и всем письменным документам Древней Руси, был **«Матерью городов русских»**. Однако *«термины **“Русь”**, **“Русская Земля”** в летописях имеют двоякий смысл: с одной стороны, они означают все восточнославянские земли (Русь в широком значении слова), а с другой — лишь южную часть этих земель — Киевищину и прилегающие районы (Русь в узком понимании слова)»*¹. Это последнее, узкое значение сосуществовало с термином **«Поляне»**. Летописец называет жителей киевщины: *«Поляне, яже ныне зовомая **Русь**»*. Никаких украинцев, а тем паче «украинцев» (как говорят на испанском языке), не было и в помине.

В связи с этим необходимо не терять из виду, что древнерусское государство, называвшееся Русью, по своему историческому происхождению и по своей географической протяженности было **союзным государством всех восточных славян**. Его исторический генезис был сложным процессом, состоявшим из трех этапов:

1. Наличие **шести межплеменных объединений восточных славян** во второй половине первого тысячелетия: полянское, древлянское, дреговичское, ильменское, кривичское (полоцкое), северянское².

2. Выдвижение **трех центров Древней Руси**. Арабские географы середины X века (Истахри, Ибн-Хаукаль и др.) говорят о **трех центрах Руси**: Куябы на юге с центром в Киеве, Славии на севере с центром в Новгороде и Арсании (по-видимому, Тмутаракани). *«Таким образом, Древняя Русь оказывается построенной на трех сваях, вбитых одна в Приильмень, другая в Приднепровье и третья в Надъазовье»*³. Пресняков говорит о **«трихотомии»**, а сам Зайцев о **«трех корнях»** и о **«троичности»** происхождения Руси.

3. Административная реформа святого Владимира от 988 года (в год Крещения Руси), заключавшаяся в **замене племенных княжеств территориальными единицами вокруг больших городов**, в которых он посадил своих сыновей или посадников: *«и посади Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове... а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани»* («Повесть временных лет»).

Этот последний этап учреждения нашего государства совпадал с организацией нашей **Русской Церкви**, в состав которой входили с самого начала епархии с кафедрами, расположенными крестообразно по всей территории **единой Руси**: на севере в Новгороде, на юге в Тмутаракани, на западе во Владимире Волынском и на востоке в Ростове. Об этом и говорит летописец, когда восклицает: *«Крести же всю землю русскую от коньца и до коньца»*.

¹ Брайчевский М. Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964.

² Там же.

³ Зайцев К. И., проф. Киевская Русь. Шанхай, 1949.

Ко всей этой обширной территории применяется **общее имя Русь**, в то же самое время переименованное византийцами в «Росию» (с одним «с»). Русская Церковь была, до своей автокефалии, частью Константинопольского патриархата, его митрополией номер 61, чье официальное имя по-гречески и было «Росия». На западе оно в документах той эпохи пишется через «у», ибо так иногда читалась на Западе греческая омега: «Русия» (иногда через два «с»). Но уже в записках императора Константина Багрянородного под 945 годом воспроизводится текст грамоты, отправленной из Константинополя в Киев: **«от Константина и Романа, христолюбивых царей, Ингору, правителю Росии»**. Константин Багрянородный, описывая приезд в Константинополь княгини Ольги, называет ее **«правительницей Росии»**. На греческих иконах святой Ольги значится надпись: *«Агия Олга, мэгле архонтиса Росиас» (Святая Ольга, великая княгиня Росии)*. Однако аргентинское католическое агентство печати называло святую Ольгу **«первой украинской святой»**.

Обозначения **«Великороссия»** и **«Малороссия»** сложились в канцелярии Константинопольского патриархата, по-видимому, после татарского нашествия и после того, как глава Русской Церкви митрополит Кирилл был вынужден в 1250 году покинуть опустошенный Киев в «Малой России» и направиться в новгородские и суздальские земли «Великой России». (В 1274 году он созвал в Суздале **Собор Русской Церкви**.) Греческое обозначение «Микра Россия» (Малая Россия) появляется с 1292 года (по-латыни «*Russia Minor*», с 1335 года), а «Мэгле Россия» (Великая Россия) с 1347 года¹. Эти обозначения калькируют греко-римские названия коренных греческих территорий на Балканах и в Малой Азии («Малая Греция») и новых греческих поселений в Сицилии и в Южной Италии («Великая Греция», *Magna Grecia*).

ОТКРАИВАНИЕ КРИВОЙ КРАЮХИ ОТ КРАЯ РУСИ

Наименование «Украина» по отношению к «Малой России» берется на вооружение **впервые в 1667 году** Польшей в тексте Андрусовского договора Польши с Россией для обозначения этим названием тех коренных русских территорий, которые тогда были временно присоединены к Польше. Таким образом, наименование «Украина» впервые обозначало русские территории, ставшие **польским пограничным краем**. В этом переименовании ясно проглядывает намерение включить русские периферийные территории в **геополитическую и ценностную** (аксиополитическую) **модель Запада**, в которую уже была включена Польша.

Часть древнего Галицкого Русского княжества была захвачена Польшей уже в середине XIV столетия польским королем Казимиром. Одновременно другие западные части Руси, спасаясь от татар, тогда вошли в состав Литовско-Русского Великого княжества, во главе которого стоял Великий князь, который обычно назывался **«господарь»**. Официальный монарший титул правителя этого государства Гедимина был: **«Великий князь литовский и русский»** (по-латыни: «*Rex Litvorum Ruthenorumque*»). Его преемники величались: **«Великий князь Литвы и Руси»**, или **«Божией милостью Великий князь Литовский, Русский, Жомойтский и иных»**.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.

Сам Гедимин (1316–1340) был основателем города Вильно. Он был женат на русской княжне и детям своим устраивал браки с русскими же. Две трети земель Гедимины были русскими землями. При дворе Гедимины говорили по-русски, летописи писались по-русски, русские были воеводами в его войсках, ездили в заграничные посольства, управляли волостями. Это русско-литовское государство зародилось приблизительно за сто лет до Гедимины в результате объединения литовских племен, под натиском бежавшего от немецкой агрессии из Пруссии литовского племени пруссов и русских, только что пострадавших от татарского нашествия. *«Оно давало Литве защиту от немцев, а русским — прибежище от татар»* (академик С. Ф. Платонов). Преобладающей религией в этом государстве было Православие. При Гедимине была учреждена Литовская митрополия Константинопольского патриархата. В 1330 году в Вильне был основан православный Свято-Троицкий мужской монастырь. В 1386 году между Литвой и Польшей была заключена первая династическая уния. После этой унии наступил период **насилованного ополячивания и окатоличивания** русского и литовского населения этого государства. Папа Римский Пий Второй в грамоте от 11 сентября 1458 года утвердил в нем униатскую юрисдикцию, указав в письме польскому королю Казимиру, что *«все русские в его королевстве отнимаются от злочестивого монаха Ионы»* (православного митрополита Ионы) и передаются униатам. Самого митрополита и его представителей папа требовал *«схватить, заковать в оковы и бросить в тюрьму. А кто будет сему противиться, таковых подвергнуть тяжёлым пыткам»*, — предписывал папа Пий II. Так началось **«столкновение цивилизаций»** на окраине Руси, согласно терминологии североамериканского политолога Самуэля Хантингтона.

«Речь Посполитая» (Res Publica) была фактически **польско-литовско-русским** государством, несмотря на то, что оно именовалось только лишь польским. Оно возникло в результате **династической унии** между Польским королевством и Литовско-Русским Великим княжеством, первоначально задуманной в 1386 году, затем подтвержденной унией 1413 года и окончательно осуществленной в 1501 году, когда Польша избрала на свой престол Великого князя Литвы Александра Казимировича. Однако еще до 1569 года эта уния была только династической, и лишь с этого года была провозглашена в Люблине **полная** «вечная уния» обоих государств, образовавших с этого момента одно нераздельное государство, с общим государем, общим сеймом и общим сенатом.

Таким образом, прекратило свое 350-летнее государственное существование Великое княжество Литовско-Русское. Но и после этого в каждом из двух «бывших государств» оставались свои особые законы, свои особые чиновники и свои отдельные войска. В результате Люблинской унии русские земли в южной половине Литовско-Русского княжества (Волинь, Подлясье, Подолье и Киевщина) были **присоединены к «Короне»**, то есть были **переключены из Литовско-Русского государства в Польское**. Вскоре после Люблинской государственной унии была провозглашена в 1596 году в городе Бресте и церковная «уния», в результате которой **Православие было объявлено польской королевской властью «упраздненным»**.

При разделе Польши в конце XVIII столетия Галицкое Русское княжество досталась Австрии. *«К этому времени от русского населения остался*

только “хлоп и поп”, то есть лишенный грамоты русский крестьянин, закрепощенный польскими панами, и униатский священник»¹. Но все-же и тот, и другой продолжали называть себя «**русинами, русскими**», избегая слов «украинец, украинский».

Затем, «в 1882 году папа Лев XIII опубликовал “Апостольское послание”, которым он изъял галицкие василианские монастыри из-под власти Львовского митрополита и епископов и подчинил их польским иезуитам, имевшим свой центр в Кракове»². Затем было воспитано «несколько поколений нового униатского духовенства в сепаратистском и **русофобском** “украинском” духе», которые затем, в свою очередь, «прививали этот дух новым поколениям в галицких гимназиях и начальных школах». Руководили этой работой четыре поляка: братья Ледоховские и братья Шептицкие. Один из братьев Шептицких даже умудрился превратиться из польского графа и австрийского кавалерийского офицера в «**украинского**» униатского митрополита Львовского³.

После Катастрофы 1917 года это понятие было закреплено созданием «Советской Украины», в то время как имя «Россия» было вообще отменено, при одновременном наметывании искусственных административных границ, как **швов для будущих расчленений**. Даже «**Карпатская Русь**» была переименована 15 марта 1939 года гитлеровским агентом, униатским монсеньором Волошиным в «Прикарпатскую Украину» вследствие **антиправославной и русофобской конвергенции** тогдашних правителей Германии, СССР, Чехословакии и Ватикана. Эта мутация имени засвидетельствована в трехтомной «Истории дипломатии», изданной в Москве между 1940 и 1943 годами. В первой строчке 53-й страницы III тома говорится о «**Прикарпатской Руси**», а в четвертой строчке снизу на этой же странице уже говорится о «**Закарпатской Украине**». Затем в 1961 году Ватикан переименовал «рутенский обряд» (то есть **русский**, в латинском произношении) в «украинский», а Конгресс США резолюцией № 494 от 18 декабря 1985 года переименовал святого Владимира во «Владимира Великого, князя Украины».

МАНИПУЛЯЦИИ ДЛЯ ИНДУЦИРОВАНИЯ МУТАЦИЙ

Эта резолюция № 494 Конгресса США от 18 декабря 1985 года одобряет «**установку памятника в честь Владимира Великого, князя Украины**» на федеральной земле США в дистрикте Колумбии или его окрестностях. (В Израиле, в свою очередь, был воздвигнут памятник «**украинским жертвам нацистов и русских**».)

В первом отделе этой резолюции, в пункте (а), приводится следующее ее обоснование: «**Комитет Украинского конгресса в Америке одобрил постановку памятника на федеральной земле в дистрикте Колумбии или его окрестностях в часть князя Владимира Великого, который, как глава украинского государства в XX веке, объединил земли и народы Украины, ввел на Украине христианство и трудился для достижения свободы украинского народа**».

¹ «Пути истории». Нью-Йорк, 1979. С. 186.

² Там же. С. 187.

³ Там же. С. 188.

Одновременно, 22 декабря 1985 года, в официальном органе Ватикана «L'Osservatore Romano» № 51, был опубликован текст речи папы Иоанна Павла II перед Четвертым синодом римской Церкви, в которой папа тоже пытается как-то связать вместе святого Владимира, Крещение Руси и Украину. Эта речь папы Иоанна Павла II перекликается во многом с резолюцией Конгресса США, что лишь подтверждает тогдашний *«самый крупный в истории человечества политический альянс между Ватиканом и США»*, как утверждают Carl Bernstein и Marco Politi, авторы нашумевшей книги «His Holiness».

Конкретно, папа говорит о *«тысячелетии христианства на Руси»* и обращается к украинцам как к *«сынам святого Владимира»* (в испанском варианте «L'Osservatore Romano»: *«hijos de San Vladimiro»*). Но тут же святой Владимир вдруг превращается в *«славного князя Володимира»* (*«glorioso principe Volodimir»*). Однако об *«Украине в X веке»* речи нет, так как оказывается, что **«Рим принял в свое лоно украинскую нацию в 1596 году»**. Кроме необъяснимых мутаций в титуле и в имени, наличие существенное противоречие: Крещение Руси произошло «в X веке», то есть до раскола 1054 года, так что по римским понятиям «принятие в лоно Рима» должно было произойти в момент Крещения, то есть в 988 году, а не в момент прокламации Брестской унии, в 1596 году. Или же было два «принятия в лоно Рима»: одно, Руси, в 988 году, а другое, Украины, в 1596 году? Но тогда какое отношение имеет ко второму «принятию» святой Владимир? Или было два Владимира: один Владимир Святой в 988 году, а другой «славный князь Володимир» в 1596 году?

Как бы то ни было, Резолюция № 494 Конгресса США вносит по этому вопросу революционный вклад в историческую науку: она не только отодвигает назад, в глубь веков, появление в истории слова «Украина», не только превращает святого Владимира в «великого», но и устанавливает **«плюрализм земель и народов Украины»** уже в 988 году. Таким образом, корректируются начальные слова нашей Летописи: *«откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве начал первее княжити и откуда русская земля стала есть»*. Также упраздняется определение Нестора Летописца, что на Руси только **один народ** («язык»), хотя и **много племен** — на юге (поляне), на севере (новгородцы) и на западе (волыняне): **«Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Новгородьци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, после же Вельняне. А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чудь, Меря...»** (То есть: *«а другие народы, “языци”, платили дань Руси»*).

Отменяется тоже и первая фраза Поучения Владимира Мономаха, правнука Владимира святого, в которой он говорит про себя: *«Аз, худый, дедом свои Ярославом, благословенным, славным нареченый в крещении Василий, русьским именем — Володимир, отцем възлюбленным и матерью своею — Мъномах...»*. Да и «Слово о полку Игореве» подвергается радикальному изменению: **ровно двадцать раз в нем говорится о «Русской земле»**, но ни разу не упоминается какое-либо территориальное наименование для отдельных частей этой Русской земли. Нет в нем «Великого княжения Киевского», ни «Господина Великого Новгорода», а тем паче «Украины», а только лишь одно: **Русская земля**. Теперь, в силу Резолюции № 494 Конгресса США, придется во всех этих местах заменять слово «русский»

словом «украинский», а вместо «Русская земля» писать и говорить «Украинская земля» (вернее, «украинские земли» и даже «народы», во множественном числе!) Да и «Русскую Правду» придется переименовать в «Украинскую Правду»!

Конечно, в Ватикане на такую рубку с плеча исторических текстов согласиться не так легко, как в Вашингтоне, так как в таком случае пострададут и собственные тексты (которых Вашингтон просто не имеет). Например, грамота Папы Григория VII в 1075 году называет Изяслава, сына Ярослава и внука св. Владимира, «**Rex Ruscorum**». Князь А. М. Волконский (Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920. с. 22) считает, что «**Ruscorum**» правильнее, чем «**Russorum**», так как «**Ruscorum**» фонетически точнее передает звучание этого слова на его собственном языке: **русский**, или **русьский**. Грамота Папы Иннокентия IV в 1256 году называет Даниила Галицкого «**Regem Russie**». В первом томе документов, собранных А. Тургеневым в Ватиканском архиве¹, можно найти свыше 10 грамот Данилу Галицкому, все со словом **Russia**. Сохранилась грамота другого галицкого князя, Юрия Второго (1340), где он сам называет себя «**Dei gratia natus dux Minoris Russiae**» («Милостью Божией князь Малороссии»). Это и есть первое упоминание в документах (притом по-латыни) слова «Малороссия». На латинских печатях галицко-волыньских князей XIV века постоянно встречаются выражения «**terre Russie**», Русская Земля. Также и западные летописи употребляют подобные наименования, в том числе и Плано Карпини (XIII век) пишет: «*Kiavia, quae est metropolis Russiae*»². Так что Карпини лишь подтверждает слова нашего летописца: «Сede Олег (в 882 году) княжа в Кieve и рече Олег: се буди **мати градом Русьским**». (Metropolis и есть «мати градом»). Имеется конкретное указание на подлинную этническую принадлежность и самого «красного солнышка»: немецкий миссионер Бруно, гостивший у Святого Владимира, в письме к императору Генриху II называет его «**Senior Ruzorum**», «**Русский Государь**»³.

Перед историческими и геополитическими манипуляторами Запада встает в этом вопросе действительно непреодолимое затруднение: как истолковать ложно историю прошлого в соответствии с их **современными идеологическими домыслами**, без лобового отрицания всех многочисленных, многовековых официальных документов западной римско-католической церкви и западноевропейских стран. Посему и встает необходимость прибегать к своего рода диалектическим уловкам: искусственно соединять историческую Русь (и даже Россию, согласно греческим, латинским и прочим документам тех времен), существовавшую уже со времен до святого Владимира, с тогда еще не существовавшим словом «Украина».

Очень важный протест в этом отношении сделали сами «*верующие греко-католической церкви в Польше*» (то есть галичане-униаты) в их письме польской Епископской Конференции в 1984 году. В этом важном документе, направленном «*против денационализации украинцев*» со стороны польской католической церкви, прямо говорится о «*недалеком юбилее*

¹ «Historiae Russiae Monumenta», 1841.

² «Пути истории». Нью-Йорк, 1979. С. 22.

³ Там же. С. 9.

1000-летия крещения... русского монарха Владимира Великого и крещения Руси-Украины». С точки зрения психологического понимания и расшифрования этой мистификации, такое **спаривание были с небылицею** весьма показательно.

В буэносайресской газете «La Prensa», от 9 сентября 1985, статья украинского публициста Иереми Таурицкого так и называется: *«Русь первоначальное имя современной Украины»* («*Rus, primitivo nombre de la actual Ucrania*»). В этой статье, в отличие от «Комитета Украинского конгресса» в США, утверждается, что **«Русь было первоначальное и подлинное имя современной Украины»**. Оно принадлежало «*народам, находившимся тогда на территории Киева, особенно племени полян. По мере увеличения силы княжества Киева, столицы Руси и одновременно столицы земли полян, это название начало со временем простираться и на другие регионы, чтобы объять, во времена Богдана Хмельницкого, Гетмана Запорожцев, обширную территорию, которая даже превосходила размерами ту территорию, которую мы сегодня знаем как украинскую*». В 1649, согласно Таурицкому, Богдан Хмельницкий **впервые произнес** в своем обращении к полякам **слово «Украина»** (переложенное на испанский язык как «**Украиния**»). Однако Богдан Хмельницкий тогда же отметил, что «*на территории Украины живет народ рутенов*» («*pueblo rutheno*»), пишет Таурицкий. Он подчеркивает, что слова «*rutheno*» и «*ruso*» — это одно и то же, но что они не относятся к современной России, ибо она тогда называлась «Московией». Он разъясняет, что Ruthenia является латинской версией слова Русь, и что лишь в 1961 году Ватикан, по просьбе «*украинцев в свободном мире*», переименовал «рутенский обряд» в «обряд украинский». Однако, подчеркивает он, **религия, которую «обняла Русь-Украина» в 988 году, «была римо-католической, в обряде Кирилла и Мефодия**». Тут мы снова сталкиваемся с поистине революционными открытиями в области исторической науки, которые ничуть не уступают содержащимся в резолюции № 494. Кроме того, Таурицкий этим оспаривает и утверждение папы Иоанна Павла II, что «*Рим принял в свое лоно украинскую нацию в 1596 году*».

Подобные разъяснения подводят нас к основной технике всей этой мистификации. Техника эта заключается в **переименовании и подмене понятий, для их мутации**. Украинский идеолог Таурицкий называет ее: «**перемена деноминации**». Другими словами: наклеивание ярлыков. Резолюция Конгресса США нас переименовала в 1985 году. Ватикан нас переименовал в 1961 году. Агент гитлеровского правительства, украинский монсеньор Волошин, переименовал в 1939 году, при активном соучастии чешского правительства, Карпатскую Русь в «Карпатскую Украину», так как, по его словам, «**мы Германии необходимы для создания Великой Украины**»¹.

ПОГЛОЩЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ «НОВОЙ ЕВРОПОЙ»

В 1912 году актом австрийского императора Франца Иосифа было принято решение о будущем открытии в Австрии «украинского университета». В состав Австро-Венгерской империи входила Галицкая Русь, но на нее

¹ «Путями истории», Нью-Йорк. С. 276.

тогда не распространялось название «Украина», каковое относилось лишь к «Восточной Украине» в составе Всероссийской империи, как подчеркивает Этимологический словарь Фасмера. Как видно, тогда усиленно готовилось «седло» для «оседлания» всей Малороссии, с целью ее отщепления от Руси и присоединения к Западной цивилизации. Мельгунов утверждает, что в это же самое время Австрия стала субсидировать перемены в политической программе большевиков, чтобы позволить *«самоопределение вплоть до отделения»* любой части Всероссийской империи. Причем это была общая акция всего Запада, как это подтверждают многие заявления его тогдашних лидеров. Например, германский император Вильгельм II заявил, что он *«желает иметь соседкой Россию, раздробленную примерно на 4–5 групп: центральную Россию, Украину, юго-восточные соединения, Закавказье и Сибирь»*¹.

Через полвека после публикации этих австро-германских планов в ежемесячном мадридском философском журнале «Revista de Occidente», № 24, от марта 1965 года, была опубликована на испанском языке статья североамериканского геополитического плановика Збигнева Бжезинского под заглавием «Una Europa hasta los Urales?» («Европа до Урала?»). Это заглавие само по себе является достаточным определением намерений. Статья также определяет пути для достижения этих намерений. Бжезинский отмечает, что в уже 1957 году был подписан в Риме договор о создании **«Европейского общего рынка»** (затем развившегося в **«Европейский Союз»**): *«Для новых отношений между Востоком и Западом было... важным зарождение новой Европы, до сих пор ограниченной лишь своей западной частью, но которая уже является мощной экономической силой, способной вызывать с каждым днем большее политическое и идеологическое притяжение в странах по ту сторону Эльбы»*. Интересно, что уже во время Второй мировой войны нацистская пропаганда Третьего рейха усиленно склоняла на все лады этот самый лозунг **«Новой Европы»**. Бжезинский особенно отмечает будущую роль Польши, которая должна стать *«жизненным звеном в будущем возвращении России к западной ориентации»*, в конечном итоге для создания **«Европы до Урала»**. При этом Бжезинский задает вопрос о том, *«привлекут ли китайцев советские владения за Уралом?»*. Получается, что, согласно Бжезинскому, **«Новая Европа»** будет простирается до Урала, а за Уралом... будет Китай.

В ноябре 1991 года, то есть через 26 лет после этой его статьи, уже в новой обстановке, но еще **за месяц до расчленения нашей страны**, Бжезинский сообщил, что он *«анализировал в Киеве с политическими руководителями Украины свои планы создания содружества суверенных государств на месте бывшего СССР»*². Вот оказывается, кто был автором этих планов! Приблизительно в то же самое время Бжезинский пояснил, что его планы новых политических структур относятся не только к замещению структур СССР, но и к замещению структур исторической России. Посему он не был согласен с Киссингером, который тогда же считал, что Россию надо отбросить не на 74 года назад, в докоммунистический период, а на

¹ История Дипломатии. Т. II. С. 358.

² «Политический калейдоскоп», газета «Наша Страна», № 2163 от 18 января 1992 г.

400 лет назад, до первого Русского Царя, то есть в период, когда еще не были снова собраны вместе все русские земли. То есть в период до русской реконкисты Юга России и русских морей. Бжезинский же тогда считал, что **Россию надо отбросить назад на тысячу лет**, то есть в языческий период, до Владимира святого.

Однако все же история ему не подвластна. Сегодня, через полвека после мечтаний об «Европе до Урала», Бжезинский понизил свои мечтания. 28 мая 2014 года он заявил, что *«если Путин хочет процветания России, он должен знать, что Россия будет более цветущей, если она пойдет на соглашение с Западом, включая и Украину, чем если она станет евроазиатской империей»*. Значит, сегодня он согласен, чтобы «**линия разлома**» (по терминологии Хантингтона) между Западной и Русской цивилизациями проходила по сегодняшней границе между Украиной и Российской Федерацией, а не по Уралу.

Однако жизненный пробег не только его мечтаний, но и «**новых ценностей Новой Европы**» подходит к своему естественному концу в соответствии с реальной ценой этих самых «ценностей». Сегодня он нам не может ничего предложить, кроме **обещаний материального процветания**, каковые были весьма соблазнительными для тех стран коммунистического блока, которые, несмотря на это, принадлежали к Западной цивилизации. Это были **их ценности**. Сегодня они вылинялы и для них, а для нас никогда не имели исключительного значения.

Некоторые круги Запада уже давно носят с идеей фикс прогрессивного расчленения России, чтобы ее затем можно было по частям поглощать. Это и есть «**каинов комплекс**» Запада. Однако не может быть Запада без Востока. Это ассиметричный комплекс, ибо Россия никогда не лелеяла планов отщепления Шотландии от Англии, Корсики и Нормандии от Франции, Каталонии и Страны Басков от Испании, Сицилии от Италии, Баварии от Германии, Квебека от Канады или Калифорнии от США.

Беда в том, что такие геополитические галлюцинации не проходят безболезненно. Попытки их насильственной реализации весьма болезненны для всех. Их успех тоже отнюдь не является обеспеченным, что уже сто лет тому назад предчувствовал тот же кайзер Вильгельм II, указавший, что *«как бы мы не расчленили русских, они потом все равно снова будут объединяться»*.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Леонид САВИН

УКРАИНА: ПОЛЕ БИТВЫ ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

Леонид Владимирович Савин — родился в 1974 году. Главный редактор журнала «Геополитика» и интернет-портала Геополитика.ру, руководитель администрации Международного «Евразийского движения», автор многочисленных публикаций по международным отношениям, конфликтам, идеологии и политической философии. Политический обозреватель и комментатор радиостанций «Русская служба новостей», «Голос России» (лондонская и вашингтонская студии), «Голос Ирана», «Говорит Москва», а также телеканалов Russia Today и «Мир». Ведет авторскую колонку на сайте Фонда стратегической культуры. **Живет в Москве.**

Украина в последние месяцы привлекает внимание буйными событиями, которые вначале называли очередной «оранжевой революцией», а теперь поговаривают и о гражданской войне. Хотя спектр анализа происходящего на Украине достаточно широк — от духовно-цивилизационного измерения, хищнических устремлений Евросоюза в деле расширения сферы своего влияния, информационной войны и пр., похоже, что был упущен один немаловажный момент — протестные акции, манипуляции общественным мнением, внешнее влияние и теневая политика не были проанализированы с точки зрения инструментов, которые бы охватывали одновременно социальную сферу и военные конфликты. Точнее, даже не военные, а тот сегмент, который принято называть спецоперациями по борьбе с повстанцами. В данном случае он удачно ложится на прошедшие в Киеве события, с той разницей, что действующие лица не применяют оружия, и ареал активных действий ограничен украинской столицей. Тем не менее, теория социального роения прекрасно описывает логику происходящего и, благодаря ней, можно даже предсказать, как будут разворачиваться дальнейшие действия — будь то Юго-Восток или другие регионы Украины¹.

Технологии социального роения

Концепция роения была предложена рядом американских военных аналитиков и социологов в 1990-х гг. для описания феномена широких массовых беспорядков в странах

¹ David Faggard. SOCIAL SWARMING. Asymmetric Effects on Public Discourse in Future Conflict. // MILITARY REVIEW, March–April 2013, p. 79.

Третьего мира и эффекта на общественность от новых видов коммуникации, таких как Интернет¹. В дальнейшем она показала свою эффективность как для мониторинга, так и для превентивных мер против деятельности повстанцев в Ираке, наркокартелей в Мексике и антиглобалистов в странах ЕС. Накопленный опыт позволил в дальнейшем уже не отслеживать и прогнозировать акции террористов, криминальных группировок и политических активистов, но и самому планировать сценарии с включением в них «дорожной карты» социального роения². Вместе с моделью ненасильственных протестов по Джину Шарпу тактика роения была удачно опробована в цветных революциях на постсоветском пространстве. Поэтому увидев, что происходит на Украине, есть все основания полагать, что там и был запущен сценарий социального роения под чутким руководством заокеанских специалистов. Иными словами, «евромайдан» был продуман заранее, независимо от результатов саммита «Восточного партнерства».

Важно понимать, что помимо других стран, где были проведены цветные революции, Украина — особый случай. После 2004 г. там активно продолжалась идеологическая обработка населения, которая способствовала «укоренению» тактики «оранжевой революции», приведшая к тому, что в дальнейшем эти идеи воспринимались как доморощенные и аутентичные³. При этом явно отмечалось два вектора — пробрюссельский и националистический. Их, как зонтик, покрывал нарратив о необходимости сближения с Европой, чем быстрее, тем лучше, пусть ценою безвозвратных и серьезных потерь. Наподобие промывки мозгов, применяемой в тоталитарных сектах, по отношению к основной протестной массе был достигнут феномен, который можно описать так — высшая форма рабства наступает тогда, когда сами рабы этого уже не осознают. Действительно, выступали ли на Майдане в пользу независимости и суверенитета? Этого не было, хотя было нескрываемое желание приобщиться к ЕС, который Украину пока особо не приглашает в свое сообщество. Для подобного массового психоза в течение последних нескольких лет американские и европейские эмиссары тщательно готовили почву, проводя тренинги для студентов, выделяя гранты на имиджевые кампании и апеллируя к устранению социальных проблем, которые при помощи Брюсселя и Вашингтона обязательно будут преодолены.

Собственно, согласно модели социального роения, подготовительная фаза может длиться довольно долго, пока не перейдет во вторую, связанную с выражением мотивации. Призыв к выходу на Майдан по причине отказа руководства страны от подписания кабального договора об ассоциации с ЕС являлся второй фазой, за которой автоматически следует возможность (для протестующих) предпринимать какие-либо действия.

Данная фаза включает в себя и выбор цели, которой стали действующий президент и премьер-министр. Следовательно, действия нужны для их дискредитации. Если ничего не происходит и есть риск перехода акции в

¹ *John Arquilla and David Ronfeldt*, *Swarming and The Future of Conflict*, Rand National Defense Institute, Santa Monica, CA, 2000.

² *Howard Rheingold*, *Smart Mobs*, the Next social Revolution: Transforming Cultures and Communities in the Age of Instant Access, Cambridge, MA: Basic Books, 2002.

³ *Эндрю Корыбко*. Украина. Цветная революция 2.0. Геополитика, 29.11.2013 <http://www.geopolitica.ru/article/ukraina-cvetnaya-revoluciya-20#.Up46EdJdWuI>

стагнацию, необходим катализатор, который позволит сэкономить время и перейти к новой фазе. Наиболее проверенным (в том числе в Европе) средством для этого является насилие.

Спровоцировать насилие в месте большого скопления людей для профессионалов не представляет труда. Для ударной силы были выбраны группы радикальных националистов — партия «Свобода», «Патриот Украины», «Трудовая партия», «МНК», «ОУН», «КУН», «ОУН-УНСО» и еще ряд бандеровских формаций, которые сходятся в стратегическом видении дальнейшей судьбы Украины и имеют схожие взгляды на ряд вопросов внутренней политики — не допущение в страну мигрантов и борьба с ними (часто через противоправные действия), ксенофобия, чувство расового превосходства, т. е. все признаки, которые в ЕС принято считать фашизмом.

При этом нужно отметить, что идейная мотивация во многом помогла манипуляторам использовать националистов, которые не осознавали своего рабства от политтехнологий.

По словам участников стояния на Майдане, 24 ноября, именно после провокации парней из Галичины, которые организованно высыпали из подъехавших автобусов, милиция начала применять дубинки, особо не разбираясь, кто прав, а кто виноват. После этого последовал взрыв негодования и в Киев начали стягиваться новые силы бандеровцев и умеренных оппозиционеров, ратующих за европейские ценности.

Согласно модели социального роения с помощью коммуникаций, это уже был переход третьей фазы (протест) к четвертой (рекрутировка). Очевидно, что для подстегивания третьей фазы, которая состоит из нарратива, который оформляется в медиапослание и нуждается в таких ресурсах, как деньги и время, и была предпринята данная провокация, которая создала эффект снежного кома. Далее открывается зона возможностей, которая состоит из дальнейших фаз: политического гнева и политических изменений. Вместе с политическим гневом резко возрастает потенциал насилия, что мы и видели 1 декабря у здания администрации президента Украины. Боевики из «Патриот Украины» оказались в первых рядах, штурмующих милицкий спецназ с помощью экскаватора, бульжников, коктейлей Молотова и фаеров. Между тем, для поддержания этой фазы также нужны ресурсы. По схеме, предложенной Миа Стокмэнс¹, с рекрутировкой связана и международная поддержка. Не случайно сразу же после событий 1 декабря истэблшмент в Брюсселе, Белый Дом и главы отдельных стран с возмущением заголосили о возможных санкциях против Украины и ее чиновников, ряд западных СМИ тут же осудил действия украинских властей, а в Литве и Швеции были вызваны послы Украины в местные внешнеполитические ведомства. Третьего декабря в штаб-квартире НАТО даже провели совещание по ситуации в Украине, как будто там происходит геноцид или началась гражданская война (показательно, что при этом страна не входит в этот блок!). Российские либералы тоже отметились, прямо или косвенно поддерживая протесты, особо не вдаваясь в подробности распределения политических группировок и тщательно вырезая картинки, где могла проскользнуть символика националистов-радикалов.

¹ *Mia Stockmans*. MAO-Model of Audience Development: Some Theoretical Elaborations and Practical Consequences, May 2012.

Далее последовала окончательная фаза, которая по оптимальному сценарию связана с политическими изменениями. Именно на это были нацелены проектировщики из Брюсселя и Вашингтона. Но не всегда происходит так гладко, как прописано на бумаге. Будучи хорошими политехнологами, но плохими государственниками, руководство «евромайдана» не смогло переключить энергию бунта в позитивное русло, что срикошетило и по ним самим, и по широким массам украинского народа.

Тандем неонацистов и либералов: как готовился «евромайдан»

Впрочем, чтобы понять некоторые нюансы, необходимо вернуться на подготовительную фазу, предшествовавшую совершенному перевороту несколько лет. Если основных действующих лиц «евромайдана» все знают — от активистов-радикалов до депутатов-националистов и от журналистов до откровенных проходимцев, то о реальных стратегах почему-то не упоминают. Конечно же, основной стратег — это Госдеп США, который продолжает адаптировать рецепты «цветных революций» к новым условиям. Но без «полевых генералов» на местах, присягнувших на верность Вашингтону, действия из-за океана не были бы столь эффективными.

Одной из таких фигур, которая очень помогла на подготовительном этапе «евромайдана», был Олег Рыбачук. Родился он в 1958 г. в Виннице. Начинал свою карьеру Рыбачук в Киевской таможне, затем катался по заграницам, в результате чего его взяли в Департамент международных связей Национального Банка Украины. Там он впервые и встретился с Виктором Ющенко. Поговаривают, что именно он познакомил будущего президента с экс-сотрудницей ЦРУ Екатериной Чумаченко, ставшей впоследствии его женой. Рыбачук стажировался на Уолл-стрит и в Лондонском Сити — двух центрах мировой финансовой закулисы¹. В 1999—2001 гг. он был руководителем Службы премьер-министра Украины Ющенко, а в 2002 г. стал депутатом от блока Виктора Ющенко «Наша Украина». С февраля по сентябрь 2005 г. занимал пост вице-премьер-министра Украины по вопросам европейской интеграции в первом правительстве Юлии Тимошенко, причем эту должность он выбрал для себя сам. С сентября 2005 по октябрь 2006 г. — Государственный секретарь Украины, а затем глава Секретариата президента Украины. С октября 2006 г. — штатный советник президента Украины В. Ющенко. В 2008 г. уволен, после чего возглавил наблюдательный совет Фундации «Суспільність»².

Крайне показательно, что в 2010 г. Рыбачук критиковал своего бывшего шефа Виктора Ющенко: «...когда он был президентом, мне просто стало ясно, что его тогдашняя политика по отношению к его политическим партнерам не приведет ни к чему хорошему. Много выводов сделал из своей работы на Банковой и понял, что Виктор Ющенко, к сожалению, не стал тем президентом, который действительно хотел бы провести в Украине европейские реформы. Мы с ним дальше не сотрудничаем и не встречаемся». Впрочем, в отношении других политиков и бизнесменов он не стеснялся

¹ <http://politrada.com/Dossier/personne/id/522>

² <http://genshtab.info/>

использовать емкие и довольно критичные характеристики. Виктора Балогу, который занял его место в Секретариате президента Украины, называл недоолигархом и предателем. А про Дмитрия Фирташа выразился так: «...вы никогда и не найдете доказательств того, что Дмитрий Фирташ сейчас финансирует разных политиков. Если будете утверждать, что это так, то вы попадете в суд и проиграете. В Украине финансирование партий — процесс очень непрозрачный. Фирташ сейчас может финансировать под столькими именами, через такие фирмы и фирмочки знакомых партнеров, что вы никогда не раскрутите эту цепь. Но как каждый крупный бизнес, Фирташ сейчас раскладывает яйца в разные корзины... Стала бы Тимошенко президентом — Фирташ нашел бы способ сблизиться и с ней»¹.

Однако подобную, не очень прозрачную игру Рыбачук затеял и в отношении украинского общества, начав создавать и помогать финансировать целую сеть оппозиционных неправительственных организаций.

В декабре 2007 г., еще будучи советником президента, Рыбачук открыл в Киеве Евроатлантический университет. Этот проект совместно инициировала его общественная организация Фонд «Суспильність и Европа ХХІ» при поддержке Института журналистики КНУ имени Тараса Шевченко, дипломатических представительств Словакии и США в Украине, ряда отечественных и зарубежных корпораций.

На церемонии открытия состоялась передача символики нового университета в штаб-квартиру НАТО, а сам Рыбачук прочитал студентам лекцию, на которой сообщил, что миссией университета является налаживание глобального диалога и понимания, установление демократических ценностей, развитие гражданского общества и социального партнерства путем усиления европейского и евроатлантического сотрудничества. Он отметил, что одним из приоритетов данного проекта является привлечение широкой общественности к дискуссии, касающейся национальных интересов Украины и новейших вызовов, в частности, в области безопасности и развития гражданского общества.

Кроме того, на сайте фонда Рыбачука значится, что в рамках евроатлантических исследований на 2013—2015 гг. запланированы медийные, спортивные и творческие мероприятия, включая евроатлантические школы по безопасности и межкультурному диалогу в разных регионах Украины².

В середине 2011 г. ряд украинских СМИ отметило, что Рыбачук засветился по ряду журналистских проектов, в частности, координировал деятельность корреспондентов «Украинской правды»³.

Но основной массив работы, направленной на дискредитацию и дальнейшее свержение действующей власти, был сделан по линии ряда НПО, которые сыграли ключевую роль в подготовке «евромайдана» — это кампания «Новий громадянин»⁴, общественное объединение «Center UA»⁵ и общественное движение «ЧЕСНО», в которых Рыбачук являлся основателем и инициатором. Кампания «ЧЕСНО», имеющая своим символом чеснок и

¹ <http://blog.i.ua/community/1764/490327/>

² <http://www.souspilnist.org/uk>

³ <http://versii.com/news/235935/>

⁴ <http://newcitizen.org.ua/>

⁵ <http://uacentre.org.ua/>

лозунг «Фильтруй Раду!», стала основной сетью, к которой подключились и другие украинские НПО либерального направления, а также западные доноры. В финансово-аналитическом отчете «ЧЕСНО» за период с октября 2011 по декабрь 2012 г. мы видим таких грантодателей, как Международный фонд «Возрождение» (структура Сороса), Шведское агентство по вопросам развития сотрудничества SIDA, Агентство США по международному развитию USAID и UNITER (специальная программа правительства США для Украины по проведению реформ)¹, Вашингтонский фонд IFES², занимающийся мониторингом за выборами по всему миру, международной организации PACT Inc. и карманный фонд американского миллиардера и основателя e-Bay Пьера Оmidьяра Omidyar Network Fund³.

Можно сказать, что комплексная работа началась с ноября 2011 г. — группа стратегов, координаторов, переводчиков, спикеров, менеджеров по коммуникациям, фото- и видеооператоров, редакторов и волонтеров. А сам отчет по кампании «ЧЕСНО» проливает свет на то, в каких городах велась обработка сознания украинских граждан, кто и как проводил мероприятия⁴. Это проведение круглых столов и экспертных дискуссий, создание видеороликов и сайтов, использование социальных сетей для агитации, изготовление информационной продукции, проведение туров по регионам, эфир на телеканалах, визиты иностранных гостей и международных наблюдателей. Некоторые активисты, проявившие энтузиазм (возили на личном авто, предоставляли помещения, угощали печеньками и пр.), в докладе отмечены поименно.

Анализ групп и организаций, вовлеченных в «ЧЕСНО», показывает, что либеральные и проевропейские НПО работали в тесном тандеме с националистическими организациями Украины, а в некоторых случаях они просто были одной и той же структурой, работавшей под разными вывесками.

Например, в г. Сумы партнером кампании «ЧЕСНО» выступило Бюро анализа политики⁵. Директор этого Бюро — Олег Медунца, бывший глава Молодежного Националистического Конгресса, ярый русофоб, на протяжении многих лет организовывавший акции против РПЦ МП в Украине (например, в Чернигове в 2006 г., когда была осуществлена попытка захвата храма Св. Екатерины)⁶ и пророссийских движений (сейчас — депутат от партии «Батькивщина»). В других регионах — аналогичная ситуация.

Между тем, еще в марте 2012 г. Рыбачук, участвуя в конференции Украинско-Канадского Конгресса в Оттаве, уже открыто заявил о том, что он готовит новую «оранжевую революцию». В интервью изданию Financial Post он сказал: «Люди не боятся. Сейчас в ходе нашей кампании «Очисти парламент», направленной на поиск и избрание лучших парламентариев, мы имеем 150 НПО во всех крупных городах... Оранжевая революция была

¹ <http://uniter.org.ua/en/index.html>

² <http://www.ifes.org/>

³ <http://www.fondsk.ru/news/2014/03/24/set-omidjara-ili-silikonovyj-sponsor-majdana-26584.html>

⁴ http://chesno.org/media/uploads/09_09_2013_chesno_2012_finance_campaign_final.pdf

⁵ <http://politanalyk.com/>

⁶ <http://www.otechestvo.org.ua/main/20069/709.htm>

чудом, массовый мирный протест, который сработал. Мы хотим сделать это снова, и мы думаем, что так и будет»¹.

К сожалению, до украинского руководства слишком поздно дошло о реальных целях этой сети НПО. Лишь в феврале 2014 г. в отношении них было начато расследование по факту отмыwania денежных средств, полученных преступным путем². Рыбачук тогда заявил, что «расценивает данные действия милиции как продолжение системных репрессий власти против гражданского общества», добавив, что, скорее всего, причиной послужило то, что Центр УА выпустили скандальный фильм про Межигорье «Открытый доступ», а члены движение «ЧЕСНО» принимали активное участие в событиях на «евромайдане»³. Но вскоре боевики и снайперы сделали свое дело, Янукович бежал, правоохранительная система Украины перешла под контроль евромайданщиков, и Рыбачук, как и ранее, вышел сухим из воды.

Гетеродоксальный взгляд с Запада

Позиция истеблишмента стран Запада по украинскому вопросу достаточно хорошо известна. А вот что думают о «евромайдане» эксперты, которые не относятся к политическому мейнстриму? Кристин Стоун, ранее занимавшая пост директора британского филиала Хельсинкской правозащитной группы, 11 декабря 2013 г. опубликовала статью с симптоматичным названием «По-настоящему ли хочет ЕС украинцев или их территорию?»⁴, в которой отметила взаимосвязь транснационального бизнеса с политическими событиями на Украине. При этом Запад Украины (и даже центр) особо не интересует ЕС. Призом для Брюсселя, по мнению Стоун, должен стать Юг Украины с Причерноморьем и Крым. Она провела взаимосвязь геополитических интересов (размещение Черноморского флота в Севастополе и традиционно пророссийские настроения Юго-Востока Республики) с экономическими интересами (концентрация промышленности и инфраструктурных мощностей), которые одним махом хочет поглотить Запад. Но, конечно же, все же бессилие нынешней власти в Киеве — это основная причина «майдана». Госпожа Стоун справедливо замечает, — «как можно ожидать от правительства, которое позволило двум тысячам человек установить баррикады и палатки на основной площади столицы, думать стратегически о реальных интересах и нуждах страны?». Поэтому, по мнению автора из Британии, и финансово, и интеллектуально Киев выглядит банкротом и позволяет активно вмешиваться внешним игрокам из Европы и США, а также при их поддержке развернуться «пятой колонне».

Но поскольку Крым теперь стал частью России, столь ожесточенная позиция ЕС и США, видимо, и связана с их интересами в отношении Причерноморья Украины.

¹ <http://opinion.financialpost.com/2012/03/10/in-ukraine-how-little-has-changed-even-after-orange-revolution/>

² <http://www.rferl.org/content/journalists-in-trouble-ukrainian-ngo-accused-of-money-laundering/25260424.html>

³ <http://uacentre.org.ua/news/608>

⁴ <http://orientalreview.org/2013/12/11/does-the-eu-really-want-ukrainians-or-just-their-territory/>

Действительно, есть ли проблески стратегического видения у руководства Украины или оно бьется в лабиринте, сооруженном западными политтехнологами и местными авантюристами, включая ближайшее окружение? Похоже, что действия Януковича по выходу из кризиса были разработаны не его командой, а предложены Госдепартаментом США и родились в аналитических центрах Вашингтона. И если на Банковской это называют поиском решения по выходу из кризиса, то ее авторы — не чем иным как стратегией по оказанию давления на руководство Украины. Подтверждением тому является круглый стол по событиям в Киеве, прошедший в организации Атлантический Совет 3 декабря 2013 года. Его модератором был Ян Бжезинский, а основными докладчиками бывший сотрудник Freedom House и эксперт по Украине Адриан Каратински и вице-президент Атлантического Совета Дэймон Уилсон¹.

Помимо поливания грязью России и демагогии об историческом выборе, в данной дискуссии был довольно показательный пассаж Уилсона, который воплотился в план конкретных действий, что было видно по заявлениям американских дипломатов и их участию на Майдане в Киеве.

Дэймон Уилсон в своем выступлении отметил: «Я думаю, что это один из ключевых моментов — США должны заниматься Украиной и заниматься на высоком уровне в координации с Европой. Для чего? Во-первых, чтобы давить на Януковича напрямую по поводу последствий дальнейшего насилия или применения насилия, в то же время давая ему реальный путь для очередных действий. Во-вторых, давить на службы безопасности. У нас есть прочные связи с полицией, военными, разведывательными службами, поэтому нужно использовать их, чтобы подчеркнуть важность и отговорить их не прибегать к насилию, но и помочь посеять сомнение по поводу Януковича и его ближайшего окружения, что если они попытаются призывать их использовать силу против своих граждан, чтобы они этого не делали. Это было важной частью стратегии во время “оранжевой революции” со стороны Запада, и я думаю, что это будет действенным в данный момент».

Необходимо отметить указание на то, что у американского истеблишмента есть «свои люди» на высоких постах в органах власти Украины.

Но было и еще одно важное высказывание, которое бы с удовольствием подвергли цензуре представители нынешней украинской оппозиции.

Уилсон сказал, что «Соединенные Штаты и Европа могут помочь усадить оппозицию за стол переговоров с внутренним кругом Януковича. Некоторые из оппозиционных требований на улицах откровенно нелегалны, откровенно за пределами политического, конституционного и правового пути. И это не то, что нужно Украине. Мы хотим укрепить демократическое правовое государство в Украине».

Усадить за стол удалось, но получилось ли внушить Кличко, Яценюку и Тягнибоку об их неконституционных и противозаконных действиях? Очевидно, что нет. И эти действия продолжают осуществляться как на улицах Киева, так и провоцировать нарушение законов в других регионах Украины.

¹ Transcript: Ukraine, the Politics of Protest, DECEMBER 03, 2013
<http://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/transcript-ukraine-the-politics-of-protest>

А вот мнение Стефана Сестановича из Совета по международным отношениям. В своем телеинтервью от 10 декабря 2013 г. он сказал следующее. «Что мы узнали о толпах и политической оппозиции? Некоторые люди говорят, что это своего рода восстание без лидера. Это, определенно, правда. Безусловно, значительно, на мой взгляд, то, что Юлия Тимошенко отошла на задний план. Очень немногие люди на самом деле говорили о ней как главной части этой проблемы. И опрос людей показал, что только 38 % демонстрантов высказалось, что они были заинтересованы в ее освобождении как способе выхода из этого кризиса. Лидеры, которые пришли на первый план — Яценюк и Кличко в частности — на самом деле не являются стойкими, демагогичными и харизматичными людьми. Они своего рода скучные честные политики. Это такие люди, которые принесут не много пользы в таких обстоятельствах»¹.

Такая оценка наверняка показалась бы неприятной для бывшего боксера и бывшего министра. Тем не менее, судя по отзывам самих украинцев, да и взглянув на умение выступать этих «политиков», любой человек, не ангажированный в партии Яценюка и Кличко, скажет, что Сестанович прав.

А вот что Сестанович думает о намерениях ЕС по отношению к Украине:

«Ясно, что внимание и демонстрация народной поддержки, что вы видели в Украине по ассоциации, глубоко лестны для ЕС... Действительно ли в ЕС хотят выручить Украину? Комиссар ЕС по вопросам расширения, я думаю, что его зовут Штефан Фюле, сказал, что ЕС, безусловно, готов поддержать путешествие Украины к модернизации. Но, как вы знаете, “поддержка путешествия к модернизации” является не очень надежной формулой политики».

Иными словами, позитивная риторика Брюсселя в отношении Украины еще не означает, что украинцы получают «бесплатное печенье», наподобие того, которое раздавала на Майдане Виктория Нуланд.

Для полноты картины представим еще одно мнение. На этот раз — сенатора Денниса Кусинича, который рассматривает возможное присоединение Украины к ассоциации с ЕС с военно-экономической точки зрения. В своей статье «Проедет ли троянский конь НАТО через украинскую весну?»², опубликованной во влиятельном издании, сенатор проводит аналогии с арабскими бунтами и обязанностями Украины в деле евроинтеграции. Именно с обязанностями, так как они вынудят экономику Украины серьезно напрячься. В документе по ассоциации прописано взаимодействие в рамках совместной оборонной политики Европы, а это значит прямое вовлечение в блок НАТО. А блок НАТО требует серьезных расходов, которые в нынешней ситуации не то что не по карману, но серьезно подорвут Украину. После ратификации соглашения об ассоциации Украина будет вынуждена поднять расходы на оборону, урезав социальные программы. Всех членов НАТО сейчас принуждают платить 2 % от ВВП, но уже заметна тенденция к увеличению расходов, — пишет Кусинич. Украина сейчас выделяет 1,1 %, да и то, это немалые расходы по сравнению с остальными неотложными

¹ http://www.cfr.org/europe/cfr-media-call-ukraine-stephen-sestanovich/p32048?cid=nlc-public-the-world-this-week-link19-20131213&sp_mid=44598307&sp_rid=ZXZyYXppYUBnbWFpbC5j520ST

² http://www.huffingtonpost.com/dennis-j-kucinich/ukraine-nato_b_4435637.html

нуждами. В конце концов, в выигрыше будет не народ Украины, а военные компании США. Завершает Кусинич словами, что украинцы могут быть за ЕС, но это не означает, что ЕС и НАТО будут за Украину. Прислушаются ли к мнению американского сенатора украинские политики, включая оппозиционеров — это вопрос выживания самой Украины и ее суверенитета. По всей видимости, эту карту и пытаются разыграть Вашингтон с Брюсселем, свалив всю вину на Россию и подстрекая к скорейшему вступлению в НАТО. Не только Украину, но также Черногорию, Молдавию, Грузию, Азербайджан и другие возможные жертвы американской геополитики.

Завершая публикацию, хотелось бы напомнить одну формулу британского политика и ученого Хэлфорда Макиндера, которая стала *idée fixe* стратегов Белого Дома: «Тот, кто контролирует Восточную Европу, контролирует Хартленд (Россию), а тот, кто контролирует Хартленд — контролирует Мировой остров (Евразия + Африка). А тот, кто контролирует Мировой остров — контролирует весь мир». Очевидно, что именно этот тезис лежит в основе разразившегося украинского кризиса. И Россия прекрасно понимает цену украинского вопроса.

«Русский мир Евразии»

Такое название носит новый сайт, посвященный евразийской интеграции и русскому миру. Его адрес — <http://eurasia.su/>

Данный ресурс представляет единую информационную площадку, где публикуются новости и статьи по вопросам интеграционных процессов постсоветского пространства, а также деятельности русскоязычных общин и диаспоры за пределами России.

С помощью нового сайта любой желающий сможет мониторить ситуацию в различных регионах бывших республик Советского Союза и дальнего зарубежья, а также объективно оценивать деятельность русскоязычных общин и неправительственных организаций, которые представлены в сети Интернета.

**Игорь СТРЕЛКОВ
(Гиркин)**

**«СУДЬЯ МНЕ
БОГ.
А ЗДЕСЬ Я —
ВОИН!»**

СМОЛЕНСКАЯ ДЕРЕВНЯ. 1994

Почерневшие остоны
Искалеченных церквей —
Словно каменные стоны
Невозделанных полей.

В лопухи, бурьян, крапиву
Скрыты старые пруды,
Но по-прежнему красивы
Яблони, что у воды.

Здесь рожали, хоронили,
Крепко ставили дома,
И детей, и хлеб растили...
А потом пришла война.

СУДЬБЫ ОФИЦЕРА

Добровольцем я отправлюсь
На Великую войну.

Игорь Иванович Стрелков (Гиркин) — общественный и военный деятель самопровозглашенной «Донецкой Народной Республики», руководитель народного ополчения Донбасса. Активный участник вооруженных формирований ополчения Юго-Востока Украины. Командующий самообороной города Славянска. Родился в Москве в семье потомственных военных. В 1993 году окончил Московский государственный историко-архивный институт, однако профессия историка Игоря не привлекла — он предпочел карьеру военного. В 1993–1994 годах проходил срочную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, стрелок роты охраны 190-й ракетной технической базы в Голицыно (в/ч 11281 МО ПВО; ныне расформирована). Принимал участие в боевых действиях в Приднестровье в июне-июле 1992 года (доброволец 2-го взвода Черноморского казачьего войска, Кошница — Бендеры), в Боснии с ноября 1992 года по март 1993 года включительно (2-й Русский добровольческий отряд, 2-я Подринская легкопехотная и 2-я Маевецкая бригады Войска Республики Сербской, Вышеград — Прибой), в Чечне (166-я гвардейская отдельная мотострелковая бригада, март-октябрь 1995 года, и в частях специального назначения с 1999 по 2005 год), выполнял специальные задания в других регионах России.

Коль в Карпатах не преставлюсь —
То в Мазурах утону.

А случись, что пуля злая
С Перемышельских валов
Не убьет — смогу тогда я
Вновь добраться до врагов!

Если будет Божья Воля
На Стоходе воевать —
Что ж, такая, видно доля —
Мне в Галиции лежать!

Пусть другие разбегутся,
Бросят Родину и Честь,
От России отрекутся —
Их моя настигнет месть!

От Ростова до Кубани
И от Ясс до Дона волн,
Путь измерю сапогами,
Пряча в сердце боль и стон.

Суждено ль случиться чуду?
В тот ночной, лихой налет
Под Екатериндаром буду —
Там снарядам разорвет!

Так и не дождавшись смены,
Под Царицыном, Орлом,
Тихо сдохну от гангрены
В лазарете полевом.

Замерзая в эшелоне,
Вновь увижу я в бреду
Царский вензель — на погоне,
Капли крови — на снегу.

Сквозь тифозные бараки
Буду брошен на причал —
Эх, Новороссийск! Собаки!
Гибнет все, о чем мечтал!

Крым, Каховка, Волноваха...
В отступательном аду —
Что мне пуля? Что мне плаха?
С Перекопа не уйду!

И в последнем сне мятежном:
С нами Врангель! Все! Пришли!
Вспоминаю я о прежнем
В лагере Галлиполи....

Не осталось даже долга...
Шелест ветра надо мной...
Я стреляюсь той недолгой
Пражской теплою зимой....

НЕДАВНЕЕ

Вокруг — развалины Отчизны,
И время вспять не повернуть!
Кирасой ржавою цинизма
Прикрыта взломанная грудь...

Пока еще я не «груз 200»,
И пусть в душе лишь боль и лед,
Но шпага — вечный символ Чести
Толкает. Острием. Вперед.

БОСНИЯ, МАРТ 1993. ОКРЕСТНОСТИ ТУЗЛЫ

Вот я уже отвоевал —
Хлебнул и крови, и пожаров...
И мне уже не позабыть
Убитой женщины оскал,
И смех афганских ветеранов...
Уже командую во сне,
Кричу и брежу, мать пугая,
И мне никак уже не скрыть,

Что я не радуюсь весне,
И тихой жизни — не желаю!
Нет! Не жалею ни о чем!
Что получил — того достоин!
Да, убивал! Могли убить...
Пусть называют палачом! —
Судья мне Бог. А здесь я — воин!

ЧЕЧНЯ. 1995

Серая шинель наброшена на плечи,
Снова греюсь у походного костра.
Я ни с кем не ожидаю встречи,
И шинель — жена мне и сестра...

И броня, пылающая жаром,
В облаках пыли тяжелый марш,
Чири-Юрт, подсвеченный пожаром,
Мне военный собирали стаж...

Но кончается отпущенное время,
Возвращаюсь вновь туда,
где нет войны —
Покидаю кочевое наше племя,
Крики взводного и ругань старшины,

Огневую и машины в капонирах,
Жидкий чай, гнилые сухари...

Да, домой! На «зимние квартиры»!
Да, пора мне! — как ни посмотри!

Пусть здесь мирятся,
ведут переговоры —
Обещают «все простить и позабыть».
Здесь — бандиты, там (у власти) —
воры...
Мы сюда вернемся, может быть!

А пока — вперед! Вперед! В дорогу!
И спокоен, и невесел — грусти нет!
Знаю — жизнь с меня
все спросит строго.
И судьба на все мне даст ответ.

1989 год

Россия в кровавой купели
Возвала к сынам из оков:
— «Готовы ль надеть вы шинели?»
И каждый ответил: «Готов!»

Пыль. Солнце краснее медяшки —
Все ближе удары подков:
— Ну-с, ротмистр?
А как насчет шашки?
— Ах, шашка? Конечно! Готов!

Толпою отребья и швали
Растоптана слава веков...
— Хорунжий! Вас будут штыками...
— На то и присяга! Готов!

Вдали, уходя, промелькнули
Знамена старинных полков...

— Поручик! Вы как?
В смысле пули?
— Что ж, хочется жить... но готов!

Подлей, чем еврейский Каифа
Бред этих кошмаров и снов...
— Полковник! А как насчет тифа?
— Ах вот как? Да..., жаль...,
Но готов!

Пред пыткой кажется мелок
Расстрельный за городом ров...
— Ну, как, генерал, Вам застенки?
— Измена страшней! Я готов!

Как давит вдали от Отчизны
Чужбины свинцовый покров...
— Что скажете, юнкер, о... жизни?
— Как тяжело! Но...
С Богом! Готов!

НАЗИДАНИЕ САМОМУ СЕБЕ (1991)

Не жди приказа! Не сиди,
Ссылаясь на покой!
Вперед! Сквозь ветры и дожди,
И вьюги волчий вой!

Оставь удобства и уют —
Пока ты молод — в путь!
Когда отходную споют,
Успеешь отдохнуть!

Будь честен, смел, не замечай
Насмешек и помех.
А будешь старшим — отвечай
Не за себя — за всех!

Тот, кто ошибок не имел —
В безделии зачах —

Он груза жизни не посмел
Примерить на плечах!

Каков бы ни был твой удел —
Удачен или плох,
Все ж помни: меру твоих дел
Оценит только Бог!

БОСНИЯ. РАЙОН ВЫШЕГРАДА. ОСЕНЬ 1992

Война! Что ты, брат, о ней знаешь?
Как страшен солдата конец!
Вот рядом погиб твой товарищ,
Вдали — умирает отец.

Как дружно спешат мародеры
Чужим поживиться добром,
Каким непомерным позором
Бывает, иной раз, разгром.

Коровы лежат и старухи
На серой от пепла земле.
И мухи, одни только мухи
Живут в этом мертвом селе.

Как пули визжат, как ужасна
Пред другом погибшим вина...
И кажется, что все — напрасно,
И есть «до войны» и «война».

ВЫШЛА КНИГА

Мизгулин Д. А.

Новое небо: стихотворения / Дмитрий
Мизгулин. — М.: Сибирская Благозвонни-
ца: Артос-Медиа, 2009. — 117 с.

«Новое небо» — поэтический сборник Дмит-
рия Мизгулина, лауреата Всероссийской литера-
турной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Эта
книга — плод долгих размышлений автора о Боге
и человеке, о разных дорогах и тропинках, по ко-
торым бредет человеческая душа, и единственном
пути, ведущем к Истине.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ...

Впервые в современной России в Курганской епархии по благословению архиепископа Константина открыта мемориальная доска с именами 15-ти Кавалеров полного Георгиевского креста — в память героев-зауральцев, участников Первой мировой войны.

Накануне Дня Победы 2014 года на территории храма святого великомученика Георгия Победоносца поселка Увал города Кургана (гарнизонного храма Курганского Пограничного института) состоялось открытие мемориальной доски с именами 15-ти зауральцев — участников Первой мировой войны, Кавалеров полного Георгиевского креста. Это первый памятник героям «забытой войны» в современной России.

В торжественном мероприятии приняли участие члены Правительства Курганской области, областной Думы, Администрации города Кургана, духовенство Курганской и Шадринской епархии, руководство и курсанты Пограничного института ФСБ России, представители силовых структур и общественных организаций. Благословил мероприятие и освятил установленную памятную доску архиепископ Курганский и Шадринский Константин.

Перед открытием памятного мемориала Владыка Константин обратился ко всем присутствующим с проникновенными словами: «Дорогие отцы, братья и сестры, наше славное воинство, организаторы и участники сегодняшнего исторического события, мы с вами счастливые люди, поскольку являемся сопричастниками редкого праздника, промыслительного торжества. Нет ничего более значимого ни для воина, ни для судьи, ни для христианина, как вера в то, что рано или поздно правда победит. Радостно приложить силы умственные и физические, выплеснуть благотворительный порыв, посвятить свою энергию, талант, время во благо торжества справедливости.

Сегодня, после стольких десятилетий умышленного ее забвения, мы часто слышим выражение “забытая война”. Но разве можно забыть Первую мировую войну, которая изме-

Архиепископ Константин вручает Благодарственное письмо курганскому кинодокументалисту, члену Петровской академии наук и искусств, руководителю студии документального кино «Отражение» А. И. Голубкину

Участники мероприятия

нила не только судьбу России, но и историю всего мира? Забыть мировую войну, где погибли миллионы людей, — это страшное преступление. В нашей стране после Октябрьской революции события Первой мировой искусственно оклеветали и постарались забыть потому, что в 1917 году, когда до победы России в войне оставалось всего несколько месяцев, был предан Царь Николай II. Эта, ныне почти забытая, украденная у русского народа победа должна была быть славной и великой. Только сейчас, спустя столетие, мы пытаемся восстанавливать историческую справедливость. В 1917 году, когда итог войны казался несомненно победоносным для России, Царь, проявив героизм, лично руководил действиями генштаба не из Петербурга, не из Москвы, а находясь практически на передовой. Его ставка, как Главнокомандующего, располагалась в городе Барановичи (Западная Белоруссия). И туда же Николай II привез с собой Царевича Алексея, несмотря на слабое здоровье Наследника. Такой героизм Царя, его жертвенность особенно воодушевляли русских воинов. Россия работала на победу, оставаясь единственной из участвующих в войне страной, которая после нескольких лет кровопролитной, изнуряющей мировой бойни сохранила оборот золотых денег и не ввела карточную систему на продукты питания. Государства, воевавшие против России, к тому времени были невосполнимо истощены; оказалось, что они сильны только своим первым ударом, а блицкрига не получилось.

Но перед приближающейся русской победой и в Думе, и среди высшего офицерства совершается беспощадная измена. В Петрограде разгорелся сорганизованный тайными антирусскими силами бунт низов. Царь не смог обратиться к бунтующим, хотя направился для того к ним с фронта: его поезд был предательски загнан в тупик под Псковом на станции с красноречивым названием “Дно”. “Режиссеры” государственного переворота специально выбрали, наверное, такое символичное название, желая подчеркнуть скорый конец Российской империи и самого Императора. Но сегодня, с исторического отдаления, мы отчетливо видим, что заговорщики, предавшие Царя и Отечество, сами оказались в глубокой нравственной яме. Были преданы Царь, Армия и Империя. А затем все пошло по типу цепной реакции: за арестом Царя последовала гражданская война, которая не закончилась с убийством Царской Семьи. Цепную реакцию остановить невозможно. Кровопролитнейшая гражданская война отбросила нашу страну в экономическом, демографическом, политическом плане на несколько десятилетий назад.

Сегодня мы с вами восстанавливаем торжество справедливости. В Курганской епархии впервые в Российской Федерации открыта мемориальная доска в честь Кавалеров полного Георгиевского креста, в память 100-летия Первой мировой войны. Слава Богу, что именно зауральцы, благодаря присутствию им таланту и мужеству, стали первыми, кто открывает доску памяти своим землякам — полным Георгиевским Кавалерам. Я глубоко убежден, что в эти светлые пасхальные дни, когда мы все друг друга приветствуем жизнеутверждающим “Христос Воскресе!”, историческая память и справедливость найдут отклик в сердцах всех россиян. Промыслительно и символично все, что свершается ныне. Вчера мы праздновали день памяти святого Георгия Победоносца — небесного покровителя русского воинства, а сегодня устанавливаем памятную доску с именами полных Кавалеров Георгиевского креста именно на стене храма св. Георгия Победоносца, который находится напротив славного Пограничного института ФСБ России, одного

Зал «Солдат Первой мировой войны» в память погибших

из лучших военных вузов на территории нашей страны. И мы с надеждой смотрим на курсантов этого института — будущих защитников Отечества.

В 1945 году День Победы выпал на день памяти Георгия Победоносца, и Георгиевская ленточка стала символом победы над фашизмом, который вновь, спустя 70 лет, поднимает свою смертоносную, алчущую крови голову. Поэтому именно сегодня мы с вами не должны стесняться носить ленту святого Георгия Победоносца — ленту, символизирующую победу любви над ненавистью, жизни над смертью. Кто стесняется этого символа, тому победы не будет, тот сам себя лишает победы. Христос Воскресе!», — заключил Владыка Константин.

Право открыть мемориальную доску было предоставлено ветерану Великой Отечественной войны, награжденному медалью «Солдатская слава», Василию Васеву и вице-сержанту школы № 23 им. 32-го лыжного полка, победителю областного конкурса «Родина. Честь. Слава» Артему Державину.

В августе исполнится 100 лет со дня начала одной из самых кровопролитных войн в истории человечества. Однако мало кто сегодня вспомнит имена людей, отдавших свои жизни за Россию в Первой мировой. На зауральской памятной доске увековечены фамилии 15-ти героев того времени. Их имена были спасены от забвения в результате кропотливой поисковой работы многих людей, равнодушных к истории родного края. Многообразие в конце списка свидетельствует о том, что поиск героев продолжается.

Идея создания мемориальной доски принадлежит кинодокументалисту Александру Голубкину, автору фильма-трилогии о Первой мировой войне «Великая забытая». Первая часть трилогии — «Обреченные», отражающая

события 1913—1914 годов, была показана на церемонии открытия доски. Торжественное открытие и освящение мемориала прошло в рамках проекта Курганского областного общественного благотворительного фонда «Мама», имеющего девиз: «Без прошлого нет будущего».

После освящения доски архиепископом Курганским и Шадринским Константином в память героев Первой мировой была объявлена минута молчания. Затем архиепископ Константин вручил Благодарственные письма: Т. Богомоловой, А. Голубкину, А. Котельникову.

На церемонии Александр Голубкин — курганский кинодокументалист, член Петровской академии наук и искусств, руководитель студии документального кино «Отражение», рассказал присутствующим о том, как родилась идея этой памятной доски: «Работая в архивах, проводя исследовательскую работу и отыскивая доказательства тем фактам, на основе которых наша студия снимает фильмы, с большим трудом, пристально вглядываясь в минувшее столетие, нам удалось отыскать имена героев-зауральцев, в том числе и полных Кавалеров Георгиевского креста. Тогда мы поставили перед собой задачу увековечить память этих воинов. Ведь степень отличия Кавалеров даже одной этой награды приравнивается к званию Героя Советского Союза. А у полных Георгиевских Кавалеров — четыре креста: два золотых, два серебряных. И каждый давался за личное мужество. Все они — великие сыны России! Только у нас в Зауралье таких героев 15, это те, которых мы нашли. А сколь-

Концерт курсантов Курганского пограничного института ФСБ РФ

ких не знаем? Вот поэтому на мемориальной доске мы поставили в конце списка многоточие. Конечно же, мы нашли не всех, но о воинах, представленных здесь, все доказано документами. Эти имена, подвиги наших соотечественников — тот незримый духовный щит, который поныне защищает наше Отечество. Хотя мы в наших фильмах иногда идем вразрез с общепринятой точкой зрения, с той, например, что показывает центральное телевидение, никто нам ни один судебный иск не выставил. Потому что наши доказательства правды основаны на архивных исследованиях, на реальных документах.

В России сегодня нет мемориалов героям Первой мировой войны. В 1917–1918 были снесены все памятники, все кресты, сглажены могилы... Только на начало августа в Москве намечено открытие первого такого памятника, а мы с вами сегодня, на стене храма Георгия Победоносца открываем мемориальную доску с именами 15-ти полных Георгиевских Кавалеров. Также наша студия “Отражение” к 100-летию Первой мировой войны начинает цикл встреч со школьниками по всей нашей области. Мы заказали и получили макет полного банта Георгиевских крестов. Уверен, надолго останется в памяти детей прикосновение к этим зримым символам. Также мы планируем издать книгу с фотографиями всех найденных нами участников Первой мировой войны. Я бы хотел поблагодарить краеведов области, откликнувшихся на наш призыв о помощи и содействии. К работе подключились все районы — от Мокроусова до Шатрова и Катайска. К нашей радости материалы пришли даже из Челябинска, Оренбурга, Ижевска и Новосибирска. На достигнутом мы не останавливаемся, будем продолжать работу дальше», — подчеркнул Александр Иванович.

На торжественной церемонии открытия мемориала к присутствующим обратился руководитель Пограничного института ФСБ России генерал-майор Владимир Юрьевич Левицкий. В своем слове он отметил значимость данного мероприятия для патриотического воспитания подрастающего поколения, будущих защитников Отечества. Генерал-майор также выразил благодарность Русской Православной Церкви за окормление и постоянную помощь в деле нравственного воспитания курсантов Института и вручил нагрудный знак Курганского пограничного института ФСБ России «За службу» настоятелю гарнизонного храма великомученика Георгия Победоносца протоиерею Анатолию Бородину.

После награждения был дан символический залп «Солдат Первой мировой войны». С праздничным концертом выступили курсанты Пограничного института. В завершение церемонии все участники возложили цветы к памятной доске героям-зауральцам. Известно, что на сегодняшний день найдено более тысячи имен зауральцев, награжденных хотя бы одним Георгиевским крестом. Но поиск героев продолжается. Вечная им память, вечный покой!

* * *

Список полных Георгиевских Кавалеров, проживавших на территории современной Курганской области

1. Андронов Иван Ильич. Полный Георгиевский Кавалер из ст. Звериноголовской, подхорунжий — 18 ОКП. ГК 1 ст. № 10669, ГК. 2. ст. № 22190, ГК 3 ст. № 15827, ГК 4 ст. № 156796 (Гос. архив Оренбурга).

2. Беляев Василий Яковлевич. Полный Георгиевский Кавалер из ст. Звериноголовской, вахмистр 1-й сотни — 14 ОКП. ГК 1 ст. № 15714, ГК 2 ст. № 32155, ГК 3 ст. № 199082, ГК 4 ст. № 622678 (Гос. архив Курган).

3. Беспалов Алексей. Полный Георгиевский Кавалер, старший урядник 3-й Оренбургской казачьей батарее. Оренбургский казачий артиллерийский дивизион Усть-Уйское ГК 1 ст., ГК 2 ст. № 25392, ГК 3 ст. № 13237, ГК 4 ст. № 224976 (Гос. архив Курган).

4. Заикин Константин Михайлович. Полный Георгиевский Кавалер из ст. Звериноголовской — 12 ОКП. ГК 1 ст. № 10692, ГК 2 ст., ГК 3 ст. № 25338, ГК 4 ст. № 656870, ГМ 4 ст. (Гос. архив Оренбург).

5. Пономарев Николай Петрович. Полный Георгиевский Кавалер из ст. Звериноголовской, подхорунжий — 18 ОКП. ГК Ш 1778.2.3.4. (фото) (Гос. архив Оренбург).

6. Косарев Владимир Михайлович. Полный Георгиевский кавалер из ст. Звериноголовской, старший урядник Уфимско-Самарского Казачьего полка. Казачьи войска. ОКБ. (Кресты: 1 ст. № 14421; 3. 4. 4 ст. № 145930) (Гос. архив Курган).

7. Леонов Алексей Андреевич. Полный Георгиевский Кавалер из ст. Усть-Уйской — 26 ОКС, ГК 1 ст. № 4502, ГК 2 ст. № 23207, ГК 3 ст. № 30631, ГК 4 ст. № 29036 (Гос. архив Оренбург).

8. Новгородов Петр Иванович. Полный Георгиевский Кавалер из ст. Усть-Уйской — 18 ОК ГК 1 ст. № 10668, ГК 2 ст. № 22189, ГК 3 ст. № 15831, ГК 4 ст. № 156768 (Гос. архив Оренбург).

9. Овчинников Николай Осипович из ст. Усть-Уйской — 18 ОКП, ГК 1 ст. № 10667, ГК 2 ст. № 22188, ГК 3 ст. № 15826, ГК 4 ст. № 156767 (Гос. архив Оренбург).

10. Ярушин Николай. Полный Георгиевский Кавалер из ст. Усть-Уйской, вахмистр 6-й сотни — 12 ОКП, ГК 1 ст. № 139, ГК 2 ст. № 22057, ГК 3 ст. № 110152, ГК 4 ст. № 50878. Произведен в подхорунжие (Гос. архив Оренбург).

11. Акулов Филипп Егорович. Полный Георгиевский Кавалер. Катайск, фото (Гос. архив Курган).

12. Черемисин Василий Алексеевич. Полный Георгиевский Кавалер. Шадринск, фото (Гос. архив Курган).

13. Вяткин Василий Григорьевич. Полный Георгиевский Кавалер (Гос. архив Курган).

14. Пережогин Иван. Полный Георгиевский Кавалер (Гос. архив Курган).

15. Притчинов Степан Ильич. Полный Георгиевский Кавалер (Гос. архив Курган).

Источник: Государственный архив Оренбург, приказы по ОКВ № 922 от 1915 г. № 314, 505 от 1916 г. № 104, 126, 216, 319, 371, 452, 533, 586, 690 от 1917 г.

ГАОО. Ф 185. Оп 1. Д. 29. Л. 6—7 об. 133 об-134. Ф. 185. Оп. 2. Д. 12. Л. 63—64 об. 133. РГВИА. Государственный архив Курганской области.

*Собственный корреспондент
Курганской епархии*

История и современность

Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН (Горянов)

«НЕ РАЗЛУЧИВШИСЬ С ПАСТВОЙ»

*Подвиг русского
православного духовенства
в Первую мировую
войну 1914–1918 гг.*

*К 100-летию Первой
мировой войны*

Церковь как носительница и хранительница Христова Откровения есть живое огнище, а не властное водительство; она есть источник любви и благодатного света, а не педантичный нажим на человеческую жизнь; она есть зов, а не приказ.

Иван Ильин

I. «Бог воззовет прошедшее» (Еккл. 3: 15)

*О необходимости осмысления
исторической действительности
Первой мировой войны*

Сто лет прошло с трагического дня начала Первой мировой войны, которую можно и следует рассматривать и в границах астрономического времени, и в смысловых соотношениях тварного и нетварного бытия, чтобы понять не только ее историческое, фактическое прошлое, но грядущее и вечностное значение. Для чего нам нужно сегодня, в нашем достаточно благополучном настоящем, выяснять это значение, вспоминать трагические дни почти «забытой войны»? Есть на поставленный нами

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегий «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

вопрос древний мудрый ответ у библейского Екклезиаста: «*что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовет прошедшее*» (Еккл. III: 15). На современном языке это звучит примерно так: «Служить вечному можно, только отдаваясь вполне настоящему, и это потому, что историческое настоящее благодаря своей осмысленности и направленности воскрешает в себе прошлое и дает верный залог будущего»¹.

Обращение к исторической действительности Первой мировой войны во многом помогает осознать неразрывную связь вечного и настоящего, переходящего в прошедшее и в будущее. Прошлое, сменяемое настоящим, так же, как настоящее, сменяемое будущим, не исчезает бесследно, не заменяется абсолютно, но остается в настоящем необходимой базисной составляющей. «*Поскольку прошлое уходит в глубину настоящего, постольку оно придает ему творческую силу*»², формирующую исторический путь, ведущий к идеалу. Именно эта незримая цепь обеспечивает историческую крепость и придает смысл исторической действительности. В относительной вечности исторического бытия, в каждый момент настоящего нужно слышать, как Бог во имя будущего «воззывает прошедшее», где сегодня, во времена новых непростых для России испытаний, очень по-современному звучат столетние громы Первой мировой войны.

То, что во всемирной истории Первая мировая — событие особо значимое, понимали уже и ее современники. Например, так считал церковный историк С. Г. Рункевич: «*Настоящая великая отечественная война принадлежит к такого рода мировым явлениям, которые с самого момента действительности переходят на страницы исторического своего значения критерием давности. Церковная жизнь в истории нынешней великой войны, благодаря высокопатриотической деятельности церковных учреждений и организаций, занимает бесспорно выдающееся место*»³.

Вопрос об участии в войне Русской Православной Церкви нужно рассматривать не только в исторических фактах, на героических примерах, но в ментальном и в метафизическом смыслах. Классическая византийская формула взаимоотношений между государственной и церковной властью давно сформулирована в «Эпанагоге» (греч. *ἐπαναγωγή τοῦ νόμου* — византийский сборник законов конца IX века, составлен от имени императора Василия I и его сыновей Льва и Александра с участием Патриарха Фотия): «Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства»⁴.

На протяжении всей истории России Церковь и государство то приближаясь друг к другу, то, иногда отдаляясь, все же сосуществовали в симфонии. Однако такая гармония не всегда обеспечивала благоденствие государству, находящемуся под прицелом алчной европейской политики и очень часто оказывающемуся в эпицентре трагических событий, перераставших в

¹ Болдырев Н. В., Болдырев Д. В. Смысл истории и прогресс. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 184.

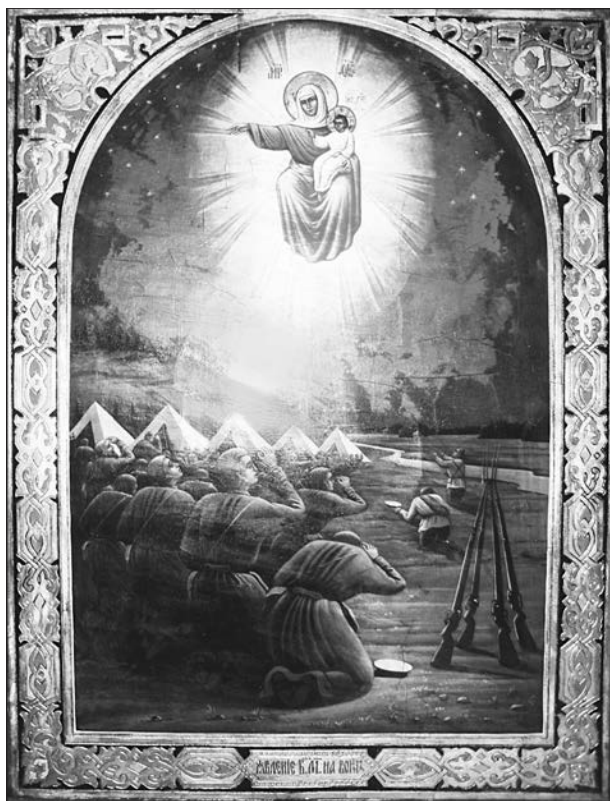
² Там же. С. 185.

³ Рункевич С. Г. Распоряжения и действия Священного Синода в 1914–1915 гг. Петроград, 1916. С. 3.

⁴ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. С. 683.

освободительную Отечественную войну. Кажется, что русский народ один такой, который, упорствуя в своем исконном стремлении к духовному идеалу и независимости, выстоял в самых тяжелых войнах в истории человечества, вынес невыносимые испытания. И с Божией помощью в исторической действительности занял исключительное, подобающее ему место. Трудно не согласиться с философом, утверждающим: *«Выступление на сцену человечества означало бы конец истории. На исторической сцене могут выступать, без опасности проломить ее, лишь отдельные народы. Нужно проникнуться мыслью, что группы, народности — единственное русло исторической действительности; они тот самый священный хлеб, в котором совершается таинство пресуществления идеала в действительность»*¹. Через жертву, через духовный подвиг *«воплощают идеал в исторической действительности только отдельные народы, образованные Самим Богом после разрушения Вавилонской башни и уничтожения общего всем языка. Народы, доросшие в своем духовном развитии до мировых ролей»*².

Бесспорно, можно наблюдать и славить «всемирную судьбу России» (Ф. И. Тютчев), видеть ее мировую роль, но невозможно предположить, что рост духовного развития народа и «таинство пресуществления идеала в действительность» могут происходить без одухотворяющей благодати Церкви. Поэтому роль Церкви в Первую мировую войну можно рассматривать составляющей и русской победы, и русского поражения. О наступающих трагических временах предупреждала Пресвятая Богородица Своим явлением в 1914 году, на второй месяц войны. Она явилась русским войскам под городом Августов (ныне территория восточной Польши). На левой руке Пречистая держала Богомладенца, правой — указывала на запад, как будто предостерегала: оттуда идет опасность смертельная, там будут для русского воинства

Августовская икона Божией Матери

¹ Болдырев Н. В., Болдырев Д. В. Смысл истории и прогресс. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 200.

² Смолин М. Б. Русский путь в будущее. М., 2007. С. 115.

жертвы неимоверные. Явлению Божией Матери посвящена икона, которая называется «Августовская победа» (празднование 1(14) сентября). Икона подтверждает Божию помощь и символизирует великую роль Русской Православной Церкви в трагические для России времена.

II. «Зов, а не приказ»

Организация деятельности Русской Православной Церкви в начале войны

Тяжела была эта роль не только потому, что священники шли на передовую плечом к плечу с солдатами. Но потому, что по совокупности известных социально-политических условий и усилий либерально-демократической пропаганды в начале XX века началось заметное расцерковление русской жизни. В своем мнимом героизме русская интеллигенция настойчиво призывала к «отбрасыванию христианства», к установлению атеистических норм жизни, к разрыву русской традиции духовного просвещения. Мало кто мог предположить, что скоро, уже во втором десятилетии века, в результате революционных преобразований Русская Православная Церковь будет почти уничтожена. В начале столетия при численности населения России 147 млн чел. более 83 млн чел. причисляли себя к православному вероисповеданию. Причем эта цифра год от года росла, и в 1907 году составляла уже 92 млн. К 1901 году в России насчитывалось 63 епархии, более 500 мужских и более 300 женских монастырей, общее число монахов составляло 58 тыс. чел., а число белого духовенства превышало 100 тыс. человек¹.

Даже будучи подконтрольным государству — этот мощный духовный Светоч представлял собой не «властное всеобъемлющее начало», не клерикальное руководство русской жизни, но «источник любви и благодатного света». Как говорил Иван Ильин: Церковь — «есть зов, а не приказ». В ней происходит «служение Благодати и служение Благодатью». И в Первую мировую войну Русская Православная Церковь во всей полноте явила через своих пастырей «молитвенную силу, любящее сердце и свободную, живую христианскую совесть» (И. Ильин). Она услышала зов о помощи своих сыновей, умирающих на фронтах Первой мировой, и во спасение их бесстрашно встав рядом, сама тихо призвала страждущих в свои объятия. И этот встречный зов, это встречное движение народа и Церкви, явились залогом невероятных проявлений героизма русских людей и блистательных воинских побед во славу Родины.

Начало войны, которая была объявлена 1 августа 1914 года (по нов. ст.), ознаменовалось единением всего русского общества в патриотическом, освободительном порыве. *«В серьезности положения сомнений не было. Война сбросила скрывавшую ее лицо вуаль и прямо глядела в очи. Русский народ встретил дерзкий вызов с достоинством. Мощный дух патриотизма великого народа сдунул как пушинку все бывшие до последних дней беспорядки и волнения»*². Наоборот, начались круглосуточные

¹ По материалам: Дроба Сергей, священник. Церковь, государство и общество XX века по периодическим изданиям и воспоминаниям. Тверь, 2010. С. 7.

² Рункевич С. Г. Распоряжения и действия Священного Синода в 1914–1915 гг. Петроград, 1916. С. 4.

Всенародный патриотический Крестный ход в Петрограде.

По фотографии С. Соколова

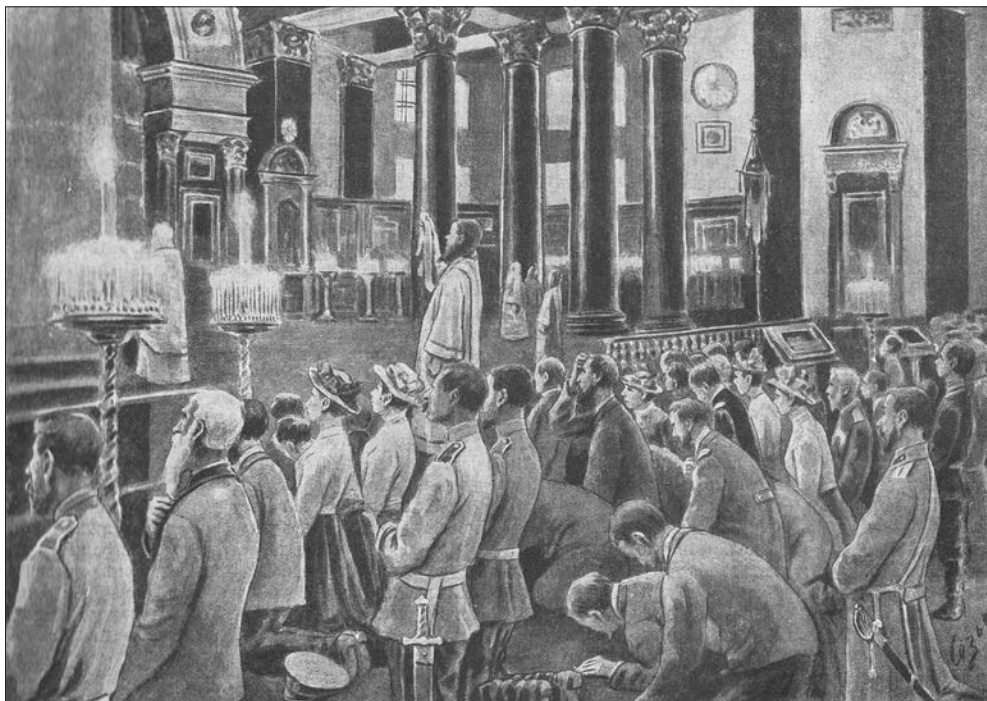
(здесь и далее фотографии взяты из дореволюционных журналов и архивов)

манifestации в поддержку Правительства и во славу Отечества, так что пришлось обращаться к населению с призывом соблюдать спокойствие и выдержку. Затаив дыхание, вся Россия, казалось, вслушивалась в слова Манифеста, провозглашенного Императором Николаем II, текст которого завершался так: *«С глубокою верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наше Божие благословение»*¹. После зачитания Манифеста в сослужении придворного духовенства был совершен молебен о даровании русскому воинству победы над врагом. На аналое, приготовленном к молебну, находилась Чудотворная икона Спасителя из часовни домика Петра Великого и Чудотворный образ Богоматери из Казанского собора. Приложившись после молебна ко кресту, Государь Император обратился к представителям армии и флота со словами о том, что со спокойствием и достоинством Россия встретила известие об объявлении войны, и выразил убеждение, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до победного конца. Государь Император завершил свою речь историческими словами: *«Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей. И к вам, собранным здесь представителям дорогих Мне войск Гвардии и Петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь Я ко всей единой, единодушной, крепкой как стена гранитная, Армии Моей и благословляю ее на труд ратный»*².

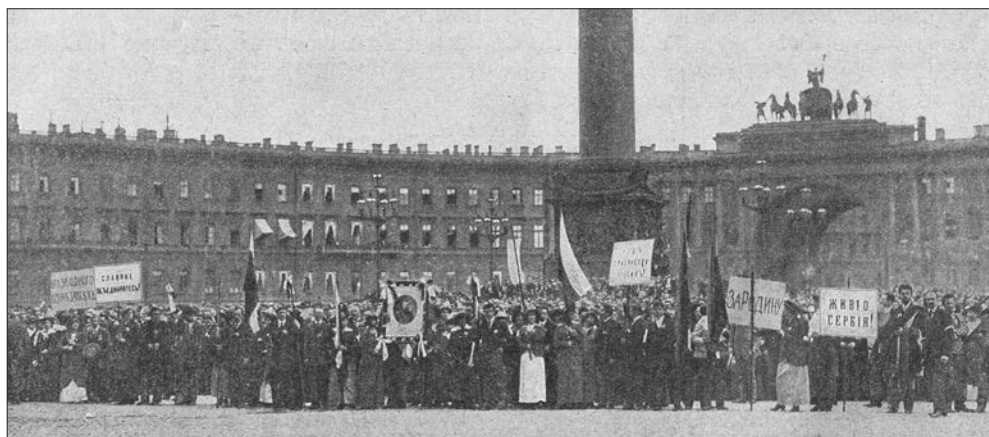
В первые дни войны патриотическая эйфория и уверенность в непре-
менной победе России оказались настолько сильными, что зазвучали надеж-

¹ Правительственный Вестник. № 161, 1914.

² Там же.

В Казанском соборе. Молебствие о даровании победы над врагом русскому воинству (Рисунок с натуры для «Русского Паломника» худ. А. Сезько)

Патриотические манифестации в столице. Манифестанты на площади перед Зимним дворцом, около Александровской колонны

ды о скором взятии Константинополя, позже, в результате победоносного наступления русской армии, они нашли отражение даже в серьезных обсуждениях в Синоде. Как писал в своих «Воспоминаниях» Антоний Храповицкий: Синод «обсуждал вопрос о том, кому будет принадлежать Константинополь, может быть, потому что старец Григорий Распутин предсказал освобождение Царьграда и назвал даже полк, который пер-

вым войдет в город. Если он войдет в состав России, то что делать с Константинопольским патриархом? Высказывались мнения, что следует оставить ему титул экзарха с подчинением Синоду, а митрополит Антоний предлагал восстановить Византийскую империю под властью василевса, а Палестину и Сирию передать России, не пройдет и 10 лет как Палестина и Сирия обратятся во Владимирскую или Харьковскую губернию, народ наш так и ринется населять страну, где жил Спаситель»¹. Но уже в последние дни мира, в ожидании войны, было ясно и то, что для успешных действий Церкви в новой ситуации потребуется ряд неотложных преобразований.

Все русское духовенство поддержало Царя с первого дня войны, названной Великой. В этот день Святейшим Синодом в Казанском соборе было совершено всенощное молебствие о даровании победы российскому воинству, после чего состоялось синодальное заседание. С необычайной серьезностью в предчувствии совершенной исключительности события церковное руководство осознало необходимость выхода за привычные рамки, в которые обычно укладывались в соответственных случаях синодальные распоряжения. В прежние войны военное духовенство заранее не разрабатывало специального плана. Каждый священник обычно руководствовался личным усмотрением. На фронтах деятельность духовенства сводилась к совершению молебнов, панихид и иногда литургий, отпеванию умерших, напутствию больных и умирающих. Многие священники (по воспоминаниям современников) плохо представляли, где им быть — на передовой, в перевязочном пункте или в обозе. Даже протопресвитер военного и морского духовенства во время Русско-японской войны не появлялся на театре военных действий.

Как вспоминал протопресвитер Георгий Шавельский, ставший последним протопресвитером русской армии и флота, *«единственным руководством для священников на войне служило Высочайше утвержденное положение об управлении войск в военное время. Но оно не предусматривало всех обязанностей священника, а тем более возможностей для его работы на бранном поле. Иногда же своею краткостью оно сбивало с толку не только рядовых священников, но и начальствующих лиц. Присланный из Иркутской епархии священник Попов явился в госпиталь, согласно положению, с епитрахилью, дароносицей, крестом и кадилом, без антиминса и полного священнического облачения. Когда благочестивый главный врач госпиталя попросил его отслужить литургию, он ответил, что у него нет принадлежностей для этого, да он и не обязан совершать литургии: согласно положению, его дело — напутствовать и хоронить. Когда в 1904 году благочинный 9-й Сибирской дивизии потребовал от подчиненных ему госпитальных священников, чтобы они обзавелись антиминсами и совершали литургии, его начальник — главный священник Манчжурской армии, прот. С. А. Голубев возразил ему: “Госпитальному священнику антиминса не полагается”. А между тем, где же на войне служить литургии, как не в госпиталях?»*²

¹ Цит. по материалам: Дроба Сергей, священник. Церковь, государство и общество XX века по периодическим изданиям и воспоминаниям. Тверь, 2010. С. 40.

² Материалы по истории Церкви. Кн. 11–12 / Георгий Шавельский, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. 3-е изд. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2010. С. 424.

В 1914 году активизировались все формы церковной жизни. Принятое в июле 1914 года Святейшим Синодом постановление за № 6502 совершенно выходило из прежних рамок и являлось патриотическим актом высокой важности, заключающим в себе общие и деловые директивы для всего непризванного к оружию православного населения в патриотической его деятельности во время войны. Молитва к Богу о помощи теперь составляла, бесспорно, первое дело Церкви. Предписывалось совершать моления Господу Богу о даровании победы Христолюбивому российскому воинству, совершаемое во время брани с супостатом, с коленопреклонением, по чину, напечатанному в Последовании молебных пений, с произнесением при этом пастырского поучения, а затем приносить Господу Богу в церквях повседневные молитвы о победе над врагом. Это предписание было напечатано в «Церковных ведомостях» и его приложениях. Таким образом, Церкви, являвшейся одним из важнейших факторов в строении государства, предписывалось взять на себя в максимальной степени инициативу организации содействия Отечеству в великом для Родины деле победы над врагом.

Святейший Синод призывал монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых и больных воинов, на вспомоществование семьям лиц, призванных на войну; предписывалось установить во всех церквях особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны. Монастыри, общины и другие духовные учреждения были призваны подготовить помещения под госпитали и к содержанию их. Боголюбивые люди были призваны Церковью к жертвованию собственных сил и средств на благополучную работу этих медицинских учреждений. На призыв к заповеди о христианской любви «во имя облегчения печали и улучшения материального положения семей воинов, ушедших на фронт», откликнулась вся Россия. Призыв к патриотической проповеди казался естественным и не требовал, разумеется, детальных пояснений.

В это же время состоялся единственный в предреволюционной России Съезд военного духовенства, который затронул вопросы: об инструкциях военному священнику; богослужebные; катехизации; библиотечной деятельности; миссионерской деятельности; правовой деятельности (о суде); благотворительной деятельности; о борьбе с алкоголизмом и воспитании заключенных. Таким образом, на Великую войну священники направились со строго разработанной Съездом инструкцией. Надо отметить, что эта инструкция не была результатом кабинетной деятельности, она отражала предшествующий опыт и наблюдения за всеми возможностями, какие представляются для работы священников на поле брани, поэтому имела значение первостепенной важности.

По свидетельствам протопресвитера Георгия Шавельского можно судить о значении этой инструкции для фронтового духовенства и всего фронта. Она оговаривала точный круг работ и обязанностей каждого прибывающего на фронт священника, что особенно важно было для вновь мобилизованных, не знакомых с требованиями и условиями военной службы. А таковых было большинство: в мирное время в ведомстве протопресвитера состояло 730 человек, за время войны в армии пребывало свыше 5 тысяч лиц духовного звания. Инструкция точно разъясняла каждому полковому, госпитальному, судовому священнику, где он должен находиться, что должен делать

во время боя и в спокойное время, где и как он должен совершать богослужение, о чем и как проповедовать и т. д.

Помимо общеизвестных обязанностей инструкция возлагала на священников Первой мировой много того, о чем не помышляли их предшественники. Строевому священнику вменялось в обязанность: помогать врачам в перевязке раненых, распоряжаться перенесением с поля боя убитых и раненых, заботиться о поддержании в надлежащем порядке воинских могил и кладбищ, извещать родственников убитых и раненых воинов, пополнять походные библиотеки и т. п. Госпитальному священнику вменялось в обязанность возможно чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать, утешать, писать письма под диктовку больных, погребать покойников с возможной торжественностью. По мере выявления новых нужд выработанная Съездом инструкция пополнялась распоряжениями и указаниями протопресвитера, объявлявшимися в особых приказах.

Духовный управляющий аппарат на театре военных действий представлял собой стройную и совершенную организацию: протопресвитер, его ближайшие помощники; главные священники, их помощники; штабные священники; наконец, дивизионные и госпитальные благочинные и гарнизонные священники. В конце 1916 года Высочайшим повелением были учреждены должности главных священников Балтийского и Черноморского флотов. Для лучшего объединения и направления деятельности духовенства армии и флота регулярно проводились совещания протопресвитера с главными священниками, последних — со штабными и благочинными, были и Съезды по фронтам под председательством протопресвитера или главных священников.

Георгий Шавельский вспоминал: *«Должен по совести сказать, что почти всегда мне приходилось слышать от начальствующих лиц и от рядовых офицеров самые лестные отзывы о работе военных священников. Но без исключений, конечно, не могло обойтись ... О деятельности военного духовенства на театре военных действий я имел счастье слышать блестящие отзывы от обоих Верховных Главнокомандующих. В конце 1916 года Государь как-то сказал мне:*

— От всех, приезжающих ко мне с фронта военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах Армии.

Еще решительнее, в присутствии чинов своего штаба, отозвался в 1915 году Великий князь Николай Николаевич:

— Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в Армии.

Я дважды слышал от него эти слова»¹.

Такие отзывы были вполне заслужены духовенством. В войну, названную современниками Великой, военное духовенство впервые работало дружно, согласно, по самой широкой программе. Священники делили с воинами все тяжести и опасности войны, возбуждали дух, будили совесть, своим участием согревали уставшие души, предохраняя их от возможного на

¹ Материалы по истории Церкви. Кн. 11–12 / Георгий Шавельский, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. 3-е изд. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2010. С. 431.

войне ожесточения и озверения. Вот с какими словами на обедне обращался священник Олег Адамович к солдатам 1-го Егерского графа Йоркского батальона, вступившим на землю неприятеля, в Ортельсбурге:

«Третий день сегодня, как мы на вражеской земле. Сделали два больших перехода. Жители бегут в панике. Оставляют дома. Бросают имущество. А вчера нашли брошенного спеленатого младенца. Мать в безумном страхе бросила то, что ей дороже всего, бросила свое грудное дитя. Где теперь эта бедная мать? Опомнившись от первого страха, где-нибудь на дороге или в лесу, голодная и холодная, она ломает руки и молит Бога спасти ее родное дитя.

Братья воины! Мы должны разить врага, когда он с оружием в руках идет против нас. Когда же он просит пощады, мы должны щадить его и миловать. Еще мягче мы должны относиться к мирным жителям. Вы сами видели, в каком бедственном положении они находятся. Не будем их обижать. Не будем трогать их имущества. Пусть они возвращаются в свои дома, найдут все в таком виде, как и оставили.

Тогда они будут благословлять русских воинов и восхвалять Бога, в Которого мы веруем»¹.

Конечно, трудно поверить, что все священники действовали строго по инструкции, что они не могли проявить героическую самостоятельность и принять собственное творческое решение по обстановке. Когда требовало дело, оказывалась бессильной инструкция, предписывающая священнику находиться в перевязочном пункте, если он понимал, что в этот миг нужен в окопе или даже за ним, впереди отряда, атакующего неприятеля.

III. «Сам Суворов плакал»...

Подвиг русского священства в Первую мировую войну

Невозможно представить подвиг священников Русской Православной Церкви на фронтах Первой мировой войны отдельно от подвига всего русского воинства. Священник и солдат, показывая чудеса профессионализма и героизма, вместе стояли перед лицом смерти, вместе шли на врага Отечества, но оружие у них было разное. Глубокая вера, крест и молитва — оружие несокрушимое, победоносное и спасительное. Именно с таким запасом «боевых средств» шли священники и в лазарет, и к разверстой братской могиле, и на передовую. Издревле Русская Православная Церковь утверждала, что нет различия между нею и воином, воюющим за благо Отечества, воином, соблюдающим долг Присяги и совести. Известно, что Сам Иисус Христос не только не отверг просьбы боголюбивого римского сотника, который был как отец солдатам, но даже поставил его веру выше веры многих, сказав, «и в Израиле не нашел Я такой веры» (Мф. 8: 10). Вера делает человека человеком, сыном Отечества и, если надо, верным его защитником. В «Своде военных установлений», выпущенном при Николае I, сказано, что «Дурной сын Церкви не может быть добрым сыном своего Отечества». Эта немудреная истина имела яркие подтверждения в русской истории.

¹ Вестник Военного и Морского духовенства. 1915. № 24. С. 832.

Неисчислимо примеров тому, что означает «добрый сын Отечества». Применительно к воину, кратко говоря, — это тот, кто обладает силой воинского духа. Со времен Суворова сущностью русской национальной доктрины, сформулированной в его «Науке побеждать», является превосходство духа над материей. Но вся эта мудреная «наука», как энергия в атомном ядре, сосредоточена в нескольких простых строках «Молитвы воина перед вступлением в бой с врагами Отечества».

Господи Боже, Спасителю мой! По неизреченной любви Твоей Ты положил душу Свою за нас. И нам заповедовал полагати души наша за друзей своих. Исполняя святую заповедь Твою и упоая на Тя, безбоязненно иду я положить живот свой за веру, Царя и Отечество и за единовверных братьев наших. Сподоби мя, Господи, непостыдно совершить подвиг сей во славу Твою. Жизнь моя и смерть моя — в Твоей власти. Буди воля Твоя. Аминь.

Все свои теоретические положения глубоко верующий и прививавший веру своим героическим солдатам Александр Васильевич Суворов доказал собственным примером и опытом ведения победоносных сражений. Но кроме неколебимого духа необходимо воину милосердие, которым, как известно, в избытке обладал Генералиссимус. Наверное, в силу такого своего благодатного качества характера оказался он и на кровопролитных фронтах Первой мировой, не смог не помочь духом своим сыновьям России в жесточайшей человеческой войне под названием Первая мировая война.

От очевидцев известно, что великий русский полководец явился на помощь отступавшему в кровопролитном бою четвертому батальону 11-го Фанагорийского полка, поднял наступательный дух бойцов и увлек их в контрнаступление. Много тому свидетелей, а поручик этого полка поэт Арсений Несмелов запечатлел чудесное явление в своем стихотворении¹.

*...Мы уж слева дрогнули и справа,
Враг наваливался как медведь,
И защите знамени со славой
Оставалось только умереть.
И тогда, — клянусь, немало взоров
Тот навек запечатлело миг!
Сам Генералиссимус Суворов
У седого знамени возник.
Был он худ, был с пудреной косицей,
Со звездою был его мундир.
Крикнул он: «За мной, фанагорийцы!
С Богом, батальонный командир!»
И обжег приказ его, как лава,
Все сердца: Святая тень зовет!
Мчались слева, подбегали справа,
Чтоб, столкнувшись, броситься вперед!*

¹ Воскресни, Русь! О патриотизме, достоинстве русского человека и православном понимании войны. Даниловский благовестник. М., 2001. С. 52.

*Ярости удара штыкового
Враг не снес; мы ураганно шли,
Только командира молодого
Мертвым мы в деревню принесли.
И у гроба — это вспомнит каждый
Летописец жизни полковой, —
Сам Суворов плакал: ночью дважды
Часовые видели его.*

Если сам Суворов плакал над потерями соотечественников, то не могли оставаться равнодушными и воевавшие священники. Нет, они, конечно, не имели права показать слез сочувствия, они сами должны были утешать и поднимать солдатский дух, и молить Бога о помощи русским сынам. Свидетельством самоотверженного священнического служения являются исторические воспоминания и статистические данные протопресвитера Георгия Шавельского.

В Русско-японскую войну был убит один священник. Погибшие на кораблях в Цусимском сражении не учтены. В Первую мировую убитых и умерших от ран священников было более 30 человек. В Русско-японскую войну раненых и контуженых священников не набралось и десяти, в Великую войну их было более 400. Более ста военных священников попали в плен. Пленение священника говорит о том, что он находился на своем посту, а не прятался от опасности в тылу. О мужестве православных священников свидетельствуют их ордена. Из оставшихся в живых пастырей-героев 14 были награждены офицерскими Георгиевскими крестами 4 степени. За все время существования Георгиевского креста, от Императрицы Екатерины II до Великой войны, этой наградой было удостоено всего 4 священника. А во время Великой войны — 14. Каждый из этих четырнадцати человек совершил какой-нибудь особый подвиг. По современной статистике все эти цифры оказываются гораздо выше. Так, за годы войны священникам было вручено: 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте, 85 орденов св. Владимира 3 степени с мечами, 203 ордена св. Владимира 4 степени с мечами, 643 ордена св. Анны 2 и 3 степени с мечами¹. Для получения каждой из этих награды тоже требовался подвиг.

Вот как торжественно и благодарно звучал Высочайший Указ от ноября 1914 года о первых наградах священникам, участвовавшим в Великой войне.

Государь Император Высочайшим указом на имя Капитула Российских Императорских и Царских орденов, данным в 6-й день ноября сего года, в Царском Селе, Всемилостивейше соизволил причислить протопресвитера Военного и Морского духовенства Георгия Шавельского, во внимание к отлично-усердной службе его Церкви Божией и особым трудам, понесенным им во время военных действий, к ордену св. Владимира 2-й степени.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Синодального Обер-Прокурора о засвидетельствованных военным начальством особых

¹ Новиков В. С. Армия и Русская Православная Церковь // Военная мысль. 1992, № 4–5. С. 60.

трудах, понесенных нижепоименованными семью священнослужителями во время военных действий, и согласно определению Святейшего Синода, в 6-й день ноября сего года, в Царском Селе, Всемилостивейше соизволил: 1) на пожалование золотого наперсного креста на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества — священнику 99-го пехотного Ивангородского полка Андрею Аркадову и 2) на сопричисление к орденам св. Владимира 3-й степени с мечами: протоиерея Кавалергардского Ея Величества Государыни Марии Федоровны полка Стефана Щербаковского и без мечей: протоиерея лейб-гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка Иоанна Смоленского; св. Анны 2-й степени с мечами: священника 105-го пехотного Оренбургского полка Иоанна Мирялобова и 3-й степени с мечами: священников пехотных полков: 171-го Кобринского — Феодора Георгиевского и 108-го Саратовского — Евсевия Ланге и священника лейб-гвардии Конного полка Николая Комарицкого.

Не мечтали о наградах ни эти, награжденные, ни многие другие, не отмеченные Государем священники, когда свершали свои «особые труды» на бранном поле во славу Божию и на благо Отечества. У одних эти «особые труды» выражались в мужественном исполнении своих обязанностей под огнем врага, другие — под этим огнем выносили раненых с поля сражения. Так, в бою 19 октября 1916 года священник 318-го Черноморского пехотного полка Александр Тарноуцкий и иеромонах, имя которого не сохранилось, исполнявший обязанности священника в одном гвардейском стрелковом полку, и несколько других полковых священников были убиты, когда они с крестами в руках шли впереди своих полков. О деятельности многих священнослужителей остались скудные сведения, а от некоторых не осталось даже имен. Так не будем забывать то немногое, что история сохранила для нас, потомков этих героев.

Имя первого убитого на войне священника Николая Саввича Кульчицкого сохранилось в краткой справке «Вестника Военного и Морского духовенства» № 19 за 1914 год, но о его служении сказано мало. *«Сообщаем только, что получены краткие сведения об убитом на поле брани священнике Николае Саввиче о. Кульчицком. Он убит 5 сентября разрывом шрапнели. Смерть постигла о. Кульчицкого в расцвете сил, в сорокалетнем возрасте. В военном ведомстве он служил 10 лет, но пришлось участвовать и в русско-японском походе. В нынешнюю войну он оказался первой жертвой из среды военного духовенства».*

16 октября 1914 года героически погиб священник линейного заградителя «Прут», иеромонах Бугульминского монастыря, 70-летний старец Антоний (Смирнов). Когда «Прут» во время боя начал погружаться в воду, отец Антоний стоял на палубе и осенял Святым Крестом свою паству, боровшуюся со смертью в волнах. Ему предлагали сесть в шлюпку, но он, чтобы не отнять место у ближнего, отказался. После этого он спустился внутрь корабля и, надев ризу, вышел на палубу со Святым Крестом и Евангелием в руках и еще раз благословил своих духовных чад, осеняя их Святым Крестом. А затем вновь опустился внутрь корабля. Скоро судно скрылось под водой.

Удивительно созвучно этому героическому, не единичному для русских священников подвигу, стихотворение современной петербургской поэтессы Валентины Ефимовской, являющееся свидетельством бессмертия памяти и

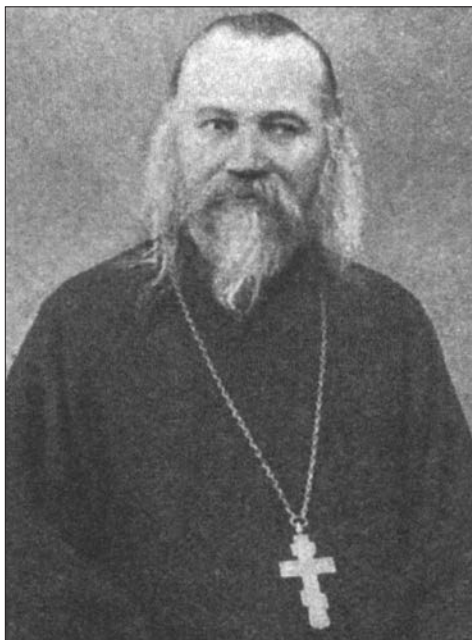
подтверждением возможного духовного прозрения художника, который может и не знать о конкретном историческом факте.

Под Андреевским флагом

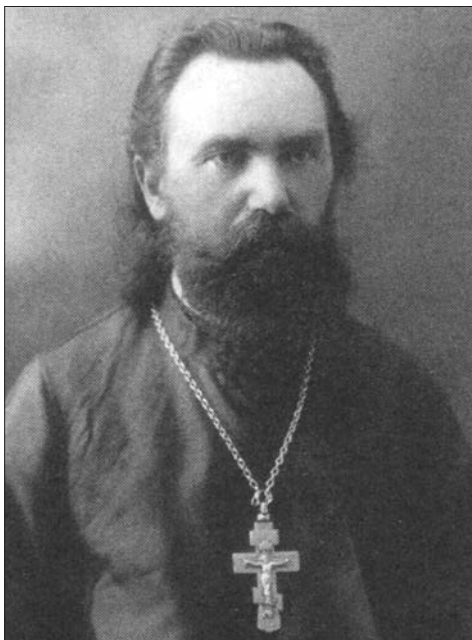
*Блаженно дыхание бриза
Томительно чайки кричат,
Златой, невесоמוю ризой
На волны ложится закат.
Рокочет угрюмое море,
Что зыбок и призрачен мир.
В пучине лежат, как в соборе,
Священник, матрос, командир.
И вижу я, глядя на воду,
Картины героических смертей —
В сраженьях морских за свободу
Великой Отчизны моей...
На палубе крови без меры,
Сражения близок конец...
Своею молитвенной верой
Спасает духовный отец.
Волна заливает каюты,
Корабль оседает кормой,
Кадит до последней минуты
Священник с седой головой.
Детей своих — добрую паству —
Светло осеняет крестом,
Чтоб каждый из гибнущих спасся
И был бы утешен Христом.
«Сдавайтесь! — стихия бесилась —
И жизнь вам враги сохранят».
Но насмерть герои стоят,
Приемля лишь Божию милость
К погибшим за други своя.*

Священник 154-го Дербентского полка Павел Иванович Смирнов своим мужеством и спокойствием в трудную минуту так поднял дух полка, что полк, вдохновленный своим пастырем, не только преодолел опасность, но и одержал победу. Имя отца Павла после этого стало героическим для всей Кавказской армии. Священник был награжден орденом Св. Георгия 4 степени.

Иного рода подвиг в начале войны совершил священник 58-го Прагского полка Парфений Холодный. Полк действовал тогда в Галиции. Отец Парфений с полковым врачом и одним из младших офицеров переезжал в двуколке по мосту реку. Тут они наткнулись на австрийскую засаду, спрятавшуюся под мостом. Выскочив с ружьями наперевес, австрийские солдаты окружили двуколку. Отец Парфений не растерялся. Осенив крестом своих врагов, он обратился к ним из двуколки с увещанием, что не должно братьям проливать кровь и, кроме того, впереди и позади большие русские отряды, засаде

Иеромонах Антоний (Смирнов)

*Священник Парфений
(Холодный), 1913 г.*

не уйти от гибели, поэтому лучше, не проливая крови, сложить оружие. Убедительная и вдохновенная речь отца Парфения была понятна нападавшим, так как среди них были чехи и угрорусы. Пошептавшись между собой, они начали сдавать оружие, которое было сложено в двуколку. А пленники, конвоируемые офицером и доктором с отцом Парфением, были приведены в находившийся недалеко штаб полка. Отец Парфений стал первым священником, награжденным наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Но не всегда священнические подвиги проходили так легко и бескровно. В праздник Богоявления протоиерей Александр Павлович Холмогоров, совершив Божественную литургию при штабе дивизии и Крещенское водосвятие, несмотря на свою усталость и сильный мороз, без замедления отправился на позицию с духовным утешением к своим чадам, находившимся в окопах. Так как был ясный морозный день,

*«Подвиг русского православного священника
Парфения Холодного». Лубочный плакат*

то над позицией кружились вражеские аэропланы, и еще с утра начался артиллерийский обстрел наших окопов. Отец Александр смело направился прямо к окопам и стал окроплять их иорданской водой, начав с крайнего левого фланга. Когда он дошел до среднего, самого опасного боевого участка, вблизи которого, как бы предупреждая пастыря, разорвались, не задев его, две бомбы, он не прекратил окропление, хотя офицеры советовали ввиду сильного обстрела перенести чин на другой день. Но неустрашимый пастырь продолжал свое святое дело. Вдруг послышался свист бомбы, она летела прямо на отца Александра. Благочинный получил более двадцати ран от осколков, один из них повредил позвоночник неустрашимого батюшки. Истекающего кровью его, не потерявшего сознание, бойцы перенесли в лазарет, где после исповеди и причастия священник скончался на руках вызванного из ближайшей артиллерийской бригады отца Кашубского.

Слова, прозвучавшие в память об отце Александре, могли бы быть, наверное, посвящены большинству священников, показывающих на фронтах Первой мировой войны воодушевляющий пастуший героизм и отеческую мудрость. В последний путь героя провожали с такими проникновенными словами: *«...С первых дней твоего духовного общения с полком ты стал для всех дорогим, желанным, ты стал душой полка. Скоро ты сумел занять почетный уголок в душах и сердцах всех твоих духовных чад — от рядового солдата до командира полка включительно. Все увидели в тебе облик евангельского доброго пастыря, полагающего душу свою за овцы своя, что так дорого всегда для военной паствы, а особенно теперь, в тяжелую войну, явным подтверждением чего явилась твоя мученическая кончина в передовой линии окопов... Землю поклоняясь пред твоим прахом, благодаря перед твоей памятью, сплетем тебе, собрат и незабвенный пастырь, не из роз живых и листьев дубовых венков, но из наших сердечных чувств уважения и любви к тебе. В горячей молитве к Богу да изольется наша печаль»*¹.

Другой тип героического характера или священнического пути, не такой яркий, но не менее значимый, можно увидеть на примере фронтового служения отца Василия Румянцева, мобилизованного в первые дни войны на должность полкового священника в один из сибирских стрелковых полков. С полком он находился неотлучно более двух лет. Много трудностей пришлось пережить вместе. Скромный и трудолюбивый батюшка жил интересами полка, радовался его радостям, скорбел его печалью. Отец Василий находился всегда в полковом перевязочном пункте, исполняя здесь свои прямые обязанности. Сам помогал врачам перевязывать раненых и отправлять их в тыл. Батюшка был любимцем и солдат, и офицеров. В январе 1915 года он получил общую контузию от разорвавшегося снаряда, а в бою в октябре 1916 года в Галиции от осколков гранаты получил шесть ранений, приведших к смерти. Мучительны были последние два дня его жизни: слабый сердцем, худенький священник лишь на моменты приходил в сознание. В некрологе было написано: *«Покойный отличался редкой добротой и самопожертвованием»*². Сослуживцы подтверждали, что батюшка был очень скромен и деликатен в своих словах и поступках,

¹ Вестник Военного и Морского духовенства. 1917. № 4. С. 117.

² Иркутская жизнь. № 273, 4. XI. 1916.

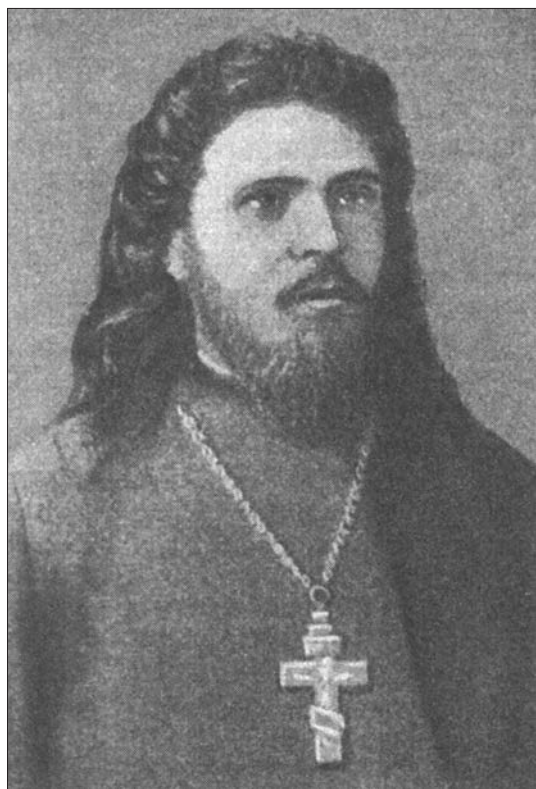
был отзывчив и не требователен — довольствовался малым. Жизнь этого священника достаточно типична и показательна в смысле понимания, что такое «зов, а не приказ». Так пример веры, скромности, милосердия, оказывающийся убедительнее любых наказаний и команд, пересиливал человеческие немощи и страхи.

Но были священники и другого темперамента, как, например, отец Сергей Соколовский, свершивший не только подвиг священнического служения, но и ряд военных подвигов и награжденный орденом св. Георгия. Как было сказано в ответе Духовного Правления на запрос Главного Штаба, — «*по имеющимся сведениям отец Соколовский награжден назначенным орденом не за определенный подвиг, а за легендарную храбрость*»¹. Героическая отвага отца Сергея была легендарной. С первых же дней пребывания на позиции — а она всегда была в 200 шагах от его землянки, — протоиерей непременно стремился туда, где визжали пули и рвались снаряды. Отец Сергей, происходивший из новгородской священнической семьи, сознательно выбрал военное поприще. В 1900 году он поступил на службу в Военное ведомство. В Русско-японскую войну получил два ордена. С 1906 по 1916 год — он оставался священником 7-го Финляндского стрелкового полка. В Первую мировую войну отец Сергей Соколовский был трижды ранен, последний раз — с потерей кисти правой руки. Протопресвитер Георгий Шавельский вспоминал, что когда на австрийском фронте 7-му Финляндскому стрелковому полку нужно было разрушить проволочные заграждения, и было сделано несколько безуспешных попыток, не принесших ничего, кроме больших потерь для полка, помочь вызвался отец Сергей. С разрешения командира полка он повел за собой несколько десятков солдат-добровольцев, которые под покровом ночи смогли разрушить проволочные заграждения.

А вот с какими оценками его личных качеств рассказывалось о легендарном священнике в выписке из рапорта священника Особого пехотного полка Николая Богоявленского от 8 декабря 1916 года № 48. Полк, находящийся в 1916 году в провинции Шампань, должен был произвести скрытый набег на неприятеля с целью захвата пленных. Горстку бойцов-добровольцев возглавил отец Сергей. Идя смело впереди всех со Святым Крестом «*в рое свистящих пуль и бросаемых неприятелем бомб, он зорко следил за своими солдатами*». Первую медицинскую помощь оказывал им сам. «*Он ничего не боялся*», — это слова его солдат, воодушевленных примером священника! Цель набега была осуществлена блестяще. По рассказам очевидцев, священник, как всегда, возвращался последним, но, не дойдя немного до своих траншей, получил от осколков разорвавшейся бомбы два тяжелейших ранения: в правую руку и в правый бок. Первое время состояние здоровья священника было ужасное, особенно от потери крови. Французский солдат — санитар Матирин Потье предложил свою кровь, видя, как тяжело страдает легендарный батюшка. Операция по переливанию спасла жизнь отцу Сергию, но правой руки он лишился. Отец Сергей Соколовский снискал почет и союзных войск, собственноручно в госпитале Орденом Почетного легиона его наградил командир корпуса генерал Дюна, а командир армии прислал для передачи ему Военный крест.

¹ Капков К. Г. Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. Москва-Белгород: Летопись, 2012. С. 683.

«Шел первым — возвращался последним!» Вот формула поведения на войне многих героев-священников. Но подобный подвиг одним из батюшек был совершен ранее, он имеет поныне зримый образ, запечатленный литературно и художественно. С почтением и благодарностью имею честь вспомнить и рассказать о своем прадеде, протоиерее Стефане Щербаковском. Можно предположить, что его подвиг, свершенный в Русско-японскую войну, ставший широко известным не только в России, вдохновлял многих священников и в Первую мировую войну. Стефан Щербаковский родился в 1874 году в семье псаломщика села Качкаровка Херсонской губернии. Окончил Одесскую Духовную семинарию. На Русско-японскую войну отец Стефан ушел добровольцем, став священником 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Вместе с ним ушла и его жена, записавшись сестрой милосердия. О его службе и подвигах достаточно подробно рассказано в книге К. Г. Капкова «Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия»¹.

Священник Стефан Щербаковский 1903 г.

Стефану Щербаковскому довелось участвовать в Тюренченском бою у реки Яла 18 апреля 1904 года, где «6000 русских с 30 орудиями дрались с 36 000 японцами при 128 орудиях»². Сопrotивление русских войск продолжалось 10 часов; в неравном бою были убиты или ранены 75 % личного состава. Потери японцев были также велики. В этот день воины Восточно-Сибирского полка находились в центре боя. Под звуки полкового марша и российского гимна «Боже, Царя храни!» солдаты несколько раз бросались в атаку. Но одолеть японцев не удалось. Когда был убит командир полка, отец Стефан с поднятым крестом в руках и пением «Христос Воскресе» поднял в атаку остатки полка, идя впереди знаменосца. После этого полк отбил сопку и дал возможность другим войскам выйти из окружения. Пробиваясь вперед, мой

прадед был ранен в руку, в ногу, контужен в бок и потерял сознание.

Вот как сам отец Стефан скромно вспоминал тот день: «Много сейчас про меня в газетах неправды пишут, героем каким-то великим пред-

¹ Капков К. Г. Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. Москва-Белгород: Летопись, 2012.

² Керсновский А. А. История Русской армии. М., 1999. С. 427.

ставляют. А все случилось как-то случайно, само собою. Вижу — бойцы лежат рядами. Ранило командира полка. Его бережно положили на носилки, но вторая пуля уложила его на месте. Я машинально взял тогда крест и встал перед ранеными воинами. Музыка играла справа марш, потом “Боже, Царя храни”. Солдаты и офицеры были настроены великоленно. В этот момент я был ранен и потерял сознание»¹. В другой раз отец Стефан рассказывал более подробно о своем подвиге. «Встал я 18-го числа рано, в три часа ночи. Я знал, что бой будет отчаянный, и решил исполнить свой пастырский долг до конца, показав воинам пример самоотвержения и любви своею смертью... В 4 часа я помолился Богу, составил завещание и встал в знаменной роте... В 3 часа пополудни полк выстроился и под звуки полкового марша двинулся в атаку. Я надел епитрахиль, взял крест, благословил солдат и с пением “Христос Воскресе” пошел во главе стрелков знаменной роты. Картина была поразительная, грандиозная... Без малейшего колебания шли славные стрелки на верную смерть, в адский огонь, среди рвущихся снарядов. Только каждый, пред тем как двинуться в бой, крестился. Потом все смешалось. Музыка тот час же смолкла. Кто побежал вперед, кто упал убитым или раненым. Я почувствовал сильный удар в руку и в ногу и упал навзничь, потеряв сознание»².

Много говорит о природе христианского подвига на войне такая подробность. Отца Стефана, истекающего кровью, положили на подводу, идущую в госпиталь. По пути священник очнулся и увидел, что солдата хотят похоронить без отпевания. Ослабевший священник поднялся с подводы и в заботе о спасении души незнакомого ему раба Божия сумел отслужить панихиду по убитому, тем добавив еще один узелок в прекрасное полотно всеобщей Божественной гармонии.

Личной глубокой любовью к Богу ведом в своем подвиге священник, в душе которого радость о мире соседствует с пониманием необходимости этот мир созидать и защищать. В Новом Завете мир — это дар Божией любви, он равнозначен эсхатологическому спасению. Мир — это благодатное состояние человеческой души, освобожденной от рабства греха. Состояние бытия в Боге — есть нормальное состояние твари, «потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира» (1 Кор. 14: 33). Но для того, чтобы наш человеческий мир был гармонично устроен и устойчив, нужна опора, и отыскать ее не сложно, давно и ясно каждому из нас сказано: «Только во Мне — опора твоя» (Осия. 13: 9) Поэтому невозможно представить подвиг священника, идущего с крестом впереди войск в рое вражьих пуль и разрывах снарядов, только как следствие его личного усилия. Без Божией помощи нет победы и подвига. Только во встречном движении любящей человеческой души к Богу и Бога к человеку осуществляется восстановление ущерба бытия. Победа над врагом в войне есть составляющая всеобщей победы над грехом и злом.

Священники понимали это и шли на войну вместе с народом, и разделяли все его тяготы. Исконно всех русских людей связывает атмосфера общих чувств, единого порыва, подобное каждый из нас не раз испытывал и ис-

¹ Капков К. Г. Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. Москва-Белгород: Летопись, 2012. С. 650.

² Там же. С. 651.

пытывает в новейшее время. Эту национальную особенность хорошо сформулировал в 1904 году русский публицист М. О. Меньшиков: «... нужна общая гармонизация чувств, нечто понятное и дорогое не отдельным людям, а всем вместе. Непременно всем, как мгновенно понятны народная песня и язык. И как хорошо, что, вопреки беспочвенным рационалистам, сектантам, интеллигентам-интернационалистам, мы все-таки, оказывается, имеем общую живую веру, общую с народом поэзию быта, общую с ним любовь. И только это общее дает силу жить и сопротивляться. Если за что не жаль отдать жизни, то только за это. За благовест бедной церкви, за “Христос Воскресе”, за землю отцов и дедов, тоже когда-то ливших свою кровь за Русь Святую, за святое счастье быть русским»¹.

За счастье быть русским, за возможность передавать его по наследству шли священники в Первую мировую войну на поле брани, не жалея жизни, исполняли не только возложенные на них обязанности, но и значительно расширяя их число. Генерал А. А. Брусилов, вспоминая о тяжелых днях для русской армии в 1915 году, писал: «В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастеров мелькали черные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой»².

Этому священному единству, выражающемуся подвигом, посвящено стихотворение военного топографа капитана М. Н. Левитского. О бое, который возглавил отец Стефан Щербаковский, он написал так:

*...Тогда на место командира
Священник наш отец Стефан
С крестом в руках встает пред нами,
Подъезжая крест пред небесами,
Ведет бойцов на вражий стан:
За крест, за Родину! За мною!..
И мы пошли... Со всех сторон
Несется грохот, свист и стон
Над омраченную землю,
И у священника из рук
Валится крест на землю вдруг;
Но он, без слов творя молитву,
Другой рукой его берет.
И снова рать ведет на битву...*

Протоиерей Стефан Щербаковский был награжден орденами св. Георгия 4 степени, св. Владимира 4 степени с мечами, св. Анны 2 степени с мечами и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Он участвовал в боях Первой мировой войны. Его подвигу посвящена большая картина художника М. Л. Маймона. Открытки и художественные настенные тарелки с изображением Щербаковского выпускались в начале XX века даже во

¹ Меньшиков М. О. Вечное Воскресение. М., 2003. С. 63.

² Яковлев Н. 1 августа 1914 г. Молодая гвардия, 1967. С. 681.

«В горах Тюренчена», 18 апреля. Художник М. Л. Маймона, 1905 г.

Франции. Интересно, что на выпущенной в 1919 году в Европе серии почтовых марок, приписываемых правительству А. И. Деникина, в частности, повторялась иконография вышеназванной картины.

В октябре 1914 года, вдохновленный подвигом отца Стефана, повторил его полковой священник отец Василий Шпичек. Когда его 9-й драгунский Казанский полк дрогнул перед врагом, на своей тощей лошаденке вылетел вперед скромный и застенчивый отец Василий и с криком «За мной, ребята!» понесся вперед, увлекая в атаку бойцов. Противник бежал, полк одержал победу. Священник был награжден Георгием 4 степени.

Наверное, образ именно такого, возглавляющего победоносную атаку батюшки наиболее яркое и убедительное свидетельство подвига священства в Первую мировую войну. Но кто-то ведь следил за подвигами священников, кто-то учитывал их и выносил решения о награждении, кто-то безустанно управлял делами всей Церкви. Да, иерархи Церкви, высшие церковные чины, богословы, ученые тоже не оставались в стороне, свершая свой личный подвиг служения Родине и народу.

Петр Иванович Лепорский в Русской Православной Церкви начала XX века был известным санкт-петербургским ученым-богословом, он был талантливый преподаватель Духовной академии.

Тарелка со сценой подвига о. Щербаковского. Начало XX века. Франция

Вот уведомление о его профессиональной деятельности, данное епископом Нарвским Никандром (Феноменовым) для утверждения Лепорского в должности преподавателя в Императорском Санкт-Петербургском Историко-филологическом институте: «Протоиерей П. И. Лепорский — магистр богословия — состоит экстраординарным профессором по кафедре догматического богословия; с успехом преподает в академии сей предмет с октября 1896 года»¹.

Во время Первой мировой войны с августа 1914 года до сентября 1915 года и с мая по начало октября 1916 года протоиерей П. И. Лепорский был назначен Императрицей Александрой Федоровной в ее Северный Ее Величества военно-санитарный поезд. В связи с этим отцу Петру пришлось прервать свою преподавательскую деятельность. Протоиерей Лепорский был награжден за это служение палицей.

В начале декабря 1916 года протопресвитер Военного и Морского духовенства Г. И. Шавельский направил из ставки Главнокомандующего телеграмму следующего содержания: «Протоиерей Лепорский крайне необходим для должности главного священника армии, митрополит отпускает. Усердно прошу в особое одолжение отпустить с сохранением кафедры и содержания». В результате в том же месяце Святейшим Синодом протоиерей П. И. Лепорский был назначен на должность Главного священника армий Румынского фронта. Однако неудачи русской армии и события февраля 1917 года вынудили уже новое Временное правительство рассматривать вопрос о реформировании фронта. С декабря 1917 года по начало февраля 1918 года протоиерей Лепорский, как видно из документов, занимался демобилизацией священников армий фронта. И в феврале 1918 года был уволен со своей должности. Дальнейшему его продвижению по должностной лестнице военного духовенства помешал неприемлемый для Синода факт биографии: ему в вину ставилось то, что он был священником в санитарном поезде Императрицы Александры Федоровны.

Непосредственным начальником Петра Лепорского по линии военного духовенства был Георгий Иванович Шавельский, человек, выбравший воинскую стезю сознательно. После окончания Санкт-Петербургской Духовной академии он занял должность священника Суворово-Кончанской церкви Императорской Николаевской Академии Генерального Штаба. Эта церковь была построена по инициативе Александра Васильевича Суворова в 1789 году в селе Кончанском Новгородской губернии. В память 100-летнего юбилея со дня смерти Генералиссимуса в 1900 году она перенесена в Санкт-Петербург. Во время Русско-японской войны отец Георгий был назначен дивизионным благочинным, а закончил войну в должности Главного священника Маньчжурской армии.

О своих трудах на войне Шавельский писал: *«...перевязывал доктор, а я живых утешал, ободрял, напутствовал, умерших погребал; когда же не было опасно больных и умерших, помогал перевязывать, поил чаем раненых и проч... Когда бой шел по всей линии полка, я неотлучно находился на перевязочном пункте, куда стекались все страдалцы, и где я был*

¹ По мат.: Бохонский Д. О. «Жизнь и труды профессора-протоиерея Петра Ивановича Лепорского». Дипломная работа студента Богословской кафедры Санкт-Петербургской Духовной семинарии. Научный руководитель профессор архиепископ Тихвинский Константин, Ректор. СПбДА, 2003.

нужен им. Когда же бой велся частью полка, и когда я мог быть уверен, что раненых не пронесут мимо меня, я старался во что бы то ни стало побывать у страждущих. Ценили это наши солдаты; большую радость и ободрение всякий раз доставляло им мое появление во время боя под огнем. Сказанное в это время слово особенно близко принимается к сердцу и, кажется, никогда не забывается»¹. Историческим достоянием являются записки протопресвитера Георгия Шавельского «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота». Благодаря этому труду сохранены многие имена и подвиги военного священства.

В 1911 году отец Георгий был назначен протопресвитером военного духовенства с пожалованием митры и, кроме того, в 1913 году — протопресвитером Федоровского собора Собственных Его Величества конвоя и Сводного пехотного полка. Имея цель поднять уровень религиозного воспитания солдат и офицеров, Шавельский успел до войны значительно реорганизовать и упорядочить управление военным и морским духовенством. В течение 1914–1917 годов за исключением времени, проводимого в поездках по фронтам, протопресвитер находился непосредственно в Ставке и имел возможность личного доклада Царю, из рук которого получил ордена св. Владимира 2 степени и Александра Невского.

Георгий Шавельский (крайний слева) среди духовенства в Ставке. 1916 г. Под орденской звездой протопресвитера медаль «За храбрость»

После Февральской революции Георгий Шавельский был одним из немногих представителей высшего эшелона власти, на время оставшихся на своей должности. Он также был одним из кандидатов на Патриаршество и получил 13 голосов. Спасаясь в дальнейшем от красного террора, отец Ге-

¹ Капков К. Г. Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. Москва-Белгород: Летопись, 2012. С. 633.

Нестор (Анисимов). Иеромонах
Камчатской миссии, 1911 г.

с медикаментами. Неоднократно случалось смотреть в глаза смерти под градом пуль, среди рвущихся с оглушительным грохотом фугасов и снарядов, утешать напутственной молитвой умирающих воинов-страстотерпцев, а раненым облегчать страдания оперативной медицинской помощью. Любовь к ближнему и к Родине побеждали, заглушали во мне вспышки страха перед смертью... Приходилось подолгу находиться в окопах среди солдат, напутствуя их молитвой на бранный подвиг за Родину, за Русскую землю»¹.

IV. «Россия — священная наша Держава»

Пока под российский гимн «Боже, Царя храни!» русская армия на фронтах Первой мировой сражалась за Русскую землю, в тылу начались необратимые процессы уничтожения российского государства. Додумался смекалистый враг, что сакральное содержание крепости России отражено в первой строчке гимна, и принялся разрушать означенные в ней сущности. Если в первую очередь русские молят Бога за своего Царя, значит, надо поколебать веру, осмеять молитву и любыми способами расправиться с Царем: оболгать, сокрушить, убить, и тогда падет Россия. Так и произошло.

¹ Капков К. Г. Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. Москва-Белгород: Летопись, 2012. С. 669.

Но так же произошло и 70 лет спустя, когда в первую очередь неизбежный враг России, восстановившейся и процветающей в образе Советского Союза, взял за цель смыслы первой строки советского гимна «Союз нерушимый республик свободных». Разорение сильной страны началось именно с разрушения единства ее национальных республик.

Во времена Первой мировой войны либеральная пропаганда повлияла на мировоззрение немало числа священников, которые сочувственно или безропотно приняли революционные лозунги и преобразования. В опубликованной резолюции Всероссийского съезда Военного и Морского духовенства, состоявшегося в 1917 году, было сказано: *«Съезд постановил единодушно приветствовать совершившийся государственный переворот как исторический момент исключительной важности, открывший перед русским народом светлые перспективы обновленной политики и церковно-общественной жизни, построенной на евангельских началах свободы, любви, равенства, братства... Служители Церкви, проповедующие вечные истины, должны стоять выше изменяющейся политики и каких-либо партий, но будучи в то же время гражданами, призванными в данный момент осуществить свои гражданские права, священно-церковнослужители могут присоединяться к политическим партиям и поддерживать (например, в Учредительном Собрании) тех представителей, которые борются за проведение в жизнь христианских начал и идей народовластия»*¹.

В этой резолюции духовенства уже нет упоминания о Царе, а понятие веры заменено сомнительными политическими конструкциями: «христианские начала и идеи народовластия». В обновленчество из военных священников ушло немало пастырей. Военное духовенство из-за своей близости к революционно настроенной армии последних лет войны оказалось более «революционным», чем епархиальное.

После Февральской революции престиж всех священнослужителей, как военных, так и приходских, стал катастрофически падать, несмотря на то, что в предшествующие годы Первой мировой войны русскими пастырями было явлено большое число примеров героизма. Из среды военного духовенства вышли такие священномученики, как Петр (Зверев), Анатолий (Панкеев), Аркадий (Остальский), Аркадий (Ершов), Алексей (Ставровский), Алексей (Сабуров), Сергей (Флоринский), священноисповедники Сергей (Серебрянский), Роман (Медведь) и др. Но именно в 1917–1918 годах многие священники, оставшиеся верными идеалам Императорской России, в продолжение подвигов мученичества на бранном поле и в эпоху гонений совершали подвиги противостояния смуте, начавшейся в 1917 году.

Общее неуважение к духовенству, внедряемое в предреволюционные годы либеральной пропагандой, началось с насаждения непозволительной фамильярности, когда даже среди офицеров укоренялось такое обращение к священнику, как «батя», «батька», «поп». Для дискредитации духовенства в войсках распространялись по большей части лживые утверждения о некомпетентности священников, об их низких образовательных знаниях и слабом уровне духовной проповеди. А ведь наряду с рядовыми герои-

¹ Капков К. Г. Очерки по истории военно-морского духовенства Российской Империи XVIII — нач. XX веков. Итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 176.

ческими батюшками, обладавшими талантом сердечной проповеди, наиболее действенной в простонародной солдатской среде, обязанности простых полковых священников исполняли архиереи-богословы, такие как епископ (позже митрополит) Трифон (Туркестанов), впоследствии вспоминавший, что подвергался оскорблениям со стороны солдат уже в 1914 году.

Переломить нравственное развращение солдат священники пытались до конца своего служения на фронтах. Так, еще в 1916 году были учреждены должности армейских проповедников, на которые приглашались наиболее талантливые пастыри. В Особую армию был назначен архимандрит Петр (Зверев), впоследствии архиепископ и мученик, в 5-ю Армию — петроградский епархиальный миссионер Николай Чепурин, в 1-ю Армию — иерей Валентин Свенцицкий. Многие священники были очень неплохими проповедниками, и по свидетельству протопресвитера Г. Шавельского «своими вдохновенными проповедями потрясали воинские части, их приветствовали громогласными «ура», выносили на руках, умоляли еще раз посетить их»¹.

Но не всем проповедникам удавалось заручиться поддержкой своей военной паствы. Так, замечательный пастырь, главный священник Черноморского флота протоиерей Роман Медведь не только претерпевал насмешки со стороны офицеров и матросов, но и едва не был расстрелян в декабре 1917 года². На флоте, действительно, священники жестоко изгонялись матросами, бывали даже случаи убийства священников матросами или солдатами. Сердца солдат были ожесточены неимоверно не столько от войны, сколько от умертвляющей души либерально-демократической пропаганды. Даже на проповедях от священников можно было услышать о «заре свободы». Но эта «заря свободы» дорого стоила и русскому народу, и Русской Православной Церкви, захлебнувшимся в своей крови.

Были и удаchi миссионерской деятельности в эти времена. Так, например, среди причин успеха священника А. Сокольского называется тот факт, что в феврале 1917 года он «появлялся на кафедре не в рясе пастыря церкви, а военном мундире»³. Были у священников и другие способы заставить слушать свое слово. Проповедник 3-й Армии протоиерей Иоанн Голубев в своем отчете летом 1917 года пишет: *«В настоящее время, прежде чем приступить к проповеди, приходится сначала приласкать всех и лаской согреть сердца их, любовью к себе и ко всему, и тем хотя бы войти в доверие слушателей... Во многих воинских частях армии нельзя было произносить в каком бы то ни было смысле: победа, начальство, подчинение и дисциплина, ибо вся аудитория разойдется с криками — долой, вон его, провокатор, буржуй, поп-кровопийца, паук, арестовать его и т. д... (Слово “победа” солдаты понимали все, как войну до победного конца)»*⁴. Проповедь попадала на благодатную духовную почву лишь там, где у воинства еще сохранялись христианские идеалы.

Открытые гонения на русское военное духовенство начались сразу после Февральского переворота, отменившего сакральную для России формулу:

¹ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 533.

² Житие священноисповедника Романа Медведа. Тверь, 2000. С. 15.

³ РГВИА. Ф. 2044, Оп. 1, Д. 20, Л. 132—132 об.

⁴ Капков К. Г. Очерки по истории военно-морского духовенства Российской Империи XVIII — нач. XX веков. Итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 180.

«За веру, Царя и Отечество». В своей деятельности священники оказались лишены одной из главных своих духовных опор. Не имея возможности проповедовать исконные русские смыслы, они не могли приветствовать новые идеи, заключавшиеся в пропаганде братаний и дезертирства на фронтах, что вызывало у солдат рост протестного отношения к армейскому священству. Прямые угрозы и оскорбления в адрес духовенства принуждали военных пастырей покидать армию. *«Трех святых воронов-дармоедов необходимо в течение трех дней, считая с 4 декабря, выселить из бригады»*, — говорилось, например, в резолюции совета депутатов 2-й Латышской стрелковой бригады. 21 ноября 1917 года гарнизонный благочинный г. Нарвы протоиерей Иоанн Юхновский писал: *«Солдаты всего гарнизона совсем обезумели, озверели. На улицах — оскорбления священников и угрозы вслух: погодите, мы и здесь перевешаем этих попов»*. Некоторые священники были даже вынуждены спасаться бегством, переодеваясь в светскую одежду и сбривая бороды¹.

С каждым месяцем офицерам и духовенству становилось все тяжелее держать контроль над нижними чинами армии. Проповеди приходилось вести в опасных для жизни обстоятельствах. В такой ситуации военное духовенство, однако, оставалось в армии до ее реформирования в 1918 году. Приказ Наркомата по военным делам № 39 от 16 января 1918 года об упразднении института военного духовенства констатировал полное изгнание священников из армии. Несмотря на личную доблесть большинства военных пастырей, на их огромный профессиональный и армейский опыт, нейтрализовать большевистскую пропаганду и остановить духовное разложение армии они не смогли. По мнению генерала А. И. Деникина, духовенство *«в этом, конечно, нисколько не виновато, ибо в мировой войне, в которую была вовлечена Россия, играли роль чрезвычайно сложные политические и экономические принципы, и не было вовсе места для религиозного экстаза»*². Современные историки объясняют падение авторитета Церкви особенностями государственной системы, в которой на протяжении трех веков Церкви отводилась лишь роль ведомства. Глубокий внутренний раскол начался с Петровских преобразований, с установления института обер-прокурорства. На пастыря смотрели как на чиновника. Катастрофа в 1917 году была неизбежна. И ее последствия сказались на всей дальнейшей истории России.

Трагично в большевистские времена сложились судьбы большинства священников и, конечно, тех, о которых здесь рассказывалось. А ведь число русских священников, прошедших армейское служение, по современным сведениям превышало 5 тыс. человек (А. Кострюков). Список военных пастырей, убитых за веру, был открыт уже в 1917 году. В декабре этого года был расстрелян севастопольский протоиерей Михаил Чафранов, впоследствии включенный в список новомучеников, канонизированных Русской Православной Церковью за границей. Протоиерей Михаил был обвинен в том, что причащал матросов, приговоренных к смерти. Трагична судьба главного священника Юго-Западного фронта протоиерея Василия Грифцова. Он был изгнан со своего служения и в 1918 году расстрелян красно-

¹ По материалам статьи А. Кострюкова «Русское военное духовенство в 1917 году. Комментарий в свете веры».

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии: февраль-сентябрь 1917 года. Париж, 1921—1922. Репринт. М., 1999. С. 80.

армейцами¹. Сам протопресвитер Георгий Шавельский, осенью 1918 года отстраненный от своей должности, едва избежал гибели. «7 сентября, — писал отец Георгий, — поздним вечером прибывший из Витебска учитель тамошней Духовной семинарии Махаев, живший у меня на даче, сообщил мне, что Витебский совет рабочих депутатов, составленный из очень подозрительных людей, узнав о моем пребывании в Шеметове, постановил расстрелять меня. Решено произвести казнь 9 сентября. Мне оставалось спастись бегством... Я ночевал обычно в сараях, зарывшись в сено, чтобы в случае обыска не могли меня найти»².

Фото Нестора (Анисимова) из следственного дела, 1948 г.

Многие из названных выше героических русских пастырей вынуждены были эмигрировать, скитаться по чужим странам: это Георгий Шавельский, Сергей Соколовский и др. Митрополит Нестор (Анисимов), вернувшись на Родину из эмиграции, провел, будучи в почтенном возрасте, восемь лет в лагерях. Легендарный священник Стефан Щербаковский был зверски замучен в родном городе в 1918 году в подвалах Одесской ЧК. По свидетельству Георгия Шавельского, находящегося до конца жизни в эмиграции, он получил на свой запрос справку, из которой следовало, что из 40 военных и морских священников, оставшихся в Петрограде после революции, к середине 40-х годов в живых никого не осталось³.

Но не эти мучения — самое важное в судьбах русских пастырей. Самое важное то, что личным примером они доказали, что для успеха на войне

¹ По материалам статьи А. Кострюкова «Военные священники в сонме новомучеников и исповедников Российских».

² ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. С. 550.

³ ГА РФ. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 8. С. 684.

Братская могила в Козеницком лесу. Панихида по чинам, павшим 1–2 октября 1914 г.

Ставка. Молебен на празднике Георгиевских кавалеров 26 ноября 1915 г. в присутствии Императора Николая II и Царевича Алексея

сильнее огнестрельного оружия, технических средств и приемов — помощь Божия, если ее призывают. Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Если ты хочешь видеть силу непобедимую, прибежище неизменное, крепость непреодолимую, ограду непоколебимую, прибегни к Богу, обратись к Его

силе»¹. И вставала крепость непреодолимая на пути врагов Русской земли, когда она обращалась к Богу. Но когда иссякала духовная сила, падала та крепость под вражьем натиском. Но потом с Божией помощью снова восстанавливалась и возрастала. Милостив Господь к нашему Отечеству, которому многое «завещано веками» (Ф. Тютчев).

Не иначе как Промысел Божий, чудо великое — первая строка гимна современной России, одолевшей за свою историю не одно иго.

Россия — священная наша держава.

Эта строка кажется сгустком всех русских смыслов. Здесь нет зримых материальных составляющих русского мира, за которые научились зацепляться в своем разрушительном стремлении наши исконные враги. Русский мир задан в истинах религиозно-духовных и представлен в образе сакрального «русского узла», где слово «священная» (обладающая святостью, глубоко чтимая, заветная, такая, на которую нельзя посягнуть, в высшей степени почитаемая и значимая, неприкосновенная) соседствует со словом «Держава». Держава — это обозначение могущественного независимого государства и символ Царской власти, увенчанный крестом. Незримое присутствие креста свидетельствует о том, что Держава здесь имеет смысл закона в понимании благодати, то есть нравственного закона, без которого Россия не может существовать как государство.

Это доказано историей Первой мировой войны, пришедшейся на начало богоборческих времен, когда русский народ сам стал отказываться от Бога. Пока русская армия шла на врага под знаменем Господа, под сенью Креста и по благословению Венценосца — она побеждала. Отступившись от Бога, Россия потеряла свою главную опору. Этот закон распространяется и на нынешние, и на будущие времена. Потому мы сегодня вспоминаем трагическую историю Первой мировой войны, что она есть лучшее, наглядное свидетельство того, что Православная вера — основа нашей жизни. Если русский народ в своем большинстве покаянно обратится к Богу и сделает Православную веру основой своей жизни — не будет у России врагов, способных ее сокрушить. А если Россия отвернется от зова Божиего, вне зависимости от своего политического и военного потенциала — она может исчезнуть с исторической арены, может раствориться среди прочих народов.

Пока такая возможность кажется утопической. Российский народ вновь обращается к Церкви. Духовный порыв сегодня очевиден, чувствуется желание людей научиться жить по Божиим законам. И есть надежда, что исконный непримиримый враг не сможет в силу своей глубочайшей прагматичности осознать духовные скрепы нашей жизни, означенные первой строчкой российского гимна. А значит, не найдет, за что же ему ухватиться в своем зверином неумном стремлении поработить Россию. И не сможет ее сокрушить. Никогда! Помогите, Господи!

Использованная литература:

1. *Св. Иоанн Златоуст.* Творения. Т. 5. Кн. 1.
2. *Болдырев Н. В., Болдырев Д. В.* Смысл истории и прогресс. Смысл истории и революция. М., 2001.

¹ *Св. Иоанн Златоуст.* Творения. Т. 5. Кн. 1.

3. *Бохонский Д. О.* «Жизнь и труды профессора-протоиерея Петра Ивановича Лепорского». Дипломная работа студента Богословской кафедры Санкт-Петербургской Духовной семинарии. Научный руководитель профессор архиепископ Тихвинский Константин, Ректор. СПбДА, 2003.
4. Вестник Военного и Морского духовенства. 1914. № 19.
5. Вестник Военного и Морского духовенства. 1915. № 24.
6. Вестник Военного и Морского духовенства. 1917. № 4.
7. Воскресни, Русь! О патриотизме, достоинстве русского человека и православном понимании войны. Даниловский благовестник. М., 2001.
8. ГА РФ. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 8. С. 684.
9. ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 533.
10. ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. С. 550.
11. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии: февраль–сентябрь 1917 года. Париж, 1921–1922. Репринт. М., 1999.
12. *Дроба С., священник.* Церковь, государство и общество XX века по периодическим изданиям и воспоминаниям. Тверь, 2010.
13. Житие священноисповедника Романа (Медведя). Тверь, 2000. С. 15.
14. *Ильин И. А.* О России грядущей и будущей. Совм. изд. Св.- Троицкого монастыря и Корпорации Телекс Джорданвилл. США. 1993.
15. Иркутская жизнь. № 273, 4. XI. 1916.
16. *Капков К. Г.* Очерки по истории военно-морского духовенства Российской Империи XVIII — нач. XX веков. Итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009.
17. *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. Москва-Белгород: Летопись, 2012.
18. *Керсновский А. А.* История Русской армии. М., 1999.
19. *Кострюков А.* Военные священники в сонме новомучеников и исповедников Российских. <http://www.pravoslavie.ru/put/44668.htm>
20. *Кострюков А.* Русское военное духовенство в 1917 году (комментарий в свете веры). <http://www.pravoslavie.ru/put/44668.htm>
21. Материалы по истории Церкви. Кн. 11–12 / *Георгий Шавельский, протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. 3-е изд. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2010.
22. *Меньшиков М. О.* Вечное Воскресение. М., 2003.
23. *Новиков В. С.* Армия и Русская Православная Церковь. Военная мысль. 1992. № 4–5.
24. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1.
25. Правительственный Вестник. 1914. № 161.
26. РГВИА. Ф. 2044, Оп. 1, Д. 20, Л. 132–132 об.
27. *Рункевич С. Г.* Распоряжения и действия Священного Синода в 1914–1915 гг. Петроград, 1916.
28. *Смолин М. Б.* Русский путь в будущее. М., 2007.
29. *Яковлев Н.* 1 августа 1914 г. Молодая гвардия, 1967.

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРЯТЬ ОШИБОК ПРОШЛОГО

Мифы Первой мировой

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, эксперт в области международных отношений и внешней политики России, специалист по США и Германии. В 1982–1989 годах работала в Секретариате ООН в Нью-Йорке. В 2004–2007 годах — депутат, заместитель председателя Комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации IV созыва. С 2004 года — учредитель и президент Фонда исторической перспективы. С 2008 года возглавляет парижское отделение российского некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества». Н. А. Нарочницкая является членом Попечительского совета Фонда «Русский мир», Совета Императорского православного палестинского общества. **Живет в Москве.**

За время, прошедшее с начала Первой мировой войны, о ней создано больше мифов, чем сказано правды. Развенчание вымыслов, искажающих истинную картину истории и геополитики начала прошлого века, в современной социально-политической обстановке возможно и необходимо, чтобы в будущем не повторять ошибок прошлого.

Накануне 100-летнего юбилея Первой мировой войны, которая началась 1 августа 1914 года, с сожалением приходится констатировать, что память об этом важнейшем для нашей страны событии занимает незаслуженно скромное место в российском историческом сознании. В чем же причина? Конечно, свою роль сыграло то, что Первую мировую войну затмили две русские революции, Великая Отечественная война и Великая Победа мая 1945-го, добытая невиданным в мировой истории национальным сверхусилием. Однако по степени влияния на дальнейший ход российской и всемирной истории события 1914–1918 годов оказали колоссальное значение, предопределив и будущую Вторую мировую войну.

Но главная причина незаслуженного забвения Первой мировой в отечественном сознании состоит в том, что она подверглась в советское время искаженным идеологизированным трактовкам. Если посмотреть школьные и институтские учебники истории, начиная с 1920-х годов, то в них эта война охарактеризована как «империалистическая», «несправедливая» и «ненужная народу».

Причина очевидна. В русле революционной исторической «школы Покровского» и «Института красной профессуры», заложивших классовый подход к истории, все, что было до революции, объявлялось архаической борьбой за ложные и враж-

дебные «трудящимся» интересы. И главное, нужно было оправдать лозунг Ленина: «Поражение собственного правительства в войне — катализатор мировой пролетарской революции». Этот сомнительный с моральной точки зрения тезис можно было оправдать лишь объявлением Первой мировой войны «преступной империалистической бойней».

Неудивительно, что после десятилетий идеологической обработки народа память о Первой мировой войне в значительной мере «стерлась». У нас почти не помнят и не чтут героев, павших в боях за честь и достоинство Отечества. Разве что изредка упоминается Алексей Брусилов, да и то из-за его перехода впоследствии на сторону большевиков. У нас почти полностью отсутствуют памятники, связанные с событиями 1914–1918 годов. Редкие исключения — возведенная в 2008 году стела в Царском Селе под Петербургом и мемориальный камень в Калининградской области над чудом сохранившимися братскими могилами участников ожесточенных боев за Россию.

Сегодня, в связи с приближающимся 100-летним юбилеем Первой мировой появился повод рассмотреть эту «другую Отечественную» войну панорамно, сопричастно, объективно. Необходимо бережно восстановить память о кампании столетней давности, пересмотрев идеологически мотивированные, навязанные советской властью оценки событий. А для этого в первую очередь нам предстоит развеять наиболее устойчивые и деструктивные мифы, которые мешают по достоинству оценить подвиг наших предков и осознать истинное значение событий 1914–1918 годов для истории России.

Но о каких мифах идет речь?

Миф № 1. России не стоило ввязываться в эту войну

Некоторые особо рьяные «специалисты-историки» любят тиражировать тезис: «Участие России в Первой мировой войне — глупость и трагическая ошибка, которой можно и нужно было избежать». Или: «Нам не стоило вмешиваться в эту бойню ради спасения Сербии». Что тут скажешь? Не иначе, что подобные оценки — смесь наивности и самоуверенного желания выдвинуть антитезу доминирующей точке зрения.

Будучи одним из активнейших участников «европейского концерта держав», Россия не могла остаться в стороне от событий такого масштаба, которые разворачивались вблизи ее границ, в регионе ее ответственности и безопасности — на Балканах и в Проливах. И дело вовсе не в «империалистическом» стремлении заполучить новые рынки сбыта и не в метафорической идее «овладеть Константинополем». Россия обладала собственным, еще не освоенным внутренним рынком, который обещал стать по масштабам европейским, и поэтому не находилась в состоянии острого экономического соперничества с другими государствами.

И никаких территориальных претензий наша страна в то время не имела. Никогда не ставилась и конкретная цель овладеть Константинополем. Да, была, скорее символическая, Мечта: водрузить Православный крест на святой Софии! (Глядя на то, как турки сегодня не стесняются салютом праздновать порабощение Константинополя, невольно об этом размышляешь)... Геополитический результат возвращения Константинополя мог состоять для нас лишь в обеспечении беспрепятственного прохождения Про-

ликов. При этом Россия всегда осознавала, что «овладение Царьградом» практически невозможно и, случись, вызвало бы такое единодушное неприятие ведущих западноевропейских держав, особенно Англии, преодолеть которое не помогла бы никакая сказочная военная мощь. Существует лишь записка дипломата Александра Нелидова к Государю от 1896 года, где он размышляет лишь над вероятностью взятия Константинополя. Эту записку «обсасывали» обличители «агрессивной политики царизма» из «Института красной профессуры», как будто не зная, что на совещании министров Царского правительства она вызвала сугубо отрицательное отношение! Сам Государь оставил ремарку: «ЕСЛИ бы это было возможно!» На том совещании, наоборот, обсуждали опасность для России кризиса в Османской Турции, который немедленно вызвал бы вход в Босфор флотов западноевропейских держав. Ставилась задача при таком развитии событий — хотя бы не отстать ото всех, чтобы не быть вытесненными!

Согласно документам, а не домыслам, вопрос о Константинополе вновь начал рассматриваться уже в ходе войны, в 1915 году, когда между Англией и Францией встала проблема раздела аравийских владений Турции и защита православных на бывших турецких территориях. Англия, кстати, уже тогда «выторговала» себе контроль над нефтеносными Мосулом и Кувейтом. Так что забота о «демократии в Ираке» имеет очень давние и весьма меркантильные подоплеки! Тогда-то Россия и начала прощупывать возможности прочного и ответственного присутствия в Константинополе. В достижимой конфигурации видели, опять же, не единоличный, а международный контроль, «но с русскими пушками на Босфоре». Кстати, некоторые историки считают, что, согласившись на такой вариант, Англия стала финансировать революцию в России, чтобы не выполнять свое обещание...

Стратегические устремления главных европейских держав к началу XX века сошлись на европейских морских рубежах России в Восточной и Юго-Восточной Европе и сохранились, как мы видим, до начала XXI века. Интересы сформировавшегося треугольника — Британия, Россия, Германия — столкнулись на Балканах, в регионе Проливов, а также на Балтике, куда Германию влекли ее амбиции на Востоке, и где после Первой мировой войны сразу проявились интересы Британии и США.

Неизбежность вовлечения России в Первую мировую войну определена была критической необходимостью защитить результаты своей многовековой истории! Ей грозила утрата итогов трехсотлетней работы на северо-западных и южных рубежах, а также потеря стратегических выходов к Балтийскому и Черному морям и права прохода через Проливы. Недаром еще выдающийся русский дипломат Александр Горчаков в свое время говорил, что черноморские проливы — это «легкие» державы, перекрыв которые, Россию легко душить.

Центральные державы во главе с кайзеровской Германией стремились одновременно к «Дранг нах Остен» и «нах Зюден» — мечтая о выходе к теплому Средиземному морю через Балканы и о вытеснении России с Балтики и из региона Проливов. Успех такого плана позволил бы германцам разрезать Европу по стратегическому меридиану от моря до моря, отбросив Россию в тундру, а французов в Атлантику. Кайзер Вильгельм усиленно строил флот и железную дорогу Берлин—Багдад, что грозило обесценить морские пути Англии к нефтяным районам Ближнего Востока.

Разумеется, безучастно наблюдать за этими событиями Россия не могла, ибо такая перспектива означала бы конец статуса великой державы и последующую утрату самостоятельности. Что же касается поддержки единой Сербии, то бросить ее на произвол судьбы мы не могли не только по религиозным, но и по стратегическим соображениям. В случае ее захвата нам пришлось бы встретить начатую не нами войну в более неблагоприятных условиях — оккупация Балкан обеспечила бы стратегический плацдарм, и кайзер смог бы создать «берлинский халифат», став «привратником Проливов вместо турецкого султана». И не забывайте, что Германия объявила войну России, а не наоборот!

Миф № 2. Действия России были обусловлены только геополитикой

Помимо сугубо геополитических целей движение к Первой мировой имело и идеологические подоплеку. Огромное количество коммунистических, социал-демократических, масонских, либеральных организаций думали не о национальных интересах, а мечтали о крахе политических систем и традиций, чтобы на развалинах старого мира привести мир к единому образцу. Представителей этих «прогрессивных» кружков отличала лютая вражда к Церкви, к Христианству, к традиционным ценностям, монархии и государственному суверенитету — всему тому, что они считали атрибутами «мрачного прошлого». Такие идеи в равной степени были присущи не только большевикам с их проектом пролетарского интернационала, но и бесчисленным тайным обществам, рассчитывавшим, что кровавые столкновения превратят Европу в «чистую доску», на которой после обрушения христианских монархий можно будет начертать новые идейные постулаты будущего мира.

Разумеется, оставаться в стороне от этих процессов Россия тоже не могла. Будучи Православной монархией, она в годы Первой мировой войны отстаивала идеалы традиционной Европы — классическое международное право, национальный суверенитет, религиозные и семейные ценности. Даже формирование франко-русского союза для России — оплота христианской государственности — было затруднено республиканским статусом «безбожной» Франции, которую надо было сделать в глазах России «союзоспособной»! Ради сближения Парижа и Санкт-Петербурга пришлось изрядно потрудиться Ватикану, для которого появление русско-французского союза было желательным сценарием. С его подачи кардиналы стали петь здравитцы французской республике, чем, кстати, повергли в шок многих правоверных католиков.

Россия не искала войны — это факт. У истоков идеи разоружения, международных миротворческих усилий и арбитража стоял российский Император Николай II, движимый глубоким осознанием проблем грядущей эпохи, когда война становилась не «продолжением политики иными средствами», а величайшим мировым бедствием, гибелью миллионов людей, что обесмысливало даже возможную победу. И, в отличие от президента США Вудро Вильсона, который Программой из XIV пунктов маскировал задачу диктовать свои условия через международные механизмы с позиций колоссально возросшей американской силы, — ничего подобного в сознании благородного русского Государя не было.

Таким образом, Россия в Первой мировой войне сражалась за свои границы, за их безопасность, за свои уже обретенные выходы к морю, за суверенитет, веру и судьбы христиан.

Миф № 3. России следовало принять сторону не Антанты, а Германии

Еще один популярный миф состоит в том, что в Первой мировой войне Николай II якобы неправильно выбрал союзника, что, в конечном итоге, и привело к национальной трагедии 1917 года. России-де, следовало сражаться на стороне Германии, а не Антанты! Некоторые из таких оппонентов в своих фантазиях верят, что Россия готова была в ходе войны на сепаратный мир с Германией... Конечно, сегодня остается только сокрушаться о том, что российско-германские отношения в XX веке были взорваны двумя страшными походами немцев на Восток. Ведь между Россией и Германией на протяжении столетий имело место плодотворнейшее сотрудничество. Недаром в германской культуре и сегодня сохраняется стойкое, хотя и небольшое славянофильское течение.

Но домыслы о Германии как союзнике не выдерживают никакой критики. Нельзя же игнорировать тот факт, что основные геополитические амбиции Германии распространялись именно на Восток. Да, легендарный Отто фон Бисмарк завещал ни в коем случае с Россией не воевать. Известны его слова: «На Востоке у нас врагов нет». Но почему-то многие представители немецких милитаристских кругов, эти птенцы бисмаркова гнезда, только на Восток и смотрели, позабыв о мудрых предостережениях «железного канцлера».

Еще за 20 лет до Первой мировой в секретной записке видного дипломата, будущего канцлера Бернгарда фон Бюлова, было написано: «В будущей войне мы должны оттеснить Россию от Понта Евксинского и Балтийского моря. От двух морей, которые дали ей положение великой державы. Мы должны на 30 лет, как минимум, уничтожить ее экономические позиции, разбомбить ее побережья». О чем это говорит? О том, что война с Россией считалась в Берлине неизбежной еще в 90-е годы XIX века!

Известны взгляды кайзера Вильгельма, ненавидевшего славян; речи в бундестаге, геополитическая доктрина Фридриха Науманна, свидетельствующие о территориальных амбициях кайзеровской Германии именно на востоке Европы и в отношении Российской империи. Существует карта пан-германистов 1911 года, (к слову, она очень напоминает карту расширения НАТО на Восток), на которой в предполагаемое супергерманское территориальное образование входят прибалтийские владения России, Украина, вся Восточная Европа, Балканы до Черного моря. Наконец, нельзя не вспомнить заключенный большевиками Брестский мир: он-то и показывает, ради каких целей Берлин вел войну.

В начале XX века непомерные амбиции Австро-Венгрии и Германии привели к краху кайзеровской Германии и Австро-Венгрии. Урок не был усвоен, и Гитлер повторил самоубийственный натиск. В Германии некоторые умы до сих пор задаются вопросом, как одаренную и бурно развивающуюся нацию с исполинским культурным потенциалом могли ослепить чудовищные амбиции и ошибочные геополитические расчеты? В своих ме-

муарах предпоследний царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов рассуждал, что не возомнили бы немцы себя господами мира в начале XX века, то их стремительный экономический рост, талант промышленников и инженеров вкупе с умением эффективно работать сами по себе уже через десяток лет выдвинули бы Германию на первые роли в Европе.

Однако сближение России и Германии — фактор стабильности континентальной Европы, вызывает настоящий кошмар у англосаксов с начала XX века вплоть до настоящего времени. Тот же блок НАТО Америка создала не только против СССР, который вовсе не стремился продвигаться в Западную Европу, едва справляясь с обретенной зоной контроля в Европе Восточной. Одна из целей контролируемой Америкой европейской интеграции состояла в растворении и сковывании исторического потенциала и воли в первую очередь Германии.

Миф № 4. «Прогнившая» Российская империя воевала неудачно

Из советских учебников нам известна еще одна «классовая» оценка: «Россия в 1914 году была стагнирующей деспотией, отсталой по сравнению с другими великими державами, обреченная на поражение». Этот тезис также не выдерживает критики. Специалисты по экономической истории России доказали на документах, что острые трудности в экономике и финансах в ходе войны не были исключительно российским явлением. Девальвация валюты, рост государственного долга, продовольственный кризис и карточная система — все эти явления наблюдались в других странах — участницах войны, включая Германию и Великобританию. Положение России отнюдь не было хуже других — наша экономика находилась на среднем уровне для воюющих держав.

Отдельный разговор — это предубеждения относительно российской армии, которая якобы не умела воевать и, за редкими исключениями, в целом действовала неудачно. От ошибок и поражений не застрахованы самые победоносные вооруженные силы. Что же касается неудачного наступления в Восточной Пруссии в самом начале войны, то оно ведь было предпринято Россией в ответ на мольбы французского правительства. Хорошо известны слова маршала Фердинанда Фоша: «Если бы не жертвенное выступление русских на Восточном фронте, то Париж был бы взят уже в самые первые месяцы войны».

Вообще, всегда изумляют бесспорные суждения наших современников о том, как следовало вести себя командованию 100 лет назад. Там были не дилетанты, и они принимали решения, исходя из военных и политико-дипломатических реалий своего времени. Да, Россия не хотела войны и встретила Первую мировую далеко не в лучшей форме, будучи ослабленной революцией 1905–1907 годов и Русско-японской войной, она только начала оправляться от кризисов, и ее вооруженные силы были в стадии обновления.

И, тем не менее, именно на Восточном фронте была обеспечена итоговая победа! Россия проявила силу своего национального характера и верность обязательствам, наши солдаты и офицеры показывали чудеса доблести и самоотверженного служения присяге даже после краха Российской империи (Русский экспедиционный корпус во Франции). А многие операции вошли

в учебники как образцы военно-стратегического искусства, например, известный Брусиловский прорыв. Но даже в целом «неудачное» наступление в Восточной Пруссии по просьбе французов и Гумбинненское сражение августа 1914 года сделали возможной победу французов на Марне в сентябре и предопределили стратегическую конфигурацию в последующие годы войны. Вообще, победа Антанты была оплачена русской кровью.

Миф № 5. Россия потерпела поражение в Первой мировой войне

Этот вывод — явное упрощение. Да, именно в ходе Первой мировой войны дозрели предпосылки для Февральской и Октябрьской революций, которые стали для нашей страны национальной трагедией. Однако Россию нельзя считать побежденной. Другое дело, что страна не смогла воспользоваться плодами своей победы из-за прихода к власти большевиков, которые вывели ее из когорты победителей и отдали на откуп Антанте создание рисунка нового мира.

Недаром Уинстон Черчилль писал в те годы: «Согласно поверхностной моде нашего времени царский строй принято трактовать как слепую прогнившую тиранию. Но разбор 30-ти месяцев войны с Германией и Австрией должен был исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила... Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо, пожираемая червями».

В этой связи возникает вопрос: почему мощный патриотический подъем в начале войны через некоторое время уступил место скепсису, усталости, пораженчеству и революционной лихорадке?

Конечно, резкая смена восприятия русским обществом Первой мировой в значительной степени связана с ее затяжным характером. Длясь месяцами вдали от Родины, война неизбежно притупляет изначальный порыв. Многочисленные жертвы на чужбине и другие тяготы не могут пройти бесследно. Обоснованием войны было сохранение традиционных ценностей, чести и достоинства державы. Такие вечные старинные идеалы способны воодушевлять в начале войны: солдаты шли на фронт с ощущением миссии под звуки марша «Прощание славянки», от которого и сегодня замирает сердце. Но когда боевые действия ведутся за пределами родной земли, эти идеи утрачивают зажигаемость, не обладая должной степенью обоснованности. Они начинают проигрывать яростным, конкретным лозунгам смены идеалов, завораживающим энергетикой и новизной. Речь идет об антимонархических, пацифистских и революционных идеях. Их пропагандисты трубили о «неужности войны» и призывали к революции.

Внутренние яростные обличения всегда на руку противнику, который не остался в стороне и активно спонсировал революционную деятельность. Руководство Германии было заинтересовано в поддержке самых радикальных сил в России, чтобы взорвать ее изнутри. Я собственными глазами видела фотокопию телеграммы из немецких и австрийских архивов, которую зачитал за завтраком кайзер Вильгельм: «Переброска Ленина в Россию осуществлена успешно. Приступает к намеченной деятельности». А в Государственном архиве РФ имеется еще один подобный документ — расписка

в получении на деятельность большевиков пяти миллионов золотых марок. В немецком архиве лежат и распоряжения «выделить по статье 6-й чрезвычайного бюджета 10», затем «15», «20» млн золотых марок на революционную деятельность в России.

Благодаря щедрым финансовым вливаниям со стороны Германии именно большевики, эсеры и сепаратисты получали большие возможности, их агитаторы пронизали армию, которую после Февральской революции «демократизировали» до такой степени, что офицеры фактически потеряли контроль над солдатами. В результате, было достаточно одного агитатора на полк, чтобы разложить его дух и дисциплину довести до неподчинения.

Впрочем, я не из тех, кто полагает, что можно «привезти» революцию извне без внутренних предпосылок к ней. Революции рождаются в самой стране, наша революция рождена самой Россией. Однако, когда страна зашаталась, внешнее воздействие имело огромное значение для того, какие именно силы возьмут верх и в какую сторону опрокинут потом шатающееся государство...

И две русские революции 1917 года стали следствием тех глубинных процессов, которые начали разрывать Россию в начале XX века. С одной стороны — это революционная идеология и практика, с другой стороны разрыв старых структур. Революционная интеллигенция рубежа XIX—XX веков требовала кальки с идей западноевропейских институтов, рожденных философией прогресса, но плохо сочетавшихся с религиозным основанием русской государственной идеи и русского Самодержавия, которое, без поддержки элиты и отделенное от народа, утрачивало творческий потенциал. Крайний нигилизм русской интеллигенции побуждал ее безжалостно топтать все, что Россия защищала в Первую мировую войну, — Православную веру, Монархию, традицию законопослушания, идеалы служения Отечеству.

Первый кризис, обостренный экономическими реалиями и Русско-японской войной, закончился Первой русской революцией, Манифестом 17 октября и конституционными реформами.

Почему же десятилетняя деятельность Государственной Думы Российской империи не смогла предотвратить Февральскую революцию и Октябрьский переворот? Да хотели ли это предотвратить депутаты и партии тех созывов Думы? Они-то, не только левые радикалы — большевики, меньшевики и эсеры, но и кадеты, либералы всех мастей хотели разрушать, а не созидать. В последние перед Первой мировой войны годы Россия развивалась семимильными шагами, и патриархальные устои просто взорвались, не выдержав столь бурного роста и ломки. По выплавке стали, железнодорожному строительству, книгопечатанию и количеству студентов на душу населения Россия догоняла уже Германию. Двадцать лет без войн и революций, как мечтал Столыпин, и Россия оторвалась бы от остального мира так, как сегодня оторвалась Америка. Но бурная модернизация «рвала социальную ткань», которая лопалась от перенапряжения, и выпадавшее из своего мира консервативное крестьянство не находило новых социальных связей. Происходила массовая люмпенизация населения, а люмпен — легкая добыча для революционной пропаганды. Революционный взрыв в не малой мере был уготован слишком стремительными переменами. Невозможно влить молодое вино в старые меха!

А трибуна прежним (только ли?) думцам нужна была для **ОБОСТРЕ-**
НИЯ общественных антагонизмов, а не для **ОХРАНЫ** государства, ценить
его они научились лишь в эмиграции. Это их увещевал великий реформатор
Столыпин: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!»
И это ему, израненному покушениями, кричали те, кто устраивал террор:
«Палач!» — «Нет, я не палач, — оправдывался им в ответ беззаветно пре-
данный Отечеству человек. — Я врач, я лечу больную Россию!» Сто-
лыпин погиб от рук левых, но его одинаково ненавидели и те, кто держал
наготове бомбу, и те, кто не хотел выпустить из рук розгу...

В то время, когда русская армия проливала кровь за территориальную це-
лостность Отечества, с трибуны кликушествовали против «непонятной войны»
и «разложившейся» армии, в пользу сепаратистов всех мастей (знакомо?) дея-
тели, оплаченные из-за границы олигархом и первым политехнологом рево-
люции Парвусом за счет средств Генерального штаба Кайзеровской Германии.

Налицо были все приметы кризисной эпохи, когда люди в экстазе пе-
ремен начинают ломать стержень, на котором держится все. И эта страсть
к саморазрушению постигла Российскую империю в самый разгар Первой
мировой войны; русское общество раскололось на белых и красных в тот
самый момент, когда Россия уже фактически держала в руках победу.

Резюме. «Нельзя в тылу Отечественной войны развязывать споры об устройении государства»

Память о Первой мировой войне важна для российского общества пото-
му, что она позволяет понять очень важные и фундаментальные вещи: «За
что нам пришлось воевать в XX веке? Какие цели и ценности национально-
го бытия нам нужно отстаивать для продолжения себя в истории?» Ведь в
начале XX века Россия столкнулась с такими внутривосточными и гео-
политическими вызовами, которые удивительным образом повторились на
рубеже XXI столетия. Восстановление исторической памяти о войне 1914—
1918 годов способно пробудить утраченное чувство преемственности нашей
истории, уберечь от повторения ошибок.

Пожалуй, один из главных уроков Первой мировой состоит в одной
очевидной, но горькой истине: нельзя в тылу Отечественной войны, войны
с внешним врагом, развязывать споры об устройении государства. Нация,
которая способна отложить на время такие споры ради сохранения Оте-
чества, побеждает и продолжает себя в истории, сохраняет возможность
спорить дальше. Если же нация в переломный момент раскалывается, то это
неизбежно приводит к обрушению государственности, огромным утратам и
братоубийственным гражданским столкновениям. Задумаемся, ведь в нача-
ле Первой мировой А. И. Деникин и Г. К. Жуков, фигурально выражаясь,
сражались в одном окопе. Какая дьявольская сила заставила их впослед-
ствии обратить друг против друга оружие на радость недругам России?
Помните, у Максимилиана Волошина:

*А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаяй жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам...*

Фанатики революции выступили в тот самый момент, когда Россия стояла в нескольких шагах от победы в войне!

Итог нашей жертвы в Первой мировой войне учит нас, что внешние вызовы должны объединять нацию. Грешно и подло использовать трудности для внутрисполитических целей. К тому же, многие болезненные для нас процессы сегодняшнего дня (расширение НАТО) легче понять, зная геополитические и идеологические подоплеку Первой мировой войны. Тем более что силовые вектора давления на Россию в ту войну удивительным образом повторились в 1990-е годы.

Итак, нас, русских, память и знание о Первой мировой войне должны подтолкнуть к панорамному, преемственному и сопричастному взгляду на свою историю. Мы до сих пор не можем найти единство по многим вопросам прошлого, настоящего и будущего, что очень опасно для нации. Но если, держась за нить истории, вернуться в 1914 год, то мы снова становимся единым народом без трагического раскола. Поэтому мы должны по-новому изучить Первую мировую войну, которая даст нам и видение геополитики XX века, и примеры безграничной доблести, отваги и самопожертвования русских людей, проливавших кровь за самостоятельное место в истории именно своего Отечества, за его честь, достоинство и выполнение союзнического долга. Лишь тот, кто знает историю, способен адекватно встретить вызовы грядущего.

ВЫШЛА КНИГА

Кирюшин В. Ф.

Неизбежная нежность / Виктор Кирюшин. — М.: Вече, 2012. — 256 с.

Доверительность и предельная откровенность отличают новую книгу стихов известного московского поэта Виктора Кирюшина. Его искренние, пронзительные, удивительно чистые и яркие миниатюры давно полюбили читателей. Поэт обладает тем чувством легкости языка, естественности речи, которое знакомо нам по произведениям классиков русской литературы. Философская и любовная лирика, представленная в этом сборнике, позволяет говорить о безупречном вкусе и абсолютном поэтическом слухе автора.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр ДУГИН

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА или СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 году в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог (доктор политических наук), социолог (профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководитель Центра консервативных исследований Социологического факультета МГУ), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

В начале XX века завершается Санкт-Петербургский период русской истории, который складывался из сочетания социально-культурной ориентации на западничество и стратегического развития России в парадигме континентального могущества, в парадигме евразийской геополитики. В 1905 году Николай II, последний представитель Романовых, принимает решение о завершении большой игры. В начале XX века существовало два геополитических лобби вокруг Царя: одно — германофильское, другое — англофильское.

Разрозненное германофильское лобби формировалось из разных общественных групп — от черносотенцев до членов либеральных промышленных кругов, включая представителей высшего дворянства. Представители промышленных кругов, влиятельных в экономической сфере, активно действовали с точки зрения сближения России с Германией, поскольку были очень сильные связи Германии именно в экономическом сегменте Российской империи. Были некоторые представители военных кругов и, в частности, адмирал Краснов. Германофильское лобби подталкивало Царя к проведению континентальной геополитики в альянсе с Германией и Австрией, направленной против Антанты.

Но было и другое направление, нашедшее воплощение опять же в некоторых радикальных кругах черносотенного движения. В частности, это граф Юсупов и Пуришкевич, руководители Союза русского народа в тот период. А также подавляющее думское большинство. Они ориентировали власть на сближение с Англией и Францией, с тем, чтобы войти в альянс с Антантой. Таков был принципиальный геополитический выбор.

Неудачей кончилась война с Японией, бывшей континентальной

силой, с которой на самом деле опять же англичане и американцы ловко строили Россию, для того чтобы ослабить нас на восточном направлении, остановить нашу экспансию и не позволить сложиться российско-японскому союзу. А у такого союза были сторонники как в России, так и в Японии. Это был бы именно континентальный союз. Но морская дипломатия опять победила.

Следует вспомнить, что в 1905 году сторонники вступления России в Антанту, то есть сторонники сближения сухопутной России с морской державой — английской талассократией — побеждают. Тем самым предопределяется место России в следующем неизбежном конфликте. Есть такое понятие, как влияние стартовых условий на исход сражения. Мы оказываемся в одном ряду, в одном окопе с Антантой, с Францией и Англией. В данном случае Франция — это не пронаполеоновская Франция, а проанглийская талассократическая, морская. Так же и США — в тот период как второстепенная держава — принимают участие в Антанте.

Тем самым прекращается наше движение в Центральную Азию. Русский Царь говорит: *«...мы больше не пойдем в Афганистан, мы не будем больше угрожать колониальным интересам Англии на всем протяжении евразийского пространства. Великая игра (great game) закончена. Мы заключаем договор о ненападении и даже о военном союзе с Англией»*. Таким образом, происходит некоторое противоестественное с геополитической точки зрения решение: талассократия и теллутократия заключают альянс. Россия — чистая теллутократия; Англия, Франция, Америка того периода — чистая талассократия или морское могущество. Они заключают между собой договор о противостоянии континентальным теллутократическим державам из Центральной Европы — Германии и Австрии.

Что это значило? Это значило, что в такой диспозиции, в таких стартовых условиях конфликтной ситуации еще за 7–8 лет до начала Первой мировой войны континентальные державы были обречены. Потому что они были разделены между собой, потому что они были противопоставлены друг другу и потому что англосаксонской дипломатии заведомо удалось поставить друг против друга те две силы, которые угрожали глобальной доминации талассократии.

Таким образом, война, революция и конец романовского санкт-петербургского периода, конец Российской империи следует датировать не фактически 1917–1918 годом, когда это произошло, а именно 1905 годом. Потому что как бы ситуация ни повернулась — выиграли бы мы или проиграли войну с Германией (а мы ее почти выиграли в военном смысле) — мы оказывались заведомо в противоположной ситуации. Этот недальновидный поступок стоил России Империи.

Абсолютно точно эта недальновидность прослеживается в начале горбачевской Перестройки: сближение с США во второй раз стоило Советской империи и самому Горбачеву многого. Все решается не в реальных боях. Мы платим миллионы людей за ту или иную войну, отдаем жизни, территории, прикладываем огромные усилия, а все решается не здесь, все решается в этих стартовых условиях. Выбрал правильный альянс — заведомо выиграл. Выбрал неправильный альянс — ты можешь все силы потратить, но ты заведомо проиграл.

Если мы начинаем войну с другими континентальными державами — Германией, Австрией — на стороне талассократии, то что бы мы ни делали,

какие бы мы усилия не предпринимали — нам конец, исходя из самой геополитической картины базовой и изначальной. И это принципиально.

Конец большой игры был концом России. Надо было подождать совсем недолго, чтобы в том убедиться. Первая мировая война, которую Российская империя у немцев и австрийцев в значительной степени выиграла, поскольку основные сражения мы, так или иначе, выиграли, тем не менее, закончилась внутренним поражением России и гибелью Империи. Англосаксонская дипломатия просто праздновала победу над своим фундаментальным противником.

Таким образом, конец Российской империи, конец Санкт-Петербургского периода был связан не с проигрышем внешней войны против нашего непосредственного противника — Германии и Австрии, против которых мы воевали в Первой мировой войне, он был связан с тем, что работа открыто проантантовского думского большинства, внутреннее перенапряжение экономических, социальных, политических, продовольственных процессов привели к краху монархии.

Соответственно, очень большое значение имело убийство Распутина — человека, который влиял на Царя в значительной степени, проводя линию в прогерманском ключе. Можно по-разному рассматривать эту фигуру. С точки зрения его влияния на политические процессы, он выступал от имени народных масс, доводя до Царя главное, поскольку он прекрасно понимал народ: *«войну с Германией народ не потянет и не потерпит»*. Поэтому англосаксы решили, что его необходимо убить.

Кто же принимает участие в ликвидации Распутина: английский посол, проанглийский представитель черносотенного движения граф Юсупов, Пуришкевич. Именно те силы, которые открыто работали в интересах Англии. Точно также как при убийстве Павла мы видим английского посла, который непосредственно организует это мероприятие для изменения геополитических ситуаций; сходная картина при убийстве Распутина. Его ликвидируют англичане в силу его прогерманского влияния. Вот так геополитика помогает понять нам некоторые теневые стороны, заговоры и смутные непонятные интриги нашей истории.

Распутина убивают. Один из столпов выбит из колоды прогерманского континентального лобби, что тоже ослабляет позицию континенталистов. В результате — крах, отречение Императора от власти и Временное правительство, власть переходит в руки думского большинства. Практически все члены нового правительства были депутатами Государственной Думы.

Думское большинство после отречения Николая II сразу же декларирует идею: *война до победного конца*. Так временно сохраняется лояльность талассократической Франции и Англии. Несмотря на то, что война перенапрягла силы нашего государства и послужила в значительной степени причиной падения монархии, новое временное правительство заявляет, что верно союзникам, верно этой талассократической ориентации Антанты. И требует новых и новых эшелонов, новых и новых войск, которые бросаются на Западный фронт для борьбы с немцами и австрийцами.

Если говорить о геополитической оценке временного правительства того периода, практически все его так калейдоскопически сменяющие друг друга руководители, заканчивая последним — Керенским, все имели ориентацию на Антанту. С геополитической точки зрения они стояли за борьбу с немцами до последнего конца.

Дальше возникает история, которую Солженицын в «Красном колесе» описывал как участие немецкого генштаба и Вальтера Николаи в операции большевиков. Большевики — представители довольно небольшого течения, радикального, экстремистского, которое было направлено на свержение всех типов политической власти в целях осуществления пролетарской революции. В тот период большинство их лидеров находилось за границей в бегах, поскольку каждый из них участвовал в той или иной антиправительственной деятельности.

Немецкое военное руководство, полагая, что лидеры большевиков в такой ситуации (в условиях войны с Россией) смогли бы ослабить Россию, создает для них некоторые оптимальные условия. Делают это для того, чтобы эти лидеры вернулись в эпоху Временного правительства на территорию Российской империи, которая уже провозглашена республикой, для ослабления власти, ориентированной на их противников Англию и Францию. Так, большевиков сажают в запечатанный вагон, дают им деньги на проезд, наверное, еще какие-то деньги на оружие, на листовки, на «Искру» и отправляют в Россию.

Едва ли немецкое руководство и Вальтер Николаи, глава военной разведки Германии того времени, могли предположить, что засылаемые ими эти экстремистские силы способны сделать нечто большее, нежели просто усугубить существующий хаос и помочь немецкому наступлению на Восток. Но оказалось, что это были очень талантливые, предприимчивые люди, которые, воспользовавшись неразберихой после Февральской революции, объявляют параллельную власть.

Им многое удается, поскольку в революционной ситуации властью обладает тот, кто провозглашает, что он ею обладает и способен ее защитить. Не получив никаких полномочий во Временном правительстве, не имея никаких параллельных структур, способных управлять страной, большевики (даже будучи меньшинством в рабочих советах Санкт-Петербурга, потому что большинством там были левые эсеры) начинают выступать от имени этой параллельной власти, несмотря ни на что. Когда у них ничего не получается легитимно — ни выборы провести, ни Учредительное Собрание собрать из своего большинства, они просто все по факту закрывают, выкрикивают революционные лозунги. Что было совершенно немыслимо для представителей серьезно подготовленного Временного правительства того периода. Там были либеральные партии или левые партии, были социалисты-революционеры, правые эсеры, левые эсеры, народники, представители так называемых национал-трудовиков, которые вообще исповедовали идею национального социализма. Там были либералы-кадеты, они относились к либеральным консерваторам, были национал-социалисты, но не фашистского толка (тогда о таком еще и не подозревали), были просто националисты, социалисты.

И все они имели реальное проникновение в общество. В то время было 5 или 6 миллионов членов эсеровской партии. А большевиков не было вообще. Они находились в эмиграции, занимались революционной деятельностью, но были очень решительными, смелыми, фундаментальными людьми. Хотя, что интересно, представительства, даже минимального, в России не имели.

Когда еще продолжали существовать отмененные царские структуры: полиция, какие-то институты сбора налогов, Министерство по дорогам и

т. д., когда оставались политические демократические зачаточные институты, как партии, уже существовала *маленькая группка* большевиков, у которых не было ничего: ни власти, ни государства, ни сторонников, поскольку большевики ориентировались на городской пролетариат.

В тот период, если говорить с социологической точки зрения, городского пролетариата в России не было. Он, конечно, был, но сплоченную силу не составлял. Было где-то 1–2 % пролетариев — при 99-процентной крестьянской стране, в которой были укоренены, в том числе, и эсеровские структуры — социалисты-революционеры. В этих условиях совершенно чудесным образом, необъяснимым образом, присланные немцами большевики заявляют, что «власть — это мы!». Им отвечают: *«Да кто — вы?! Ни в государстве, ни в политике никакого представительства вы не имеете; отражаете класс, которого не существует»*.

Чернов — правый эсер, теоретик, один из участников Временного правительства — описывал реальную структуру, показывал расклад всех сил — социальных, политических — в России 1917 года, в эпоху Временного правительства. Про большевиков там просто не упоминалось, то есть такой силы там не было в тот период. Их просто не было, и никакого заговора у них не было. Это была группа совершенно оголтелых фанатиков, которые говорили, что есть такая партия. *«Какая партия? Где у вас там партия?»* Они отвечали: *«Подождите. Есть. Немедленно все сдают свои мандаты»*. Им опять: *«Какие мандаты? Вы кто такие?»* Большевики отвечали: *«Мы — вооруженные отряды пролетариата»*.

В конечном итоге, как мы знаем из истории, этой группке абсолютно безграничных фанатиков со специфической психикой удастся захватить власть, несмотря на то, что у них нет никакой легитимности, ни демократической, ни политической. Вообще никакой. Ни легальности, ни легитимности. Но они действительно захватывают власть. Объявляют Учредительное Собрание, чудом надеясь, что за них кто-то проголосует, или они подтасуют. Однако им не удается ни проголосовать, ни подтасовать — все равно за них никто не голосует. Но большевики настаивали на своем. Они больше никого не слушают и захватывают власть по факту. Это, на самом деле, наверное, не имеет аналогов в мировой истории. Потому что даже когда происходят дворцовые перевороты, то там есть династические ориентиры либо какие-то группы, лобби.

Но большевики действовали в одиночку, не опираясь ни на кого — ни на каких германофилов во власти. Они просто пришли и решительным образом захватили власть. Захватили в основном два человека — Ленин и Троцкий, перешагнувшие через всякую логику. Они утверждали, что необходима революция, и они ее осуществили. Ленин с Троцким — два человека бешеной энергии — захватили власть в гигантской Империи.

Но каков же геополитический результат большевистской революции? В Первую мировую войну императорская Россия выступала на стороне Антанты — талассократии, что могло привести только к краху. Крахом это и закончилось. Но когда захватывают власть большевики, которые вообще не выполняли никаких договоров ни с кем и никогда, вдруг действуют очень рационально в этой ситуации: *«нас прислали немцы, вот мы на немцев и будем работать»*. Они прекращают войну с Германией и заключают Брест-Литовский мир. Россия отказывается от всех своих завоеваний, ко-

торые мы получили, от всех своих позиций на Западе, отдает немцам и австрийцам все, что те хотят.

При этом Троцкий приезжает и заключает этот договор, умудряясь еще агитировать немецких солдат, чтобы те после возвращения начинали у себя революцию. Все верят в то, что в Германии может произойти то же самое. Поэтому так легко отдаются российские земли, ведь большевики вообще не российская власть. Большевики не мыслят себя российской властью. Они мыслят себя носителями мирового пролетариата, который готовит глобальную революцию и, временно захватив власть в России, они экспортируют эту революцию в Европу, после чего наступит эпоха мирового коммунизма. Так искренне считают Троцкий, Ленин и все большевики.

Поэтому они спокойно отдают немцам, которые привели их к власти, любые завоевания, поскольку они не собираются особенно задерживаться в России. У них мировые перспективы: захватив власть в России, те же персонажи хотят захватить власть и везде. И действительно, создается Баварская Советская Республика в Германии, где такой же кризис наступает после войны. Германия при этом терпит поражение на Западном фронте от войск Антанты. Австрию, Германию не спасает союз с новыми руководителями России — с большевиками.

В результате начинается интериоризация конфликта. Те силы, которые ориентировались на Временное правительство и в очень небольшой степени на монархию (в основном Белое дело состояло именно из либералов, эсеров, демократов, кого угодно; монархисты имели там очень-очень небольшой процент), они оказываются на периферии России. И начинают гражданскую войну с большевиками, которые контролируют центр — Санкт-Петербург, Москву, именно центральные зоны.

Так заканчивается Первая мировая война. Германия терпит поражение. И Россия, по сути дела большевики, которые заключают договор, выходят из альянса с Антантой. Германии они проигрывают, а не просто вступают с ней в союз, но еще получают внутреннюю гражданскую войну. Кажется, что ситуация в России — это «последний вздох», потому что в этот период, начиная с 1905 по 1922 год, мы проиграли вообще все, что имели.

Территории сужены, разные национальные части провинции Российской империи заявили о своей независимости — Прибалтика, Польша, Финляндия, которые были частью нашей страны. Украина объявляет о независимости. В Татарстане возникает идея, что надо тоже освободиться от русских, ему следует Кавказ. Внутри гражданская война, смерть, кровь — страны нет.

Но если посмотрим с геополитической точки зрения на наиболее принципиальные, выпуклые ориентации разных сил, участников этого периода русской истории гражданской войны, то есть на геополитику гражданской войны, то увидим, что большевики последовательно выступают как германофилы и континенталисты. Это очень интересный момент. При большевиках происходит перенос столицы из Санкт-Петербурга в Москву. Столица — это символ. Возвращение столицы из Санкт-Петербурга в Москву, хотя оно имело тактические, исторические причины, не связанные никоим образом с Третьим Римом и с возвратом к эпохе Русского Царства, тем не менее, означало именно это — возврат к континентальной ориентации.

Так большевики, маргиналы, экстремисты, представляющие собой ни народ, ни класс, ничего, а группу совершенно ошалелых фанатиков, они с

геополитической точки зрения шаг за шагом демонстрируют, что являются носителями теллурократического начала. Это очень важно. Кем бы они ни были, они были теллуokrатами. В идеологии у них ничего подобного нет. Ни про какой *Landpower* они не говорят. Империю они ненавидят. Никаких соображений в духе геополитики Маккиндера нет, ни о какой географической оси истории они не знают, и знать не хотят.

Они мыслят в категориях класса, которого нет. Получается, они интеллектуально и политически бредят. Тем не менее, все их действия — одно, другое, третье, четвертое — выстраиваются в конструкцию сухопутной власти. Большевики, вопреки своим представлениям — ни из одного большевистского текста этого не следует, ни из одной декларации, все, что они говорят, не имеет к реальности вообще никакого отношения — тем не менее, чрезвычайно эффективны с точки зрения захвата и удержания власти. Просто абсолютно эффективны.

Это поразительно контрастируется с полной неэффективностью царского режима и демократического режима республиканского периода Временного правительства. Во всех отношениях с геополитической точки зрения они оказываются носителями теллурократического начала, то есть *Landpower* (сухопутное могущество), вплоть до переноса столицы в Москву.

А что же белые? Какова геополитика Белого дела? Казалось бы, белые — патриоты, они русские националисты, большинство, будь они левыми, правыми или либералами, монархистами или эсерами, социалистами, революционерами, они — за Россию, за русскую самобытную культуру, против большевиков, но опираются в своей политической реальной, конкретной войне против них на Антанту. Они контролируют до какого-то периода морские территории, то есть их база прилегает с одной стороны на Дальнем Востоке к Владивостоку, на юге к Крыму. И опираются на оккупационные силы Антанты — Англии и Франции. Военным комиссарам Антанты по делам Украины становится не кто иной, как Хэлфорд Маккиндер, основатель английской школы геополитики. Он требует у английского правительства поддержки белых, более активных, для того чтобы расчленив Россию. И для того чтобы создать на территории России, как пишет Маккиндер, следующие государства, которых тогда не существовало: Прибалтийские государства, Белоруссию, Молдову, Украину, Грузию, Армению, Азербайджан, Новороссию и Дагестан, который входил бы в Северный Кавказ. Таким образом, Белое движение с точки зрения геополитики, несмотря на патриотические, подчас очень справедливые и верные лозунги, является выразителем талассократии, пособником атлантизма и разрушителем территориальной целостности России. Его создатели потенциально шли на сговор с руководителями Антанты, то есть выступали на стороне талассократии.

Но победили в гражданской войне большевики, красным удалось объединить под своей эгидой почти всю территорию бывшей Российской империи. Это бесспорный исторический факт. И эта их победа означала стартовые условия для истории всего XX века как геополитического вектора Советского Союза. Советский Союз, построенный большевиками на основании пролетарской идеологии, имеющей малое отношение к геополитике, не признавая никакие законы геополитики, создал сухопутную евразийскую империю со всеми признаками теллуократии, со всеми признаками Рима, со всеми признаками Спарты. Вспомним, с учетом дуализма, с чего начиналась

геополитическая карта: Рим — Карфаген, Спарта — Афины, теллурократия — талассократия. Итак, была создана континентальная, спартанская, римская империя под советской эгидой. Столица снова была перенесена в Москву — Третий Рим.

Все символы, все знаки и все геополитическое содержание — то, что Ратцель называл пространственным смыслом (*Raumsinn*) — все пришло в фокус.

ВЫШЛА КНИГА

Курбатов В. Я.

Пушкин на каждый день: [сборник статей] / Валентин Курбатов. — Псков: обл. тип., 2014. — 480 с.

Новая книга В. Я. Курбатова помнит и о двухсотпятнадцатилетии Александра Сергеевича Пушкина в этом году, и о семидесятипятилетию самого автора. Она собралась из статей разных лет о великом поэте, и о разных литературоведческих и театральных прочтениях пушкинских произведений, и о преломлении пушкинской традиции в русском искусстве XIX века и в поэзии и прозе XX века. Книга не претендует быть итогом, а только старается держать родное литературное пространство в здоровом единстве.

ПОЭЗИЯ

**Николай
ПЕРЕСТОРОНИН**

«РОДИНЫ ДОБРАЯ СИЛА...»

Николай Васильевич Пересторонин — родился в Кирове в 1951 году. Окончил Уральский госуниверситет. Член СП России, Заслуженный работник культуры России, лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ, лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского, Всероссийской литературной премии имени Н. А. Заболоцкого. Автор 17 книг стихов и прозы. Живет в Кирове.

ПЕТРОПАВЛОВСКОЕ

Судьба — высокая гора,
Земная слава,
Благословенная пора
Петра и Павла.
Здесь родословную вели,
Светлы по сути,
Апостолы родной земли,
Простые люди.
Как удержались на краю,
Не пали больно.
Река. Смородина. Июль.
Храм. Колокольня...
И женщина идет-плывет,
Как будто пава,
Поставит ведра и зовет:
«Петруша, Павел...»

* * *

Эти ризы небесного света,
И Казанская в белых цветах,
Херувимскою песней согрета
Обитает душа в небесах.
Здесь, под сводами русского храма,
Православную веру храня,
Божьей Матери молится мама
За меня, за меня, за меня...

* * *

Край великих холмов и оврагов
Сохранял самобытность как мог.
Что сказать? Мы не звали варягов,
А они уже делят пирог.
Изобильно накрыты поляны
И украшены тоже зело,
Много званых да мало избранных,
А и нас невелико число.
Медных труб возвышаются звуки,
Низко падать да травушку мять...
Истончились мечи и кольчуги,
Но за правду пора постоять.
А пока серебро серебрится,
Ярко-яркие лампы горят.
Друг пророчит:

«Мы будем гордиться,
Что не брали варяжских наград».
Будет снег терпеливей бумаги,
Но за слово цепляюсь и я:

«Милый друг, на фи́га нам варяги,
Мы и сами поби́ша своя...
Мы и сами с мечами ходили,
Неужели опять и опять
Мы с тобой всех врагов победили,
Чтоб друг с другом теперь воевать?»
Милый друг, мы так грустно смеемся

Или оптимистично молчим,
Что как волны у берега бьемся,
Называя тот берег родным.
Русь Святая! В едином просторе
Собери православный народ!
А варягов Вряжское море
Унесет, унесет, унесет.
Милый друг...

* * *

В краю, где подзолы и глина,
В доме, где ни так и ни сяк,
Достанет гармошку Галина
И грянет: «Наш гордый “Варяг”!»
И песня безмужняя льется,
Как вдовая доля ведет.

Она никому не сдается
И в плен никого не берет.
Она проросла в поколениях,
Ее не забьют сорняки...
Есть женщины в русских селениях,
Да мало живут мужики.

МИНИНО

Памяти А. Барсукова

Не могло бы такое присниться
В крайнем доме, в последней избе:
Пролетят перелетные птицы
И не сядут на этой земле.
Смысл названий еще не забылся,
Посреди потрясений и смут
Новый Минин еще не родился
И Пожарские тут не живут.

И никто не выходит из дому,
Лишь плывет в небе облачный плот.
Церковь белая смотрит в Молому —
Отражения не узнает.
Еще доброе жителям снится,
Только тянет прохладой с полей.
И летят перелетные птицы —
Не садятся на этой земле.

* * *

Как будто книгу памяти листая,
Июльский ветер всколыхнет на миг.
Стоит в полях пшеница золотая,
Звучит в душе серебряный родник.
Здесь жизнь цвела красивая, большая
На зависть пролетариям всех стран,
Высокий храм над миром возвышая,
Усердием пророков и крестьян.
Опять туда. Откладывать не стоит.
Легко легли дорожные слова.

Но до чего же сердце беспокоит
Сердечная, как таволга, трава.
Тесным-тесно разросшимся деревьям,
Но улыбнется счастье на веку,
Сбегая вниз по земляным ступеням
К чистейшему, как память, роднику.
Опять туда, где Родина святая.
Июльский ветер пусть вернет на миг:
Стоит стеной пшеница золотая,
Звенит струной серебряный родник.

* * *

Это Родины добрая сила:
Облака, купола, образа.
Слишком громко душа говорила,
И ответили ей небеса.

Не забудешь минуты святые,
Покаянно склоняя главу,
Будто искры летят золотые,
Осыпаясь листвой на траву.

И останется в памяти чистой
На развилке российских дорог,
Как летит угасающей искрой
В листопад опоздавший листок.

Остается любовь на земле.
Как мы жили, давно позабыли,
Но дано нам почувствовать вновь.
Мы не зря в этот мир приходили,
Даже если не очень любили, —
Все равно остается любовь,
Все равно остается любовь.

Владимир Соколов

Нам цепенеть в молчании и бледнеть
В столпотворении этом остается?
Но крылья для того, чтобы взлететь,
А не за крошки хлебные бороться.
Отчетливее в этой белизне
Оторванность от суетного века.
Не всем хватает хлеба на земле,
Но в небесах еще довольно снега.
И потому, что я еще крылат,
И веришь ты, что Бог нас не оставит.
Пришла зима — дела пошли на лад,
И снегопад на плечи нам не давит.

Я таю, как свеча,
Не верь, что угасаю.
И эту боль свою
Снесу, и станет легче.
Ты видишь — я встаю.
Я расправляю плечи.

ПОЭЗИЯ

Ирина МОИСЕЕВА

«А У ЧИСТОГО ЛИСТА ВКУС БЕРЕЗОВОГО СОКА...»

Ирина Сергеевна Моисеева, родилась в Ленинграде. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей СССР (России) с 1989 года. Публикации в периодической печати — с 1980 года. Автор трех книг стихов и одной книги прозы. Преподаватель Академии государственной службы. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Посреди зимы кромешной,
Где все замешено как надо,
Один был Летний сад — насмешка?
Один был Летний сад — засада?

Еще задолго до проталин,
Протоков ток посеребря,
Один был Летний сад — фатальный
И тайный. Только для себя.

Он стыл и старился, но почек
Однако ж не предостерег.
Был Летний сад родной, как почерк
Своей страницы поперек.

Сведен до символа и слога,
Не уступивший ничего,
Один был Летний сад.
И много —
Живущих около него.

* * *

Где мой домик в Комарово,
Возле сосен, у залива?
Я бы в домике писала
О начавшемся приливе,
Легких дюнах, свежем ветре...
Кладах, ядах, приключеньях...
О коварстве и любви.

Но мой домик дверью хлопнул,
Ножкой топнул и пропал.
Возле Финского залива,
У смолистых спелых сосен,
По Приморскому шоссе.

Потому что в наше время
Человеку дом не нужен.
Человеку нужен угол.
Чтоб стоял он там и думал:
Как он низок, как он узок,
Как он мало понимает
В этой жизни.

И в себе.

* * *

Вошел и грубо говорил —
В пустом и мелком упрекая.
И повторял, что не такая,
Какой меня боготворил.

Что постоянно зло тая,
Всех меряю одною меркою...

А в комнате была не я —
Венера с зеркалом.

* * *

Так ли жребий мой тяжел,
Так ли путь уж мой нехожен?!
На других сварливых жен
Как похожа, как похожа!

У крутых любимых плеч
Добродушна и спокойна.

Как умею дом беречь,
Как упрямо, как окольно!

Как бы жизнь была проста,
Если б не была жестока...
А у чистого листа
Вкус березового сока.

* * *

Тоньше комариного писка,
Жарче, чем дыхание бега,
Мягче, чем в сетях одалиска
У Матисса, и смешней, чем победа
Над собою, эта нить между нами.

Мы расходимся — она все не рвется.
Может быть, мы ходим по кругу?
Друг за другом,
Или нить из полихлорвинила...

* * *

Конечно, ласточки прекрасны!
Но мы с тобой чем хуже, друг?
Их легкокрылое скольжение —
Бессмысленное напряжение —
Лишь упражнение. А мы!
Напряжены так незаметно
Для посторонних. Два-три метра,
Что разделяют нас, всегда
Нас разделяют. Душно! Тесно!
Но сколько смысла и подтекста.
И бездна умысла и тьма.
А ласточки сойти с ума не могут!
Мы же, как известно,

Конца не знаем своего,
но можем ждать всего. Всего.
И, если бы не этот модный
Каблук, что, якобы, свободный,
А в сущности, вполне нелеп,
Еще бы я смогла сравниться
С какой-нибудь веселой птицей,
Когда б не вермишель и хлеб,
И масло, сливки, сыр, кефира
Пакет... В тяжелых сумках лира
Моя лежит не глубоко,
Но чистое ее дыханье,
Не переносит понуканья.
А ласточкам легко, легко...

* * *

Ты сделался тучей на месте восхода...
Но даже печальной —
прекрасна природа.
Я жду золотого дождя!

И душного воздуха мне не хватает,
И ласточка наша так низко летает —
Ты сглазил ее, уходя.

* * *

Я в панике схватилась за Гомера,
Но, принятый как экстренная мера,

Он больше помешал мне, чем помог.
Я понимала, в чем я виновата,

Гекзаметры сгущались, как расплата,
Не оставляя места между строк.
И вот уже, отброшены от скуки
Буколики наивные, как муки,
Придуманные в дантовом аду.
Все кончилось. Ничто не запрещалось.
Я плакала. А жизнь не прекращалась.
И, видимо, рожденная в сорочке,
Увидела, как появились почки,
Цветущие и в лучших временах,
И в средних. Всюду. Крепкие задами,

Все пустыри прикинулись садами,
Надеждой наполняя. Каждый шаг
И каждый вдох ее неповторимы,
Я это вижу зрением совиным
Всегда. И в темноте и на свету
Она сырой землей благоухает
И тянет нас. И жизнью набухают
Слепые, потемневшие соски,
Но никогда ни слова, ни упрека,
И хорошо, что мы не знаем срока,
А вечно можем жить не по-людски.

* * *

Как мы рады, что мы еще живы!
Что мы вышли на Невский проспект!
Что рассыпались синие сливы!
Что порвался бумажный пакет!

Что блестящее чувство свободы
Не обманет уже никого,
Что прошли наши лучшие годы,
Что не помним о них ничего.

* * *

По мосту с золотыми орлами
Мы идем. И остались за нами
Занесенные славой сады.
Мы идем, не спеша, по старинке.

Захотим — на мосту постоим мы!
Мы вкусили от странствий и бед.
И теперь, мимо церкви и школы,
Мы идем к дорогой пирожковой,
Потому что — обед.

* * *

В час, когда свежо и рано,
И пустынно, но не прежде,
Хорошо считать баранов
И оправдывать надежды.

В долгий вечер безупречный,
Слившись с миром придорожным,
Целоваться с первой встречной,
Первой встречной тварью Божьей.

* * *

Немыслимо ее спасать.
Разлад. Распад. Ничто не свято.
И горький стыд. И сладкий смрад.
Но брат повсюду ищет брата.

В нем нет отваги для борьбы
И капли веры для молитвы.
Ему осточертели битвы
И бесполезные труды.

Его пугает каждый шаг.
Горька невинному расплата.

Он ослабел. Он нищ и наг.
Но брат повсюду ищет брата.

В диаспоре и во плоти,
В осколках старины неверной.
Его последние пути
Покрыты злобою и скверной.

Он пьян. Обманут. Выжат. Смят.
Не отличит золы от злата.
Сам проклинает свой булат.
Но брат повсюду ищет брата.

* * *

Эта жизнь перемешана с той.
Перепутаны эпос и эрос.
Утешения горький настой
Разливается ночью густой —
Все наплакалось и притерпелось.

Ну и что, что не я разгляжу
Вдалеке золотую межу,
Заплетаются тысячи нитей.
Всех рожок созывает в кружок.
Засчитается каждый шагочок.
Я не стану. И вы не ходите...

* * *

То ли время подводить итоги,
То ли плачем поуважить тризну.
Лживые и пыльные дороги
Укатали милую Отчизну.
Мы забыли, что такое слава.
И не помним, что такое доблесть.

Ты, моя бескрайняя Держава,
Обернулась в гибнущую область.
И, все дальше, дальше удаляясь,
Ты пустилась странствовать по свету.
Я стою, смотрю и удивляюсь —
Мы все там же, а тебя уж нету.

* * *

Помилуй, какое везенье!
Какое везенье с утра!
Литровая банка варенья
Низвергнула сладость нутра!

Но сладость не скисла, а сгоркла
И вкус потеряла, и цвет...

Лежало на блюдечке горькой
Варенье, которого нет.

Я думала, что затаилась,
Что стоит лишь выйти на свет...
На банке, меж тем, говорилось,
Что это варенье варилось
В Союзе, которого нет.

* * *

Сами кличем и грузим, и возим
На себе окаянные дни.
Коммунисты ударились оземь
И исчезли. Да были ль они?
Глубоко под водой провожатый,
Не пускают его жернова.
Он нечистою силой прижатый,
По-английски нам шепчет слова.

И ему торопиться не стоит,
К новой жизни пока не привык.
Он не видит, что море — пустое,
Он не видит, что поле — пустое,
Он не видит, что сердце — пустое,
Только ворон один на просторе
Вырывает страницы из книг.

* * *

Не только я пишу стихи. Не только ты, любовь моя.
И широки и далеки родной поэзии края.
Там все легко, там все легки, звенят дожди, и льется свет.
Там нет непрощенной строки, там живы все. Там смерти нет.

* * *

Пока нецензурная брань,
Прикинувшись русскою речью,
Простерла поганую длань
Над площадью, школой и речкой,
Глумится над детской мечтой,
Гламурна, как всякая падаль,

Любовь превращает в отстой
И требует: падай и падай!
Умылись в горячих слезах,
Да толку от них никакого.
Чернеет у всех на глазах
Высокое русское слово.

* * *

Здесь праведника нет не потому,
Что он не нужен нынче никому

Во времена вселенского развала.
А потому, что праведников мало.

* * *

Над каждым цветком обмирая,
Иду в благодати немой...

Не нас изгоняют из рая,
А мы уезжаем домой.

ВЫШЛА КНИГА

Редактор-составитель **Сюзанна Кулешова**

Неизвестный Петербург: Сборник произведений призеров литературного конкурса, посвященного 310-летию Санкт-Петербурга. Проза. Том 1. — СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2013. — 368 с., ил.

Уважаемый читатель!

Выходит в свет сборник лучших произведений, представленных на литературный конкурс «Неизвестный Петербург».

В нашем городе проводится немало творческих смотров, которые получили заслуженное признание у знатоков и любителей словесности. Но «Неизвестный Петербург» занимает среди них особое место. Этот конкурс с полным правом можно назвать народным. Он подтвердил, что Петербург был и остается не только одним из самых «читающих», но и «пишущих» городов России.

Петербургжцы — непрофессиональные авторы, люди самого разного возраста, представили на суд авторитетного жюри более двух тысяч произведений.

Их рассказы, стихотворения, литературные эссе — это признание в любви и в искренней привязанности к Санкт-Петербургу, это восхищение петербуржцами, их благородством и верностью родному городу.

О Петербурге сказано и написано немало. Но он по-прежнему вдохновляет людей. И они открывают все новые и новые грани и страницы истории города на Неве.

Откройте и вы для себя «Неизвестный Петербург»!

*Губернатор Санкт-Петербурга
Г. С. Полтавченко*

Точка ЗРЕНИЯ

Евгений ПРИМАКОВ

«ОТ РЕГИОНОВ ЗАВИСИТ УСПЕХ ТРЕБУЕМЫХ ПЕРЕМЕН В НАШЕЙ ЭКОНОМИКЕ»

*Статья на основе
выступления
Е. М. Примакова
на заседании
«Меркурий-клуба»
19.05.2014 г.*

Тема успешного развития регионов имеет сегодня особую значимость вследствие нынешних политических событий и связанной с ними экономической ситуации. Крайне важно отметить, что от регионов во многом зависит обеспечение роста экономики и, давайте говорить прямо, ее выход из рецессии. Без возрастающей экономической роли регионов не обойтись в необходимой реиндустриализации и в развитии на инновационной основе машиностроения. Регионы должны обеспечить приемлемый уровень занятости, особенно в моногородах. В общем и целом от регионов зависит успех требуемых перемен в структуре нашей экономики, возможность перевода ее на инновационные рельсы.

Роль наших регионов возрастает вследствие событий, связанных с кризисом на Украине. С одной стороны, для противостояния экономическим санкциям необходима мобилизация всех имеющихся ресурсов, особый акцент следует делать на импортозамещении. С другой стороны, для нашего федерального развития нужно извлекать уроки из украинских событий. Поэтому все актуальнее звучит необходимость неразрывной связи между назревшей эко-

Евгений Максимович Примаков — родился в 1929 г. в Киеве. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения, а в 1956 г. — аспирантуру МГУ. Доктор экономических наук, профессор, академик РАН. В 1985–1989 гг. — директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Был Председателем Верховного Совета СССР. 1991–1996 гг. — директор Службы внешней разведки России. 1996–1998 гг. — Министр иностранных дел РФ, затем Председатель Правительства РФ. С 2001 г. президент Торгово-промышленной палаты РФ. С 2011 г. председатель директоров федерального сетевого оператора «НИС ГЛОНАСС». Писатель, лауреат многих российских и иностранных премий и наград. **Живет в Москве.**

номической децентрализацией и укреплением роли федерального центра, скрепляющего страну в единое целое. Речь идет, прежде всего, о принятии экономических решений на основе баланса интересов центра и периферии.

Нынешнее экономическое состояние большинства субъектов Российской Федерации вызывает тревогу. За последние восемь лет в России вдвое сократилось число регионов-доноров. Не менее опасна и другая тенденция — резкий рост дефицита бюджетов субъектов Федерации. По итогам 2013 года он достиг 642 млрд руб., что в 3,3 раза превысило прогнозы Министерства финансов.

Экономическое положение преобладающего числа регионов и муниципалитетов ухудшается. Надо учитывать, что если определенные функции передаются регионам, то необходимо адекватное финансирование, а его пока нет. Особенно болезненной для регионов оказалась ситуация, когда из центра на их плечи переложили исполнение социальной программы, сформулированной в майских Указах Президента РФ, но на места перевели явно недостаточные для этого финансовые средства. В результате многие регионы и муниципалитеты погружаются в пучину растущей кредитной задолженности. Такой рост долгов отнюдь не способствует развитию регионов, как представляется некоторым нашим руководителям. Полученные кредиты идут не на инвестиции, и, следовательно, не на развитие. Как правило, за счет инвестиций удается осуществить покрытие обязательств, спущенных из Правительства. Между тем, в 2014 году регионы должны погасить более 430 млрд рублей коммерческого долга, а к концу 2016 года на его обслуживание придется тратить каждый шестой рубль доходов. Под силу ли это преобладающему большинству регионов? Совершенно ясно, что самостоятельно они справиться с этим не смогут. И пока трудно сказать, какое решение будет предложено финансовым блоком Правительства.

По словам председателя Счетной палаты Татьяны Голиковой, в 2013 году собственными доходами, без учета субвенций, свои расходы могли обеспечить лишь четыре региона: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ. До сих пор не удалось реально продвигаться в преодолении регионального неравенства.

Говоря о возможности выхода из создавшегося положения, следует иметь в виду несколько проблем:

- Во-первых, это отказ от унитарно-федеративного подхода, которым подчас руководствуются финансовые органы страны. Необходима состоятельность регионов и муниципалитетов в финансовом плане. Это требует, прежде всего, закрепления за субъектами Федерации и органами местного самоуправления значительных источников налоговых поступлений. Нужно претворить в жизнь положение, при котором федеральный центр на постоянной основе должен делить с субъектами Федерации доходы в пропорции 50 на 50. В прошлом это было закреплено законодательно, но сегодня от этого правила отступили.

- Во-вторых, финансовая поддержка из центра должна сопровождаться созданием наиболее благоприятных условий для привлечения инвестиций в регионы. Конечно, в этом процессе большая роль принадлежит и самим субъектам Федерации, но нужно для этого развязать им руки. Это не должно, естественно, отводить на второй план ответственность субъектов Федерации и муниципалитетов за эффективность использования бюджетных средств, за оптимизацию расходов и ослаблять решительную борьбу с коррупцией.

• В-третьих, существующее экономическое неравенство субъектов Федерации делает еще более важными проблемы продуманного центра размещения производительных сил на территории нашей страны. Президент Путин назвал развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири основным проектом XXI века. Но до сих пор нет комплексного, хочу это подчеркнуть, комплексного плана решения этой поистине исторической задачи.

Необходимость такого комплексного плана обсуждается, но этого пока недостаточно, хотя положительные изменения наблюдаются. Недавно, например, на заседании Правительственной комиссии выступил глава Минвостокразвития Александр Галушка. Он перечислил 16 наиболее эффективных проектов, которые находятся в высокой степени готовности, но не запускаются из-за проблем с инфраструктурой. Министр предложил Правительству профинансировать инфраструктуру для инвесторов. Причем на каждый поступивший из бюджета рубль в проекты будет вложено 17 рублей из неправительственных источников. На инфраструктуру предлагается затратить средства Федеральной целевой программы развития Дальнего Востока и Забайкалья. Среди компаний, представивших проекты, — «Роснефть», «Норильский никель», «Металлоинвест», «Полюсзолото». Наконец-то акцент ставится не на обсуждении общеконцептуальных положений, а на разработке и выполнении конкретных проектов. Но и здесь есть над чем задуматься. Площадь региона, которым занимается Минвостокразвития — почти половина России, но проживает здесь 7,5 % населения страны, а доля обрабатывающей промышленности составляет 3 % от общероссийской.

Недавно Правительством РФ были созданы несколько «территориальных» министерств. Они занимаются территориями Дальнего Востока и Восточной Сибири, Крымом, а теперь уже и Северным Кавказом. Понятно, что эти министерства являются проблемными.

Представляется, что создание территориальных министерств — разумный шаг, в том числе в деле изменения принятия решений по территориям на правительственном уровне. За федеральные целевые программы и другие государственные проекты отвечают ныне все министерства Правительства, имеющие к ним отношение. Такой подход даже в условиях координации на уровне заместителя Председателя Правительства оказался в немалой степени безответственным.

Сегодня это положение должно меняться. Представляется, что территориальные министерства должны находиться в центре осуществления того или иного государственного проекта, и на них в своей части должны работать другие министерства Правительства.

Сложится ли такая система — покажет будущее. И дело здесь не в простом признании координирующей роли «территориальных» министерств. По словам руководителя Счетной палаты, Минвостокразвитию предоставлено лишь 2,4 % ассигнований по Программе Дальнего Востока. В результате весьма ограничено влияние этого министерства на другие министерства, вовлеченные в Программу, и, конечно, оно не может выполнять в таких условиях координационную роль.

К тому же сегодня у нас прибавилось два субъекта Федерации — Крым и Севастополь, что, несомненно, должно способствовать повышению ответственности и увеличению внимания к отношениям между различными федеральными структурами.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Анатолий ЗАЙЦЕВ МОЕ ОТКРЫТИЕ ИСЛАНДИИ

Записки посла

*К 70-летию образования
Республики Исландия*

Анатолий Сафронович Зайцев — родился в 1939 г. в Борисове Минской обл. Окончил Институт восточных языков МГУ, аспирантуру Института востоковедения Академии наук и Курсы при Дипломатической академии МИД. Кандидат экономических наук. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Был послом СССР и РФ, возглавлял ряд департаментов МИД. Ведет инспекторскую работу в МИД. Помощник на общественных началах первого заместителя Председателя Комитета Госдумы ФС РФ по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока, зам. Председателя Совета Ассоциации российских дипломатов. Отмечен государственными наградами. Автор книг и статей. Живет в Москве.

УЗНАВАЯ ОБ ИСЛАНДИИ. ПЕРВЫЕ НАХОДКИ

Предложение о командировке в Рейкьявик, самую северную европейскую столицу, на крупнейший вулканический остров Земли у полярного круга на границе с Северным Ледовитым океаном, в который раз подтвердило справедливость укоренившегося у меня за годы дипломатической службы представления о непредсказуемости избранной карьеры.

Ответил согласием, вспомнив совет восточных мудрецов о полезности не реже одного раза в 12 лет смены занятий как своего рода стимула для ускорения профессионального роста, обогащения знаниями новых регионов, стран и культур. (В моем случае такие перемены случались значительно чаще 12-ти зодиакальных циклов.)

Представление у большинства россиян об Исландии еще недавно укладывалось в не очень длинный ассоциативный ряд: исландская сельдь (это слово скандинавского происхождения звучит по-исландски «сильд» — sild) и гейзеры. Любили шахмат, среди которых высоко котиrowались исландская шахматная школа и международный гроссмейстер Олафссон, наверняка помнят проходивший в Рейкьявике в 1972 г. скандально известный матч между Б. Спасским и Б. Фишером. С октября 1986 г. исландская столица оставалась «на слуху» как место проведения советско-американской встречи в верхах. Позднее к этому короткому перечню добавилась мировая знаменитость — певица Бьорк. В 2008 г. при упоминании Исландии у многих россиян возникает также ассоциация с мировым финансово-экономическим кризисом, от которого она пострадала одной из первых и наиболее

чувствительно. А совсем недавно, в апреле 2010 г. — еще и с извержением вулкана Эйяфьятлайокутль (Eyjafjallajökull). Выброшенные им огромные облака пепла привели тогда к многодневному коллапсу авиасообщения в Европе.

Готовясь к поездке в Рейкьявик, куда весной 1998 г. был назначен послом, покопавшись основательно в фондах Российской государственной библиотеки и Центральной научной библиотеки МИД, из работ отечественных исследователей и дореволюционных переводов на русский язык исландских саг и других памятников древней исландской литературы почерпнул интересные сведения о малознакомой мне далекой и загадочной стране, ее истории, культуре и языке.

Сделав для себя немало открытий, поразился давней историей связей наших народов, которая восходит к далеким временам викингов. Имеются свидетельства пребывания исландских купцов на Руси еще в X—XI веках. С интересом прочел дореволюционные переводы на русский исландских саг, романов классиков исландской литературы, современные исследования наших ученых по исландской литературе и языку. Вычитал также, что в 1870 г. состоялся визит в Исландию российского корвета «Варяг», на борту которого находился Великий князь, будущий Император России Александр III.

Позже, уже находясь в Рейкьявике, из бесед с главным редактором самой крупной исландской газеты «Моргунбладид», в годы Второй мировой войны участвовавшего в составе британского экипажа в доставке «Северными конвоями» военной техники и продовольствия в наши северные порты, я узнал малоизвестные подробности, связанные с подготовкой и отправкой арктических морских конвоев из фьордов Исландии.

В одном из них, в часе езды от исландской столицы, еще сохранился полуразрушенный причал. По рассказам местных жителей, этот фьорд оказался «заколдованным» для фашистской авиации: всякий раз, когда приближались самолеты, над ним появлялись густые облака, мешавшие прицельному бомбометанию. Именно из этого фьорда в 1941 г. был отправлен в Архангельск самый первый «Северный конвой» союзнических войск. Запомнились и его рассказы о радушном приеме, оказанном участникам конвоя жителями Архангельска и Мурманска.

Истинной находкой для меня оказался изрядно потрепанный экземпляр изданной в 1967 г. в Ленинграде и с тех пор не переиздававшейся работы М. И. Стеблин-Каменского «Культура Исландии». Из этого фундаментального исследования тонкого и глубокого знатока исландской истории и культуры я почерпнул немало для себя ценного для понимания особенностей национального характера, психологического склада и образа мышления исландцев, среди которых мне предстояло вскоре жить и работать, а также исключительной роли в их формировании древней исландской литературы, культуры и языка. Позднее, уже в Рейкьявике, я не раз возвращался к этой книге в поисках разгадки занимавших меня вопросов.

Прочитанное навело меня на мысль заняться изучением исландского языка. Стал регулярно брать уроки исландского у профессора МГУ, вознамерившись за оставшиеся до отъезда к месту нового назначения несколько месяцев постигнуть хотя бы верхушки этого своеобразного языка. Тогда я еще не представлял себе, на что посягнул и что ожидает меня впереди. До сих пор не перестаю поражаться его мало изменившемуся за пятисотлетний

период грамматическому строю, с многочисленными склонениями и спряжениями, двумя залогами и тремя наклонениями, различными формами четырех падежей и двух чисел в существительном, и множеством других особенностей, не встречавшихся прежде в изучаемых мною восточных и европейских языках. Решив все же не пасовать перед трудностями, по приезде на место возобновил регулярные занятия исландским языком с профессором Рейкьявического университета, которые не прерывал до самого отъезда.

Старательно заучивал не очень сложные фразы, которыми собирался не столько удивить будущих собеседников, сколько выказать уважительное отношение к древней культуре и языку страны пребывания — предмету гордости исландцев. Некоторые из моих «домашних заготовок» я успел «обкатать» на протокольной встрече с послом Исландии в Москве после получения агремана и в полете по пути в Рейкьявик.

АККРЕДИТАЦИЯ В РЕЙКЬЯВИКЕ

5 июня 1998 г. директор протокольного департамента исландского МИД на президентском лимузине сопровождала меня от посольства в расположенную недалеко от столицы резиденцию главы государства — Бессатадир.

Церемония вручения верительных грамот проходила в небольшом зале. Войдя в него, встретился взглядом с президентом, стоявшим у противоположной от входа стены под большой картиной. Обстановка зала напоминала скорее уютную гостиную. Ощущение полудомашней обстановки усиливал стоявший в углу рояль.

По окончании краткой церемонии, проходившей в присутствии министра иностранных дел и внешней торговли, заведующего президентской канцелярией, постоянного секретаря и директора протокольного департамента МИД, президент Республики Исландия Олавур Рагнар Гримссон пригласил меня для беседы один на один в примыкающую к залу библиотеку, служившую ему рабочим кабинетом.

Президент держался просто и сразу расположил к себе. Беседу он начал с заверения, что сохраняет оптимистический настрой насчет перспектив развития двусторонних отношений с Россией. Он считает не только возможным, но и необходимым добиться в ближайшие годы прогресса в торгово-экономической области, для чего, по его убеждению, есть все необходимые предпосылки. Кратчайший путь к этому он видит через развитие прямых связей с регионами российского Северо-Запада, Камчаткой и Чукоткой. К такому убеждению президент, по его словам, пришел после бесед с главами сотрудничающих с российскими партнерами ведущих исландских компаний, которых он пригласил на прием. «В беседах я убеждал их смелее инвестировать в экономику России», — добавил он. Этот призыв президент повторил позже в своем выступлении на приеме, обращаясь к присутствующим на нем руководителям государственных и коммерческих компаний.

Подытоживая беседу, президент сказал, что заинтересован в «регулярном неформальном общении», и предложил мне «запросто, без протокола» приезжать к нему в резиденцию для беседы на «вольные темы».

После беседы и экскурсии в сопровождении президента по его резиденции с беглым осмотром хранящегося там уникального собрания предметов

национального искусства мы вернулись в зал, где нас ожидали министр иностранных дел и первая леди.

В ожидании прибытия приглашенных на прием гостей, первая леди устроила мне настоящий экзамен, проверяя познания в области исландской литературы и языка. Начала она с вопроса, сколько и какие именно исландские саги переведены на русский язык.

Отвечил, вспоминая прочитанное накануне отъезда и стараясь не запутаться в еще не ставших привычными для меня исландских именах и названиях, что «не менее шести, не считая в сокращенных переводах и изложении». Напрягшись, назвал «Сагу об Эгиле», «Сагу об Гуннлауге», «Сагу об Эйрике Рыжем», не забыв упомянуть и «Старшую Эдду», составляющую, наряду с другими, гордость и славу древней исландской литературы.

Беседы на приеме с ведущими исландскими политиками и предпринимателями, которых представил мне на приеме президент, немало обнадежили меня, добавив оптимистического настроения в работе. (Тогда, за два месяца до разразившегося у нас в стране дефолта, я еще до конца не представлял себе, сколько времени и напряженных усилий с обеих сторон потребуются, чтобы обсуждаемые нами проекты приобрели реальные очертания).

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ИСЛАНДИЕЙ

Моя официальная аккредитация в Рейкьявике совпала с круглой датой установления между нашими странами дипломатических отношений.

Готовясь к участию к юбилейным мероприятиям, в том числе работая над статьей по этому случаю для крупнейшей столичной газеты, из архивных документов узнал немало интересных фактов и подробностей из истории установления дипломатических отношений с Исландией. (Многие из них стали известны широкому читателю только сейчас из документов российских и исландских архивов, опубликованных в подготовленном министерствами иностранных дел РФ и РИ сборнике документов, выход которого из печати был приурочен к 70-летию установления прямых дипломатических отношений между нашими странами).

Произошло это событие 4 октября 1943 г. в разгар Второй мировой войны еще до провозглашения независимости Республики Исландия (17 июня 1944 г.).

Однако начало регулярным отношениям между нашими странами было положено еще в июне 1926 г., осуществляемым в то время через посредство Дании, за которой по заключенному 30 ноября 1918 г. акту о датско-исландском союзе оставались функции обороны острова и ведение иностранных дел. Они были оформлены 22–24 июня 1926 г. обменом нот. Поверенный в делах Дании в СССР Э. Торп-Педерсен в ноте от 22 июня 1926 г. сообщил о «признании Королевским Правительством Исландии *de jure* Правительства СССР». В ответной ноте от 24 июня 1926 г. народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин «выразил большое удовлетворение Правительства Союза по поводу установления нормальных отношений между обеими странами».

Начало процессу установления прямых дипломатических отношений между СССР и Исландией было положено в середине 1942 г. с контактов

в Лондоне посла СССР И. М. Майского и посланника Исландии Петура Бенедиктссона. Проведенный через их посредство зондаж позиций Правительств СССР и Исландии на этот счет подтвердил их обоюдную заинтересованность в установлении непосредственных дипломатических отношений.

Готовясь к провозглашению своей независимости (из одиннадцати веков своей истории, ведущей начало с обоснования на острове первых поселенцев, только первые три с половиной века были периодом самостоятельного существования, за которым последовали семь веков господства Норвегии, а затем Дании), Исландия была крайне заинтересована в обеспечении международной поддержки своего будущего статуса, прежде всего со стороны трех мировых держав — СССР, США и Великобритании, рассматривая их как гаранта сохранения своего государственного суверенитета.

Важное значение для исландской стороны имели и соображения экономического характера. Исландский мининдел в телеграмме своему посланнику в Лондоне от 23.11.43 подчеркивал: «Конец войны уже близок, и поэтому Исландия очень нуждается в возможности реализации своей продукции на новых рынках сбыта. В этой связи многие обращают свой взгляд на Россию, в том числе в отношении закупок ею крупных партий соленой сельди». Повышенный интерес исландцы проявляли и к закупкам в Советском Союзе лесоматериалов.

4 февраля 1943 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов сообщил в телеграмме послу И. М. Майскому, что «совпра¹ не возражает против предложения исландского правительства об установлении непосредственных отношений между СССР и Исландией... Совпра не возражает против учреждения в Рейкьявике советской миссии, не дожидаясь окончания войны».

27 июля 1943 г. министр иностранных дел Исландии В. Тор в телеграмме на имя наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова подтвердил, что исландское правительство было бы очень радо видеть дипломатические отношения между СССР и Исландией урегулированными. «Я буду рад получить предложение Вашего превосходительства, — говорится далее в телеграмме, — относительно дипломатического представителя СССР, и затем я поспешу немедленно препроводить предложение Исландского Правительства, в порядке взаимности на любезность Правительства СССР».

В ответной телеграмме, датированной 21 сентября 1943 г., В. М. Молотов, «ссылаясь на переговоры, имевшие место между советским послом в Лондоне и посланником Исландии в Лондоне», уведомил исландского мининдел о том, что «Советское Правительство готово обменяться с правительством Исландии дипломатическими представителями, с назначением в ближайшее время своего посланника при Правительстве Исландии в г. Рейкьявике».

Министр иностранных дел В. Тор в телеграмме от 4 октября 1943 г. сообщил, что «правительство Исландии будет готово назначить своего посланника при Правительстве СССР в Москве».

С даты отправки этого письма — 4 октября 1943 г. и принято вести отсчет времени установления прямых дипотношений между нашими странами.

¹ Совпра — здесь и далее советское правительство.

Чрезвычайный посланник СССР А. Н. Красильников прибыл в Рейкьявик в феврале 1944 г. Верительные грамоты ему довелось вручать дважды и оба раза — С. Свейну Бьёрнссону: 19 марта — как регенту Исландии и повторно 11 августа — как президенту Республики Исландия. 17 июня А. Н. Красильников принял участие в церемонии провозглашения Республики Исландия.

Принимая от А. Н. Красильникова верительные грамоты, президент Свейн Бьёрнссон заявил, что рассматривает его назначение как «знак дружбы со стороны Советского Союза по отношению к Исландии». Он отметил далее: «Я остаюсь при том же самом, как и Вы, мнения, что дружественные отношения между нашими обеими странами будут развиваться в будущем и приведут к плодотворному сотрудничеству между нашими народами. Я искренне желаю, чтобы политические, экономические и культурные отношения между Исландией и Советским Союзом укреплялись и принесли долговечную пользу и счастье обеим странам».

Чрезвычайный и полномочный посланник Исландии в СССР П. Бенедиктссон также дважды вручал в Москве верительные грамоты: первый раз — 10 мая 1944 г., второй — от президента Республики Исландия 2 августа 1944 г.

В декабре 1955 г. дипломатические миссии в Москве и Рейкьявике были преобразованы в посольства.

Дипломатическое признание Исландии со стороны влиятельной мировой державы — Советского Союза, одной из первых в разгар Второй мировой войны незамедлительно откликнувшейся на обращение молодой независимой республики, было высоко расценено в Исландии как важная и конкретная поддержка становлению возрождающегося исландского государства. Шаг Москвы был воспринят и как признание роли Исландии, заметно возросшей с началом Второй мировой войны. Находясь на перекрестье океанических путей между американским континентом и Европой, Исландия оказалась в эпицентре противоборства между Британией и Германией и их союзниками за контроль над стратегическими морскими коммуникациями в Северной Атлантике.

ЧТО ЗНАЧИТ РЫБА ДЛЯ ИСЛАНДЦЕВ?

Уже самые первые беседы с руководством страны укрепили наше убеждение в том, что без урегулирования спорных проблем рыболовства в анклав Баренцева моря и в районе моря Ирмингера, продолжавших оставаться главным раздражителем в наших двусторонних отношениях, трудно рассчитывать на их продвижение вперед в других областях.

Жизненно важное место рыбного промысла для исландцев, его значение для благосостояния этого островного государства невозможно переоценить. Стоит отметить, что на долю базовых отраслей исландской промышленности — рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей — приходилось тогда свыше 14 % ВВП и до 75 % доходов от экспорта.

Ничто не принимается исландцами столь близко к сердцу и не отстаивается с такой безоглядной решимостью — вся новейшая история страны тому подтверждение — как свои рыбные богатства, суверенное право на их использование. Достаточно вспомнить, с какой дерзновенной отвагой, не

останавливаясь перед прямыми столкновениями с превосходящими по мощи соседями, на грани открытия огня, добились исландцы, пройдя через четыре «тресковые войны», признания в 1975 г. своего права на 200-мильную зону. Начав в 1952 г. с увеличения своей экономической зоны до 4 миль и запрета иностранным судам вести промысел в своих фьордах и бухтах, затем — до 12, потом — 50 миль. Стоит вспомнить, что в разгар острого кризиса во время 2-й «тресковой войны» (1958—1961 гг.) на помощь Исландии пришла наша страна, закупив свыше 20 % ее экспорта соленой сельди и значительную долю другой рыбной продукции.

Спор Исландии с Россией и Норвегией возник из-за неконтролируемого промысла трески исландскими рыболовными судами в так называемой «лазейке» — ограниченном районе Баренцева моря, прилегающем к их экономическим зонам. Выступая за прекращение незаконного промысла, российская сторона исходила из того, что в соответствии с Соглашением об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими, в частности, с частью II Соглашения, треска Баренцева моря является трансграничным запасом, поскольку нагуливается и нерестится в экономических зонах России и Норвегии и лишь частично на время выходит за пределы 200-мильной зоны.

Другая спорная проблема была связана с введением в 1996 г. запрета на заход в исландские порты российских судов с грузом морского окуня, добытого в районе моря Ирмингера (Рейкьянесский хребет) и вызвана отказом России соблюдать выделенную ей Комиссией по управлению рыболовством в северо-восточной части Атлантического океана (НЕАФК) — при активном участии исландских представителей — неоправданно заниженную квоту на лов этого вида рыбы.

Несмотря на продолжающиеся в течение более трех лет двусторонние и трехсторонние (с участием Норвегии) консультации, не удалось найти приемлемое решение остающихся спорных вопросов, что затягивало подписание российско-исландского соглашения о сотрудничестве в области рыбного хозяйства.

Поиск взаимоприемлемых развязок спорных вопросов (в основе лежало наше компромиссное предложение о выделении Исландии квоты на вылов трески взамен прекращения лова его судами в «лазейке» в экономических зонах России и Норвегии) продолжался при активном участии российской стороны в ходе интенсивных переговоров на различных уровнях, включая высокий, в Рейкьявике и Москве и, наконец, — после перемены в норвежской позиции — подписанием 15 мая 1999 г. в г. Санкт-Петербурге межправительственного трехстороннего российско-норвежско-исландского «Соглашения, касающегося некоторых аспектов сотрудничества в области рыболовства». Это позволило после нескольких дополнительных раундов переговоров и консультаций подписать 3 апреля 2000 г. двустороннее российско-исландское Соглашение о сотрудничестве в области рыболовства и Протокол к нему, которым была определена российская квота (на безвозмездной и частично на платной основе) на промысел трески в исключительной экономической зоне России.

НА ПОРОГЕ ПЕРВОГО В ИСТОРИИ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ВИЗИТА

Урегулирование спорных проблем в такой важной для Исландии области как рыбное хозяйство, устранение многолетнего раздражителя в наших двусторонних отношениях ускорило их продвижение по другим направлениям.

Заметно насыщеннее стала повестка дня двустороннего политического диалога, повысился его уровень, возросла интенсивность обмена визитами. Причем большинство из них — впервые за всю историю отношений между нашими странами.

Позитивную динамику в двусторонних отношениях закрепил состоявшийся в сентябре 1999 г. визит в Исландию министра иностранных дел РФ (первое за последние 14 лет посещение этой страны главой российского внешнеполитического ведомства), который, по мнению исландской стороны, «восполнил сохраняющийся пробел в двустороннем политическом диалоге, подняв его на более высокий уровень». С ответными визитами в России в марте 2000 г. и в октябре-ноябре 2001 г. (впервые с официальным) побывал министр иностранных дел и внешней торговли Х. Аусгримссон в сопровождении большой группы представителей деловых кругов. (Подводя итоги поездки, один из ее участников сказал мне по возвращении в беседе, что посещение российских регионов «закрепило их позитивный настрой и уверенность в перспективности работы на российском рынке».)

После 40-летнего перерыва Москву с официальным визитом посетила делегация Альтинга Исландии во главе с его председателем, что позволило перевести на регулярную основу межпарламентские связи.

В Рейкьявике побывала заместитель Председателя Правительства РФ В. Матвиенко, принявшая участие в крупной международной конференции «Женщины и демократия на пороге XXI века».

Продолжала укрепляться договорно-правовая база двусторонних отношений. Помимо соглашений по вопросам рыболовства подписан ряд межправительственных и межведомственных соглашений, а также между Исландией и субъектами Российской Федерации. В их числе Соглашение о прямом воздушном сообщении, Конвенция об избежании двойного налогообложения, Меморандум по итогам визита делегации Правительства Республики Карелия и Меморандум о межмидовских консультациях.

Шире и предметнее стало наше сотрудничество с Исландией в рамках ООН, Арктического Совета и региональных организаций стран Балтийского моря — СГБМ и СБЕР.

После длительной паузы по инициативе посольства и предложению Государственной Думы РФ были возобновлены контакты между Федеральным собранием РФ и Северным Советом. Переговоры, проведенные делегацией Госдумы РФ, которая была приглашена на сессию этой организации в Рейкьявике, и во время ответного визита ее делегации в Москву способствовали принятию Новой стратегии Совета Министров Северного Совета в области сотрудничества с сопредельными государствами на 2001 г., к которым были отнесены и северо-западные регионы России.

Обсуждение международной и региональной проблематики в ходе обмена визитами министров иностранных дел, двусторонних политических

консультаций на уровне заместителей министра и директоров департаментов МИД показало увеличение круга международных проблем, по которым позиции наших стран были близки или совпадали. Отмечалось сходство в подходах к новым глобальным вызовам, борьбе с терроризмом, роли и значении ООН, активному взаимодействию в Арктическом Совете (в октябре 2002 г. Исландия стала председателем Арктического Совета).

Этому способствовала проведенная ранее по инициативе России в г. Санкт-Петербурге министерская встреча по формуле 5+3+1 (страны — члены Северного Совета, три — Балтии плюс одна «приглашенная извне» — ФРГ).

Двусторонний политический диалог еще больше оживился во время председательства Исландии в Комитете министров Совета Европы и в Совете министров Северного Совета.

Далеко идущие надежды, особенно в плане восстановления подорванных дефолтом торгово-экономических связей и продвижения других трудно решаемых вопросов, возлагались на визит в Россию президента Республики Исландия О. Р. Гримссона, его переговоров с российским руководством.

По мере приближения сроков визита, активизировалось участие министерств и ведомств обеих сторон в проработке перспективных вопросов сотрудничества наших стран в торгово-экономической и других областях. Их обсуждению были посвящены переговоры в Москве с министром иностранных дел и внешней торговли Исландии. Они рассматривались в ходе обмена визитами председателя Госкомрыболовства РФ и министра рыболовства Исландии, министров финансов, во время визитов в Исландию делегаций субъектов Российской Федерации, на сессиях двусторонней Смешанной комиссии по рыболовству и трех раундах консультаций по торгово-экономическим вопросам между министерством экономического развития и торговли РФ и Министерством иностранных дел и внешней торговли Исландии.

Состоявшиеся беседы и переговоры подтвердили наличие реальных перспектив расширения взаимного сотрудничества в таких областях, как рыболовство и рыбопереработка и энергетика, включая проработку проектов теплофикации населенных пунктов Камчатки и Чукотки на основе геотермальных источников.

При подготовке программы визита учитывались и научные интересы Президента, в прошлом профессора Рейкьявического университета. Ему принадлежит идея создания Северного исследовательского форума (СИФ), 1-й учредительный конгресс которого был проведен под его председательством при широком участии российских исследователей в г. Акурейри в 2000 году. В дни проведения конгресса Президент, подчеркивая в наших беседах полезность перевода деятельности СИФ на постоянную основу с точки зрения налаживания более тесной координации программ развития северных регионов России с сопредельными странами, делился своими планами насчет проведения следующего форума в России. Эти планы были осуществлены в сентябре 2002 г., когда с его участием в г. Великом Новгороде состоялся 2-й Конгресс Северного исследовательского форума.

Официальный визит в Россию президента Республики Исландия О. Р. Гримссона — первый за всю историю наших двусторонних отношений — состоялся в апреле 2002 г. и завершился плодотворными результатами.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ И ОБЫЧАЯХ ИСЛАНДЦЕВ

И все же самыми ценными для изучения Исландии, помимо освоения языка и письменных источников, стали для меня поездки по стране, которую за четыре годы работы основательно исколесил. И, конечно же, общение с исландцами самых различных социальных групп и профессиональных занятий — от рыбаков и фермеров до глав местных органов власти, владельцев и менеджеров предприятий и фирм, депутатов Альтинга (парламента) и членов правительственного кабинета.

С каждым новым знакомством, особенно когда удавалось остановиться в семейной гостинице, постепенно становились понятнее уклад и обычаи исландцев, особенности их национального характера и образ мышления.

При более близком общении с исландцами как-то незаметно расстаешься со стереотипными представлениями о типичных представителях северной страны, обитающих у самого полярного круга. По первому впечатлению, их внешняя суровость и даже некоторая холодность в общении с малознакомыми людьми, тем паче с иностранцами, довольно быстро, стоит только им убедиться в искреннем и уважительном к себе отношении, уступает место ответной симпатии и доброму расположению, нередко перерастающим в дружбу.

За поначалу кажущейся их эмоциональной сдержанностью скрывается вовсе не северный темперамент, а порою бузудержный азарт, который проявляется и в поведении местных футбольных и гандбольных фанатов, и в увлечении быстрой ездой, в пристрастии к экстремальным видам спорта, вроде подъема на нитро-джипах на вершины крутых высоких холмов, и во многом другом.

В отнюдь не нордическом темпераменте исландцев мне довелось не раз убедиться. Большие работяги, знающие цену заработанному нелегким трудом, раз в неделю, по пятницам, в день выдачи зарплаты, исландцы, в основном молодежь, дают выход накопившемуся стрессу, всю ночь до утра громкими криками и песнями будоража жителей прилегающих к скверам и паркам домов.

Исландцам издавна присуща веротерпимость. В Исландии, где государственной является евангелическая лютеранская церковь, мирно уживаются церкви других конфессий. Это подтвердила и благожелательная реакция властей и руководства правящей и католической церкви на обращение Московской Патриархии об открытии в Исландии первого постоянно действующего прихода Русской Православной Церкви. (Свято-Никольский приход РПЦ в Рейкьявике был зарегистрирован в октябре 2001 г.)

В этом убедился я сам, присутствуя вместе с дипкорпусом в праздновании 1000-летия христианизации Исландии, состоявшемся в конце июня 2000 года. Проходило оно в торжественной обстановке на самом почитаемом исландцами историческом месте, символе ее древней культуры и независимости — Полях Тинга. В живописной долине неподалеку от Скалы Закона, в древние века служившей трибуной, на месте Альтинга — предтечи первого в Европе парламента (он отдаленно напоминает появившееся веком позже Новгородское вече), была установлены большая сцена, гостевые и

зрительские трибуны и шатры. В красочной и пышной церемонии участвовали представители различных религиозных конфессий. От РПЦ в торжествах участвовал архиепископ Клинский Лонгин, представитель Московского Патриархата при Европейском Союзе. Слушая их приветственные слова, вспоминал дошедшие до нас, благодаря сохранившимся письменным источникам, удивительные свидетельства о том историческом событии. Принятие 24 июня 1000 г. решением Альтинга христианства как официальной религии Исландии, положив конец спорам между христианами и язычниками, позволило избежать междоусобиц, сохранить мир с Норвегией и открыло дорогу к налаживанию связей с соседними странами, принявшими христианство раньше.

Не могу не отметить и такую уникальную особенность Исландии. Тесные родственные связи исландцев, в основе которых — уважение к памяти предков, единая историческая судьба, культура и язык, подкреплены доскональным знанием своей родословной. Существует ли в мире другой народ (в Европе точно нет), который благодаря сохранившимся до наших дней письменным источникам в состоянии поименно назвать своих предков чуть ли до 29-го колена?

КТО ПЕРВЫМ ОТКРЫЛ АМЕРИКУ?

На начало второго тысячелетия в Исландии пришелся еще один большой юбилей — 1000-летие открытия Америки скандинавскими викингами. Этому знаменательному событию была посвящена большая экспозиция, развернутая в новом историческом музее в г. Рейкьявике, торжественно открытом Президентом в присутствии дипкорпуса. Как свидетельствуют собранные в ней реликвии, в том числе копия старинной «карты Винланда», первыми из европейцев до Северной Америки около 1000-го года доплывали викинги. Как повествуется в исландских сагах — «Саге об Эрике Рыжем» и «Саге о гренландцах», исландец норвежского происхождения Лейф Эрикссон достиг северо-восточного побережья Америки (ныне канадская провинция Ньюфаундленд) в 1004 г., почти за 500 лет до открытия Х. Колумбом Америки (1492). Обнаруженная в Канаде древняя стоянка викингов стала еще одним подтверждением того, что первым европейцем, родившимся на американском континенте, был потомок исландских викингов.

Помню, в дни юбилейных торжеств в Рейкьявике ходил популярный анекдот о Х. Колумбе и его команде, которые после высадки на берег были крайне раздосадованы, заметив среди аборигенов белых светловолосых детей.

Воодушевленные успехами своих предков — первопроходцев, исландцы с заинтересованным вниманием следили за археологическими раскопками экспедиций известного норвежского путешественника Тура Хейердала в районе Азова Ростовской области, ожидая доказательств присутствия там викингов, что подтвердило бы достоверность описаний в исландских сагах. Известный исландский политический деятель и предприниматель, увлекшись на волне всеобщего энтузиазма идеей организовать исландскую экспедицию «по древней дороге викингов от Балтийского моря через Россию по Волге и Каспию», предлагал мне в беседе провести ее совместно с российскими учеными.

СТРАНА ХУДОЖНИКОВ И ПОЭТОВ

С наступлением весны в Исландии зимний пейзаж сменяют почти фантастические картины ее первозданной природы с непрерывной сменой чарующих красок гор, покрытых мхом или лишайником лавовых полей, с яркими вкраплениями лугов около хуторов в горных долинах. Созерцание этих дивных пейзажей неизменно настраивает на поэтический и философский лад.

Влиянием этих природных факторов на современных жителей страны, впитавших в себя богатство древнеисландской (скальдической) поэзии как части многовековой культуры, литературы и языка, видимо, во многом объясняется их художественная одаренность. Без колебания разделяю авторитетное мнение исследователей Исландии, отдающих ей первое место среди других стран по количеству поэтов и художников на душу населения.

В достоверности таких наблюдений я мог убедиться, побывав за годы командировки в гостях у многих исландцев в их уютных домах, непременной частью убранства которых являются развешанные по стенам картины, написанные ими самими, их родственниками или приобретенные на выставках. Даже начинающие любители смело выставляют свои работы на многочисленных выставках, запрашивая за них цены, сопоставимые с картинами профессиональных мастеров. Одна из таких любительских работ — написанная маслом, очень пожилой женщиной, матерью знакомого фермера, картина (на ней изображен вытасченный на берег отслуживший свое старый рыбацкий баркас на фоне бушующего океана) — украшает нашу московскую квартиру и с каждым годом нравится мне все больше.

С несколькими известными исландскими художниками я был знаком и наблюдал за работой в их мастерских. И поныне не перестаю любоваться завораживающими пейзажами популярного в Исландии и за ее пределами художника Толли, открывая альбом его работ, подаренный им в его мастерской близ Рейкьявика с трогательной надписью, заканчивающейся почти тавтологией: «С наилучшими пожеланиями Толе от Толли».

«ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ»

Помимо других талантов, исландцев отличает врожденная музыкальность. Их мелодичные песни, по большей части распевные и протяжные, сродни бескрайним исландским просторам, очень напоминают русские. Поэтому наша музыка, особенно фольклор, близка и понятна исландцам разных поколений и возрастов.

В этом я воочию убедился во время поездки по стране с ансамблем «Русские виртуозы» под руководством заслуженного артиста России Дмитрия Царенко. Во время выступлений и уроков мастерства наших талантливых артистов в музыкальных школах разных городов страны, я наблюдал неподдельный интерес преподавателей и учеников (большинство из них, если не все, впервые видели и могли подержать в руках балалайку и домру) к нашей музыкальной культуре.

Это было заметно по репертуару концерта на открытии только что построенного концертного зала музыкальной школы в небольшом живописном городке на северо-западе страны Исафьордуре, на которое были приглаше-

ны министр культуры Исландии и российский посол. Преподаватели школы показали в беседах глубокое знакомство с российской музыкальной культурой.

В Исландии широко развита культура хорового пения. Даже в маленьких городках имеются клубы, где регулярно собираются на спевки, приезжая из отдаленных хуторов и рыбацких поселков любители пения, непременно одетые в национальные костюмы.

С одним из таких певческих хоров в г. Дальвик на крайнем севере страны, где я был по приглашению местных властей и компании по добыче и переработке рыбы, у меня связан такой памятный эпизод.

На концерте местного хора, после того как я, уступая настоятельным просьбам хозяев приема, исполнил по-русски, повторив, признаюсь, несколько раз одни и те же куплеты, популярные в Исландии «Подмосковные вечера» и «Катюшу», последовало предложение исполнить в заключение еще одну песню вместе с хором.

Первой на ум пришла мелодия русской народной песни «Из-за острова на стрежень». Энтузиазм, с которым было встречено это предложение, когда я напел мелодию, меня немало удивил. «Откуда вы ее знаете, это же наша исландская народная песня?», — допытывался руководитель хора — пастор местной лютеранской церкви. Я попытался было оспорить это утверждение, но, видя нетерпение публики, вскоре сдался. Посоветовавшись накоротке, договорились спеть эту песню вместе, каждый на своем родном языке. Наше совместное исполнение было на ура встречено присутствовавшими, тем более, что мелодия ничем не отличалась от нашей.

Позднее я не раз пытался докопаться до истоков появления любимой песни в этой далекой северной стране, но безуспешно. Исландцы продолжали стоять на своем, хотя в подтверждение доказательств привести не смогли. Со своей стороны я повторял, что хотя имя автора музыки не сохранилось, доподлинно известно, что русский текст песни написан на стихи поэта Д. Н. Садовникова, созданные на сюжет одной из легенд о Степане Разине.

До подобного спора дело не дошло, когда я пригласил на мой прощальный прием в российское посольство известный в Исландии и за ее пределами Мужской хор Рейкьявика. В присутствии именитых гостей, среди которых был министр иностранных дел, будущий премьер-министр, мы дружно затянули вместе, каждый на своем родном языке, эту так полюбившуюся и нам, и исландцам мелодию.

О СУЕВЕРИЯХ ВСЕРЬЕЗ, ИЛИ ИСЛАНДСКИЕ ТРОЛИ В РЕЗИДЕНЦИИ ПОСЛА

Когда бы речь ни заходила об Исландии, мои собеседники, узнав, что мне довелось прожить в этой стране несколько лет, неизменно засыпали меня вопросами о ее таинственных обитателях. Насколько правдоподобны, допытывались они у меня, показанные по телевизионным каналам ряда западноевропейских стран, в частности ФРГ, репортажи, в которых местные жители рассказывали, что не только слышали, но видели и общались с существами в облике троллей, эльфов или гномов. Нередко они являются людям во сне, принимая облик человека, и даже поселяются в их домах. Подобные случаи, как утверждают авторы этих репортажей, можно наблю-

дать и в северной части Норвегии, малозаселенной, как и Исландия, с затяжными туманными и выюжными зимними периодами.

Не довольствуясь объяснением этих загадочных явлений влиянием исключительно природно-географического фактора, я искал их разгадку, как и пружин, питающих веру в сверхъестественные существа в разных их видах и обликах, в исландских народных сказках, во влиянии языческой религии и законов, многие из которых сохранялись в Исландии и после введения христианства как официальной религии.

Во многих из них упоминаются фантастические существа, именуемые «скрытыми жителями», которые ничем не отличаются от обыкновенных людей. Единственное внешнее отличие «скрытых людей», как я вычитал в одной из книг, состоит в «отсутствии вертикальной впадины между носом и верхней губой». Их скрытая от людей жизнь протекает на холмах, в покрытых мхом скалах, крупных валунах и походит на обычные занятия обычных людей.

Как и другим, побывавшим в Исландии иностранным гражданам, мне приходилось не раз слышать вполне серьезные предупреждения о запрете на вывоз из страны крупных кусков лавы и камней, чтобы «не причинить вреда троллям, которые могут в них обитать». Мелкие обработанные куски лавы и камни используются при изготовлении различных сувениров, которые можно приобрести в магазинах. Обернутый шерстью небольшой округлый осколок камня, напоминающий булыжник, служит для местных жителей своего рода оберегом.

Разговор о загадочных обитателях не раз заходил на встречах с исландцами в Рейкьявике и во время моих поездок по стране. И что примечательно, никто из моих собеседников — от простых рыбаков до профессоров столичного университета, политических деятелей и бизнесменов с европейским университетским образованием — не высказал прямо сомнение в правдивости историй о существовании загадочных существ, хотя и допускал наличие в некоторых историях определенного «коэффициента сомнительности». С другой стороны, никто и не утверждал, что в них верит.

К услышанному или прочитанному на эту тему — а исландцы глубоко знают и заслуженно гордятся сагами и другими дошедшими до нас письменными памятниками своей древней литературы — мои собеседники относились с неизменной серьезностью и многозначительной задумчивостью. Некоторые из них даже дополняли обсуждаемые в разговорах истории свидетельства жителей тех мест, откуда они сами родом.

Серьезное отношение исландцев к затронутой теме подтверждает история, рассказанная мне высоким чином полиции Рейкьявика. Поздно ночью в резиденцию одного посла (название страны и имя посла по этическим соображениям опускаю) по срочному вызову прибыл полицейский патруль, объезжавший по ночам дипломатический квартал. Полицейские не только внимательно отнеслись и тщательно запротоколировали рассказ высокопоставленного дипломата «о нападении на него человекообразных существ, которые пытались его задушить», но перед отъездом настоятельно посоветовали в случае их нового появления немедленно сообщить в полицейский участок.

Как бы то ни было, тема загадочных обитателей Исландии продолжает все шире тиражироваться местными турагентствами. К примеру, в

туристическом проспекте, издаваемом и на русском языке при спонсорской поддержке ведущей исландской авиакомпании, утверждается, что «по самым проверенным данным» в Исландии обитают «эльфы, гномы и прочие таинственные обитатели», и сообщается, где их можно встретить. В одном городке близ Рейкьявика, где находится «самое большое поселение» загадочных существ, организуются специальные полтора часовые экскурсии.

Об услышанном и прочитанном за время моей четырехлетней командировки в Исландию, о ее таинственных обитателях напоминает обшитый шерстью небольшой гладкий камень, подаренный нам с женой как оберег перед отъездом на родину знакомой семьей исландского фермера.

В узкие рамки этих заметок удалось уместить лишь небольшую часть накопившихся впечатлений об исландцах и их неповторимой стране, которая за прожитые там годы стала мне намного ближе. Хотя, признаюсь, остается далеко не познанной и не менее загадочной.

ВЫШЛА КНИГА

Бондаренко И. И., Долейши Й.

Под общей редакцией академика Международной академии казачества, кандидата исторических наук **Д. В. Климова**

Летопись казачества. Казаки в центральной Европе — Европейский Центр Изобразительных Искусств, Братислава, 2013. — 528 с.: ил.

История казачества полна славных страниц побед и беззаветного служения Отечеству. В книге профессора И. И. Бондаренко и профессора Й. Долейши на основе архивных документов и свидетельств очевидцев повествуется о пребывании казаков в Центральной Европе. Еще в середине XVIII века жители этой части Европы впервые познакомились с казаками, оказавшими неоценимую помощь монархам европейских стран в разрешении многочисленных споров и конфликтов того времени. Казаки в те далекие времена, как это подчеркивается в данном исследовании, представляли собой нечто неведомое и даже пугающее, поскольку европейцы практически никогда ранее с ними не сталкивались и не имели ровно никакого представления о них. Однако храбрость, благородство и мужество диких наездников снискали им уважение. В книге рассказывается и о трагическом и малоизученном периоде пребывания казаков в вынужденной эмиграции, вызванной перипетиями Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей вслед за ней жестокой Гражданской войны в России. Буквально по отдельным фрагментам воссоздается общая картина жизни и быта казаков в непривычной для них обстановке. Немаловажное внимание уделено и периоду Второй мировой войны и не только массовым подвигам казаков, которые в составе Красной армии спасли Европу от «чумы XX века» — фашизма, но и тем, кто шел на сотрудничество с врагом, совершая преступления против человечества. Ценность исследования состоит в том, что в нем прослеживается связь эпох и поколений, говорится и о дне сегодняшнем, возрождении традиций казачества как в нынешних Чехии и Словакии, так и на исторической Родине казаков в России.

Моя СМОЛЕНКА

Борис КЛЮЧНИКОВ

МИР ВАМ, БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

Главы из новой книги

Борис Федорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». Живет в Переделкино.

МАЛАЯ РОДИНА — ДУШИ ОЧАРОВАНИЕ

Родился я на самом юге России, в степных раздольях Терского края, ныне Ставрополя. Городок наш был основан в 1777 году как звено моздокской линии военных укреплений. Строили их екатерининские полководцы по чертежам военных инженеров. Линии эти протянулись от Каспия до Черного моря. Назван наш городок в честь воина великомученика святого Георгия Победоносца. Россия осваивала Дикое Поле — веками пустующие плодороднейшие земли. Защиту новых границ обеспечивали новые поселенцы — в основном донские казаки, а позже и отставные солдаты и украинцы.

Опорой в этом мощном движении славян на юг стали гребенские казаки, с незапамятных времен поселившиеся на берегах Терека. Удивительное русское племя, выжившее в соседстве с воинственными горцами. Не просто выжившее, но сохранившее свою особую культуру, свою Православную веру. Думаю, что не казаки сохранили веру, а вера сохранила их. Не всем народам удавалось перенести через века веру предков. Соседи гребенских казаков — горцы вплоть до XIV века были тоже православными. Православие они приняли под влиянием могущественного грузинского царства. Турки-османы разгромили цветущую православную Византию, и многие народы тогда приняли ислам. У этой великой религии сто лиц. У горцев-мусульман ислам тоже имеет свое особое лицо с остатками Православия и языческого аdata. Это надо учитывать.

Гребенские казаки помнят, что их принял «под царскую руку» Иван Грозный, женатый на кабардинской княжне. Мне встречались разные версии происхождения терских каза-

ков. Наиболее вероятной представляется версия монгольская: для защиты Джучиева улуса монголам уже в XIII веке понадобились пограничники — оседлые люди. Тогда несколько сотен северных русских православных семей монголы переселили на границу степи и Гребня — Кавказских гор, на берег Терека. Жизнь и быт этих самых древних казаков красочно описал молодой Л. Н. Толстой в повести «Казаки». Читая ее, я узнавал вплоть до мельчайших подробностей быт моего детства, быт родных станиц, нашего Георгиевска. И не удивительно: с тех пор, как офицер Толстой служил в наших краях, прошло всего сто лет. В повести «Казаки» он проявил себя не только как талантливый писатель, но и как строгий ученый-этнограф.

Уже в детстве многие из моих товарищей, осваивая в играх, в садах, на бахчах, на кручах родные места, задавались вопросом: почему военные инженеры выбрали в качестве главной крепости наш Георгиевск? То, что этот выбор сделали инженеры-фортификаторы, не было сомнений. Мой дом, например, стоит на улице Инженерной (ныне Суворова). Как позже я узнал из научной литературы, многие из фортификаторов, даже в основном, были немцы — русские немцы. Многие генералы, командовавшие ими, тоже имели немецкие корни. Вклад русских немцев в строительство Империи — незаслуженно забытая тема. Думаю, к ней мы вернемся. Потому что вполне вероятно, что будущим поколениям европейцев (не атлантистов, а европейцев) вместе предстоит защищать российские просторы — сферу обитания христианских народов Северного полушария.

В наших мальчишеских головах возникали все новые вопросы. Почему военные инженеры на всех этих степных просторах выбрали именно эту площадку, ставшую крепостью Георгиевск? Видимо потому, что в этом месте над бурной речкой Подкумок нависали пятидесятиметровые вертикальные кручи, косой протянувшиеся едва ли не от станицы Незлобной до станицы Подгорной.

Кручи эти — место наших нескончаемых боевых игр — сами по себе крайне необычное геологическое явление в Кумо-Манычской впадине, отделяющей, как известно, Европу от Азии. Для нее характерны мягко переливающиеся балки-ерик ковыльных степей. А у нас высоченные вертикальные или очень крутые, неприступные ни пешему, ни конному кручи. В таком же неприступном месте построен и дом моего прадеда — станичного атамана Терского войска Корнелия. Дом прадеда стоит на высоченном берегу Куры в станице Новопавловской (ныне Новопавловск). Дом прадеда после революции стал не тюрьмой, не управой, а роддомом, чем вся моя родня ужасно гордилась.

Происхождение георгиевских круч тоже весьма интересно. Из научных исследований мы узнавали, что по геологическим меркам еще недавно, всего 12 тысяч лет назад, Каспийское и Черное море соединялись и были единым морем. Как тосковали по тому морю наши мальчишеские души! Нам в наших засушливых местах не хватало не то что моря, не то что полноводных рек и озер, а прудов. Тем более горячо мы любили нашу тогда чистую голубую бурную речку Подкумок. Мальчишками мы исходили ее берега от станицы Лысогорской до впадения в реку Кума (добрые 20 км), где находится чудный Сафонов лес. Мы исследовали нашу речку в поисках, на пацанячем языке, «глубины», то есть таких заводей и запруд, где было бы не по «яйцам», а «с ручками» или уж, худо-бедно, «по шейку». Рыбой

наш Подкумок и тогда был не богат, а раки попадались часто. Это значило, что вода была чистая, не испоганенная стоками. После дождей в горах наша голубая речка вздувалась, становилась от леса мутной. Мы купались в ней, наслаждаясь полноводностью, и вылезали на берег от леса усатыми и бородами. Распластавшись на кубах камня из разобранного «екатерининского» моста, грелись на солнцепеке вместе с ящерками, которые в изобилии кружились вокруг нас.

И ныне, шестьдесят лет спустя, в памяти моей встают лица моих друзей детства: русые головки, крепко сложенные, гибкие, загорелые тела. Слышу даже их детские голоса, запомнившиеся словечки на «суржике», озорные забавы. Они мечтали о подвигах, об открытиях. Это были души отважные, рискованные до безрассудства, бескорыстные, верные в дружбе. Потомки удалых терских казаков. Они, даже выросшие без отцов, в окружении женщин, унаследовали казачьи нравы и обычаи. Казаки-эмигранты, осевшие во Франции, в США, в Венесуэле, говорили мне одну и ту же пословицу: «терский — казак дерзкий».

О своих земляках, о подвигах казаков, особенно о терских казаках, я больше узнал не дома, а в Аньере — пригороде Парижа. Там казаки-эмигранты создали Музей казачьей славы. Там они бережно хранят реликвии, знамена, архивы. Только величайшую свою святыню — икону Донской лик Пресвятой Богородицы, не поскупились, передали в собор Александра Невского, что в Париже на rue Daug.

Уже несколько лет я работал в Париже, а все не решался побывать в музее казачества. Режим среди советских в те годы был весьма суровый: за контакты с эмигрантами — срочная отправка на родину, часто в течение двадцати четырех часов. Любопытство мое пересилило привычную осторожность. Осенью 1971 года, усадив в машину пятилетнего сынишку, Максима, я отправился в казачий музей. Он находился всего в 2–3 км от нашей квартиры в Neuilly sur Seine. Подъехали, вижу, будто на станичной завалинке сидят двое усатых стариков. Глянул на них и, не сомневаясь, заговорил по-русски. Старики насторожились, косились на дипломатические номера моей автомашины. Я говорю им:

— Нельзя ли и мне с сыном побывать в музее? Мы тоже потомки казаков!

— Каких казаков, советских что ли? — ершился старик.

— Нет, терских, — миролюбиво продолжал я. И назвал фамилию атамана-прадеда Корнея и деда-есаула. Старики заинтересовались, продолжали выпытывать. Один из них ушел в дом. Вскоре вернулся просветленный. В архивах нашел имя наших предков.

— Не, Тимофей, не «брэшить», — не стесняясь меня, сообщил он.

Так я в первый раз побывал в казачьем музее. Потом бывал еще несколько раз. Меня познакомили с начальником музея, со столетним моим тезкой Борисом Федоровичем Дубинцевым. Было видно: он в почете, им гордились, ибо он был последним «атаманцем»-казаком прославленного Е. В. лейб-гвардии Атаманского полка. Казаки, расчувствовавшись, предложили мне оставить запись в книге почетных посетителей. Я колебался: кто из советских заглянет в эту книгу, кому сообщить? Порядочному человеку или?.. Эх, двум смертям не бывать, а одной не миновать. Решился, оставил запись. Никто из соглядатаев, видимо, не заходил в музей казачьей славы.

Я сравнивал моих новых знакомых из музея с моими земляками: тот же тип личности, та же стать, те же жесты, тот же говор, тот же прямой, бесхитростный, простодушный характер. Что за штука эта генетика, сколько тайн хранит геном человека! Друзья моего детства и юности остались степными рыцарями. Прирожденные пограничники, воины, строители империи, народ, верный религии предков, отчизне. За что нас в 1920-е годы сживали с «белу свету», планомерно, ритуально уничтожали как народность? И кто! Генетические отбросы, мелкие бесы с адской свирепостью искореняли породу светлых людей. Расказачивание было первым холокостом, самым плотным геноцидом: две трети из шести миллионов казаков было уничтожено. Уничтожали нас не в газовых камерах. На терцев натравливали горцев. Донцов зимой выгоняли замерзать в степь!

Но нет у православных кровной мести, есть евангельский завет: «Отмщение мне, аз (я) воздам», — эпитафия к толстовскому «Хаджи Мурату». И, встречая друзей детства, вспоминаю пословицу: казачьему роду нет переводу. Этот род и ныне находка для офицеров, которые выискивают парней будущих подводников, десантников, пограничников. Как много их, друзей детства, погибли в пору безотцовщины из-за безрассудной лихости. Многие попали в детские колонии. А потом пошло-поехало! Сроки, новые сроки. Эх!

В городке нашем в 1940-х годах проживало не более 15–16 тысяч человек (ныне около 70 тысяч). Достопримечательностей почти не было, не то что Пятигорск или Кисловодск, несмотря на то, что в 20–30-е годы XIX века Георгиевск был губернским центром. В нем обустраивали юг России князь Потемкин, Суворов, останавливались Пушкин, Лермонтов, Толстой. Мы очень гордились, что наш городок возник как крепость. Мой покойный двоюродный брат Адольф Манов, будучи одним из градоначальников, возводил разрушенную крепостную стену по дороге в Чуреково (станция Георгиевская). Он же был одним из тех энтузиастов, кто устанавливал в 1983 году стелу в память двухсотлетия добровольного вхождения истерзанной Грузии в православную Российскую империю. Этот исторический акт был совершен в 1783 году именно в нашем Георгиевске и известен в истории как «Георгиевский трактат».

ЗЕМЛЯКИ

В городке нашем между многими национальностями царил полный мир. Не помню никаких трений даже с горцами. Правда, в городе их было мало. Чеченские аулы в те годы пустовали. Оставшиеся горцы были, на пацаньячем языке, очень «загалистые», то есть агрессивные, драчливые, так и норовили что-то отнять. То нож, то фонарь, то ремень. Но, придя в город, они боялись нас, потому что деды учили нас бить их нещадно при первой же агрессии. «У них норов такой, — говорили старшие, — уговаривать их бесполезно — за слабаков сочтут, сразу наглеют». «Не давать им спуску», — был их завет.

Вечерами после работы старшие, опустив усталые от вечерних трудов в садах да в огородах руки, усаживались на лавочки и предавались воспоминаниям. Соседский дед Фома, бывало, строгают, как принято у казаков, кинжалом какую-то палочку (горцы вместо этого перебирают четки). Вспо-

минает Фома, как с отцом и братьями всего полвека назад выходили пахать, но обязательно с ружьями.

«И откуда они, черти гололобые, так быстро налетали?! Как коршуны! Знай, успеи уложить коней, да из-за них отстреливайся!

Теперь, изучая нравы и обычаи горцев, понимаю, что набег и захват лошадей, оружия, а то и пленников для выкупа были вековым доисламским промыслом, образом жизни многих горцев, особенно тех из них, кого звали абреками. В науке этот образ жизни известен как «набеговая экономика». Л. Н. Толстой правдиво описывает разговор деда Ерошки с удалым казаком Лукашем. Оба тоже грешили разбойным промыслом.

«Эх, мы не тужили, — сказал старик, — когда дядя Ерошка в твои годы был, он уже табуны у ногойцев воровал да за Терек перегонял». Толстой свидетельствует: «Еще до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляют главные черты их характера». Русские отучили казаков от грабежа. Но не горцев. А горцы и казаки — земляки. Надо уживаться, не лезть в душу друг друга, уважать веру друг друга!

* * *

Набеговая экономика — древний обычай, прямо согласовывалась с обычаями кочевников-мусульман Аравии. Не исключено, что поэтому горцы Кавказа легко сменили кроткое христианство на воинственный ислам. Зерна христианства среди них упали на каменистую почву. В Коране есть Сура 8 Аль-Анфаль — «Добыча». В Евангелиях тоже есть одна сцена, где делят добычу: палачи — римская солдатня — делят одежды распятого Иисуса. Очень несхожие эти религии: воинственный дух ислама и дух любви кроткого Сына Марии — Пресвятой Богородицы. Они обе светлые эти мировые религии, обе нацеливают людей на добро, но такими разными путями! Верховный судья США Ашкроф как-то сказал по поводу самоубийц-шахидов: «Аллах шлет ради веры в себя человеческих сыновей и дочерей на смерть. А Бог христиан отдал своего единородного сына Иисуса на муки на кресте ради детей человеческих». Исламистские организации внесли за это судью в список опаснейших врагов ислама.

Человечеству предстоит долгая дорога, упорный труд для того, чтобы избежать столкновений цивилизаций. Шариат едва ли можно будет примирить с Нагорной проповедью Христа. *Тот народ, та религия возглавят мир, которые найдут такие решения в духовной, социальной, хозяйственной жизни, которые станут приемлемыми для большинства народов.* Уже стоит задача создать такой универсальный код, который свяжет все культуры в единую планетарную цивилизацию. У Православия, у русского космизма есть шанс выиграть такой конкурс. Нынешняя глобализация — это карикатура единства человечества, христианской вселенскости.

* * *

Вот на такие «думы великие» подталкивают меня воспоминания о 1940–1950-х годах в нашем дружном многонациональном городке. На тех же вечерних посиделках соседи просили, чтобы мой дед снова рассказал, как он со своим кунаком Ахметом охотился где-то в Предэльбрусье. Дед отнекивался, а потом, смеясь, говорил:

«Ахметка был добрейшей души человек: верный данному слову, прямой, отважный, всегда готовый прийти на помощь. Кунак, одним словом. Так вот иду я однажды впереди в гору. Охотились. Ахмет за мной шагает и вдруг кричит:

“Максим, кунак, дай лучше я впереди пойду, а то так хочется стрелять в твой христианский затылок!”» Все дружно, в который раз взрываются от хохота. Любят мои земляки забористые шутки. Дед, усмехаясь, говорит:

«Наверное, он шутил. Ахмет настоящий кунак был, столько вместе и охотились, и гуляли вместе, пили и водку, и бузу, и чихирь, и раку пили!»

Наступала очередь другой рассказчицы — старой-престарой казачки Кирилловны. Она и сама не знала, сколько ж ей лет. Она рассказывала, что девочкой видела, как везли в Россию пленного Шамиля. Ярко, с подробностями описывала роскошный конвой. Кто-то метко замечал: «Так это ж не стража, а почетный конвой!». Так, видимо, и было: гибкая царская дипломатия умела располагать к себе знатные роды и духовенство присоединенных народов. Старая верная дипломатия кнута и пряника! Не была Российская империя «тюрьмой народов». Это признавали даже противники России, западные геополитические конкуренты.

Кунаки — это не собутыльники. Это крепкая мужская дружба, часто скрепленная кровью, передаваемая сыновьям. В 70-е годы меня разыскали в Москве кунаки моего деда. И жена (она тоже казачка, корни в станице Брюховецкой, что на Кубани), и я откликнулись, проявили полное гостеприимство. Год спустя кунаки пригласили меня на ужин в гостинице «Москва». Знакомят с красивым стариком Гуссейном — главным егерем заповедника под Эльбрусом, приглашают на охоту. «Приезжай, — говорят, — мы тебя с такими людьми познакомим!» И называют такие властные столичные имена, что у меня глаза на лоб полезли. Самым малоизвестным из названных оказался доктор Чазов. Поблагодарив, я сказал, что скоро снова уезжаю в длительную командировку. Через несколько дней академик, кстати, крупнейший советский специалист по ледникам — гляциолог Залиханов Михаил и его племянник, покойный Зейтун прислали мне полтуши дикого кабана. Я не знал ни что с ней делать, ни как их благодарить. Людмила разделила эту тушу дикого кабана между соседями. На Арабском Востоке — свиноед — крепкое ругательство.

КОЛЛЕКТИВИЗМ И ВЗАИМОПОМОЩЬ

Отмечу еще одну черту быта моих земляков: какая-то врожденная привычка помогать друг другу, немедля откликаться, а то и самим предлагать помощь. Дать взаймы, иногда заведомо без отдачи, ухаживать за больными, приютить соседских детей, помочь собрать урожай. Без коллективизма не добиться преобразования России. Знаменитый социолог Питирим Сорокин описал это одной меткой фразой: «Под железной крышей царского самодержавия существовали тысячи крестьянских республик». Особенно ярко товарищеская помощь проявлялась, когда кто-либо из соседей затевал строительство нового дома или капитальный ремонт. Все работоспособные, без какого-либо приглашения или обещания заплатить, собирались на работы как на нечто само собой разумеющееся. А как же иначе? Завтра мне помощь

потребуется. И не видно было, кто руководил «артелью» в десяток человек. Кто-то рыл, кто-то строгал-плотничал. Мы, мальчишки, месили глину с соломой, чтобы налепить и высушить на солнце саман. Стройматериалов почти не было, особенно плохо было дело с древесиной. Работали весело, в конце дня хозяева накрывали стол. Еда была простая: много овощей, яйца, сало и обилие самодельного виноградного вина. Самогоном не баловались: жарко было. Выпив, заводили песни. Очень любили трогательные любовные украинские напевы. Особенно женщины. Мужчины шумели — да ну вас с хохлацкими песнями! Что вы все про «очи девочки», да про «гарных хлопщив»! Давай наши, боевые.

И пели хором, то «любю братцы любо... с нашим атаманом любо голову сложить»; то по «Дону гуляет казак молодой». Очень любил я, когда в несколько голосов пели печальную донскую песню:

*Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разольется...*

А потом:

*Не для меня журчат ручьи,
Блестят алмазными струями.
Там дева с синими очами*

(а другие, упорно «с черными бровями»)

*Растет, цветет не для меня.
Не для меня придет Пасха,
За стол родня вся соберется,
«Христос воскрес» из уст польется*

(а другие: «вино по рюмочкам польется»)

*В пасхальный день не для меня.
А для меня кусок свинца —
Он в тело белое вопьется,
И слезы горькие польются.
Такая жизнь, брат, ждет меня.*

В народной песне — душа народная. И душа очень разная. Поют изредка даже самые сухие души. Но больше всех те народы, которые не столь материалистичны, сколь идеалистичны. Те, кто склонны духовное ставить выше материального. Ну кто может сравниться в народном пении с украинцами, с малороссами? Идут на работу в поле — напевают, закончили работу — опять с песней домой. Мои земляки даже подтрунивали над «хохлами». Когда они начинали «спивать», русаки подтрунивали:

— А где ноги?! Ноги, давай!

Ноги потому, что бытовал старинный потешный рассказ, как «хохлы», закончив в поле работу, садятся на мажару, запряженную волами:

«Цоб! Цобе, ну пошли. Тронулись!» А один ротозей опустил ноги в спицы колеса и кричит от боли: «Ой, ноги!» А другие в телеге решили: пора поддержать песню и дружно грянули старинную песню «Ой, ноги!» вместо «Ой на горе, тай жнецы жнуть». А бедолага опять кричит: «Ой, ноги».

Немцы тоже любят петь, особенно хором, но у них все иначе: организовано, по цехам, по увлечениям, все по порядку, но тоже с душой. И как поют! Лет 30 тому назад я с женой, сыном-подростком и маленькой дочерью

остановились ночевать в маленькой швабской гостинице в Шварцвальде. Сели ужинать. В соседнем зале за столом сидел и пел песни цех местных пожарников: “Vor der Kaserne, vor dem grossen Tor...”. Один опьянел и портил пение. Камрады уважительно отсадили его за соседний стол. С кем не случается! Он сидит с огромной кружкой пива, икает, но упорно тянется к кружке. А его собака — овчарка, тоже восседает напротив на стуле. Скорбно, как жена, смотрит на него и каждый раз, как он тянется к пиву, громко лает. Он тянется к ней, целует псиную морду. Овчарка отворачивается, отплевывается, рычит. Все надрываются от смеха. Кончилось тем, что позвонили настоящей жене. Приехала немочка, смущаясь, увела своего Михеля, любителя германской песни и баварского пива. Уходя, он горлачил: “Vor der Kaserne, vor dem grossen Tor...”. Немцы, может, и поэтому так любят Лютера — типичного германца. Он им заповедовал, что кто не любит песни, вина и женщин — тот сущий дурак (Wer liebt nicht Lieder, Wein und Weibe, der ist Narr).

Эта швабская пивная всего в 500 километрах от Франции. Близкие соседи, но среди французов такого представления не увидишь. Француз стесняется выглядеть даже чуть выпившим. Рассказывают историки, что Муссолини однажды неpolitкорректно решился сказать Гитлеру: «Вы, германцы, были и остались варварами». Европа пока только на бумаге, да в торговле единая. Она конгломерат зачастую несовместимых национальных культур и характеров. Мало что общего между итальянцем, скажем, и шведом, голландцем и болгариним, хорватом и финном. Федерация там невозможна. Только деголевская конфедерация!

Такая была жизнь казачья, то в гору, а больше под гору. Англичане метко, кратко говорят: up and down, more down. Редко кто мог сказать, что мужчины в их роду доживали до 45—50 лет. Лихие, вот и гибли! Но тем жизнерадостней жили в отведенные судьбой годы. Медом нас не корми, дай послушать, хоть в десятый раз, какую-нибудь забавную историю. Вот и в эти застолья, среди песен, кто-нибудь да крикнет:

— Дуся, а ты Расскажи, как ты своего Ивана через лейку винцом поила?

Хохот! Все много раз слышали про страдания Дусиного Ивана — белоруса, шофера. Ему крепко кто-то врезал по зубам, губы кровоточили, рта не открыть, а вокруг за столом все выпивают, хмелеют, а Иван страдает, все пьют, а он рта не может открыть, чтоб выпить. Вот и шепчет ласково своей голубке Дусе:

— Дусь, а ты б того, через леечку, налей мне стакашек!

Пожалела разбитная Дуся своего иногороднего Ивана, мигом смоталась за леечкой!

Нас сызмальства приучали помогать соседям. Надумала, например, старая армянка тетушка Зано перекрыть крышу, зовет нас, мальчишек. Почему ж не помочь? Все равно ж балбесничает! Крыша у Зано старая, вся оказалась в осиних гнездах. Меня осы так искушали, что глаза заплыли, дня три не видел, только щелочки света. А Зано утешает, шутит: нычего, Камэр, рэвматизм нэ будэт. Точно, Бог миловал.

Тема общинной взаимопомощи и самоуправления — тема без преувеличения будущего России. Я не был дома с весны 1987 года по май 1995 года. Мотала меня служба в системе ООН по всему свету. Вернувшись, я не узнал своей страны. Маленький, ничтожный случай заставил меня задум-

маться и твердо убедиться, куда катится страна. У дома в Москве в том же 1995 году я как-то грузил в машину пожитки. На багажник на крыше моей «Лады» одному было трудно поставить сундук — родовой сундук, подаренное одной из прабабок. Боялся разбить дорогой душе сундучок. Рядом стоял, явно бездельничая, здоровенный парень, морда толстая, сытая, глаза свинцовые. Я говорю:

— Слушай, пособи, давай вдвоем поставим сундук на багажник.

Он лениво:

— Давай, но с тебя 10 рублей (тогда 2 доллара).

Я прямо-таки опешил. А парень с наглечой:

— А что, дядя, теперь рынок, товарно-денежные отношения.

Вот в тот миг я как-то сразу, рывком, без колебаний и сомнений понял: у нас англо-саксонское чужебесие завелось. С таким отъявленным индивидуализмом, злым эгоизмом — «хана» России.

МГИМО — НАШ «ГАРВАРД»

Наступила весна 1952 года, год окончания школы. Парни и девушки наши совещались, куда пойти учиться. Выбор был большой. Профессиональной ориентации, как дисциплины, к сожалению, тогда не было. Наш учитель черчения Михаил Иванович Чернов со скорбью в глазах рассматривал мои чертежи. Он учил двух моих дядей, окончивших Новочеркасский политехнический институт, ставших известными в городе инженерами. Как я не старался угодить старому чертежнику, не носил ему старые чертежи его учеников — моих дядей, Чернов упрямо повторял, что мне далеко и до дяди Миши, и до дяди Лени, что не быть мне инженером. В табеле у меня были все пятерки за исключением тригонометрии и черчения.

Вскоре в нашем классе появились офицеры из военкомата, стали звать в летные училища, соблазняли нас летать на недавно вошедших в строй реактивных истребителях. Человек 20 из двух десятых классов откликнулись, явились на медицинскую комиссию. И все, кроме Лени Брянцева и меня, не прошли этой весьма строгой комиссии. Мама была в восторге: будешь, как все в роду, офицером! Против была сестра Мира. Она переходила уже на третий курс Института востоковедения в Москве. Это был замечательный вуз, кстати, с одной из самых высоких стипендий (430 рублей на 1 курсе; начинающий инженер получал тогда 800–900 рублей). Из его стен вышли многие ученые и государственные мужи. Сестра знала, например, старшекурсника Е. М. Примакова, хотя училась на ближневосточном отделении и овладевала персидским языком и высокой персидской поэзией. Она в письме сообщила мне, что есть еще и Институт международных отношений, что он «закрытый» и поступить туда очень трудно, что он находится в ведении Министерства иностранных дел и нужно иметь рекомендацию горкома комсомола. Только в мае она предупредила, что вступительные экзамены в этом «закрытом» институте начинаются не 1 августа, а 1 июля. Мой учитель истории, Александр Кириллович, поддержал мой выбор:

— Дерзай, ты же комсорг, будет у тебя рекомендация.

Оставалось до отъезда одно, но весьма существенное препятствие: мне было 16 с половиной лет, но ни я, ни мама не удосужились вовремя получить паспорт.

— Поезжай, — сказала мама. — Я быстро его оформлю со знакомой паспортисткой и перешлю с проводником московского поезда.

* * *

Провожали меня на вокзал с рваными «метриками». Мама и мой верный друг, друг на всю жизнь Анатолий. Он нес мой фанерный чемодан. Я шел пыльной дорогой и распевал есенинские стихи:

*Я полон дум
О юности веселой,
Но ничего в прошедшем
Мне не жаль.*

В рубашке у меня были зашиты заветные 350 рублей. Кроме сестры-студентки в Москве у меня не было ни родных, ни знакомых. К ней в незабвенный Алексеевский студгородок я и направился с Курского вокзала. Был конец июня и студенты разъезжались на каникулы, сестра тоже спешила домой в Георгиевск. Я остался в пустом деревянном бараке-общежитии. Аспиранты, которые почему-то не разъехались, узнав, что я хочу поступать в МГИМО, закатывали глаза и отговаривали: там сумасшедший конкурс, медалисты тоже обязаны сдавать экзамены. Ну, ничего, спыток не убыток, в августе попытаешься поступить в какой-либо другой вуз.

В таком настроении солнечным утром ехал я в МГИМО на Метроостровскую, 53 (ныне Остоженка). Первое что спросила меня пожилая женщина в приемной комиссии:

— Ваш паспорт, молодой человек.

Я протянул ей злополучные метрики. Женщина опешила, рассмеялась.

— Паренек, паспорт нужен!

Я стал ее уверять, что мама на днях с проводником передаст мой паспорт.

— Не могу я принять твои документы, строго у нас в МИДе, с работы меня выгонят, — возражала она. Стала читать мою анкету и автобиографию. И вдруг смягчилась, прошптала: «так у тебя, как и у моих, отец погиб?» И взяла, приняла мои документы, а значит, допустила к завтрашнему экзамену — писать сочинение.

В конце 1980-х годов я иногда читал лекции в родном институте. Как он изменился и, мягко говоря, не во всем к лучшему.

* * *

Это, мягко говоря, означает сдержанность, которую я усвоил, общаясь с англичанами. Англичане весьма оригинальный народ. Говорят на одном языке с американцами, но так не похожи на них. Эти два народа все более отдаляются друг от друга, и это все более заметно и в поведении, и в языках. Многие изучали типичные черты характера англичан, в том числе мой однокурсник и друг писатель Михаил Любимов, в прошлом разведчик. Е. Замятин, писатель и корабел, долго живший в Англии, изучая кораблестроение, написал об англичанах психологически очень тонкий рассказ «Островитяне». Англичане и сами понимают, что они очень отличаются от народов континентальной Европы. Англичанин и в быту, и, особенно, на

переговорах редко скажет «нет». Чаще I am afraid (боюсь, что) или hardly (едва ли). Неопытные дипломаты и деловые партнеры часто воспринимают это как колебание, еще, мол, поднажать и дело в шляпе. Нет, это вежливая форма решенного отказа. Другой формой сдержанности является знаменитая understatement (недосказанность). Помню такой пример. В благостные офисы ЮНЕСКО в 60-е годы несколько раз являлась жена одного американца и устраивала мужу отвратительные скандалы. Их приходилось буквально разнимать. Все мы возмущались, только англичанин из аристократов Барри Кимминз сдержанно уговаривал нас:

— Что особенного, джентльмены, среди женщин часто встречаются такие *полевые* натуры. Джерри, не огорчайся, — говорил он мужу.

Все как-то облегченно смеялись: фурия, скандалистка, оказывается, вступала с мужем всего лишь в полемику.

Что ныне только не пускают в ход родители, чтобы родное чадо провралось в престижный МГИМО — наш «Гарвард». Подъезд МГИМО ныне густо уставлен студенческими автомобилями: мерседесы, ягуары, гоночные — явно не профессорские. Студенты строго соблюдают «дресс-код», публикации МГИМО неприятно отдают карьеризмом и почтением к «состоявшимся» денежным выпускникам. Таких, как я и многие мои сокурсники 50-х годов, ныне в прихожую не пустят. В октябре 2012 года мои сокурсники встретились отметить 60-летие поступления в МГИМО. В. Я. Плечко — кадровый дипломат, посол на Мальте выступил и грустно тоже сказал: таких, как я, теперь не примут. Собравшиеся мрачно закивали головами.

Сдал я вступительные экзамены неожиданно для себя на «отлично», набрал все 25 баллов. Выручило сочинение (плод усилий моей земской учительницы Колпаковой) и, конечно, мой немецкий язык.

Откуда он у вас, спрашивали преподавательницы немецкого языка, говорившие с явным русским произношением. Я благоразумно все годы помалкивал о бабушке-немке.

— С отцом жил, наверное, в ГДР? — выпытывали преподавательницы.

Однако не все еще барьеры были мною взяты. Не хватало мест в общежитии. Приемную комиссию в зале приемов возглавлял грозный помощник В. М. Молотова. Вошел и я, ничуть не смущаясь, в рубашонке, сшитой мамой. Многие уже и в те годы пришли в костюмах и при галстуках.

— Откуда вы? — рассматривая и посмеиваясь, спросил меня грозный помощник Молотова.

— Из Георгиевска, — говорю.

— Это где же, — оглядывая членов комиссии, продолжал он.

Кто-то услужливо подсказал, — это под Москвой, Егорьевск.

— Нет, — рассержено возразил я, — я с Терека, с Кавказа.

— А, издалека, значит! Набрал-то ты, парень, все 25 баллов, таких много! Не знаю, что с тобой делать? Нет у нас мест в общежитии.

Кто-то опять услужливо поддакнул: точно, Владимир Иванович, все заполнено, переполнено.

— Не надо мне общежития, — взмолился я. — Я сниму угол.

— Как же ты снимешь, у тебя и отца нет, мать вдова? Сколько твоя мать получает?

Я, нисколько не смущаясь, говорю: 450 рублей. Все члены комиссии дружно засмеялись: по московским меркам и ценам сумма была уморитель-

но смешная. Но помощник Молотова вдруг рассердился и, тыча пальцем в завхоза института, велел: найти для этого молодца место в общежитии Дипломатической академии! Скажи, я прошу. В тот момент была решена моя участь: стать международником. На другой день я поселился на долгие три года в этом общежитии для дипломатов в Стремянном переулке, 29.

На остаток июля и весь август я вернулся в свой Георгиевск — души очарование. Добирался с приключениями. Денег не оставалось на билет. Взаимы дала мне аспирантка Института востоковедения, подруга сестры Аннушка Муранова. Я по сей день, встретив ее, напоминаю ей, как она меня выручила 60 лет назад. Она смеется, говорит, что не помнит ни о каких ста рублях. Я постеснялся тогда попросить бóльшую сумму: хватило денег на билет только до Ростова. Четыреста последних километров до Георгиевска я проскочил зайцем, а когда выгнали из вагона, залез на его крышу. Безмятежно, словно на крыльях, летел я на крыше вагона по залитым солнцем степям. Солнцем была полна и моя голова.

Все были рады моему успеху. Директор школы, Александр Кириллович, мой учитель истории, понимал больше, чем другие, что значит поступить в МГИМО:

— Ты первая ласточка, — приветствовал он меня. — Поднатужься, чтобы не выгнали, не исключили за плохую успеваемость, да и поведение у тебя!!! Держись.

Сказал, как в воду смотрел: летом 1954 года МГИМО слили с Институтом востоковедения и половину моих однокурсников отчислили. Всем отчисленным было дано право перевестись в любой вуз страны. Мы с сестрой неожиданно оказались вместе в одном институте.

Итак, осенью 1952 года я стал студентом престижного МГИМО. В студенческой песне, сложенной веселыми старшекурсниками, пелось:

*Там науки браво изучают
Четыреста отборных молодцов.
И всех их возглавляет и всех их опекает
Иван Димитрич Удальцов.
Эх, что за чудо, Иван Димитрич Удальцов!*

Ректор Удальцов был замечательный воспитатель будущих дипломатов-патриотов. Он стремился из детей рабочих и крестьян сформировать личности, не уступающие в благородстве отпрыскам знатных семей, которые учились вместе с Пушкиным, Дельвигом, Кюхельбекером, Горчаковым в Царскосельском лицее. Когда бываю на Новодевичьем кладбище, останавливаюсь у его могилы и невольно шепчу Поминальную молитву. Не много я знаю о нем, был ли он верующим? Знаю, что он любил Россию, институт и своих питомцев. Программа обучения была составлена так, чтобы наполнить наши головы широкими и узкопрофессиональными знаниями, а сердца честью и долгом служения Отчизне. О том, как мы служили ей, рассказываю в дальнейших воспоминаниях об учебе, о богатой событиями и впечатлениями работе во многих странах нашего беспокойного мира.

Панко АНЧЕВ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г., ИМПЕРИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ И РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Панко Анчев — критик, историк литературы, публицист, философ. Родился в 1946 году в Варне. Член Союза болгарских писателей и Болгарского ПЕН-центра. Почетный доктор Литературного института им. А. М. Горького. Ответственный редактор литературно-художественного журнала «Просторы». Живет в Варне, Болгария.

Великий русский философ Иван Ильин сумел точно сформулировать смысл Отечественной войны 1812 г.: «Россия победила Наполеона именно совершеннейшей внутренней свободой ...» «Совершеннейшей внутренней свободе» Наполеон, Франция, Европа и либеральная буржуазная идеология противопоставили внешнюю, формальную, показную «свободу» — «свободу торговли», как ее назвал К. Маркс, — с помощью которой надеялись навязать России свою волю и свою форму общественного устройства.

Войной 1812 г. конфликт между Россией и Европой перешагнул в новый этап противостояния двух цивилизаций. Борьба отныне ведется иными средствами и новыми личностями, военачальниками, государственными чиновниками и идеологами. Но цель политики остается прежней: ликвидация «совершеннейшей внутренней свободы» и замена ее внешней, формальной, т. е. буржуазной свободой. Перед Россией стали новые, еще более серьезные трудности, ей предстояли невиданные доселе испытания, вызванные теперь еще и идейными и нравственными противоречиями внутри общества, которое заражается либеральными идеями. Можем утверждать, что началась новая эпоха в русской и европейской истории. Это та эпоха, которая во второй половине XX в. будет называться «холодной войной». В сущности, «холодная война» начинается сразу после победы над Наполеоном и продолжается с различной интенсивностью уже 200 лет. Суть идеологической войны — нравственное противостояние России и Европы. Это война между двумя видами свободы, о которых говорил Иван Ильин. «Горячие» военные

действия проводятся на географической земле России, а «холодные» — на ее духовной территории.

В начале XIX в. Россия стоит на распутье: в каком направлении двигаться — идти ли дорогой европейского «модерна» или традиционным русским путем, освещенным самодержавием? Здесь пересекаются две дороги: по одной дороге идут все народы, общества, экономики и культуры; другую дорогу русская мысль означила как единственную для русского народа, его экономики и культуры. Либеральные идеологи говорят, что здесь именно делается выбор «традиция или прогресс» и утверждают, что традиция — задерживающий фактор в развитии России и славянства.

России не только вовне, но и внутри страны предстояло доказать, что у нее особый путь, и она не обязательно должна принимать европейские лекала. Модерн требует новое устройство, новое отношение ко всему. Но это означает, что если бы Россия стала копировать западный опыт — она отклонилась бы от выполнения своей миссии, которую Бог определил ей как хранительнице Православия и славянства. Ее выбор — осознаться «в себе» или «для себя» (по выражению Карла Маркса). Она должна ставить или на свой эгоизм и идти по течению современного общественно-экономического устройства, или остаться верной своему долгу. Выбор идеологический, но и практический, политический и нравственный. Надо выбирать не только свой быт, но и свое бытие. История доказала, что невозможно выбрать только одно или только другое. Необходимо найти «modus vivendi» и сохранить одновременно целостность духа и силу экономики.

В начале XIX в. западноевропейские буржуазные революции выбрали Наполеона (в середине XX в. они выберут другого, а кто будет их избранным в XXI в.?) на роль проводника нового порядка в мире, дабы выбить из России идею восстановления Восточной Империи и включить ее в «европейскую цивилизацию». Это означает ликвидировать ее своеобразие и уникальность. А что означает Восточная Империя? «Это Церковь Вселенская...» «А что означает Церковь Вселенская?» — ставит вопрос Ф. И. Тютчев перед Императором Николаем I в записке от 7 сентября 1843 г. с изложением своих взглядов на взаимоотношения между «Востоком и Западом». И отвечает: «Православный Восток, весь этот огромный мир, возвышенный греческим крестом, един в своем основополагающем начале и тесно связан во всех своих частях, живет своей собственной жизнью, самобытной и неразрушимой. Физически он может быть разделен, нравственно же он всегда будет единым и неделимым»¹. Православный Восток, несмотря на то, что он поддается воздействию европейской цивилизации и революции, «живет собственной жизнью, самобытной и неразрушимой». Именно это помогает России противостоять Европе и мешает Наполеону осуществить свои намерения. В триптихе, посвященном Бонапарту, поэт рисует такой портрет:

*Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе — орлы парили,
В его груди — змии вились...*

¹ Все цитаты здесь из книги «Ф. И. Тютчев. Россия и Запад», составитель Б. Н. Тарасов, М., 2007.

Впрочем, это «портрет» не только самого Наполеона, это характеристика эпохи, породившей его и поставившей себе на службу.

Нашествие Наполеона на Россию есть звено в цепи, выкованной Французской революцией 1789 года. Эта революция, по мнению Тютчева, «стала разложением Запада. Она развалила самостоятельность Запада». Следствием революции стали радикальные изменения в общественном устройстве, были ликвидированы духовные и политические основы, на которых до того стояла Европа. Изменилась система ценностей, а значит, изменился смысл и содержание политической власти. А затем было потеряно и своеобразие наций и держав. «Революция уничтожила на Западе внутреннюю, местную Власть и соответственно подчинила ее Власти чужеземной, внешней. Ибо никакое общество не могло бы жить без Власти. Вот почему всякое общество, которое не может извлечь ее изнутри самого себя, обречено по инстинкту самосохранения заимствовать ее извне. Наполеон ознаменовал последнюю безнадежную попытку Запада создать себе местную Власть, она закономерно потерпела неудачу. Ибо невозможно было бы извлечь Власть из Революционного Принципа».

Революция установила графареты не только во власти, но и в культуре, духовности и в быту народов. Революционеры стерли грани, уничтожили всякую оригинальность — то есть они сами нарушили принципы, заложенные в их программах. Против подобной унификации, против разложения нравов выступает Тютчев; он соглашается в данном случае со славянофилами: «Россия — это мир, только начинающий осознать основополагающее начало собственного бытия». И эти начала — прочная почва для Восточной Империи и Восточной Церкви. Поэт и философ Тютчев уверен, что Россия — «это законная и прямая преемница верховной власти Цезарей. Это полная и всецелая верховная власть, которая, в отличие от власти западных государств, не принадлежит какому бы то ни было внешнему авторитету и не исходит от него, а несет в себе самой свой собственный принцип власти, но упорядочиваемой, сдерживаемой и освящаемой Христианством». Запад, который воплощает в себе принцип устройства Римской Церкви, постоянно воюет против России, потому что видит в ней угрозу для своего существования. Чем более одна власть «есть из мира сего», тем более она «во зле лежит» и служит только практическим целям и материальному благополучию. А стремление к материальному благополучию мешает нравственному возвышению людей, в обществе не культивируется сострадание и любовь к ближнему. Идет борьба за существование, и в этой борьбе побеждает не тот, кто добрее, а тот, кто более ловкий, более изворотливый. Церковь и вера уходят на второй план. А Россия мешает светским, лежащим во зле амбициям и целям.

Эта идея Тютчева близка славянофильской, но у славянофилов она более абстрактно-философская. Тютчев конкретен и реалистичен. Он ставит идею в контексте истории и политики, соотносит ее с решениями актуальных политических проблем — особенно с решением «восточного вопроса».

2

«Восточный вопрос» волнует в России не только политиков и государственных деятелей, но и широкую общественность. И каждый из них придавал ему

свое значение и смысл, из-за которых считал, что надо этот вопрос решать скорее и окончательно. Точка зрения Тютчева совмещает разные понимания, анализируя их и оценивая в их сложности и неделимой целостности. Для Ф. И. Тютчева «восточный вопрос» политический и означает, прежде всего, восстановление русского влияния на Балканах, где живут православные народы, которых надо освобождать от османского ига. У Европы претензии к этим территориям еще с начала XIII в., когда начались ее попытки установить там свою Латинскую империю. Напоминаю еще, что в 1444 г., когда османы захватили Балканы, Европа делала попытку освободить Болгарию и посадить на болгарский престол польского короля Владислава III Ягело. Хотя этот поход был широко пропагандирован, он не встретил отзвука в среде болгар (более того, болгары выступали против так называемых освободителей), и польский монарх погиб бесславно на подступах к Варне. Ф. И. Тютчев комментирует желание Европы играть здесь подобающую роль как попытку «превратить находящиеся там страны в подчиненный придаток Европы».

Противостояние между Западной Европой и Россией объясняется, среди прочего, и разным отношением заинтересованных сторон к народам, составляющим сначала Византийскую, а затем и Османскую империю. Это исторический вопрос, в котором проявляются знаки Божьего Промысла. Когда посмотрим на историю с точки зрения «восточного вопроса», сможем понять, почему православные народы целые пять веков не изменяли своей вере и сохранили свои национальные культуры и традиции. «Какая могучая душа тысячу лет оживляла и поддерживала хрупкое тело Восточной империи. Этим принципом, этой душой было Христианство, христианское начало, каким его выразила Восточная Церковь, соединившиеся или, лучше сказать, отождествившиеся не только национальным началом государства, но и сокровенной жизнью общества». Память о Восточной империи живет в сознании народов на протяжении всего Средневековья и во времена Возрождения. Естественным образом формировалось убеждение, что освободителем балканских народов может быть единственно «дед Иван», то есть русский Царь.

Если понимать «восточный вопрос» таким образом, то можно считать, что он решен в ходе Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. и разрушением Османской империи. Но для Тютчева, умершего за четыре года до начала этой войны, было ясно, что в отношении Европы к «восточному вопросу» очень много корысти и эгоизма с целью ослабления русского влияния на Балканах. Европа хотела придать иной характер и смысл историческому процессу. Она знает, что означает для России и восточных славян «восточный вопрос», и делает все возможное для поворота всего хода исторических событий на континенте. Военное нашествие Наполеона на Россию было как раз одной из попыток изменить ход этих событий.

Восточная империя и Революция являются двумя философскими контекстами, через которые Ф. И. Тютчев идентифицирует Россию и ее роль и место в истории и в современном мире.

Революция является радикальной сменой общественно-экономической и политической системы. И она неизбежна на определенном этапе истории каждого национального общества. Ф. И. Тютчев говорит только о буржуазной революции, которая меняет не только систему, но и исконные ценности религиозного сознания. А это сознание человеческого развития вплоть

до Ренессанса. Потом оно становится антирелигиозным, атеистическим, и революция наделяет человека функциями, которые ему не были присущи. Революция подменяет Бога смертным человеком, она ставит сложные и непонятные проблемы, которые человек в своем стремлении выжить должен срочно научиться решать. Человеческим «Я» становится или стремится стать новая власть, которая предлагает новую мораль и новый тип общества, в котором «дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она (революция) стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие — принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом». Главным революционным чувством, которым проникнуто и ежедневное мышление, и ежедневный быт, является «гордыня ума». Это есть полное освобождение личности от ограничений, которые ей поставило Христово учение. Такая «свобода» есть крайняя точка, до которой доходит человек в отрицании Бога и возвеличивании себя.

Революция отрицает Божьи заповеди, в том числе и Христову заповедь «возлюби ближнего, как самого себя». Она освобождает огромную духовную и социальную энергию, а это, по мнению Тютчева, не несет ничего доброго и созидательного, наоборот, приносит разрушения и беды. «Революция — болезнь, пожирающая Запад, а не душа, сообщающая ему движение и развитие. Революция нигде не может надеяться на правление. И даже если она захватит Власть хотя бы на краткий миг, то породит лишь гражданскую войну. То есть она подточит и разложит общество, но не сможет ни овладеть им как таковым, ни управлять им от своего имени. Вот он, достигнутый результат, и он огромен. Ибо он свидетельствует не только о немощи Революции, но и о бессилии Запада».

«Гордыня ума» открывает простор человеческим инициативам и способностям человека производить материальные блага для себя, но не может решить проблему смысла человеческого существования. Она углубляет эту проблему и выводит человека на бездорожье, шествуя по которому он пытается найти исход и спасение. Мы не должны искать спасение в собственном «Я», потому что не человек творец всего «видимого и невидимого». Но человек подчинен этой «гордыне ума» и как будто опровергает Тютчева в его констатациях, сделанных в 1849 г. после свершения буржуазных революций во Франции, Германии, Галиции и Австрии. Стремление к богатой жизни вызвало бурный рост индустрии и технологий, произошло заметное изменение курса человеческого развития. Рынок — вот идол Революции, ему кланяются и сегодняшние либеральные экономисты. Тютчев был убежден, что такие изменения недолговечны, но они, против его ожиданий, довольно живучи.

3

И тут я невольно, хотя и закономерно, включаюсь в дискуссию, которую ведут С. Г. Бочаров и Б. Н. Тарасов¹. Эти авторы полемизируют

¹ См.: *Сергей Бочаров*. Тютчевская историософия: Россия, Европа и Революция // Новый мир. 2004. № 5 и *Б. Н. Тарасов*. Бог, человек и история, Россия, Европа и революция // «Тайна человека» и тайна истории. СПб., 2012.

о том, действительно ли Тютчев не видел положительные моменты в Революции, в частности, не принял во внимание те последствия, которые она имела для развития человечества, не ощутил ту силу и устойчивость России, которые в ней сохранились, несмотря на революционные перемены. По мнению Сергея Бочарова, прогнозы Тютчева не сбылись просто потому, что они несбыточны в принципе, поскольку противоречат общим тенденциям в развитии человечества. Бочаров приводит аргументы из нашей нынешней повседневной жизни. Действительно, Тютчев верил, нет, он был убежден, что Россия не сможет заразиться Революцией, потому что революция органически чужда христианскому духу, чужда самой сущности России и славянства. Однако России все же пришлось пройти определенный атеистический отрезок своего исторического пути, на ходу обучаясь жить по нормам, предложенным Революцией. Внешне казалось, что Россия стала откровенно атеистической страной. С другой стороны, открывшиеся возможности восстановить Восточную империю не были использованы, и Россия потерпела ряд поражений в войнах, которые имели в основе такие цели. Выходит, что пророчества не сбылись и никогда не смогут сбыться, поскольку времена уже другие, и мир развивается по иному сценарию, и либеральный «конец истории» уже факт.

Либеральные идеологи считают Православие «консервативной идеологией», вполне провалившейся, так как оно не учитывает исторические реальности. Оно, в лучшем случае, «романтическое мечтание», если не превратилось в опасный религиозный фундаментализм. Либерал-материалист всегда проверяет истину в практике. А «практика» доказывает, что Революция двинула человечество вперед, народы добились невиданных научно-технических успехов — в том числе и таких, которые позволяют человеку менять саму природу. Более того — менять самого человека. Революционные преобразования облегчили жизнь человека. Вопрос, однако, в том, действительно ли материальное благополучие человека увеличивает силу его личности, вообще дает ли обеспеченность сама по себе возможности для развития личности. Иными словами, является ли Революция демиургом истории и являются ли ее преобразования окончательными, необратимыми?

Если ответить положительно на эти вопросы, тогда действительно можно сказать, что прогнозы Тютчева не сбылись, и они вообще несбыточны.

Однако историческое время не измеряется человеческой жизнью, не измеряется оно и продолжительностью тех или иных общественно-экономических формаций.

Православный христианин Ф. И. Тютчев рассматривает историю как непрерывные деяния Божьего Промысла, а факты и события доказывают. Этот Промысел, несмотря на то, что некоторые из них являются испытаниями для народов и человечества. В событиях нашей жизни человек участвует, но протекают эти события не по его воле. Иногда человек противится Божьей Воле и Его Промыслу, причем при этом он порой добивается определенного положительного результата. Такие случаи приведены и в Святом Писании. Но там же описаны и последствия непослушания.

То есть я хочу сказать, что Божий Промысел осуществляется, несмотря на отдельные сбои в истории. Эти сбои иногда кажутся опровержением Божьего Промысла и опровержением всяким пророчествам.

Но на самом деле они не являются таковыми.

Главная и постоянная тема в творчестве Ф. И. Тютчева — в поэзии, публицистике и в письмах — Россия как законная наследница Византийской империи, как центр, вокруг которого возродится Восточная Православная Империя. Именно момент возрождения Восточной империи Тютчев считал **«концом истории»**, поскольку этим фактом ознаменовывалась бы окончательная реализация Божьего Промысла.

В основе тютчевской теории о Восточной Православной Империи лежит стремление христиан к полноте и целостности бытия, постижению Бога через веру и дела. Христианская Европа должна быть единой, «чтоб существовал там целый Мир, Единый в своем Начале, прочно взаимосвязанный в своих частях, живущий своей собственной, самобытной жизнью». Мир не может долго существовать поделенным на части, которые борются друг с другом. Потому что Церковь одна, хотя она тоже разделена из-за искажения учения Христа в одной из ее частей. Целое нерасчленимо в «Верховной Власти Цезарей». «Это полная и всецелая верховная власть, которая в отличие от власти западных государств не принадлежит какому бы то ни было внешнему авторитету и не исходит от него, а несет в себе самой свой собственный принцип власти, но упорядочиваемой, сдерживаемой и освящаемой Христианством».

Империя будущая является наследницей Империи минувшей, освященной Вселенской Церковью. А там, «где существует Православная Церковь, там в самых разных областях жизни обнаруживается и присутствие России».

Проблема Империи является не только политической, она, прежде всего, нравственно-христианская. Империя есть нечто большее, чем просто большая держава с верховной властью, делегированной помазаннику самодержцу, чтобы он держал в повиновении народы. Империя не только огромная территория, проливы, военные базы, рынки и т. п. Таковыми были империи в прошлом, таковыми являются великие державы сегодня. Но они не аналог Империи, за которую ратовал Ф. И. Тютчев. Правда, ни Тютчев, ни славянофилы не конкретизируют устройство Империи, ими лелеемой, неясной осталась ее общественно-экономическая система. В их понимании Империя устроена на основах религиозного сознания, на верности Православной Церкви и Самодержавию. Структура общества и экономические механизмы вторичны и являются продуктом Империи, а не наоборот.

Идеал общественно-государственного устройства, проповедуемый Ф. И. Тютчевым, немыслим вне Православного христианства и Церкви, хотя и является политическим проектом. Вот почему для Империи опасна секуляризация, атеизм и революция, которые чужды и враждебны Православию. Идеи Западной Европы о республиканском устройстве, о всеобщем избирательном праве, парламентаризме и фальшивом равноправии разъедают политическую систему России, а также наносят ущерб религиозному сознанию и нравственным устоям русского общества. Эти идеи ослабляют государство и раскалывают нацию.

Безбожная власть не в состоянии противостоять процессам, разъедающим Империю. В письме А. Д. Блудову от 28 ноября 1857 г. Ф. И. Тютчев формулирует причины начавшегося в русском общественном сознании кризиса: «Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда

беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв рождается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению».

5

Отечественная война 1812 г. — великое испытание для России, неоспоримое доказательство способности ее народов и ее общества противостоять непрекращающимся попыткам разрушить Империю. Война обострила в обществе чувство противостояния по линии «Европа—Россия», стимулировала ревизию реформ Петра I и всего его политического и культурного наследия, по-новому поставила вопрос о миссии России.

Эта война, как, впрочем, и война 1941—1945 гг., показала, что Европа чередует «горячие» войны с «холодными», проводит атаки то свинцовые, огневые, то идеологические. Когда европейское оружие бессильно перед русским (чаще всего так и бывает), когда западный солдат уступает в поединках солдату русскому, в действие приводятся механизмы «холодной войны». Она включает социальные *«энзимы»*, ведет работу по нравственному разложению населения, подвергает критике политическое устройство, систему культурных и нравственных принципов. Но мне кажется, что Россия не в полной мере оценивает подрывные действия против себя. Неужто не хватает сил и средств для того, чтобы противостоять напору извне? Ф. И. Тютчев уловил изменение настроений в русском обществе после 1812 г., увидел новые опасности, и в письме к А. И. Георгиевскому от 2/14 января 1865 г. говорит о них следующим образом: «Не подлежит сомнению, что противная сторона для достижения своей заветной цели, т. е. разрыва между Царем и Россией, употребит всевозможные усилия — что она не преминет при каждом случае воспользоваться каждым увлечением, каждым недоразумением, каждой слабостью данной личности. Русское самодержавие как принцип принадлежит, бесспорно, нам, только в нашей почве оно может корениться, вне русской почвы оно просто немыслимо... Но за принципом есть еще и личность. Вот чего ни на минуту мы не должны терять из виду».

Тютчев в своей политической и дипломатической деятельности уделяет большое внимание «холодной войне» против России, противодействует ей в своих произведениях. Но его усилия не получают должной оценки ни со стороны властей, ни со стороны общества. Либеральные идеи воздействуют на людей быстро, потому что они сформулированы просто и ясно и содержат соблазны, против которых трудно устоять. Они привлекают прелестями красивой жизни, благами изобилия и удовольствиями. Сладким искушениям трудно противостоять.

История испытывает народы в несчастьях и трагедиях, чтобы проверить их готовность к выполнению миссии по осуществлению Божьего замысла. Таким испытанием для России была война против Наполеона в 1812 году. И эта борьба подтвердила силу и величие России.

Но испытания россиян на стойкость не прекращаются.

Славянское БРАТСТВО

Мариан ТКАЧ

МАТИЦА СЛОВАЦКАЯ: ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА СЛОВАЦКОГО НАРОДА

Мариан Ткач — родился в 1949 г. В 1972 окончил Университет экономики в Братиславе, по образованию экономист. В 1981 г. защитил степень CSc, в 2005 г. — PhD. С 1972 по 1992 гг. работал в Министерстве финансов Словакии, в т. ч. с 1990 по 1992 гг. заместителем министра. В 1993 г. работал вице-президентом Национального банка Словакии. Автор идеологии словацких банкнот и монет. Член Совета Федерального собрания и Национального Совета Словакии. Принимал участие в подготовке Конституции Словацкой Республики. Член Ассоциации писателей Словакии, автор ряда публицистических и художественных книг. С 2010 г. — Президент «Matica Slovensko».

Матица словацкая отпраздновала в 2013 году круглую 150-летнюю годовщину своего основания. Она была создана по случаю празднования тысячелетия прихода святых Кирилла и Мефодия к предкам словаков еще в IX веке.

А действительно, почему «Матица»? — Под этим именем в 1826 году в историю вошла Матица сербская. А затем ларец с драгоценной россыпью матиц поработенных славянских народов чудесным образом раскрывается: в 1831 году в Праге возникает Матица чешская, в 1842 году в Загребе Матица хорватская (первоначально илирийская), в 1847 году в Баутцене (Германия) Матица лужицких сербов, во Львове в 1848 году Матица галицко-русская, в 1849 году в Брно Матица моравская (первоначально Народная ассоциация святых Кирилла и Мефодия), в 1861 году в Задаре Матица далматинская и в 1863 году в Турчанском Святом Мартине — Матица словацкая. И уже потом, в 1864 году в Любляне создали Матицу словенскую. Матица, как особая «находка» славян, стала кладом — сокровищницей, «королевой» славянских народов, которые не имели в XIX веке королей; в сербском языке «матица» означает сокровищницу, улей, пчелиную матку. Подобно сербам, чехам, хорватам, мораванам и другим славянам без королей и царей, и словаки в порыве признания самобытности своего народа также не выискивали себе короля — но избрали свою собственную королеву — Матицу словацкую. Как символично! Если государство является творением людским и руководит им власть политическая, то народ, как сотворение Божие, ведет власть духовная и культурная, созидатели и стражи национальной духовности, поэты и писатели, народные пророки, а у нас это — Матица.

Уважаемым читателям мы хотели бы, хотя бы вкратце, разъяснить смысл и историю старейшего словацкого действующего учреждения — Матицы словацкой.

Многие спрашивали, да и сейчас спрашивают, о смысле Матицы словацкой сегодня — ведь никогда не было иначе. Слова о смысле висели и висят в воздухе как облачко, из которого время от времени выпадают скупые капли, но затем преобразуются в дожди и ливни, так что гром гремит и все сверкает — как поется в словацком национальном гимне «Над Татрами сверкает». В общей сложности более половины из 150 лет существования Матицы народ с ней противостоял ненастью. Он мок и мерз, над Татрами и сверкало, и гром неслышанно гремел.

Смысл вещей скрывается в их корнях. Но где же корни Матицы словацкой, как далеко надо вернуться, чтобы их отыскать? Они, несомненно, старше, чем дата основания Матицы словацкой. Они в дымке далекого прошлого, в тех временах, когда начала зарождаться культура словацкого народа.

Словацкий народ, как часть западной группы славянских народов, живет на территории, ограниченной Западными Карпатами, реками Дунай, Ипель и Тиса. Многие славянские исследователи, археологи и историки находят именно на этой территории вокруг среднего Дуная колыбель славян как таковых. В конце концов, только словаки (и словенцы) остались с первоначальным славянским именем; все другие народы, отходя от колыбели, принимали новые имена.

И хотя первые неоспоримые свидетельства о словацких предках под Карпатами датируются началом VI века, это вовсе не значит, что они не жили там задолго до того. Это утверждали, например, русский монах Нестор в XII веке, секретарь Матицы Фране Сасинек в XIX веке, а в конце XX столетия и российский языковед Трубачев, который искал прародину славян у нас, в бассейне Дуная. Другое, сегодня преобладающее мнение — приход славян к Дунаю после 471 года — выдвинул чех Либор Нидерле на рубеже XIX и XX веков. Жить этой идее помогает «неспособность» археологов идентифицировать культуру периода 400–500 годов как однозначно славянскую; археологи в большинстве своем четко говорят только о кельтских, римских и германских находках. Ну так вот. «Так же, как невозможно найти в раскопках феодализм, невозможно в раскопках найти и этногенезис славян», — написал Павел Мачала, директор Словацкого Института истории Матицы словацкой.

Попытки создать Матицу словацкую берут начало с 1827 года, когда словак Шафарик, вдохновленный только что основанной Матицей сербской, призывал действовать Яна Коллара и Мартина Гамуляка; и в 1834 году они основали в Будине пока только кружок любителей языка и литературы словацкой. Концепцию Матицы как учебного и издательского учреждения и общественного представителя словацкого народа разработали Людовит Штур и Александр Врхлицкий; но 27 сентября 1844 года Липтовский Святой Микулаш породил только литературное объединение Татрин. В 1856 и 1857 годы Матицу добивались создать Штефан Мойсес, Карол Кузмани, Ян Паларик, Даниэль Лихард; Мартин Гамуляк подарил будущей Матице свою библиотеку. Время наступило, однако, только в год празднования тысячелетия славянской миссии Кирилла и Мефодия, которая, по сути, и родила письмо и язык славян.

Решающий шаг на пути создания Матицы словаки сделали на памятном сходе 6 и 7 июня 1861 года в Мартине, а человеком, прежде всего благодаря заслугам которого появилась Матица, был 39-летний Ян Францисци, который с 1862 года стал обладателем русского ордена святой Анны. Он инспирировал проведение собрания, на котором сошлось по тем временам очень много словаков — до 5000, а затем он принял все необходимые меры для того, чтобы австрийский император Франц-Иосиф мог 21 августа 1862 года одобрить создание Матицы, а сам для этой цели пожертвовал 1000 золотых монет. Ее первым председателем стал католический епископ Штефан Мойзес, первым заместителем евангелический суперинтендант Карол Кузmani — также обладатель русского Ордена святой Анны.

Благодаря своей программе — быть центром поклонников народа словацкого и его жизни — Матица словацкая вскоре заменила все учреждения, которых словакам тогда не хватало: Парламент, Академия наук, библиотека, музеев. Во времена насильственной мадьяризации после 1867 года Матица стал нежелательным учреждением, поэтому венгерские власти в 1875 году ее запретили и закрыли все словацкие гимназии, и более того, из имущества Матицы, которое словаки собрали в складчину, сформировали кружок по омадьяриванию словаков — печально известное объединение Femke. Венгерское угнетение завершились в 1907 году, когда венгерские жандармы застрелили 15 словаков в деревне Чернова только потому, что они хотели, чтобы новый костел освятил их земляк Андрей Глинка, которого в то время венгры держали в тюрьме. Тогда словацкий вопрос стал общеевропейской проблемой, унижительное положение словаков критиковали представители европейской культуры и политики, и, благодаря личному врачу Душану Маковицкому, делал это и Лев Толстой.

Словаки выжили, а после 1918 года они ожили только потому, что в течение двенадцати лет Матица пустила сильные корни. После окончания Первой мировой войны возродилась и Матица словацкая, и словаки стали частью нового государства, Чехо-Словакии. В нем Матица словацкая по-прежнему защищала словацкие традиции и словацкий язык, поскольку усилия Праги по централизации власти снова ставили под угрозу существование словаков. Матица имела своих противников при каждом режиме, и во время Второй мировой войны, и после нее. Но, несмотря на это, при зарождении Словацкой академии наук, Словацкой Национальной библиотеки, Словацкого национального музея из ее рядов вышли наиболее славные представители не только словацкой культуры, но и политики. В начале 90-х годов XX века она повлияла и на появление независимой Словацкой Республики. В Матице словацкой закладывались основы словацкой науки и культуры, она выполняла функции парламента, правительства, академии наук, а также всех учреждений, которых словаки долго не имели. Но у них была Матица. Сегодня, благодаря Матице, у нас есть все, что должен иметь современный народ.

Таким образом, Матица — сгусток и страж идентичности словацкого народа. По вине судьбы словаки являются одним из наименее уверенных в себе народов Европы и, возможно, мира. Им необходимо формирующее патриотическую идентичность объединение, которое выполняет также Директиву ЮНЕСКО о защите нематериального культурного наследия 2003 года, которое будет представлять словаков и дома и за рубежом, в деревнях

и городах на смешанной языковой территории, где они находятся в меньшинстве. Для этого у них есть Матица словацкая, законом установленное общественное культурное и социальное учреждение, опирающееся на два столпа: движение участников и наука Матицы.

Сегодня Матица словацкая насчитывает более 30 тысяч индивидуальных членов, десятки коллективных членов и около 50 членов-учредителей, в которые входят известные деятели словацкого общества, культуры и политики. По закону она занимается возвращением патриотизма и демократических традиций, а именно: с помощью своих научных институтов, прежде всего, в области языка и литературы, а также членской базы. Она сотрудничает с государственными органами, самоуправлениями, со словаками, проживающими за рубежом, со славянскими Матицами и иначе называемыми учреждениями, прежде всего, в славянских странах. Кроме книг и учебников она выпускает множество периодических изданий, в том числе еженедельник «Словенске народне новины», который основал Людовит Штур в 1845 году, а также литературный журнал «Словенске погляды», который учрежден в 1846 году Йозефом Милославом Гурбаном, и сейчас это один из старейших журналов в Европе.

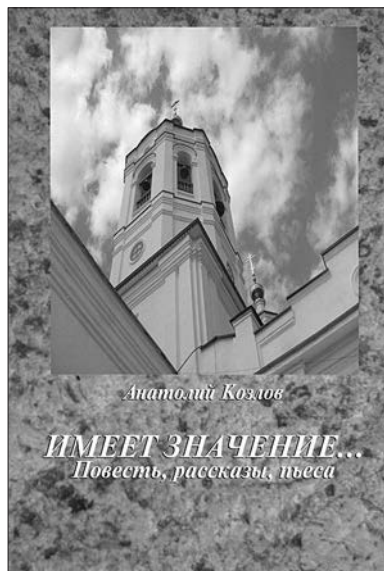
ВЫШЛА КНИГА

Козлов А. Ю.

Имеет значение. Повесть, рассказы, пьеса. — СПб.: Издательство «Русь», 2013. — 352 с.

Читателям уже известна книга члена Союза писателей России, писателя-прозаика, драматурга и публициста Анатолия Юрьевича Козлова «Десять веков русской литературы», отмеченная премией Александра Невского.

В сборнике прозы «Имеет значение» представлены произведения, в которых наиболее ярко проявляется традиция, восходящая к русской классической литературе. Повесть «Имеет значение», рассказы и пьесу можно назвать духовным исследованием процессов, происходящих в нашей стране за последние два десятилетия. Книга будет интересна не только тем, кто уже вошел в православный храм и чувствует себя там уверенно, но и тем, кто ещё только стоит на его пороге в раздумье. Оценят прозу А. Ю. Козлова и любители тонкого юмора. Всем, кто любит Россию во всем ее разнообразии, эта книга придется по душе.

Владимир СИЛКИН
«ПУСТЬ У РОССИИ
НЕ БУДЕТ
ВРАГОВ...»

*Публикация
 к юбилею поэта*

Владимир Александрович Силкин — родился в г. Рязске в 1954 г. Засл. работник культуры РФ, ветеран военной службы, полковник запаса, секретарь Правления и председатель Комиссии по военно-художественной литературе СП России, зам. председателя Правления Московской городской организации, член Исполкома Международного сообщества писательских союзов, дир. Военно-художественной студии писателей МО России. Автор 36 книг стихов, 400 песен. Лауреат Государственной премии. Кавалер ордена Почета. Удостоен ордена РПЦ святого князя Даниила Московского. Почетный гражданин города Рязска. Канд. педаг. наук. Главный редактор альманаха «Рать», ответственный редактор журнала «Московский вестник». Его именем названа библиотека г. Рязска. **Живет в Москве.**

ПРИКАЗ

Дежурный генерал Паисий Сергеевич Кайсаров и старший адъютант Кутузова Иван Никитич Скобелев готовили приказ о сдаче Москвы по итогам Военного совета в Филях.

Вошел Кайсаров, бел, как мел,
 Кутузова оставив свите,
 И не сказал, а прохрипел:
 «Светлейший ждет приказ...»

Пишите...

«Секретно»... Скобелев писал,
 Рука дрожала на бумаге,
 Не верил, что Кутузов сдал,
 Лишившись сердца и отваги,

Москву. В глазах было черно —
 Москва поставлена на карту,
 И отдают Бородино
 Уже без боя Бонапарту!

И чту, напрасно кровь текла,
 И сожжены французом села?..
 Россия подвига ждала,
 Но подвиг вышел невеселым.

Шептал Кайсаров:

«Сдать Москву...»

А Скобелев не верил фразе.
 Не верил он, что наяву
 Она появится в приказе.

Непобежденные полки
 В рассветном мареве тонули.
 Суворовские старики
 Вперяли взгляды в них, как пули.

Приказ, на то он и приказ,
 Что выполнять солдату надо,
 Но слезы капали из глаз
 У тех, кто одолел преграды.

Россия выживет, пока
 Идут войска, сверяя карты.
 И знают, — больше для броска
 Не будет сил у Бонапарта!

СКОБЕЛЕВ

От бессмертья и вечности в шаге
Он гарцует на белом коне,
И решился писать Верещагин,
Как и многих писал на войне.

Средь невиданных роз Казанлыка
И средь шапок, взлетающих вверх,
Средь солдатского мощного крика,
Так похожего на фейерверк,

Средь штыков, что тупыми не стали,
Среди славы, идущей вослед,
Верещагин корпит над листами,
Где пока ничего еще нет.

Едет Скобелев в кителе белом,
Все обиды и раны прошли,
Кавалерам, кому не успел он,
Посылает поклон до земли.

Что за думы сейчас за душою,
Что за слезы случайно стекли?
Не случайно, его Ак-пашою,
Не случайно, враги нарекли.

Вьются наши победные стяги,
Нескончаемо летится: «Ура!»
Закрывает мольберт Верещагин,
Бывший сам под шрапнелью вчера.

ОДНОФАМИЛЕЦ

*Памяти Героя Советского Союза
Григория Петровича Силкина*

Межигорская Гута,
Правый берег Днепра.
Было наших негусто
В этом месте с утра.

Но, сбивая заслоны,
По октябрьской воде
Шли вперед батальоны,
Шли навстречу беде.

Ближе к берегу жались.
Там попробуй-ка, тронь,
Перекрестный, кинжальный,
Пулеметный огонь.

Но залетные пули
Доставали сердца,
И ребята тонули
Под свинцом, от свинца.

Как Григорий Петрович
Там держался тогда,

Если досыта крови
Нахлебалась вода?

Знаю только, что утром,
Будто впрямь, своего,
Межигорская Гута
Хоронила его.

Не знакомый, не дядя,
Но до боли родной,
Он посмертно к награде
Был представлен страной.

...Правый берег днепровский,
Тишина, хоть кричи.
Над могилкой березки,
Словно свечки в ночи.

Золотая погода,
Золотой листопад.
По днепровскую воду
Души павших летят.

ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

На Орловско-Курском направлении
Все без изменения пока,

Пребывают в грустном настроении
Наши и немецкие войска.

Вгрызлись в буераки и пригорки,
Растворились в травы и стога.
Ждут команд: «Вперед!» «тридцатьчетверки»,
Чтоб свой гнев обрушить на врага.

На войне бывают тоже игры,
Тут уж кто кого перехитрит.
Скоро вспыхнут факелами «тигры»,
Кто-то будет ранен, кто убит.

На Орловско-Курском направлении
Встали две армады, два врага,
И звенит в преддверье наступления
Курская железная дуга.

САЛАСПИЛС

«Здесь стонет земля»

Надпись на латышском языке над входом в мемориал

Здесь позабыться б долгим сном,
Не видеть этих изваяний.
Но бьет по сердцу метроном
Сквозь годы и сквозь расстоянья.

Нам гид про лагерь говорит,
Ведет к гранитным плитам мрачным,
А на руке его горит
Тяжелый номер шестизначный.

ПАМЯТЬ

Еще не все угасли в мире войны,
Еще в сердца врезается свинец,
И до сих пор ночами неспокойно
Спит в грудь навывлет раненный отец.

В который раз шагает из разведки
В polegший в рукопашной батальон.

Ах, память, память...

Невозможно это

Встает с постели, пьет свои таблетки,
И долго курит, выйдя на балкон,

Всю жизнь свою
солдатский крест нести.
Не спит отец, опять шагает где-то,
Бои́тся до Победы не дойти.

СТАЛИН

Я не сужу, что было, то и было,
И, как у всех, мгновенно
жизнь прошла.
А что страна? Страна его любила,
И с ним на смерть,
и с ним к Победе шла.

Глаза прикрыл,
потом вздохнул устало:
— Ну, что ж, пора,
возрадуйтесь, враги!..
Звезда Героя желтого металла,
Потертая шинель и сапоги.

МОЗДОКСКАЯ МОЛИТВА

Виктору Верстакову

Молятся сержант и подполковник,
Льются слезы догоревших свеч.
Может, ведь, случиться и такое —
Им в бою придется завтра лечь.

Белый голубь на оконной раме
Внемлет им, стоящим в тишине,

И в Моздокском православном храме
Осеняет павших на войне.

Мнится мне, что он посланник Бога,
Чист как снег, как зимняя вода.
Божья птица, я прошу немного —
Не спеши забрать их навсегда.

ОДИНОЧЕСТВО

Жену схоронил и невестку
И с внуком стал век вековать.
Но внуку прислали повестку,
И внуку пришлось воевать.

На счастье надеялся, строил
Беседку в саду и не кис.

Но внук стал посмертно Героем,
И жизнь потеряла свой смысл.

Он ладит у дома качели,
Едва шелохнется весна...
А вот и грачи прилетели.
Какая быть может война?!

МОЛИТВА ОСЕННИХ ПТИЦ

Птицы, кажется, молятся Богу
На закате осеннего дня,
Чтобы завтра пуститься в дорогу
И на зиму оставить меня.

Понимаю, о чем они просят
В этот сумрачный час небеса,
И дождливая слушает осень
Безутешные их голоса.

Улетает молитва по ветру,
По течению бездонной листвы.

И они разлетятся по свету
Из горюющих парков Москвы.

Из окна ничего мне не слышно
В этот поздний таинственный час.
Но какая-то женщина вышла,
Чтобы с ними проститься сейчас.

На душе у меня неуютно,
Рвется с прошлым последняя нить...
Это жизнь, это сиюминутно,
Ничего уже не изменить.

ЛИСТВА

Такой листвы не видел я ни разу —
Тяжелая, обильная листва.
И кажется, что я с природой связан
Какой-то древней степенью родства.

Опавший лист
из тех глубинных соков,
Что бродят в венах матушки-земли,

Ее печальных дедовских истоков,
Которые столетия замели.

До октября листвы уже не будет —
Пройдет к Покрову желтая пурга,
И в день рожденья на заре разбудят
И ослепят сиянием снега.

Подольше б отдохнуть от непогоды,
Вглядеться повнимательней в себя.
Спасибо, жизнь, тебе за эти годы,
Что я провел, ревнуя и любя.

Такой листвы не видел я ни разу —
Тяжелая, обильная листва.
И первый встречный
с нею крепко связан
Какой-то древней степенью родства.

МОЛИТВА

Пусть не кончается жизнь на земле,
В доме не гаснут лампы,
Пусть будет хлеб у людей на столе,
Пусть будет соли в достатке.

Пусть будет чистой в кувшине вода,
Пусть будет сердце спокойно,
Пусть ни за что никогда-никогда
Нас не касаются войны.

Пусть будет в доме бело от снегов,
Пусть будут добрыми люди,

Пусть у России не будет врагов,
Пусть у меня их не будет.

Пусть будет небо, а звезды во мгле
Светят и морю, и полю...
Боже, даруй моей милой земле
Самую лучшую долю.

Пусть ее счастьем не будет конца,
Так она вынесла много.
Дай ей покоя во имя Отца,
Сына и Духа Святого.

ВЫШЛА КНИГА

Меньшиков В.

Простор. — СПб.: ОАО «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга «Петроцентр», 2013, — 240 с.

Стихи Владимира Меньшикова кровно близки нам, нашему сложному времени. Они затрагивают самые насущные, самые коренные, истинно глобальные проблемы эпохи. Каких бы глубинных вопросов современной жизни, сегодняшней действительности мы ни коснулись, убеждаемся, что о многих них мучительно размышлял и продолжает размышлять поэт Меньшиков, тревожно вглядываясь в настоящее и будущее своей любимой Родины...

Владимир МЕНЬШИКОВ

ПРОСТОР

Станислав ДУМИН

«СПОСОБНОСТЬ К НЕОБДУМАННОМУ ШАГУ»

Станислав Владимирович Думин — родился в Москве, окончил исторический факультет МГУ. Историк, генеалог, член Геральдического совета при Президенте РФ. Участвовал в восстановлении исторических флагов и гербов России. Президент Российской генеалогической федерации. Генеральный секретарь Международной академии генеалогии. Почетный член Русского генеалогического общества. Издатель журнала «Летопись Историко-родословного общества в Москве». Главой Российского Императорского Дома Марией Владимировной Романовой назначен герольдмейстером — управляющим Герольдией при ее Канцелярии, а также председателем Кавалерской думы Императорского ордена св. Анны. Автор более 800 публикаций по истории, генеалогии, геральдике и фалеристике. **Живет в Москве.**

У полукруглого окна,
там, где шиповник рос,
над чашей, выпитой до дна,
парит десяток ос.

Поспешно был оставлен стол
и не доеден хлеб,
и до заставы за крестом
бежал вдогонку плембс.

Вдыхая римлян волчий пот,
среди ослиных морд,
ведь ты не камень, бедный Петр,
хотя и, правда, тверд.

Да, Царство Божие не здесь,
а это — тлен и прах,
и будет цезарь землю есть,
как распоследний раб,

и сохранит латинский град
огонь твоей свечи,
и Сам Иисус у райских врат
вручит тебе ключи.

Но раньше — боль,
и крест, и ввысь,
Ему в глаза — посметь...
Я верю, после будет жизнь,
Но прежде будет смерть.

И нынче, с кровью на губах,
Хромающий в пыли, —
Что скажешь Господу, рыбак, —
наместник сей земли?

* * *

Глория, gloria, аллилуйя,
благословите кровь голубую!
Да сохранят их всех невредимо
святой Георгий, святой Владимир.

Мальчики жизнь свою посвятили
не за смоленские десятины,
не за чины и не за медали,
а за Отчизну и Государя.

Вам, Бутурлин, Энгельгардт, Голицын,
вечная память. Моя столица
не дождалась с колокольным звоном
лучших, храбрейших российских воинов.

Святой Георгий, святой Владимир,
мальчики умерли молодыми.
Глория, gloria, аллилуйя,
благословите кровь голубую...

* * *

Гусарство — да,
но, право же,
тебе ли
лечь под картечь
в сугробы декабря,
где нынче в полдень
розовые перья
александрійский ангел растерял?

Не над тобой
сегодня гнули шпагу,
не нам с тобой —
чертить на камне дни.
Так не завидуй
тем, кто сохранил
способность к необдуманному шагу.

Нетрудно — о паркет разбить бокал,
пить за свободу, числиться в повесах.
Нас пожурят, а их —
а их повесят
под барабан гвардейского полка.

Мы были — с ними,
начинали — вместе,
мы не хотим — в жандармы,
но — Бог весть...
И мелом на сукне рассчитан весь
долг чести.

АЛЕКСАНДРУ ДЮМА

Латинский мрамор бел как снег,
ночь непрозрачна, кошки серы,
и снятся барышням во сне
напудренные кавалеры,

а кавалеры в этот час, —
письмо у сердца, шпага слева, —
спасая тайны королевь,
с секретным порученьем мчат.

Корабль в порту.
Туман клубится.

Срывает шляпы норд-норд-ост.
Прихлебывая кальвадос,
их ждут наемные убийцы.

Увы, не счесть тяжелых ран,
в чужой стране паршивый климат,
преграды непреодолимы, —
но честь?
но слава?
но роман?

* * *

Лгут короли и Бонапарты,
созвездья лгут — который год.
Моей Отчизны нет на карте,
моей земли осталась горсть,

но навсегда пребудет с нами,
как в медальоне Ваша прядь,
пыль на ладони, символ, грязь,
знак мессианства и изгнания.

* * *

Снег присел у порога —
устал идти,
и станицы молчали,
но
вьюга плакала горько,
перекрестив
эскадрон, уходящий в ночь.

Он ветрами отрезан
и окружен
на развилке дорог Руси.
Горн трубит...
Помяни их, Господь, ужо,
Имена же их — Ты веси...

А солдаты глядели
Ему в глаза,

Как глядели —
Он знает сам,
и просили Того,
Кто на небесах,
чтоб сквозь вьюгу
путь указал.

Но Господь не ответил,
Была война,
и метель с четырех сторон,
и ветра отпевали протяжно наш
отступающий эскадрон.

Эскадрон в степи снега занесут,
но, кресты свои получив,
позовут командира на
Страшный суд
в землю вмерзшие трубачи.

* * *

...Во-первых, не тех,
кто обрушил кров,
берем мы в поводыри,
а трех Александров и трех Петров,
Анн и Екатерин.

Второе: пока огонь не остыл,
а искра трогает трут,
пройдем надо рвами через мосты
в последний города круг,

где третьих, пятых et cetera
ломали на колесе,
когда под медной дланью Петра
покаялся Алексей,

где писан путь торговым судам
вилами по воде,

о чем великий тот Государь,
видимо, порадел,

где позже вслед без счета легло
жителей, а сперва,
семьей орлиной взят под крыло,
первенец почивал,

где стыли куклы в Летнем саду,
дворца потешного лед,
резных карет на санном ходу
скользящий парусный лет,

где в прошлом веке выпавший снег
прикрыл домов номера,
и мы с тобою помянем тех,
кто жил здесь и умирал.

* * *

Нас покинул август, оплакан.
Ровен бронзовый строй атлантов,
желто-алый чертеж аллей
строг в чугунной рамке со львами.
Sire, мы все же свидимся с Вами
на наследной Вашей земле.

Sire, простите, что я так смело
по ступеням мраморным белым
мимо ангелов и богинь
к Вам вхожу, и, увы, невольно
Августейший покой сегодня
потревожат мои шаги

неуместно и непридворно.
Sire, улыбка моя притворна
повеленья из Ваших уст
в зале тронном, в святыне оной
я не жду, Государь, с поклоном.
Дом Романовых ныне — пуст,

крепко заперта дверь резная,
и никто в России не знает,
на какой уральской версте,
под которой русской березкой,
под проклятым градом Свердловском
Вы зарыты, Votre Majesté¹.

* * *

За синими окнами лета
холодная дымка стекла.
У края столетия Лета
муаровой лентой легла.

Безвременья камни шершавы,
но в памяти
сохрани
беременной бунтом державы
последние тихие дни.

Бог знает, что после случится,
но время еще не пришло

царю у Харона учиться
держать рулевое весло.

Последние строки реестра,
но все еще мнет и манит
мажор духового оркестра,
тюремного замка гранит.

И в кителе летнем освоюсь,
доверчиво глядя во тьму,
еще Александр Миротворец
с семейством гуляет в Крыму...

* * *

Чума на оба наши дома,
раздолье сорному зерну.
А те, что ангелом ведомы,
и головы не повернут.

Разбиты медные скрижали,
трепещут черные крыла.
А тех, что праведно бежали,
десница Божия вела.

Когда начертанное свыше
в огне исполнится, и тут

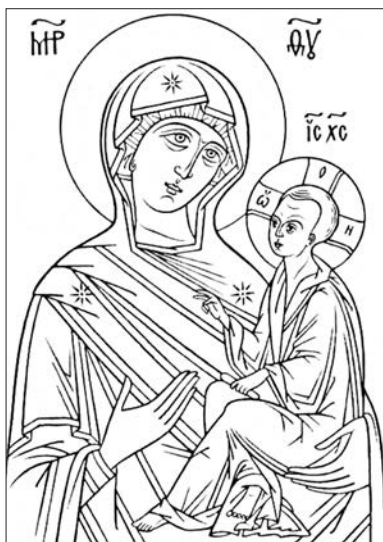
уже расплавленные крыши
на мостовые потекут.

За тех, кого Господь избавил,
за тех, кто бросил этот град,
за исключение из правил
нелицемерно буду рад.

Но пусть в цветущем, изобильном,
в богоспасаемом краю
не уверяют, что любили
Отчизну грешную свою.

¹ Votre Majesté — Ваше Величество.

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА И ЗАЩИТНИЦА СВЯТОЙ РУСИ

*К 10-летию возвращения
Чудотворной иконы
Тихвинской Божией
Матери в Россию*

9 июля Православная Церковь празднует день явления Тихвинской иконы Божией Матери. Эта икона, наряду с Владимирской, Смоленской, Иверской и Казанской, одна из самых почитаемых православными верующими. Царствующая династия Романовых считала этот образ священным для своего народа и поклонялась ему. Десять лет назад, в 2004 году, состоялось торжественное возвращение Тихвинской иконы Божией Матери на Русскую землю. Кажется, это было только вчера...

Тихвинская икона Божией Матери прославилась как покровительница и защитница Святой Руси, и поэтому ее возвращение в Россию имело значение важнейшего духовного символа. Чудотворный образ воплощает идею Руси как оплота вселенского Православия. Долгожданное обретение иконы означало начало нового этапа строительства богодержавной российской государственности, объединения усилий в деле национального возрождения. Всенародное поклонение Тихвинскому образу Богородицы еще раз показывает, как неискренни и лукавы слова о том, что русским народом потеряна объединяющая идеология, что будто бы мы духовно разобщены и уже мало напоминаем единый народ... Возвращение иконы, которая, казалось, была утрачена безвозвратно, это зримое свидетельство милости Божией к нашему народу, к нашей стране, выдержавшей ниспосланные ей в XX столетии тяжелые испытания. Из всех смут, междоусобных войн, периодов безвластия Россия всякий раз выходила окрепшей, духовно преображенной, становилась сильнее, ибо русские люди в эти темные времена являли великие подвиги духа. Так происхо-

дит и ныне, когда русский народ возвращается к идее возрождения богоданной государственности.

Наверное, мало найдется в России людей, не знающих, хотя бы в общих чертах, историю Тихвинской иконы Божией Матери. Подобно тому, как Сама Божия Матерь с Младенцем Иисусом от иродовых гонений бежала в богатый Египет, а когда пришло время — возвратилась, так сначала ушла, а затем вновь вернулась в Россию Тихвинская икона.

На протяжении почти шести веков эта икона Божией Матери, главная Святыня восточной части Римской империи и Константинополя — Нового Рима, написанная, по преданию, святым апостолом и евангелистом Лукой в I в., чудесным образом объявилась в России в 1383 г. в период княжения Дмитрия Донского и стала небесной Заступницей, Хранительницей и Покровительницей Северо-Западных земель и русских царей — создателей Третьего Рима. На Руси икона объявилась в Новгородских землях, обретя здесь свой Дом. Отныне Русь становится Богородичным приделом и находится под Ее Покровом.

Явленная рыбакам в необыкновенном сиянии на Ладожском озере неподалеку от Валаамских островов, икона с остановками искала место обетования. Везде, где ее видели, собирались толпы народа, молящегося всем сердцем Царице Небесной. Благодарные жители строили часовни, а там, где икона окончательно остановилась, началась постройка храма, который был перенесен чудесным образом с выбранного людьми места на горе близ Тихвина на другой берег реки Тихвинки.

Построенный в месте, избранном Самой Путеводительницей, деревянный храм сгорал три раза, но икона всегда оставалась невредимой. В XVI в. повелением первого русского Царя Иоанна Грозного был возведен величественный Успенский собор, где отныне пребывала Чудотворная икона, и тогда же устроен мужской общежительный монастырь. Почитание иконы быстро распространилось по всей Русской земле. На протяжении XVIII—XIX вв. Тихвинская обитель являлась центром духовной жизни Северо-Западных земель, вплоть до революции 1917 года.

...Чудотворный образ Божией Матери Одигитрии покинул разоренную обитель в годы Великой Отечественной войны, начав свои более чем 60-летние странствования, оставив Россию, как казалось, навсегда... В декабре 1941 г., когда фашистские войска захватили Тихвин, командование советской армии предприняло все возможное, чтобы не допустить полное окружение и блокаду Ленинграда, поэтому Тихвин — главный пункт Дороги жизни на Ладоге — отбили у немцев уже через месяц, но Чудотворный образ Божией Матери исчез. Гораздо позже обнаружилось, что спасли икону Иоанн и Сергей Гарклавсы, с риском, через лагеря и страны, не расставаясь с иконой и служа молебны перед Чудотворным образом в утешение беженцам до 1949 г., они кочевали, пока, наконец, не осели в Америке, в Чикаго (штат Иллинойс). Здесь Владыка Иоанн принимает участие в восстановлении Чикагской и Миннеаполисской епархии, становится ее главой, а протоиерей Сергей восстанавливает там же Троицкий храм и становится его настоятелем.

Все это время икона хранится в доме Гарклавсов, став, таким образом, не только общеправославной Святыней, но и семейной реликвией. При этом, конечно, Владыка Иоанн воспринимал себя не как нового владель-

Крестный ход на Невском проспекте, 4 июля 2004 г.

Возвращение Святыни в Тихвинский Богородичный Успенский монастырь. Крестный ход, 8 июля 2004 г.

ца иконы, а как ее хранителя, которому Господь доверил заботу об этом Чудотворном образе. Но о возвращении иконы в Россию, в разрушенный Тихвинский Богородичный монастырь, тогда не могло быть и речи. Однако Гарклавсы верили, что в их доме Чудотворная икона обрела временное пристанище и возвращение ее в Россию неизбежно. Архиепископ Иоанн (Гарклавс) окончил свой земной век 11 апреля 1982 г., в Вербное воскресенье, и, умирая, завещал Сергию вернуть икону Тихвинской Божией Матери в Россию, когда вновь в России воцарится Православие, когда обитель — Тихвинский Богородичный монастырь — восстанет из руин, чтобы принять в свои стены святой образ.

Летом 1995 г. принимается решение о восстановлении Тихвинского монастыря. С 1997 г. стали регулярно проводиться службы в Успенском соборе. Под святыми сводами вновь звучит молитва, возвращается жизнь в стены обители. Но главное, изменилось время: в стране строятся тысячи храмов, открываются монастыри, звонят колокола, созывая прихожан в церкви. По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира возобновились попытки возвращения иконы в Россию. В апреле 2002 г. в Чикаго состоялась судьбоносная встреча протоиерея Сергия Гарклавса с игуменом Евфимием, где было принято решение о перенесении Святыни в Тихвинскую обитель. *«Она хочет вернуться, я это чувствую, — сказал хранитель иконы отец Сергей, — Она простила людей».*

В январе 2004 г. на встрече Патриарха Алексия с делегацией Американской автокефальной Православной Церкви была достигнута договоренность о возвращении Чудотворного образа в Россию. Его Святейшество так рассказал об итогах этих переговоров: *«Новый, 2004 г., мы, по милости Божией, начинаем с обсуждения очень важного вопроса: возвращения в возрождающуюся Тихвинскую обитель ее Великой Святыни, которая долгое время пребывала в США...»*

С осени 2003 г. начинается активное возрождение Дома Богородицы. Ремонтируются дороги, проводится озеленение. *«В порядок должно быть приведено все — от транспортных коммуникаций до иконостаса Тихвинского монастыря»*, — такую задачу поставил Председатель оргкомитета по подготовке к встрече Святыни Патриарх Алексий II. И вот оно — главное событие XXI века. Лето 2004 года. Второе пришествие Чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери Одигитрии. Восемнадцать дней длился путь Святыни домой. Самолетом, поездом, на руках — повторила она свой путь в обратном порядке — Чикаго—Рига—Москва—Петербург—Тихвин. В Тихвин вернулась икона той же дорогой, что уходила отсюда. Более трехсот тысяч верующих приложились к иконе в Риге, около полумиллиона — в Москве, столько же — в Санкт-Петербурге. Но основная масса паломников приехала поклониться лику Богородицы в Тихвине.

Днем 23 июня летевший спецрейсом самолет, на котором митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир доставил Чудотворный образ из Риги, приземлился в подмосковном аэропорту Остафьево, где собрались тысячи людей, стремящихся стать свидетелями первых минут пребывания возвращенной Святыни на российской земле. С утра небо над Москвой было затянуто тучами, шел дождь, но когда на горизонте появился самолет, на борту которого Чудотворный образ возвращался в Россию, дождь

неожиданно кончился, и это нельзя было истолковать иначе как проявление Божьей милости к встречающим. У трапа самолета икону встретил архиепископ Тихвинский Константин, который уже не расставался с Чудотворным образом до самого Успенского собора в Тихвине. Из аэропорта Остафьево в бронированном автомобиле, сопровождаемый архиепископом Константином, Чудотворный образ был привезен в храм Христа Спасителя. Внесли в храм икону митрополит Владимир и архиепископ Константин, а встречал Патриарх Алексий с сонмом духовенства. В 17 часов в кафедральном храме столицы началось всенощное бдение, возглавленное Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, и на следующий день после Божественной литургии состоялось подписание акта передачи иконы в собственность Русской Православной Церкви.

27 июня после акафиста Тихвинской иконе Божией Матери Крестный ход из храма Христа Спасителя перенес Чудотворную икону на Красную площадь — в самое сердце российской столицы под колокольный звон московских храмов. Казалось, вся Москва вышла на улицы, было много молодежи, и юные лица участников Крестного хода невольно заставляли задуматься о том, как несправедливы частые сетования о «потерянном поколении».

Вечером от Иверских ворот Кремля Чудотворная икона в бронированном автомобиле отправилась в Санкт-Петербург, и в 8 утра архиепископ Тихвинский Константин внес икону в Троицкий собор Александро-Невской Лавры, где была отслужена Божественная литургия. Многие тысячи православных людей приходили поклониться иконе Пресвятой Богородицы. Никогда за всю свою многовековую жизнь Чудотворная икона не видела такого разнообразного и многочисленного людского потока, который тек изо дня в день, и конца ему не было...

4 июля Тихвинская икона Крестным ходом была перенесена в Казанский кафедральный собор. Впереди хода шли женщины, устилавшие мостовую Невского проспекта лепестками роз... Крестный ход возглавили митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, архиепископ Тихвинский Константин и прибывшие на праздник архиереи соседних областей, сопровождаемые сонмом епархиального духовенства. Крестный ход являл собой чудное, несравненное зрелище — всем стало ясно, что именно сейчас происходит духовное преображение современного Петербурга. Казанский собор был опоясан километровой очередью, причем число людей не уменьшалось даже ночью... Как сказал архиепископ Тихвинский Константин, *«для народа Божьего нужны, прежде всего, положительные примеры. Божественная благодать всегда управляет человеком, тем более, когда проводником этой благодати является образ Тихвинской иконы Богоматери... Сейчас происходит процесс “собирания камней”, строятся и восстанавливаются обители, храмы, а возвращение Чудотворной иконы — это одно из выдающихся проявлений этого всеправославного соборного движения»*. За 16 дней пребывания иконы в Москве и Санкт-Петербурге ей поклонилось не менее миллиона человек.

6 июля самолетом из Москвы в аэропорт Пулково прибыл Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II с сопровождающими, 8 июля перед отправкой иконы в Тихвин в Казанском соборе состоялся молебен, который совершил архиепископ Константин, затем Чудотворный образ пе-

ревели на Ладожский вокзал, откуда в спецпоезде, сопровождаемый русским и американским духовенством образ доставили в Тихвин.

«*Стань свидетелем чуда!*» — плакаты с такими словами, украшавшие в те дни Тихвин, как нельзя лучше отразили суть грандиозного события, совершившегося летом 2004 года. Отмечающийся 9 июля ежегодный духовный праздник Тихвинской иконы Божией Матери, ведущий отсчет от 1383 г., когда впервые в России на Ладоге произошло явление иконы Божией Матери Одигитрии, отныне стал праздником второго пришествия Тихвинской Путеводительницы на Русскую землю, возвращения Чудотворной иконы в родные стены Тихвинского монастыря. 8 июля по ковру из живых цветов: голубого (цвет Богородицы) люпина и лепестков роз, с великими почестями пронесли икону и установили на помосте перед главным собором Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря. Акафист Тихвинской иконе по полному чину служил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир.

8 июля Патриарх Московский и всея Руси Алексей II на вертолете прибыл в Тихвин, где на аэродроме его встречали губернатор Ленинградской области В. П. Сердюков, ректор Санкт-Петербургских Духовных академии и семинарии архиепископ Тихвинский Константин, председатель Законодательного собрания Ленинградской области К. В. Поляков, глава администрации Тихвина А. В. Лисин. Его Святейшество отправился в Успенский Тихвинский мужской монастырь, у врат которого его встретили митрополит всея Америки и Канады Герман, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, настоятель обители игумен Евфимий (Шашорин), священнослужители и многочисленные верующие.

В тот же день вечером после богослужения губернатор Ленинградской области В. П. Сердюков устроил прием в честь Святейшего Патриарха Алексея II, на котором были отмечены наградами те духовные и светские лица, без помощи которых икона не смогла бы вернуться в Тихвин. В частности, почетной грамотой губернатора Ленинградской области за большой вклад в дело возвращения национальной Святыни — Чудотворной иконы Божией Матери в родную обитель — Тихвинский Успенский Богородичный мужской монастырь и возрождение духовных и нравственных традиций в Ленинградской области был награжден архиепископ Тихвинский Константин.

9 июля на монастырской площади перед Успенским собором при огромном стечении народа Патриарх Алексей II отслужил Божественную литургию в честь возвращения Тихвинской Чудотворной иконы. Его Святейшеству сослужили Блаженнейший архиепископ Вашингтонский Герман, митрополит всея Америки и Канады; митрополиты Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, Калужский и Боровский Климент, архиепископ Чикагский и Канадский Иов, архиепископы Псковский и Великолукский Евсевий, Симбирский и Мелекесский Прокл, Тверской и Кашинский Виктор, Новгородский и Старорусский Лев, Костромской и Галичский Александр, Истринский Арсений, Петрозаводский и Карельский Мануил, Тихвинский Константин, Вологодский и Великоустюжский Максимилиан, Архангельский и Холмогорский Тихон, епископ Сергиево-Посадский Феогност. После Божественной литургии Патриарх Алексей II зачитал томос — акт о передаче Тихвинской иконы Божией Матери Санкт-Петербургской епархии и, конкретно, Тихвинскому монастырю.

Чудо свершилось. Икона вернулась домой через шестьдесят лет. Все эти годы ее ждали и верили в возвращение нашей дорогой святыни. Незаметно, кажется, пролетели с того чудного времени десять лет. Уже в истории и молитвенные слезы Патриарха Алексия, и пресекавшийся от волнения голос Владыки Владимира, и трепетные слова приветствия архиепископа Константина. Но кажутся такими близкими те многодневные празднества в Тихвине, за время которых все желающие — от Президента Владимира Владимировича Путина до пешего паломника — приложились к иконе со своими просьбами и мольбами. И светится в душе огонек радости, и разгорается уверенность: с нами наша Спасительница, Хранительница Земли Русской, Заступница наша пред Богом Всевышним. Будем чуткими сердцами нашими, дабы не покинула Она нас никогда.

Г. А. Ильина

ВОШЛА КНИГА

Темнухин В. Б.

Стихи — Н. Новгород: «Вертикаль.
XXI век», 2014 — 92 с.

В книгу нижегородского поэта Валерия Темнухина вошли стихи и отрывки из поэтического переложения «Слова о полку Игореве». Автор обладает несомненным поэтическим слухом, иначе ему не удалось бы схватить верную тональность, определяющую наиболее гармоничное соотношение эпического сказа и русского рифмованного стиха.

Валерий Темнухин

СТИХИ

«ВЕРТИКАЛЬ XXI век»
Нижний Новгород

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г., № 1, 2, 3, 4 за 2012 г., № 1, 2, 3, 4 за 2013 г. и № 1, 2 за 2014 г.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) пишет:

«Многие говорят о спасении, многие желают спастись; но если спросить, в чем заключается спасение, то ответ для них делается очень затруднительным. Не беда, если бы дело оканчивалось этой затруднительностью в ответе!

Нет: вредное следствие, истекающее отсюда, очень значительно. Незнание, в чем состоит спасение, сообщает действиям нашим в деле добродетели неправильность. Повидимому, мы делаем много добрых дел, но, в сущности, делаем очень мало дел для спасения.

Отчего это?

Ответ очень простой: оттого, что не знаем, в чем состоит спасение наше.

Чтобы знать, в чем состоит спасение наше, надо знать наперед, в чем состоит наша погибель: потому что спасение нужно для погибших. Ищущий спасения этим самым по необходимости признает себя погибшим: иначе для чего бы ему искать спасения?

Погибель наша совершилась чрез уничтожение общения нашего с Богом и через вступление в общение с падшими и отверженными духами.

А спасение наше заключается в расторжении общения с сатаной и восстановление общения с Богом»¹.

Так пишет Богомудрый епископ Игнатий. Мир праху его!.. Он скончался 30 апреля 1867 года, оставив после себя целые томы вдохновенных творений, написанных, точно, в Православной Церкви. Другой наш учитель, епископ Феофан Затворник, когда до него дошла весть о

¹ Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. Т. II. С. 32.

кончине епископа Игнатия, сказал: «Епископ Игнатий несомненно угодил Богу».

Вот писания этого великого человека я вам и разъясняю уже сколько лет. Вот и сейчас постараюсь вам изложить вышеприведенные слова епископа Игнатия, поближе для нашего понимания, попроще, подкрепить это различными примерами.

Учение Православной Церкви так высоко по содержанию, так Богодухновенно и превышает человеческого разума, что и высокоученые писатели брались за толкование этого учения со страхом и трепетом, чтобы не допустить ошибки, тем более мы — ничтожные люди — без молитвы и приступать к такому делу не сможем.

Благослови же нас, Господи! (Следует краткое повторение последних слов епископа Игнатия о том, что есть спасение.)

Прежде всего подумаем и уясним себе, что такое «общение». Как понимать это слово. Попроще сказать: общение — это близость к кому-то. Связь с кем-то, единение, дружба...

Бог есть дух и, следовательно, эта близость, единение у человека с Господом может быть только в душе и духе, и враг есть дух, только сатана — дух нечистый, злой, враждебный нам и всему доброму.

Такое общение с Господом и у нас бывало, только ненадолго, скоро оно исчезало. Возьмем пример из жизни нашей.

Вот вы пришли в храм Божий на исповедь и ко Святому Причастию Тела и Крови Христовой. Помолились, да не так, как всегда, — хладнокровно, а с искренним чувством, со слезами покаянными, с глубокой тоской за то, что так горько оскорбляли Господа Милостивого.

Приняли Святые Таины. В эту пору Сам Господь с вами, так близок к вам, что это общение с Господом не могло пройти незамеченным. И в самом деле, вы чувствуете, что на сердце стало так тепло, радостно, что словами никак не выразить этого состояния: так и хочется, чтобы так светло и тепло было всегда и у всех людей.

Выходите из храма, а на душе что-то удивительно прекрасное, счастливое, так бы и обнял всех людей, так бы и сказал: «Идите к Господу, исповедуйтесь, причащайтесь чаще, — ведь это так сладко, хорошо. Радостно быть с Господом!»

Это нам, несчастным грешникам, Господь посылает такую отраду, что же испытывают чистые души, святые Божии?..

Апостол не нашел слов, чтобы выразить неизъяснимое блаженство святых Божиих, только сказал: *Не у явится, что и будем!*

Если Апостол не нашел подходящего слова, то что же мы скажем? Пусть у нас это дивное состояние скоро исчезает, но память о нем долго живет в сердце.

Продолжим дальше.

Идете домой из храма радостные, счастливые... И никак не обойдемся без того, чтобы кто-то чужой, завистливый не попытался омрачить радость вашу. Ему завидно, ему невыносимо тяжело видеть радость христианскую, — и он быстро найдет в толпе, вас окружающей, себе помощника, который-либо слово бесстыдное ввернет, либо сплетню поганую, либо начнет других осуждать, а чаще всего злобно посмеется над вами... и эта радость — светлая, небесная гостья — улетела...

И опять на сердце холодно, тоскливо, обидно. «Зачем и кому это нужно было?» — подумаете вы с горечью. А это нужно врагу, сатане, диаволу...

Он весь во зле и не может спокойно видеть, что кто-то радуется, особенно после молитвы, для него это нож острый. А людей, которые в дружбе, в единении с ним, всегда найдется (понимают ли они это, или нет — все равно). Враг нацелит такого, а он и старается... Думаете, сатана его похвалит, сладкую конфетку даст? Нет, он своему помощнику такую гадость подложит, что тот еще злее станет.

Надеюсь, понятно, для чего эти примеры приведены: здесь есть и счастливый, который в общении с Господом, есть и несчастный — что в общении с сатаной.

А вот и еще пример, по-видимому ничтожный, но очень характерный, а главное — прямо из нашей жизни взятый.

Я сидел у ворот дома и ждал, когда выйдут мои родные. Вдруг из-под ворот дома выбегает маленький котенок, совсем слабенький, еще шатается на ножках своих.

Мимо шла женщина, ухватила его, прижала к груди своей. Ласкает его, гладит: «Ах ты милый! Какой ты хорошенький!» и т. д. Но идти самой дальше надо, и она бережно опустила его на тротуар. Позади нее оказался мужчина, такой сумрачный, неприветливый. Он с диким ругательством как подденет ногой котеночка, тот с жалобным писком отлетел на середину улицы... Женщина быстро подбежала, схватила котеночка, ласкала и утешала его, как умела, и понесла его во двор, чтобы отдать хозяевам, а мрачный мужчина не оглядываясь пошел дальше.

Кто из этих двоих ближе к Господу? А кто к сатане?.. И говорить не надо. Господь сказал: *блажен, кто и скоты милует*. А этот несчастный — друг сатаны, ищет, на ком бы злое сердце сорвать, и не разбирает, кто перед ним оказался. На сердце у него сатанинская злоба клокочет, ему не справиться с ней, да он и гнать ее не собирается.

А сколько таких, которые в дружбе с диаволом! И не только среди чужих, нехристиан, а и среди крещеных... Они когда-то отрицались сатаны, плевали на него, обещания давали, но, к сожалению, это были только слова, которые скоро, очень скоро и давно уже забыты. И горькая участь ждет таких, если они не одумаются.

Епископ Игнатий пишет: «Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаной и восстановлении общения с Богом». А как это сделать?

Послушаем дальше епископа Игнатия и очень серьезно обдумаем слова его. Я намеренно об этом заговорил сегодня, чтобы поскорее сказать вам такое необходимое и крайне важное учение Церкви Православной. Никто не знает, долго ли наши беседы продлятся; здоровье мое все катится под горку... как бы не опоздать... Я отношусь к беседам очень серьезно, вижу в них долг, завещанный мне от Бога. Будьте же и вы серьезно внимательны: и с меня, и с вас Господь спросит...

Так вот: невольно задумаешься. Как много слуг сатаны! Откуда они взялись? Неужели их такими Господь создал? Конечно, нет... Тогда откуда же они взялись?

Епископ Игнатий об этом говорит так:

«Весь род человеческий находится в погибели, в падении. Мы лишились общения с Богом в самом корне и источнике нашем: в наших праотцах по

причине их своевольного согрешения. Они были сотворены непорочными, непричастными ко греху и тлению, с самого сотворения своего сделались причастниками Святого Духа.

Но вот они добровольно и сознательно согрешили, нарушив заповедь Божию своевольно, мало того, они упорствовали в своем грехе.

Когда Господь призывал их к покаянию, они не сознавались, а оправдывались, сваливая свою вину друг на друга или на диавола.

...Произвольно отвергнули подчинение Богу, а приняли советы диавола и послушались его больше, чем Господа, и тем самым вошли к нему в подчинение: они отравили себя грехом, и, как родоначальники людей, они эту заразу, эту отраву сообщили и не перестают доньше сообщать свою погибель роду человеческому. Всякий из нас, родившись от зараженного грехом человека, и сам становится зараженным». Святой пророк Давид говорил: *В беззакониях зачат я и во грехах родила меня мать моя* (Пс. 50, 7).

Слово Божие (Бытия 1, 27) говорит, что Адам сотворен по образу и подобию Божию, а немного дальше говорится, что люди родились по образу Адама, так как образ Божий, по причине утраты Подобия Божия, стал в Адаме непотребным (см. святого Дмитрия Ростовского).

И, как говорится в Послании апостола Павла к Римлянам (5, 10), — человеки сделались врагами Бога, Творца своего (по причине своеволия, самоволия).

Казалось — все погибло. Но... *Щедр и Милостив Господь... Долготерпелив и Многомилостив! Не до конца прогневается, ниже во век враждует.* Бог, по неизреченной милости Своей, снова призвал род человеческий в общение с Собою... Это совершил Он при посредстве самого чудного, непостижимого способа: Единым из Трех Лиц Своих, Сыном Божиим, Он принял человечество, зачавшись в утробе Пресвятой Девы, действием Всесвятаго Духа, устранив от Себя обыкновенное человеческое зачатие, которое сообщало всем людям заразу греховную.

Таким образом, явился в роде человеческого Непорочный Человек, каким был создан праотец Адам. Этот Непорочный Человек был причастником Божественного Естества, подобно Адаму, но в гораздо большей степени: Адам был святым по Благодати Божией, а здесь был Сам Бог и человек. Все грехи человеческие Он принял на Себя. Он мог это сделать потому, что, будучи человеком, Он был и Всемогущим, Всесовершенным Богом.

Приняв на Себя все грехи человеческие, Он принес Себя в искупительную жертву Правосудию Божию за согрешившее человечество. Неограниченно и бесконечно Святый искупил Своими страданиями многочисленные, но ограниченные человеческие согрешения... Богочеловек заменяет Собою перед Богом и весь мир, и каждого человека» (епископ Игнатий). Все добродетели, общественные и частные, истекающие из зараженного падшего естества человеческого, утратили свое значение. Они заменены великим делом Божиим: *Верую в Того, Его же послал Бог* (Ин. 2, 29).

Теперь запомните такое слово епископа Игнатия. После грехопадения вошло в мир зло, но только в сатане нет ни капли добра, а только одно зло, — равно в святых Ангелах Божиих нет никакого зла — только одно добро. В человеке же зло не уничтожило добро совсем, а только смешалось с добром. Добра частица осталась, только это добро испорчено, загажено грехом. Вот почему и язычники, и магометане, нехристиане и вовсе неве-

рующие делают добрые дела, имеют добродетели, но, как говорит епископ Игнатий, «эти добродетели, как оскверненные примесью зла, недостойны Бога, препятствуют общению с Ним, противодействуют нашему спасению».

На этом вопросе остановимся подольше. Почему? — сейчас увидите.

Примерно месяц тому назад обратилась ко мне одна наша прихожанка с таким делом: «Батюшка, у меня вот зять неверующий. А на деле прекрасный человек: никого не обидит, никого не обругает, всем помогает: и больным, и старым, и нищим... Никогда ни над кем не посмеется... Всегда тихий, скромный, ласковый! Лучше многих крещеных... Неужели он не получит Царства Небесного!? Неужели он не спасется?..»

Так как таких случаев у нас много, то я хочу разъяснить кому следует и что следует.

Во-первых: таково слово апостола Павла в Послании к Галатам, 21, 16: *оправдится человек только верою Иисус Христовой*. Сказано ясно, точно и крепко.

А вот Слова Господа Иисуса Христа (Мк. 16, 16): *Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имеет веры, осужден будет*. Или по-русски: «Кто будет веровать и крестится, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет».

Вот и судите теперь сами: вы говорите, что зять неверующий и некрещеный, а что из этого следует, сейчас прочитали.

Во-вторых: вы говорите, что он добрый, ласковый и т. д., лучше многих и крещеных. А многие еще при этом указывают на пример Корнилия Сотника в Деяниях Апостольских (гл. 10), где сказано, что Корнилий Сотник был язычник, но много молился Господу и много милостыни творил, и сказано, что он угодил Господу, подлинные слова: *приятен Ему бысть*, и Господь послал к нему Апостола Петра, и тот крестил его. Святой Златоуст слова «приятен Ему бысть» объясняет так: «был способен к принятию крещения». Но это ведь не то же самое, что крещен, иначе зачем бы было посылать Апостола Петра.

А относительно добрых дел, которые совершает ее зять, я прочитал вышеизложенные слова епископа Игнатия.

Она молчала, а на глазах уже были готовы слезы...

— В-третьих. Знает ваш зять, что он погибает, что ему нужен Спаситель, зовет он Спасителя?

Женщина молчала.

— Кем работает ваш зять?

— Да он рыбак на море.

— Это хорошо: я сам был рыбак до 25 лет, когда учился, и много видал на озере Ильмень, и тонул не раз. Так вот скажите: когда рыбаков спасать надо? Тогда ли, когда на море тихо, или тогда, когда рвет дикий ветер и волны через борт лезут, а они кричат, зовут на помощь?

— Конечно, когда буря... Недаром говорится: кто на море не бывал, тот Богу не молился.

— Так. А ваш зять молится? Просит Спасителя, ищет Его? Кричит, зовет на помощь? Все спасают только тех, кто погибает. А зять ваш, несомненно, бывал в переделках...

Женщина ничего не ответила, а горько расплакалась и спросила:

— Так что же нам с дочкой делать надо?

— А молитесь от всей души с горькими слезами за него, милостыни больше подавайте: ведь этим Корнилий Сотник и привлёк милость Божию. Помните, что Господь всем (в том числе и зятю вашему) хочет спастись и в разум истины прийти! Молитесь, не унывайте, и Господь пожалеет вас.

Теперь начнем подводить итоги. Что же нам делать, чтобы спастись?

Ответ на этот вопрос дал Господь Иисус Христос.

Во-первых, Господь объявил, что для спасения тех, которые не веруют во Христа, необходима вера во Христа. Не верующий во Христа погибнет навеки, и верующий во Христа только на словах — погибнет навеки.

Уверовать в Бога надо так, как Сам Бог повелевает веровать в Него, то есть принять учение о Боге, открываемое Богом, принять Христианство, хранящееся во всей чистоте и полноте в Православной Церкви, насажденной Богочеловеком на Востоке, доселе пребывавшей в целости только на Востоке и содержащей Богопреданное учение христианское неизвращенным, без изменений и без примеси к нему учений человеческих и бесовских.

Во-вторых, на такой вопрос: «Как получить спасение?» — Господь сказал юноше: *Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди* (Мф. 19, 17). «Какие?» — спросил юноша. И на это ответил Господь, но сейчас повторять это не станем, так как не раз мы об этом читали в Евангелии, а сейчас за недостатком времени пойдем дальше.

После твердой неколеблющейся веры во все учение, открытое нам Иисусом Христом и Святою Церковью, в порядке заповеданных истин для приобретения общения с Богом стоит строгое, неуклонное выполнение заповедей Евангелия, или добрые дела, так как каждое отдельное исполнение слов Христовых названо добрым делом.

Вот в этом вопросе необходимо нечто добавить. Один человек (имени и фамилии называть не буду) сказал так: «Я, конечно, не прочь исполнять заповеди Евангелия, но их так много, там написано: и то надо, и другое надо, и третье надо, что просто никак их не запомнить, а тем более выполнить. Я бы думал (говорит человек), что надо устроить совет и разобраться: какие заповеди крайне важны — те исполнять обязательно, а остальные, может быть, и исключить можно; ведь везде так делается. Я бы, говорит, с удовольствием подал свой голос на таком совете».

Что вы скажете на такую речь?.. Я бы сказал так:

Господи, наш Господи! Прости нас за то, что мы в храме Твоем огласили такую дикую, дерзкую речь!.. Это же страшный грех!.. В самом деле, с Кем человек этот хочет советоваться? Кому собирается свой совет подать? Да Господу нашему Иисусу Христу, Который и изрек эти заповеди Евангелия и добавил к ним: *Йота едина, едина черта не преидет от Закона, доколе вся сия будут*. И еще: *Всяк иже разорит едину заповедей сих малых и научит тако человеки, мний (то есть самый меньший) наречется в Царствии Небесном*. (Св. Златоуст, объясняя слова *мний наречется в Царствии Небесном*, говорит: «такого человека вовсе не будет в Царствии Небесном».)

Ясно из этих слов, что все, сказанное Господом, твердо и непреложно и никакому изменению не подлежит; и какой-то, скажем, Иван Иванович совсем не требуется со своими советами. Мало того, за дерзость, какую он здесь проявил, намереваясь давать советы Премудрому Всемогущему

Богу, — подлежит тяжкому наказанию, если не покается с горькими слезами. Его речь — на одной ступени с богохульством, и слушать это нам не пристало...

Вы резонно скажете, зачем же я в храме хульные речи повторил? А затем, что в этом грехе мы, пожалуй, все повинны. Разница с этим человеком у нас только та, что он вслух сказал, а мы то же самое про себя думаем, а может быть, и делаем...

Доказательств надо? Примеров надо? Можно и примеры, и прямо из жизни.

Вот сейчас, даже и сегодня, идет пост в Православной Церкви в честь святых Апостолов Петра и Павла. Неделя прошла, осталось еще две недели. А много ли из здесь стоящих постится? Это пусть ваша совесть укажет. Ведь совесть-то не молчит, колет, и больно колет. Человек и ищет, чем бы оправдаться и утешить себя, и так рассуждает: «Ну, это не такой важный пост. Вот если бы Великий Пост или, скажем, Рождественский — вот это другое дело». И этим утешается. Ведь так и было, так и есть, родные мои...

А значит, и мы недалеко ушли от того хульника. Он вслух говорил, а мы про себя думаем, а на деле одно и то же. Этот — важный пост, стало быть, надо поститься, а Петров пост — можно и не считать. Ревизоры Евангелия нашлись. Умнее Господа Бога захотели быть: советы Ему подавать.

Братья и сестры! Да христиане ли мы, как и тот хульник?

Кто для нас Господь Иисус Христос? Наш Владыка или подотчетный работник, Который от нас указаний ждет? Господи! Господи! Помилуй нас грешных!

Истинный христианин так не думает, а тем более так не делает. Для него Слово Христово — великая святыня. Слово, вышедшее из уст Господа Бога — Творца и Промыслителя Мира! В этом Слове невозможно усмотреть ни тени чего-то ненужного. К Слову Божию нужно отнестись с благоговением. Древнее учение Церкви гласит, что и читать-то Евангелие нельзя сидя, нужно стать благоговейно, а еще лучше на колени стать, перекреститься и читать со страхом и трепетом, помня, что от этого Слова зависит мое спасение.

А исполнять заповеди Евангельские надо ой как осторожно, осмотрительно, с молитвой смиренной, чтобы Господь Сам помог нам сделать все надлежащее, чтобы, понадеявшись на свои силы, на свое разумение, не испортить все дело и тем лишний раз не оскорбить Господа вместо того, чтобы угодить Ему. *Без Меня не можете сделать ничего*, сказал Господь, и это так и есть.

Да еще скажу: выполнять заповеди Евангелия надо «ради Христа», ради исполнения Его Святой Воли, ради сознания, что это любит Господь, что Он этого желает от нас, что это угодно Ему, чтобы порадовать Отца Небесного, не столько даже для того, что в исполнении Слова Господня мое личное счастье, мое спасение... Иначе наше доброе дело не имеет той силы, какую оно может и должно иметь. Вот, родные мои, как все это глубоко серьезно. Помогай же нам Сам Господи!

Теперь для нашей цели немного остается сказать.

Вот теперь чаще, чем в предыдущие годы, вы мне задаете вопросы по содержанию бесед наших; просите разъяснить, что непонятно было. И это для меня очень радостно и утешительно. «Почему?» — спросите вы. Да

потому, что вопросы такие говорят о том, что вы слушаете внимательно беседу, а не просто стоите без внимания. Это обстоятельство нас — проповедников — утешает, подбадривает, заставляет серьезнее относиться к подготовке проповеди и, кроме того, роднит нас, делает ближе друг к другу.

Вот я и сегодня ответил на три таких вопроса, они близки были к содержанию сегодняшней беседы. Также и сейчас ответим на такой вопрос: «Вот вы, батюшка, говорили сегодня много о вере как самом важном условии, без чего не может быть спасения, но в словах Господа сказано не только о вере, а еще и о крещении, без чего нет спасения: *Иже веру имет и крестится, спасен будет.*

Какое же значение для спасения имеет крещение? Отвечаю: о крещении я хочу поставить отдельную беседу, а сейчас обратимся к творениям епископа Игнатия (т. II, стр. 385), там так сказано: «При согрешении праотцев Адама и Евы немедленно вступило в душу зло, составляющее истинную смерть души и тела» (Быт. 2, 7). В заповеди было сказано: как только съедите от плодов дерева...¹ ...нул нас от родства с Ветхим Адамом и от общения с сатаною и ввел в теснейшее сродство и единение (общение) с Самим Собою. Как же не спастись тем, которые с Богочеловеком составляют Едино?!» Так говорит епископ Игнатий.

И мы с вами пришли к тому, с чего начали сегодняшнюю беседу. Вот слова епископа Игнатия (Брянчанинова) (т. II, стр. 328): «Погибель наша совершилась через уничтожение общения нашего с Богом и чрез вступление в общение с падшими и отвергнутыми духами. Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаною и в восстановлении общения с Богом». А как это достигается — описано ясно в настоящей беседе.

Аминь.

¹ Здесь в рукописи отсутствует один лист. — (Ред.)

История и современность

Наталья ПЕТРОВА
СВЯТОЙ
ПРЕПОДОБНЫЙ
АНДРОНИК — УЧЕНИК
ПРЕПОДОБНОГО
СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО

*К 700-летию преподобного
Сергия Радонежского*

Наталья Георгиевна Петрова — историк, преподаватель. Окончила исторический факультет МГПИ им. В. И. Ленина. Работала учителем и директором в школах Москвы, преподавала в вузе. Автор книг «Клио и ее чудесная свита», «Веков азартная игра...», «Тайны древних календарей» и др. Печаталась в журналах «Роман-журнал. XXI век», «Москва», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Новая книга России», «О, русская земля». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Что нас может связывать с далеким Средневековьем, временем татарщины, междоусобной брани князей, кровопролития и предательства? — То, что не исчезает, не тускнеет со временем, напротив, набирает силу и окрыляет: молитва Игумена земли Русской, как звали в народе преподобного Сергия, его слово и делание мира, преодоление розни и прощение обид, заповедь единения для нас, живущих спустя столетия. Ученики его разбрелись из Лавры по окрестностям, основали по образцу Троицкой обители новые монастыри — числом более сорока и продолжили дело своего учителя, которого начали почитать еще при жизни, так созвучно было все, что он говорил и делал, Заповедям Божиим. Один из монастырей, основанных близ Москвы его учеником, называется Спасо-Андрониковский.

День медленно угасал. Корабль, мерно покачиваясь на волнах, неторопливо шел на низкое солнце. За кормой, вдалеке, словно прощаясь с путниками, уплывающими в далекую, северную Русь, засветился огнями Константинополь. Неожиданно подул холодный ветер. С каждой минутой он все усиливался и вскоре надул непогоду — горизонт затянуло темной пеленой, начался дождь. Мгновение — и уже не мелкий, как водная пыль, дождичек, а мощные водопады воды обрушились на беззащитный корабль. Исчезла из виду бухта Золотой Рог и спасительный Константинопольский маяк больше не освещал путь. Густые, черные волны, словно играя кораблем, потерявшим волю, кружили его, вздымали на гребень властной рукой и безжалостно бросали вниз, чтобы через мгновение вновь вознести к равнодушно взиравшему на его гибель небу.

Молния пронзала такое же черное, как и море, небо, над головами несчастных путников без устали грохотало, будто там, в вышине, свирепое чудовище перекачивало камни и утробно ворчало. «Кто в море не бывал — тот Богу не молился», — говорят в народе. «Поистине так, — шепча слова покаянного псалма, думал митрополит Алексей. — Господи, спаси, сохрани, не остави нас в беде, — повторял митрополит, глядя, как матросы безуспешно пытаются вновь овладеть кораблем. — Святителю отче Николае, моли Бога о нас!»

Но буря и не думала успокаиваться, и вот уже ропот послышался среди моряков.

— Молись не молись — все едино погибать! — в отчаянии кричали они. Кто-то, держась за ванты, едва шептал просоленными, побелевшими от ужаса губами:

— В руци, Твои, Господи!

Но Алексей усилий не оставлял, и чем сильнее трещал под ударами стихий корабль, тем с большей надеждой возносил он слова молитв:

— ...Утиши море, Человеколюбче Владыко, по Твоему беспримерному человеколюбию. По Твоему велению Единородный Сын Твой и Господь наш Иисус Христос благоволил быть человеком и сопутствовать в плавании святым Своим ученикам и апостолам, утишая бурный ветер и морское волнение...

Неожиданно ветер поменял направление, ослаб, волны, словно наигравшись кораблем досыта, наскучали и улеглись, море утишилось. Лишь лилово-желтое небо с серебристыми вспышками молний на горизонте своей мрачной красотой напоминало о прошедшей грозе и рождало ожидание чего-то необычного. И действительно — к полуночи гроза ушла далеко, к городу, а на ясном небе зажглись яркие, какие бывают только в августе, звезды, и самые малые щедрым дождем полетели к земле...

Было это в 1354 году. С тех пор прошло немало времени, и Алексей отправился на Маковец, в Троицкий монастырь. Любил митрополит приезжать в монастырь к игумену Сергию, подолгу оставался у него, беседовал с настоятелем неспешно, не стеснялся и совета просить. Удивительное дело: вроде власти у того никакой не было — ни церковной, ни светской, а приезжали к нему власть предержащие за советом и помощью. Видно, крепка была молитва Троицкого игумена. Вот и в этот раз, отслужив вечерню, митрополит долго беседовал с игуменом в трапезной.

— Хочу просить у тебя благодеяния, — обратился Алексей к Сергию. — Думаю, ты мне в моей просьбе не откажешь.

— Мы все в твоей власти, Владыко, — смиренно отвечал ему игумен. — Говори — ни в чем тебе не будет отказа в нашей обители.

Митрополит начал издали: рассказал, как случилась буря на море, когда возвращались они из Царьграда домой, как их корабль погибал в пучине морской, и не было уже надежды на спасение.

— ...Я, грешный, молился Богу, просил Его, чтобы избавил Он нас от гибели. И дал я тогда обещание: если спасемся — прикажу построить храм в честь святого, память которого совершается в этот день. С того сама часа, поверишь ли, возлюбленный брат, буря прекратилась, наступила тишина, и мы вскорости к берегу пристали. А было это 16 августа, в

*Святитель Алексий, митрополит
Московский, и преподобный
Сергий Радонежский*

этот день празднуется перенесение Нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа в Константинополь. И икону я вез из Константинополя — подарок Патриарха — тот же Образ Спасителя. Вот какое чудо сотворил Господь! — воскликнул митрополит, в который раз рассказывая и заново переживая свою историю.

Сергий выслушал взволнованный рассказ митрополита, помолчал.

— Что ж, коль дал обет — исполняй, строй с Божьей помощью храм, — ответил игумен.

— Я хочу не только храм, но и монастырь устроить, — продолжал митрополит. — Чтобы в нем все было, как у тебя в обители — общее житие братии,

и порядки такие же, и устав. А посему прошу тебя — дай для устройства обители одного из твоих учеников, пусть он будет настоятелем нового монастыря.

Митрополит был частым гостем у Сергия, всех его учеников хорошо знал, и чувствовалось, что выбор он свой уже сделал.

— Кого же, Владыко, желаешь выбрать?

— Твоего ученика Андроника.

Что же, выбор митрополита был понятен — Андроник был одним из любимых учеников Сергия, да и вся монастырская братия отличала его.

Об Андронике до его прихода в монастырь известно мало, история подробностей его жизни не сохранила. Знаем мы только, что родом он был из тех же мест, что и сам Сергий — из города Ростова. Ростовская земля была славна и богата до начала XIII в., но когда начались татарские нашествия, кто только не разорял ростовский край — карательные отряды, баскаки, а потом и свои присоединились — началась борьба московских и тверских князей между собой. И снова Ростов в стороне не остался — московские князья, собирая враждующие между собой земли в единое государство, и ростовский край под свою власть подвели. Не желая мириться с этим, многие бояре уехали из Ростова.

Так было во времена Сергия, тогда еще Варфоломея, когда его отец покинул Ростов и переселился с семьей в село Радонеж. По тому же, видно, и Андроник покинул родной край. А когда оказался в окрестностях Радонежа, то услышал от местных жителей рассказы о чудном отшельнике, живущим в глухом лесу. Одни говорили о его трудолюбии и строгой, постнической жизни, другие — о необыкновенном смирении и любви. Кто бы ни приходил к нему — все находили утешение, получали совет или наставление и чувствовали, как светлеет на душе и хочется делать хорошее.

Отправился на гору Маковец и Андроник. К тому времени многие, приходившие к Сергию, просили поселиться рядом с ним, чтобы иметь возможность молиться вместе. Но Сергей помнил, как его родной брат Стефан, пришедший с ним на Маковец, не выдержал суровой, полной лишений пустынной жизни в диком лесу, вернулся в город. И потому Сергей отговаривал просящих. Но Андроника оставил — видно, приглянулся ему тот своей незлобивостью и кротостью. Однако не сразу Андроник стал монахом в Троицкой обители.

Поначалу новичок присматривался к монастырским порядкам, ходил в своей, мирской одежде и выполнял работу, какую поручали. В те времена в других монастырях монахи жили на особицу — всяк в своей келье имел имущество, какое привозил из дома, богатые люди даже со слугами приезжали. Вот и получалось, что в монастыре, как в миру — богатым оставался богатым и праздным, а бедный — трудился и оставался бедным.

«Но разве так жили ученики Христа? — размышлял Сергей. — Нет. Кто был богат — тот продавал свое имение, раздавал деньги бедным и, не заботясь о завтрашнем дне, шел за своим Учителем». И Сергей решил в своей обители завести такие порядки, которые больше подходили к христианской жизни: теперь все входящие в монастырь жили одной общиной, равными, в келье никто имущества не держал — разве только иконы; братия собиралась на общую молитву в храме — всего в сутки совершали семь богослужений, и на общую трапезу.

Новые установления повлекли за собой и другие изменения в монастырской жизни. Теперь в монастыре все работы делали сами монахи: кто огород копал и капусту сажал, кто за водой ходил, дрова колол, печи топил, кто просфоры и хлеба пек, кто одежду шил и готовил пищу, а кто книги переписывал. Не всем пришлись по нраву порядки на горе Маковец: одним не нравилась суровая монастырская дисциплина, другим — непривычно тяжелая работа, третьим — то, что приходилось на послушания отвлекаться от келейной молитвы. Кто роптал, а кто и уходил из монастыря.

Андронику же в новом доме все по нраву пришлось, как будто он к родным попал. С радостью он выполнял послушания, выстаивал длинные монастырские службы, и вскоре стал рясофором, то есть получил право ходить в монашеской одежде. Рясофор еще не монах, он не давал обеты, и Андроник пока присматривался.

Он замечал, что монахи — такие же люди, как и те, что живут за оградой монастыря, вот только устремления у них другие — они не ищут покоя и удобства, не ропшут, когда их одолевают болезни, и вместо пустых разговоров предпочитают тишину и молитву. Все это находило отзвук в душе юноши, заставляло размышлять.

Особенно был притягателен для Андроника пример игумена и учителя Сергия. Тот утром вставал раньше других, копал колодцы, работал на огороде, а одежду носил почти нищенскую — ряса залатанная, ветхая, из самого грубого материала. В таком виде не знавшие его и за игумена не принимали. Но более всего удивляло Андроника смирение Сергия — он не возносился перед братией, одинаково просто говорил и с князем, приезжавшим в Троицкую обитель за советом, и с бедным крестьянином, желавшим поклониться старцу. И какие бы ни были испытания и напасти — всегда уповал на милость Божию и учил этому монахов.

Андроник старался походить на Сергия и любил услужить братии — одному воду приносил из дальнего колодца, что под горой сам Сергий выкапал, другому келью подпиривлял, стуча топором. Братия полюбила тихого, кроткого юношу. И спустя некоторое время Сергий постриг его в монахи.

Рожденный для новой жизни получал новое имя — так, преподобного Сергия до пострига звали Варфоломеем. Какое имя носил в миру Андроник — неизвестно, не знаем мы и год его пострига, но можем предположить, что произошло это важное событие 17 мая, когда совершается память святого апостола Андроника. Этим именем и нарекли в монастыре нового монаха.

В Троицкой обители Сергий возродил порядок, когда-то установленный основателями монашества на Руси — преподобными Феодосием и Антонием Печерскими. Никто не должен был в монастыре предаваться безделью, праздности, лени и пустословью. По ночам сам игумен тихонько кельи братии обходил и слушал под окном — кто чем занят. Ежели брат какую работу делал — шил, вырезал из дерева, читал или молился — то Сергий, удовлетворенный, уходил. Но если братья по двое-трое собирались, слышались праздные разговоры, смех — то настоятель посохом в окно кельи стучал, и на следующее утро провинившиеся ответ держали.

Ученики на своего учителя не обижались — ведь Сергий делал замечания всегда с любовью, не гневался, а наставлял, и к тому же сам во всем следовал установленным порядкам.

Андроник жил в келье один, как написал о нем летописец, «любяше безмолвие и молчание», и все время, когда не был занят на послушаниях, преклонив колена, молился перед иконой Спасителя, читал Псалтирь и творения Святых Отцов.

Прошло десять лет с тех пор, как Андроник впервые появился на горе Маковец. За это время он хорошо усвоил уроки преподобного Сергия: не роптал на трудную жизнь в лесной обители, исповедовался в своих делах и помыслах каждый вечер духовнику и часто произносил про себя молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Преподобный Сергий видел, как его ученики набирали духовный опыт и внутреннюю силу, и понимал — рано или поздно они покинут обитель, чтобы самим собирать вокруг себя ищущих свет истины. Так повзрослевшие сыновья уходят из родительского дома, создавая собственную семью, и первым, кого Сергий благословил покинуть монастырь, стал Андроник.

Недолгими были сборы Андроника — какое имущество у монаха? — книги да иконы. Отслужили молебен в Троицком храме, попрощалась братия со своим любимцем, и отправились митрополит Алексей и инок Андроник в Москву.

Это сегодня Спасо-Андрониковский монастырь оказался почти в центре Москвы, а тогда он за городом располагался — в двух верстах, был окружен лесами и перелесками, и от его высокого холма две дороги разбегались — одна на Владимир и Нижний Новгород, другая — на Коломну. Место для монастыря митрополит Алексей выбрал красивое — на высоком берегу реки Яузы, где впадает в нее бурный и шумливый ручей, названный Алексием *Золотой Рожок*. Даже название ручья напоминало о чудесном спасении митрополита во время бури, потому что Царьград стоит на берегу бухты Золотой Рог. Сегодня мы этого ручья не увидим — он заключен в трубу, как в темницу, но сам монастырский холм несколько не изменил-

ся — так же высоко возносится он над Яузой и уединенностью своего расположения напоминает загородное место.

Прошло время. Конечно, преподобный Сергей не оставлял своей молитвенной помощью ученика, не раз вспоминал он и свои первые дни в глухом лесу под Хотьковым, как нелегко им с братом тогда пришлось, и уход брата Стефана вспоминал. Преподобный знал — митрополит во всем поможет Андронику, но устройство новой обители дело непростое, как бы самому увидеть: что там, в Москве, ладится ли дело?

И не выдержал Сергей — пришел через леса в Москву, пришел пешком, потому что всюду ходил, а не ездил — даже в дальние города. Как обрадовался Андроник учителю! — с готовностью показывал место, выбранное для храма, рассказывал, где возведут кельи для братии, где будут хозяйственные постройки. Сергию место будущей обители понравилось, и расторопность его ученика понравилась — не ошибся он в нем. Недалеко от монастыря Андроник по примеру своего учителя выкопал колодец, а чтобы удобнее было набирать воду, устроил из дубовых бревен особое водохранилище. Сохранилось предание о том, как в 1771 г., когда в Москве свирепствовала чума, многие москвичи приходили к колодцу святого Андроника, пили из него воду и исцелялись, а здоровые — не заболели.

Благословил Сергей труды Андроника:

— Господи, призри с небеси на место сие и посети его Своею милостию.

Вдохновленный молитвой учителя, Андроник трудился, не покладая рук — так, как привык это делать в Троицком монастыре. По преданию главный храм *обетного* монастыря Андроник срубил сам и посвятил его образу Спаса Нерукотворного. Икону, перед которой митрополит молился во время бури на море, поместили в золотой оклад, украсили драгоценными камнями и бисером. Было это около 1360 года. Вскоре застучали топоры на берегу Яузы, закрипели телеги — начали приходить люди, желавшие поселиться поближе к монастырю, кто хотел исповедаться, облегчить душу в обители, а кто просился в послушники к Андронику, как когда-то он сам к Сергию.

Вскоре и преподобный Сергей пришел поклониться Спасу Нерукотворному. Из монастыря он редко уходил — только если его просили об этом. В 1365 г. он направлялся в Нижний Новгород, чтобы по просьбе Великого князя Дмитрия Ивановича образумить его брата — князя Бориса, решившего воевать с ним. Нелегкий путь предстоял Сергию — через дремучие леса, через города, охваченные черной смертью, как называли свирепствующую в те годы чуму. А она не щадила никого — ни духовных, ни светских, ни

*Преподобные Андроник
и Савва Московские*

простых крестьян, ни князей: в Москве умер от чумы Великий князь Семен Иванович Гордый со всей своей семьей. Как писали летописцы в те годы: «и опустела вся земля, и поросла лесом».

Преподобный Сергей согласился выполнить просьбу Дмитрия Ивановича: не раз приходилось ему мирить князей, уговаривать их подчиниться московскому князю, объединить силы — а иначе как можно противостоять нашествиям татар? Но князья продолжали захватывать престолы у своих братьев, отнимать вотчины у соседей — и это было пострашнее чумы. Известно, что ненависть и злоба, если они поселяются в сердце человека, изъедают его хуже всякой болезни, и потому Сергей отправился в Нижний Новгород не мешкая.

Путь его проходил через Москву, и он с радостью ждал встречи с Андроником. А тому не терпелось показать учителю и наставнику еще пахнущий смолой храм, в котором на самом видном месте, рядом с царскими вратами, сияла в дорогом окладе икона Спасителя.

Преподобный Сергей отслужил литургию в Спасском храме, его ученик — теперь уже игумен Андроник — служил вместе с ним. Что может быть лучшим утешением для учителя? Сергей видел, что новый монастырь не стоит пустым, на службе в храме не одни монахи были, и жители соседних сел пришли, многие причащались. Значит, Богу угодно то, что делает Андроник, раз вокруг него люди собираются, недаром в народе говорят: «Не в бревнах храм, а в ребрах».

После утрени преподобный Сергей беседовал в трапезной с Андроником и братией монастыря. Чувствовал Андроник: не хотел уходить Сергей из гостеприимной обители, не хотел и ученик отпускать учителя в дальний и опасный путь, но идти было нужно. Вышли за ворота проводить Сергея. В полуверсте от монастыря долго прощались и не могли расстаться. А когда преподобный, опираясь на посох, зашагал по Владимирской дороге, Андроник все смотрел ему вслед, крестил его худую спину, на которой висела тощая котомка, где лежали сухари, просфоры да баклажка со святой водой, и шептал слова молитв...

Пройдет много лет, и на месте прощания братии Спасского монастыря с игуменом Сергием, уходящим в Нижний Новгород, возведут часовню и назовут ее «Проща» — от глагола «прощать» или «прощаться». Будет она сначала рубленой из дерева, как и Спасский храм, а позже возведена из того же прочного кирпича, что и монастырская трапезная, и даже Успенской собор в Московском Кремле, потому что рядом с монастырем найдут лучшую в округе глину, из которой и будут формировать кирпичи. Простоит часовня не одно столетие, и в день празднования именин преподобного Сергия — 5 июля — из Спасского монастыря к ней будут ежегодно совершать Крестный ход.

Преподобный Андроник все устроил в Спасском монастыре по подобию Троицкого. Несмотря на близость к Москве и внимание митрополита Алексия к обители, все иноки трудились в ней и несли послушания поровну. Как и Сергей, Андроник по вечерам обходил кельи братии, прислушивался под окнами к тому, чем заняты иноки, бывало — и наказывал провинившихся. Со временем Андроник все больше замечал, как велика разница между простым монахом и игуменом — все равно, что между матросом и капитаном корабля. Не случайно монастырь сравнивают с кораблем, который опытный кормчий ведет через бурное житейское море в гавань спасения.

Росла год от году братия монастыря, и росла слава его. За монастырем начиналась дорога в Коломну, по ней князья и бояре ездили в Орду, в ставку хана, чаще не по своей воле. Случалось, не возвращались обратно, и потому печальным был этот путь; тот, кто отправлялся по нему, приходил в монастырь поклониться Нерукотворному образу Всемилоственного Спаса и молился об избавлении от бед.

Духовный сын и воспитанник митрополита Алексия князь Дмитрий Иванович не раз слышал в детстве рассказ о буре на море и любил посещать Спасский монастырь. Побывал он здесь и перед походом на Куликово поле.

Получив благословение преподобного Сергия Радонежского, князь Дмитрий отправился не чужую землю воевать, и даже не границы своего удела оборонять, а защищать Православную веру. К тому времени ордынцы приняли ислам, их отношение к иноверцам стало непримиримым. Вместе с темником Мамаем пришли на Куликово поле отряды наемников из гентуэзских колоний Крыма, воины из подвластного Орде Северного Кавказа, отряды из Поволжья. Шел на помощь ордынцам литовский князь Ягайло. Чтобы противостоять этой тьме, русским князьям нужно было объединиться, а заставить их забыть распри могло только одно: защита святой веры.

Тяжело досталась победа русскому воинству, три дня после битвы Дон-река, по словам очевидцев, кровью текла. По преданию, от войска Мамаева почти никого не осталось, а в русском войске — только треть живых. Но если на битву собирались разрозненные полки московские, серпуховские, ростовские, брянские, полоцкие, псковские — то с победой уже возвращалось единое русское войско.

Князь Дмитрий Иванович, получивший после битвы прозвище Донской, не мог не остановиться в Спасском монастыре, где все напоминало о его духовном наставнике митрополите Алексии. Здесь преемник Алексия — митрополит Киприан — встречал победителей Мамаева, возвращавшихся из-за Дона. На монастырском кладбище похоронили павших в битве воевод, братия отслужила панихиду об усопших. А после, с хоругвями и пением, радостным маршем победители двинулись к Кремлю.

...Тихо и незаметно, как воды неспешно журчащей под стенами монастыря Яузы, текло время. Все чаще стал задумываться Андроник о преемнике и незадолго до своей кончины назначил игуменом Савву — человека жизни чистой и почитаемого всей братией монастыря. И вскоре после того — 13 июня — он преставился. Почитание преподобного Андроника началось почти сразу после его кончины, и монастырь стали называть не иначе как *Спасо-Андрониковым*.

При Савве порядки в монастыре сохранялись прежние, как при Андронике, управлял он обителью с таким же вниманием и заботой. Сам Савва был известен далеко за пределами Спасского монастыря как добродетельный и благочестивый человек. Многие князья приезжали к нему за советом, просил его благословения Великий князь Василий Дмитриевич — сын Дмитрия Донского, когда отправлялся в поход против Тамерлана. Поэтому и число монахов при нем росло, некоторые из них со временем сами стали настоятелями монастырей и даже епископами. Так сбылось предсказание святому Сергию: множество его учеников, как птицы, разлетелись из родного гнезда — обители во имя Живоначальной Троицы и свили свои гнезда — монастыри.

Спасо-Андроников монастырь

При Савве монастырь прославился как место, где переписывались и переводились с греческого на русский книги. Писали их в то время на пергаменте — материале, выделанном из кожи животных, или, как говорили тогда, «на телятине». Книги богато украшались миниатюрами, инициалы — первые буквы — выписывались золотом и красной краской — киноварью. Книги тогда стоили очень дорого, только богатый человек мог сделать заказ на переписывание книги. Но и книги в те времена не только читали, но и *почитали*: их передавали по наследству, могли после смерти хозяина отдать в монастырь на помин его души. Недаром летописец сравнивал книги с реками, «наполняющими вселенную», в них находили и утешение, и «неисчислимую глубину». Преподобный Савва особо привечал в монастыре грамотных монахов, в кельях выделил светлицу, где несколько человек трудилось над переписыванием книг.

Когда Савва скончался, похоронили его там же, где и его учителя Андроника, и память их совершается в один день — 13(26) июня. Мощи обоих праведников доньше почивают под спудом — то есть в закрытой раке под Спасским собором. Когда во время одного из пожаров сгорел деревянный собор, то на его месте возвели каменный, а мощи преподобных Андроника и Саввы оказались в основании храма. Православные храмы нередко возводили на том месте, где были погребены святые, и если Господу будет угодно, он в свое время откроет для нас мощи основателей монастыря.

У места их захоронения не раз происходили исцеления. Так, один из монахов, по имени Ефрем, жестоко мучимый бесом, обратился с молитвой к преподобному Савве и получил исцеление.

Ученик Андроника и Саввы — игумен Александр — построил новый, белокаменный Спасский храм, который стоит в монастыре и доньне. Иконописец Андрей Рублев, который пришел в монастырь еще при Андронике, расписал каменный собор. Это была его последняя работа — украшая храм, он тем почтил память своих учителей и наставников, святых основателей монастыря — Андроника и Савву. Андрей Рублев был первый иконописец того времени, его и Даниила Черного называли «богодухновенными мастерами», а иконы, ими написанные, считали за образец письма. Среди них особо выделяется икона Святой Троицы, написанная для Троицкого храма, в котором покоятся мощи преподобного Сергия. Преподобный Сергий призывал чаще обращаться свои молитвы ко Святой Троице, чтобы преодолевать рознь и вражду, царящие в мире. Так и поступали преподобные Андроник и Савва.

Многие беды и напасти пришлось пережить Спасо-Андрониковому монастырю, как и всей Москве. Незадолго до кончины преподобного Саввы, в 1408 г. хитрый и коварный правитель Едигей обманом напал на русские земли. Он захватил и сжег Троице-Сергиеву Лавру, города Переяславль, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Ростов. Пришла очередь и Москвы. Как перед смертным часом молились москвичи о помощи перед святыней — Владимирской иконой Божией Матери — и не сумел Едигей взять города. Озлобившись, он сжег посады и окрестности Москвы, пострадал от пожара и Спасский монастырь.

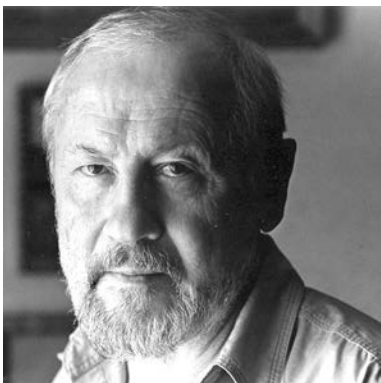
В 1812 г. наполеоновские солдаты разграбили и разорили монастырь, а то, что не могли унести с собой — уничтожили, иконы порубили на дрова и топили ими печи. Во время пожара рухнул верх Спасского собора, сгорел иконостас, однако главную святыню — образ Спаса Нерукотворного — и другие ценности незадолго до оставления Москвы нашими войсками вывезли на двух телегах из монастыря и сохранили до времени.

После изгнания французов Москва отстроилась, поднялся из руин и монастырь. К счастью, храм пострадал не сильно — сохранилась даже сень над мощами преподобных Андроника и Саввы. В это время окрестности монастыря становятся любимым местом гуляний москвичей. В престольный праздник — 16 августа — после утренней службы, поклонившись Святому Образу, москвичи семьями, до позднего вечера, гуляли вокруг монастыря. Приезжали в монастырь послушать и знаменитый хор — нередко здесь можно было встретить за ранней службой композитора С. В. Рахманинова.

В XX в. монастырь ждали новые испытания. После 1917 г. в нем устроили концлагерь, где содержали несогласных с новой Советской властью. В 1922 г. организовали колонию для беспризорных, монастырское кладбище превратили в футбольное поле. В 1928 г. территорию монастыря отдали заводу «Серп и молот», и все монастырские помещения заняли рабочие завода. В 30-е годы колокольню монастыря — одну из самых высоких в Москве — взорвали.

Но наступили другие времена. В 1959 г. в монастыре, где сохранился один из самых древних храмов Москвы — Спасский собор — было решено открыть Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. В 1989 г. Спасский собор отдали верующим, и впервые после долгого перерыва под куполом древнего храма вновь зазвучало молитвенное пение, зажглись свечи, со временем нашлись и святыни — Образ Спаса Нерукотворного и икона с изображением святых Андроника и Саввы — основателей монастыря.

ПРОЗА

Юрий ЛОЩИЦ ВАННОЧКА

Рассказ

Юрий Михайлович Лошиц — родился в 1938 в селе Вале-гоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

Сегодня уже ни у кого не попрошусь, когда все же это событие произошло: в каком именно году и в какое время года?

Поскольку крестили меня не в церкви, а в обычной сельской хате, могу догадаться: шла война, мы уже находились в немецком и румынском тылу. Но Фёдоровская церковь на ту пору еще не была заново освящена и открыта.

От картины того дня, много позже подкрепленной немногочисленными дополнениями мамы, уцелело в памяти несколько разрозненных подробностей. Тихое пасмурное небо над селом. Сырая тучность приусадебного вспаханного клина, на котором у нас обычно высевали рожь или пшеницу... И мы с бабушкой Дарьей, спешащие по тропе вдоль этого клина к чьей-то хате, что стоит почти напротив нашей, но ниже по склону балки... Вот приметы, позволяющие мне считать: пора была осенняя.

Значит, еще 1941-й? Фронт отошел на восток, и на селе власть немецкая сменилась властью румынской. Пусть и союзники Гитлеру, а все ж румыны — православные. Не потому ли и священник объявился, ходит по домам, крестит.

Впрочем, настаивать на осени 41-го не возьмусь. Дело вполне могло быть и ранней весной следующего года, когда мне уже шел четвертый год? А может, и осенью 42-го?..

Но последний срок, пожалуй, слишком поздний. Скорей всего, священник в село пришел, совсем недолго промешкав после отката военных громов в глубь страны. Не в правилах воина Христова было бы волынить с исполнением самых насущных таинств, треб. Здешний крестьянский люд, ошеломленный, как и повсюду, молниеносностью чрезвычайных перемен, догадываюсь теперь, особо нуждался в духовном

окормлении. Да и сам иерей, до возобновления храмовых служб, мог все же рассчитывать на хлеб свой насущный, пусть и в виде скурых подаваний, от случая к случаю.

Бабушка, еще догадываюсь, тоже никак не хотела медлить с моим крещением. Село большое, а все друг друга знают. Мало ли кто может проговориться властям: у Грабовенок сын — красноармеец, младшая дочь медсестрой ушла с красными и у старшей дочери чоловик в Красной армии, а средняя — учительница, и муж ее, второй их зять — тоже красноармеец, за полгода до войны приезжал сюда в отпуск...

Пытаюсь представить себе сильнейшие тревоги и внутренние борения, которые вселились в душу бабушки накануне стремительного отступления наших войск. Мама — уже в пожилые свои годы — рассказала мне однажды: за несколько дней до прихода немцев она, запыхавшаяся, прибежала из Фёдоровской школы и с порога, со слезами отчаяния, выпалила родителям: школьное начальство дает ей возможность срочно эвакуироваться вместе с сыном, то есть со мной, а значит, нужно сейчас же собираться... Дедушка что-то невнятное раз-другой хмыкнул, видимо, примеряя про себя, какой все же дать наиболее благоразумный отцовский совет. Но бабушка Даша и минуты не промешкала. В ее холодном кратком определении вдруг проступила древняя как мир суровость охранительницы домашнего очага: «Ты, Тамара, робы, як хочешь, а його? — и она пригребла меня к своему животу. — Його я тобі не виддам!»

И юная моя мама тотчас сникла. Потому что поняла: да, не отдаст. Может быть, только такой приговор своему отчаянному намерению она и желала теперь услышать? Потому что он означал для нее одно: значит, ты и сама ни в какую-то такую эвакуацию не отправишься. Что там, за этим жестяным, заманчиво-зловещим «эвакуация»?.. Бегство, пыль, нищенские узлы на телегах, эпидемии... Куда, в какие еще спасительные кущи, на какой срок? Что за смысл от одного лиха другого лиха искать? Да неужели же она сама — без сына — возьмет и побежит?!

Но и бабушке, так властно распорядившейся судьбой дочери и внука, отступать было теперь некуда. Каждый день, каждую неделю, каждый длящийся медленным чередом месяц оккупационной оцепенелости ей нужно было снова и снова доказывать правоту своего решения. И когда она слышала однажды, что в округе объявился священник, ходит по хатам, крестит, исповедует, причащает, — ей, думаю, ничьи подсказки уже не потребовались. Когда ж, если не теперь, крестить внука. Не нагрянь война, разве эти родители-комсомольцы дали бы его окрестить? А, помоги Боже, погонят немцев и румын назад — что тогда? Тогда тем более не дадут! И вырастет дитя нехристом. Грех, великий грех падет на нее, нерадивую рабу Божию Дарью.

Не проучившаяся, в отличие от мужа, и года в церковно-приходской школе, она, однако, знала наизусть, что именно понадобится от нее в день совершения таинства, чтобы не оплошать перед неизвестным священником. Нужно приготовить крестильную рубашку до пят. Нужен крестик, на цепочке или на гайтане.

Рубашку быстро из простынки скроила, сшила, выстирала, прогладила. Крестик, маленький, золотой, у нее уже был для меня припасен. И цепочка медная лежит горкой в узелке.

Односельчанки попросили ее принести заранее еще и ванночку, которая должна послужить вместо церковной купели. Ведь собираются крестить сразу нескольких детей, кто поближе к нашему краю села живет, а таза или корытца подходящего ни у кого нет. Вот и вспомнили соседки: у Грабове-нок почти новая ванночка — для внука куплена, как родился. Пусть ее и принесет тетя Даша.

Это все приготовлено, но как быть с крестным отцом, с крестной матерью? Бабушка загодя поговорила со старшей дочерью. Лиза разве откажет? Крестным же вызвался стать, а, значит, прибыть к назначенному дню, мой дядя, Николай Федорович Лощиц, старший брат отцов, хоть он и живет на железнодорожной станции, в двенадцати километрах от Фёдоровки. Вот и хорошо — восприемники внука — его же дядя и тетя. Ну, а присутствие родной матери и по канону не обязательно. Объявись она, так священник, если окажется строг, еще и отчитает юную учительницу: сама ты, значит, крещеная, а почему же душу младенца по сей день, покуда гром страшный не грянул, оставляла в пустыне безверия?

...Через несколько минут мы с бабушкой его увидим. Какой он из себя, этот человек, которого одни зовут попом, другие — священником, третьи батюшкой? Что он скажет нам? И что это все-таки такое — окрестить?

Я ведь иногда вижу, как бабушка крестится, стоя в углу нашей хаты перед иконами. Вижу этот сопровождаемый тихим шепотом и поклоном крупный, мерный мах ее правой руки ото лба к поясу, и затем от правого к левому плечу. Вижу изредка и дедушкины мельенькие, как бы наспех, крестики. Крестится ли мама, я не знаю, потому что не видел ни разу. А когда сам, подражая бабушке, пытаюсь правой рукой неловко елозить по лицу сверху вниз и от плеча к плечу, она косится укоризненно и говорит со вздохом:

— Почекай трохи.

Может, сейчас, сегодня и станет мне ясно, почему она велит мне подождать немного, не делать до срока так, как делает сама?

А пока что мы идем с нею к хате, в которой я никогда еще не был, но которая всегда так хорошо видна, когда стоишь на нашем домашнем пороге. Или когда смотришь на село из наших южных окон.

Она — внизу, в долине, при нижней дороге, и к нам обращена глухою своею, белой с синими углами стеной. Значит, в ней и произойдет это, о чем бабушка меня предупредила самым, похоже, немногословным, при всегдашней ее сдержанности, образом, отчего я теперь сам не свой, поспевая рядом с ней по тропе вдоль черной пахоты. Не благодаря ли этому нашему с ней волнению и серенький день уцелевает в сознании — со своим задумавшимся о чем-то небом?

Уже внутри хаты наплывает на нас со всех сторон множество лиц наших односельчан, — взрослые, дети... Одни, кажется, знакомые, но больше таких, кого никогда раньше не видел. И разве сообразишь, кто где, голова идет кругом. Но посреди всех одного различаю отчетливо — в черном до пят одеянии. И сам он какой-то светло-черный — чернобров, черноус, с черной, густой, не виденной никогда ни у кого из наших сельских бородой, с черным загривком за плечами... Да он, если бы не лицо да руки, весь черный. Только на черной груди — большое что-то светится, бело-матовое, на крупной, тоже светящейся, цепи... Что это у него на цепи? Красивое такое, многоугольное, хочется потрогать рукой. Да разве посмею дотронуться?..

И, вижу, он медленно снимает с себя это светящееся, не спеша, будто во сне, окунет в воду... Раз окунает и другой... И еще раз...

Всплескивает, разлетается искрами воды в нашей, — узнаю ее и немного успокаиваюсь, — ванночке. На ее закругленную спинку крепкими его пальцами прилеплены три восковых свечи. Когда они вспыхнули, все глаза, все лица вокруг, и его лицо и руки тоже, будто смягчились, потеплели. Как и все, смотрю на него неотрывно. Никогда еще в малой своей жизни не встречал ведь я человека, так спокойно подчиняющего присутствующих власти своих тихих слов и движений.

Никогда и не встречу его больше.

Зато, пусть не с ним, но с такими как он, буду встречаться многократно. В разные десятилетия буду знакомиться со священниками, непохожими друг на друга по возрасту и облику, по духовному опыту, — в час крестин, иногда в церквях, но чаще у кого-то на дому. Буду постепенно узнавать в подробностях, в мерном последовании весь православный чин таинства крещения, удивительный в своей первобытной простоте и мудрости.

Но к облику того дня — к событию собственного крещения — мне здесь добавить, как ни жаль, уже и нечего. Потому что, сколько ни напругаю память, не различить, не подобрать в горсть уже ни капли из той утекшей воды крещальной. И зачем же стану внушать, воображать здесь самому себе и тому, кто это читает, живописание таинства, взятое в долг из впечатлений уже взрослой своей жизни?

Наверное, в наступивший тогда час слишком переполнен был я переживаниями, чтобы они уцелели в памяти неприкосновенно, сполна. А с другой стороны, слишком сильно, спустя всего несколько лет, обрывочная эта память была запечатана доверительными просьбами материнскими: не говорить о своем крещении ничего никому. А насмешливые высказывания моих первых же школьных наставниц в адрес разных там попов и безграмотных темных старушек? Разве не впитывались они безоговорочно мной и моими сверстниками наравне с истинами азбучного строя, арифметических правил сложения, вычитания?..

И все же остается при мне от того дня один свидетель искренний, свидетель непреложный — бабушкин золотой нательный крестик. Почти четверть века спустя после своих крестин освободил я его из заветного тряпичного узелка, врученного по какому-то случаю мамой, и стал носить на груди, чтобы уже никогда не снимать.

И еще свидетельница есть одна. По старинному церковному правилу сосуд, в котором крестят людей, в хозяйственных нуждах использовать запрещено. Как запрещено и воду освященную выливать, куда ни попадая. Ну, под цветы комнатные можно, под деревья плодовые можно... Не знаю, напомнил ли священник, крестивший тогда нескольких сельских детишек, эти правила присутствующим взрослым. Может, и не стал напоминать, потому что каждый день видел вокруг себя скудость крестьянского житья, обложенного со всех сторон запретами то предвоенной, то военной поры.

Как бы то ни было, ванночка моя — в тот ли самый день или немного позже — вернулась в наше жилье. И в ней, наверняка, продолжали меня купать. А потом, уже после войны, купали в ней поочередно моего скончавшегося во младенчестве братца, затем и сестру. А стирки разных там пеленок, распашонок, рубашек да и взрослого белья? Как и по этой неот-

ложной надобности обойтись было без нее? И ванночка кочевала с нами по стране — на телегах, в поездах, на машинах, и не порожней, конечно, а нагруженной, — когда тем же бельем, когда съестными припасами. Терпеливо и выносливо продолжала службу незаменимой в быту вещи.

И по сей день висит где-то в родительской дачной подсобке, уже ни на что непригодная, праздная от бесконечной череды забот и попечений.

ВЫШЛА КНИГА

Тарусские страницы. Литературный альманах. Тарусса, 2013. ООО «Издательский Дом «ТТ», Редакция журнала «Траектория Творчества». Очерки наших дней, фотографии.

Редакционный совет:

Б. Н. Тарасов, А. А. Ольшанский, Б. А. Леонов, В. П. Смирнов, Е. Тарусская, Д. Кузнецов, М. Улыбышева, Д. Ермаков.

Составители и редакторы:

Е. Тарусская, Д. Ермаков.

Новые «Тарусские страницы» — это еще одна попытка напомнить нашим детям, внукам о том, что есть высокая литература, на которую следует равняться. Не в каком-то повторении, не в создании шедевра, а как повод серьезно поговорить о хорошей русской литературе...» (В. Ф. Терехин — секретарь Союза писателей России, председатель правления Калужского областного отделения СПР, замминистра культуры Калужской области. «Повторение пройденного», газета «Октябрь» № 11531–11532.)

Живут ли сегодня поэзия и проза? Каково их состояние и содержание? Кто авторы современной литературы? О чем они думают и пишут, как выражают свои мысли? Чем живет Таруса творческая сегодня? Все это интересно нам и, надеемся, вам тоже. Мы задумали показать этакий «литературный срез» современности полвека спустя.

Наша цель — соединить истоки прошлого и настоящего, осуществив это вновь на Тарусской земле.

Замечательно, если еще через пятьдесят лет кто-то издаст альманах «Тарусские страницы век спустя» и это станет доброй традицией навеки. Традиции — это всегда хорошо, потому что в них наши корни. В сохранении старых и рождении новых добрых традиций наше настоящее и надежда на будущее. Без них мы как «...цветы, лишенные корней, цветы, опущенные в воду...» (Д. Мережковский). Пока еще живые, но уже срезанные, т. е. обреченные на умирание.

Д. Ермаков

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Сергей
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ**

ЛЕСТНИЦА В НЕБЕСА

*Великий князь
Владимирский и Московский
Иван Данилович Калита*

Сергей Вячеславович Перевезенцев, доктор исторических наук, декан историко-филологического факультета Российского православного университета, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. **Живет в Москве.**

Примерно в 1300 году, когда княжичу Ивану Даниловичу было лет, наверное, двенадцать (точно мы не знаем), он стал восприимчивым младенца Елевферия (по другим источникам — Симеона), сына-первенца Федора Бяконта, одного из самых влиятельных бояр его отца, московского князя Даниила Александровича. Событие, конечно, обыденное, даже мелкое по историческим меркам, но оно стало знаковым для современников. Дело в том, что Федор Бяконт не был московским уроженцем, но перебрался в Москву из Чернигова, бежав из родного края по причине его полнейшего разорения ордынцами. И то высокое положение, которое черниговский боярин довольно скоро приобрел при дворе московского князя, становилось видимым символом общей политики Даниила Александровича по привлечению в свои владения людей из разных русских земель. Однако участие Ивана Даниловича в обряде крещения Елевферия оказалось значимым и для всей последующей русской истории, недаром рассказ о нем сохранился в письменных источниках того времени.

ВРЕМЯ КАЗНЕЙ

Мы не знаем всей истории скитаний Федора Бяконта, как не знаем историй и других скитальцев, которых тогда, в конце XIII века, было много множество. И далеко не все из них находили столь гостеприимный приют, какой обрел в Москве бывший черниговский житель. Ведь в те времена на Руси, задавленной ордынским игом, практически не осталось ни одного уголка, где бы можно было наладить спокойную, размеренную жизнь.

Ордынское иго и впрямь легло тяжелейшим бременем на русские плечи. *Во-первых, русские княжества*

Великий князь Иван I Данилович Калита

потеряли политическую самостоятельность. Теперь верховными правителями считались ордынские ханы, которых с тех пор и до конца XV века на Руси называли «царями». Именно ордынский хан своим решением разрешал или запрещал русским князьям занимать княжеские столы. Одним из знаков вассальной зависимости стала обязательная практика получения русскими князьями в Орде «ярлыка» на великое Владимирское княжение и «ярлыков» на княжения удельные. *Во-вторых, все русские земли были обложены тяжелейшими даними.* Самой тяжкой из них был «ордынский выход» (или «царева дань») — дань, которую должны были ежегодно выплачивать все русские княжества. «Ордынский выход» составлял от полтины до полутора рублей в год

с человека. А ведь по расчетам современных историков, предельная плата, которую мог получить простой работник в русских землях за год, в те времена составляла 1 рубль, т. е. у людей отнималось практически все, что им удавалось заработать, а то и больше. При этом кроме «выхода» русские земли были обязаны исполнять еще более десяти видов «ордынских» повинностей. Только Церковь ордынцы, стремясь задобрить непонятного им христианского Бога, не стали облагать налогами. *В-третьих, монголы установили в подвластных им русских землях жесточайшие порядки.* Для сбора налогов в русских городах поселились баскаки — ханские наместники, которые обирали местных жителей до нитки, а малейшее неподчинение карали смертью. Кроме того, монголы часто обрушивались на русские княжества с опустошительными и грабительскими набегами, которые на Руси именовали «ордынскими ратями». Только за 1275–1300 гг. произошло 15 больших ордынских походов на русские земли. Один из таких походов, так называемую «Дюденеву рать» 1293 года, современники считали страшнее Батыева нашествия, а потомки, сельские жители Владимирской губернии, с ужасом вспоминали еще и в XIX веке. Так что, наверное, правы были те современники, кто назвал трагические события XIII столетия «временем казней Божиих», и полагал, что от ужасов монгольского погрома «мог бы прослезиться антихрист»...

Последствия ордынского ига были поистине катастрофичны. Прежде всего, русские княжества оказались на грани демографической катастрофы: резко и в несколько раз сократилось число жителей русских земель. Ордынское иго привело к тому, что на Руси разразилась экономическая катастрофа: погибли сотни ранее процветающих городов и сел, в уцелев-

ших городах на долгие годы прекратилось каменное строительство, исчезли многие ремесла. На краю гибели оказалась русская культура: во время монгольского нашествия были сожжены и уничтожены тысячи храмов, книг, икон, в русских городах прервалось летописание, погибли или были угнаны в рабство десятки тысяч мастеров разных специальностей. Наконец, в результате ордынского владычества произошла геополитическая катастрофа: Русская земля оказалась окончательно разорвана на две части. Юго-Западная Русь уже в XIV веке попала под власть Литвы, Польши и Венгрии. И только Северо-Восточная Русь еще сохраняла экономический и политический потенциал для борьбы за восстановление независимости и нового объединения русских земель.

БОРЬБА ЗА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СТОЛ

К сожалению, даже монголо-татарское нашествие и ордынское иго ничему не научили русских князей и они, уже подчинившиеся «ордынскому царю», продолжали бесконечные усобицы друг с другом. После краткого периода успокоения в 1252—1263 годов, когда великокняжеский стол занимал *Александр Ярославич Невский* (годы жизни: 1220—1263), практически все последние десятилетия XIII века усобицы на Руси не прекращались. Сначала между собой воевали сыновья Александра Невского, потом его внуки и племянники... При этом к себе в союзники враждующие князья стали призывать ордынские отряды, которые еще больше разоряли русские земли.

Предметом основной борьбы был титул Великого князя Владимирского, который давал владеющему им князю господствующее политическое положение в северо-восточных землях, а также возможность сбора с подвластных княжеств «ордынского выхода» и контроля над этими немалыми средствами. Но интересно, что чем более жестокой становилась борьба князей и чем дольше она продолжалась, тем меньшее значение играл собственно город Владимир. Зато стали набирать силу новые северо-восточные княжества с центрами в Твери, Рязани, Нижнем Новгороде и Москве.

В начале XIV века особенно сильными оказались Тверское и Московское княжества и в борьбу за великокняжеский титул вступились князья *Михаил Ярославич Тверской* (1272—1318) и *Юрий Данилович Московский* (1281—1324). Михаил Ярославич Тверской имел больше прав на великокняжеский титул — он был старше московского князя.

Согласно традиции власть в роду русских князей передавалась по принципу «старейшества»: старшему в роде, а не старшему сыну. Стоит напомнить, что князь Даниил Александрович Московский (1261—1303), возглавивший московское княжество в конце XIII века, был всего лишь четвертым сыном Александра Невского. Причем он даже не успел побыть Великим князем, ибо умер раньше своего старшего брата Андрея. Еще меньшими правами на великокняжеский стол обладали его сыновья. К примеру, тверской князь Михаил Ярославич (племянник Александра Ярославича Невского и сын его младшего брата Великого князя Ярослава Ярославича) имел перед Юрием и Иваном Московскими (внуками Александра Невского и сыновьями Даниила Александровича) преимущество третьего поколения перед четвертым. В этом отношении интересно, что у Ивана Даниловича не было, казалось бы, даже прозрачной возможности занять

великокняжеский стол, ибо он, как четвертый сын четвертого сына Александра Невского, никак не мог претендовать на «старейшество».

Пользуясь своими правами старшего в роду русских князей, Михаил Ярославич Тверской добился в Орде ярлыка на великое княжение. Однако оказалось, что захватить великокняжеский стол легче, нежели удержать его в своих руках. И проблема была в том, что не только московские правители, но и многие русские земли не хотели подчиняться тверскому князю. Дело даже дошло до того, что в Костроме и Нижнем Новгороде против него поднялись восстания. Причина заключалась в том, что Михаил Ярославич в борьбе за великокняжеский титул взял на себя слишком завышенные обязательства по выплате дани Орде и потому влез в огромные долги. И теперь ему приходилось силой выбивать из подчиненных земель средства, необходимые для покрытия своих долгов. А Новгород Великий вообще не признал князя Михаила Ярославича. Здесь, помимо прочего, свою роль сыграл тот факт, что тверской князь был очень близок с Литвой, и новгородцы опасались литовского засилья в русских землях после его победы. Не смог Михаил Тверской наладить отношений и с новым главой Русской Церкви митрополитом Петром. После смерти предшествующего митрополита Максима тверской князь хотел видеть русским митрополитом только своего сторонника, но константинопольский Патриарх назначил главой Русской Церкви Петра, выходца из Галицко-Волынского княжества. Князь Михаил Ярославич так и не принял нового митрополита, более того, строил против него всяческие козни.

Ордынским правителям была выгодна вражда русских князей: ставкая претендентов на великокняжеский титул, ими было легче манипулировать. Поэтому когда Юрий Данилович Московский в очередной раз оказался в Орде, ему сказали: «Если ты дашь дань больше князя Михаила, то будет тебе великое княжение». Юрий Данилович пообещал большую дань и тоже получил ярлык на великое княжение. К тому же он женился в Орде на сестре ордынского хана Узбека, в христианском крещении получившей имя Агафьи, и теперь надеялся на полную поддержку ордынского хана. На Русь Юрий Данилович вернулся с ордынским отрядом и сразу же начал новую войну с Михаилом Тверским. Однако в жестокой битве тверской князь разгромил и московское войско, и ордынский отряд, и захватил в плен княгиню Агафью. Но в тверском плену она умерла. Михаила Тверского вызвали в Орду на суд, где он был осужден и принял мученическую смерть.

После кончины Михаила Тверского великокняжеский стол наконец-то занял Юрий Данилович Московский. Но в 1324 году в отместку за отца его сын Дмитрий Михайлович Грозные Очи прямо в Орде убил Юрия Даниловича Московского. А через год и сам князь Дмитрий был казнен за это преступление по приказу ордынского хана.

НА ВЕЛИКОМ КНЯЖЕНИИ

Вот так и оказалась разрешена династическая ситуация в пользу Ивана Даниловича (ок. 1283–1340) — в середине 20-х годов XIV века он неожиданно-негаданно оказался «старейшим» среди русских князей (его старшие братья Александр и Борис умерли раньше: первый — в 1309 году, второй — в 1319-м). Но само обладание правом «старейшего» — это толь-

ко предпосылка к тому, чтобы возглавить движение Руси к объединению. В реальной же жизни все зависело от решения конкретных ситуаций, возникающих на историческом пути, и от общей направленности политического поведения. Как показала история, Иван Данилович смог не только воспользоваться предоставившейся ему ситуацией, но и заложить значительный потенциал дальнейшего развития Московского княжества.

Впрочем, в 1325 году ярлыком Великого князя Владимирского еще пока владели тверские князья. Но в 1327 году в Твери поднялось восстание против насилий баскака Чол-хана (на Руси его прозвали Щелканом). Из Орды на Тверь вышла очередная карательная экспедиция — «Федорчукова рать», прозванная так по имени своего предводителя Федорчука. К этой рати по ханскому приказу присоединились многие русские князья, а старшим над ними был назначен Иван Данилович. Тверские князья бежали из города, а тверская земля была полностью разгромлена и сожжена. Как писал летописец: «И людей множество погубили, а иных в плен повели, а Тверь и все грады огнем пожгли». После такого разгрома Тверь уже более никогда не смогла вернуть себе прежнее величие. Но Иван Данилович своим участием в походе на Тверь спас от разорения московские земли. В летописях не случайно возникли комментарии о том, что во время «Федорчукового погрома» Москву и Московское княжество «заступил» «человеколюбивый Бог»: «Точию соблюде и заступи Господь Бог князя Ивана Даниловичя, и его град Москву и всю его отчину от пленения и кровопролития татарскаго».

В 1328 году Иван Данилович получил ярлык на великое княжение и более уже не отдавал его (правда, до 1331 года он делил великое княжение с суздальским князем Александром Васильевичем). Как показала дальнейшая история, именно Иван Данилович в наибольшей степени стал продолжателем спасительной политической линии, выработанной еще его дедом Александром Невским. Во внешней политике — **осторожные, мирные отношения с Ордой и активные действия на западных границах; во внутренней политике — неспешное, но целенаправленное «выдавливание» представителей Орды из процесса непосредственного управления русскими землями.**

И современников, и потомков поражали терпение, дальновидность и целеустремленность московского князя. Уже при жизни он заслужил прозвание «Собиратель земли Русской», ибо любыми путями стремился присоединить к своему княжеству новые уделы, завоевывая их или покупая. Причем, если не удавалось присоединить целое княжество, он приобретал во владениях князей-соседей города с округой (Углич, Галич, Белозерск), села, деревни. Еще одна черта — Иван Данилович в своей деятельности нередко опирался на сохранившееся городское (земское) самоуправление различных земель, а сама «земская власть» многих городов стала тянуться к Москве. Даже капризный Новгород Великий предпочитал видеть у себя представителей московского правителя, нежели других князей.

Иван Данилович часто ездил в Орду, вел тонкие дипломатические переговоры, одаривал ханов и ханш «многим златом и серебром», раздавал взятки многочисленным ордынским чиновникам. Этими способами он впервые за сто лет ордынского владычества добился права самому собирать «ордынский выход» и в русских городах более не появлялись ненавистные баскаки. В своих же владениях он наводил порядок и жесткой рукой подавлял

всякое сопротивление своей власти. И если кто-то проявлял непокорность, Иван Данилович теперь сам добивался подчинения: подавил выступления в Ростове, Пскове. Но таким образом он на несколько десятилетий спас русские земли от губительных ордынских нашествий. А это дорогого стоило! И не случайно все летописи говорят о «тишине», наступившей по всей Руси после вокняжения Ивана Даниловича. Даже враждебно настроенный по отношению к Москве тверской летописец с восторгом записал: «И была с той поры тишина великая на сорок лет, и перестали татары воевать Русскую землю». Эту «тишину» при Иване Даниловиче современники совершенно справедливо ставили в заслугу московскому князю.

Конечно, методы «собираения Руси» и обеспечения «тишины» в русских землях были разными: использовался и пряник, но чаще кнут. К примеру, в 1328 году, чтобы обеспечить сбор «ордынского выхода», в Ростов, оказавшийся среди должников, вошли московские воеводы и устроили жесточайший «правеж», но добились своего — необходимую сумму собрали. Однако эта история имела еще одно парадоксальное и судьбоносное для всей русской истории продолжение. Чтобы не допустить волнений, многих ростовчан выселили из города в московские земли. Так, волей Великого князя Ивана Калиты в подмосковном местечке Радонеж оказался ростовский боярин Кирилл с женой Марией и сыновьями Стефаном, Варфоломеем и Петром. Через девять лет Варфоломей уйдет из дома, примет монашество и станет основателем Троицкого монастыря. А затем он прославится как величайший русский подвижник преподобный Сергий Радонежский, который считался небесным покровителем всех московских государей и главным небесным молитвенником за Московское государство. Вот такие парадоксы нам дарит история...

А Москва, в которой теперь собиралась дань со всей Руси, все больше богатели и разрасталась. В городе строились новые каменные (!) храмы и дома. Зимой 1339—1340 года Иван Калита выстроил новый московский Кремль — из могучих дубовых бревен. Эта крепость целых двадцать пять лет защищала город от вражеских нашествий. А к концу правления Ивана Даниловича Москва превратилась в настоящий столичный город.

Можно назвать два фактора, которые, как кажется, обеспечили экономическое могущество Московского княжества. Во-первых, установление контроля над сбором «ордынского выхода» со всех русских северо-восточных земель, что давало возможность Ивану Даниловичу использовать определенную его часть на благо собственного княжества. Во-вторых, установление контроля над добычей и торговлей «мягким золотом», пушниной, которая с тех пор и на долгие годы вперед становится практически основной статьей московского экспорта.

А за свое умелое правление, рачительное отношение к доставшемуся ему наследству и милосердие Иван Данилович еще при жизни получил прозвание «Калита» («калита» в переводе с древнерусского языка означает «кошель», сумка для ношения денег). В московских землях даже возникла такая легенда о прозвище Ивана Даниловича: «Нарекли его Калитою вот почему. Был он весьма милостив и всегда носил при поясе калиту, насыпанную серебряными деньгами. И куда ни шел, давал нищим, сколько вынется».

ИВАН КАЛИТА И МИТРОПОЛИТ ПЕТР

Помимо экономических и политических факторов, определивших возвышение Москвы, был еще один, связанный с духовно-политическим своеобразием русской жизни: Иван Данилович сумел наладить добрые и плодотворные отношения с Церковью, чего не удалось сделать тверским князьям. Еще в 1308 году во главе Русской Церкви встал митрополит Петр. Не поладив с Михаилом Тверским, святитель Петр начинает поддерживать московских князей, а позиция Церкви играла важную роль в политическом противостоянии русских княжеств. И, судя по всему, особо теплые, можно сказать, дружеские отношения установились между митрополитом Петром и Иваном Даниловичем. В 1325 году, когда Иван Данилович занял московский стол, митрополит Петр вообще переехал из Владимира в Москву и заложил здесь первый в городе каменный собор — церковь Успения Богородицы. По преданию, митрополит Петр сказал князю Ивану Даниловичу: «А если меня послушаешь и храм Пресвятой Богородицы воздвигнешь в своем граде, и сам прославишься больше других князей, и сыновья и внуки твои, и город твой славен будет по всей Руси, и святые будут жить в нем, и прославится Бог в нем».

Иначе говоря, по замыслу митрополита Петра и князя Ивана Даниловича в этом случае Москва становилась духовной преемницей двух русских столиц — Киева и Владимира. Первый храм, выстроенный Владимиром Святым в Киеве в IX веке, был также посвящен Богоматери (знаменитая Десятинная церковь). Успенский собор являлся главным собором и другой бывшей русской столицы — города Владимира. Но через прославление Богоматери Москва наследовала и более глубокие религиозно-мистические связи. Ниточка тянулась к Византии: под хранительством Пречистой находился Константинополь. Таким образом, устанавливая и поддерживая в Москве особое почитание Божией Матери, Иван Данилович отдавал свое княжество под водительство и покровительство Пречистой и подчеркивал особую расположенность Господа к Московской Руси.

Митрополит Петр прожил в Москве совсем недолго. В ночь с 20 на 21 декабря 1326 года он скончался и был похоронен в строящемся Успенском соборе. Летописец отмечает, что там он «и ныне лежит, много чудеса содеяв с верою приходящим к нему». Уже вскоре после кончины святителя, по инициативе Ивана Калиты, начинается подготовка к официальной его канонизации. При полной поддержке нового митрополита Феогноста в 1339 году святость митрополита Петра была признана в Константинополе. Таким образом, Москва обрела своего первого святого, что в глазах людей того времени также свидетельствовало об особой избранности и духовном предназначении этого княжества. И этот фактор — веру в особую Божию избранность Москвы и московских князей — нужно обязательно учитывать в понимании того, почему именно Московское княжество объединило вокруг себя русские земли. Если бы этой веры не было, если бы эта вера не укреплялась в сознании современников, то и сама Москва не смогла бы исполнить возложенную на нее миссию спасения Руси от ордынского владычества.

НАСЛЕДСТВО ИВАНА КАЛИТЫ

Иван Данилович Калита был очень рачительным хозяином. Чтение его духовной грамоты (завещания) создает впечатление, что он знал свое имуще-

ство до самой последней вещицы. Вот только небольшой фрагмент из этой духовной грамоты: «А ис порт (т. е. из одежд. — С. П.) из моих сыну моему Семену: кожих черлении женчужныи, шапка золотая. А Ивану, сыну моему: кожих желтая обирь (т. е. из шелковой ткани. — С. П.) с женчугомь, коць (разновидность верхней одежды. — С. П.) великии с бармами. Андрею, сыну моему: буган (разновидность верхней одежды. — С. П.) соболии с наплечки с великим женчугомь с камением, скорлатное (т. е. бархатное. — С. П.) портище с бармами. А что есмь нынеча нарядил 2 кожиха с аламы (нагрудье, пристегиваемое к платью. — С. П.) с женчугомь, а то есмь дал меньшим детям своим Марьи же Федосьи, ожерельем». Столь же тщательно отдает Иван Данилович распоряжения и насчет остального имущества, как движимого, так и недвижимого — земли, сел, городов. И в этом отношении Иван Калита заложил важнейшую традицию, которая непременно поддерживалась всеми последующими российскими государями как из рода Рюриковичей, так и Романовыми: scrupulousное собрание и пополнение государственной казны. Свидетельство тому — собрания Оружейной палаты, других музеев Московского Кремля, Эрмитажа и многих иных музеев, производящие и сегодня потрясающее впечатление своим богатством, несмотря даже на гигантские потери, понесенные в беспощадном XX веке. Некоторые предметы из времен Ивана Даниловича Калиты стали важнейшими государственными символами или общерусскими святынями. К примеру, «шапка золотая», упомянутая в духовной грамоте Ивана Калиты — это, по мнению исследователей, та самая знаменитая в будущем «шапка Мономаха», венчальный головной убор русский царей. А важнейшим символическим предметом при поставлении патриархов Московских и всея Руси и сегодня является сохранившийся до наших дней посох митрополита Петра.

Но главным наследием Ивана Калиты стало само Московское княжество, из которого спустя 140 лет после смерти Ивана Даниловича выросло независимое Русское государство. Конечно, сам Иван Калита, впрочем, как и другие его современники-князья, даже не помышлял о том, что русские княжества смогут вступить в открытую борьбу с Ордой за свое освобождение. Но уже для его внуков эта задача стала вполне практической, ведь именно за те «сорок лет тишины», которые Иван Данилович обеспечил Русской земле, выросло новое поколение, не знавшее ужасов ордынского насилия, и потому смело вступившее в бой с Мамаевой ордой на Куликовом поле.

ЛИЧНОСТЬ

Среди немалого числа историков XIX—XX веков было популярным довольно-таки скептическое, а точнее, критическое отношение к московским князьям вообще, и к Ивану Даниловичу Калите, в частности. Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, тверское летописание, критически настроенное по отношению к московским правителям и их политике, сохранилось лучше, нежели московское. Во-вторых, несколько тверских князей героически и мученически погибли в Орде и были позднее возведены в лик святых, что создавало намного более яркий и более нравственный их образ в сравнении с московскими государями, занятыми кропотливым и неблагодарным трудом государственного строительства. Наконец, и это в-третьих, нужно учитывать общий политический настрой российской и, особенно, советской историографии, в глазах которой московские князья представляли создателями «ненавист-

ного самодержавия», а значит, «угнетателями» и «узурпаторами», достойными только осуждения, несмотря на достигнутые ими успехи.

Во многом под влиянием этих привходящих факторов сложился и образ Ивана Даниловича Калиты, как человека жадного, корыстного, способного на любые безнравственные поступки. Конечно, жизнь любого человека, тем более правителя, наделенного огромной властью, не может быть безгрешной. Но даже в этом случае вряд ли можно согласиться с тем, что подобный образ Ивана Калиты соответствует действительности. Во всяком случае, исследования последних лет, лишенные прежней политической ангажированности, рисуют иной облик Великого князя: истинно и искренне верующего, мудрого, неторопливого, хозяйственного, в каких-то ситуациях жесткого и даже жестокого, но всегда заботящегося о благе своей земли.

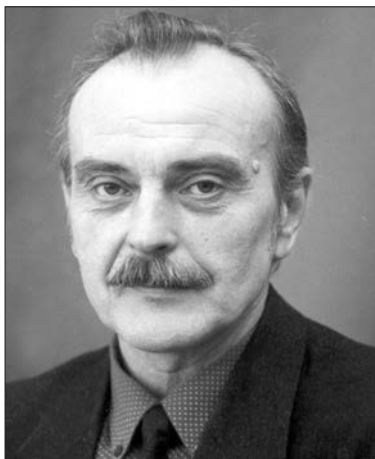
Кончина Ивана Даниловича была спокойна и благостна, что было редкостью в те беспокойные времена, когда русские князья слишком часто находили свою смерть на поле битвы, в ордынских застенках или в мучениях от страшных болезней. Иван Калита скончался в собственной постели в окружении родных людей 31 марта 1340 года, приняв перед смертью иноческий постриг под именем Анания. Летописец сообщает нам: «И плакашася над ним князи, бояре, велможи и вси мужие москвичи, игумени, попове, дьякони, черньци, и вси народи, и весь мир христианьский, и вся земля Русская, оставши своего государя...» 1 апреля 1340 года Иван Калита был похоронен в построенном им же кремлевском Архангельском соборе, который с той поры стал усыпальницей всех последующих московских государей. Позднее Иван Данилович Калита был канонизирован Русской Православной Церковью. День его церковной памяти отмечается в Соборе Московских святых в воскресенье перед 26 августом (8 сентября по ст. ст.).

И здесь самое время вернуться к продолжению истории о Елевферии, крестнике Ивана Даниловича. Елевферий избрал духовный путь и в девятнадцать лет принял монашество под именем Алексия. Под именем Алексия в начале 1350-х годов он и был возведен в чин митрополита Киевского и всея Руси и стал со временем известен как величайший русский подвижник, инициатор монастырской реформы, благодаря которой на Руси возникло множество общежитийных монастырей. Именно митрополит Алексий сумел сохранить великокняжеский стол для потомков Ивана Калиты, когда в 1350-е годы в короткие сроки скончались все сыновья Ивана Даниловича, а в живых остались только его внуки: двоюродные братья девятилетний Дмитрий и шестилетний Владимир. Именно благодаря неустанным заботам святителя Алексия два этих юных княжича выросли в настоящих героев русской истории: Великого князя Дмитрия Ивановича Донского и серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго. Так крестник не только спас род своего крестного отца, но и продолжил его дело...

Иван Данилович Калита и митрополит Алексий вновь встретились, наверное, уже там, на небесах. Там, в вечности, в Соборе русских святых, рядом с ними пребывают и другие герои нашего повествования: Даниил Александрович Московский, Михаил Ярославич Тверской, святитель Петр, Дмитрий Иванович Донской... Вечность примирила их, ибо, хотя у каждого из них и была своя лестница в небеса, но небеса-то — одни на всех...

Русские СУДЬБЫ

*Вечной памяти всех убиенных
и умученных большевиками
от Рода Царского*

Юрий ШУРУПОВ

БЕЛЫЕ РИЗЫ*

*К 150-летию со дня
рождения Великой княгини
Елизаветы Федоровны*

Юрий Александрович Шурупов — родился на Урале, в г. Усть-Катаве Челябинской обл. в 1952 году. Финалист конкурса «Золотое перо России» (детская литература) и газеты «Труд» (1997), автор книги о строителях Башкирской АЭС «Покорение непокорности». В 1984 г. за защиту интересов заводских рабочих был снят с должности редактора газеты и выдворен из города. С 1972 г. по 1990 г. Член Союза журналистов СССР. Работает руководителем пресс-службы городской администрации. **Живет в г. Агидель, Башкирия.**

* Главы из художественно-исторического повествования

Святыми не рождаются. Святым делает человека жизнь, если идет он по предначертанному пути с Богом в сердце.

Нелегкий путь от славы царственной к славе небесной пришлось одолеть Великой княгине Елизавете Федоровне. Неотразимая великосветская красавица и — смиренная настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия, унижаемая богоборцами представительница Августейшего семейства Романовых и — прославленная в лике святых преподобномученица Елисавета. Такова жизненная метаморфоза этого удивительного человека, без остатка отдавшего себя служению Богу, Отечеству и людям.

«Я ПРОЩАЮ ЕГО. ПРОСТИ И ТЫ»

Всю ночь Елизавета Федоровна не сомкнула глаз. Наконец-то пришли слезы. Они немного облегчили душу, помогли собраться с мыслями. Разложив перед собой собранные на месте гибели мужа его повседневно носимые награды, нательный крест на разорванной золотой цепочке, образок Христа с надписью «Без Мене не можете творити ничесоже», которым Великий князь Константин Константинович благословил своего любимого кузена в день его свадьбы, она надолго задумалась, не замечая, как рассвет нового дня все настойчивее вытесняет ночные тени.

«Серж... Любимый мой... Воистину, пути Господни неисповедимы. Ты много сделал для Москвы и Отечества, многого не успел. Так бывает всегда... Для меня ты не умер, ты в

моем сердце. Ты, и только ты, после Бога всегда был и до скончания дней моих останешься надеждой и опорой... Упокой, Боже, душу усопшего раба Твоего Сергия!»

Во дворце было необыкновенно тихо. Стараясь не нарушать эту тягостную, но подобающую вторгнувшемуся сюда горю тишину, Елизавета Федоровна оделась и вышла на улицу. Путь ее был один — в Чудов монастырь, где у гроба убиенного Великого князя непрерывно служились панихиды.

Поставив перед Святым Распятием свечу, Елизавета Федоровна погрузилась в молитву. Вдруг ей показалось, что Сергей Александрович хочет что-то сказать, о чем-то ее попросить.

Полумрак небольшой церкви, душистый запах ладана, чуть слышное потрескивание восковых свечей, негромкий голос монаха, читающего «Живый в помощи Вышняго...», легкое головокружение после бессонной ночи...

Перекрестившись, княгиня ближе подошла к гробу, низко склонилась над укрывавшим покойного парчовым покровом с золотой каймой. «Я прощаю его... Прости и ты», — внятно прозвучало в ушах Елизаветы Федоровны. «Простить убийцу! Он просит простить убийцу», — княгиня отпрянула от гроба, пытаясь снова погрузиться в молитву.

Однако мысль о необходимости передать убийце прощение Великого князя больше не отпускала Елизавету Федоровну. «Конечно, верующий христианин не может спокойно отойти ко Господу, не простив всех своих недругов. А не таким ли был Серж! Непременно надо поехать в тюрьму и встретиться с человеком, взявшим на себя великий грех. Ему надо помочь спастись! Неужели ему неизвестно, что кроме Самого Господа Бога никто не вправе лишить жизни Его создание? И только его раскаяние может спасти от вечных мук душу преступника, замаравшего руки невинной кровью. Только раскаяние!» — размышляла Елизавета Федоровна по пути из монастыря во дворец. Она уже твердо решила не откладывать свой визит в тюрьму к убийце Великого князя.

Распорядившись подать утренний кофе в кабинет, Елизавета Федоровна на ходу пробежала глазами только что полученное соболезнование в ее адрес от Московской Государственной Думы. В кабинете она открыла конторку, достав украшенный собственным вензелем под великокняжеской короной лист бумаги, и размашистым почерком быстро написала ответ депутатам: *«Великим утешением в моем тяжелом горе служит сознание, что почивший Великий князь находится в обители святителя Алексия, память которого он так чтит; и в стенах Москвы, которую он глубоко любил; и в святом Кремле, в котором он мученически погиб»*. Поручив секретарю передать текст по телеграфу, она вызвала капитана Джунковского, продолжавшего пока в прежней должности адъютанта помогать Елизавете Федоровне, как и просил его Великий князь перед смертью.

— Владимир Федорович, я должна поехать в тюрьму, встретиться с человеком, который убил Сергея... Не возражайте, прошу вас, — заметила недоумение на лице адъютанта Елизавета Федоровна. — Так надо! Пусть закладывают карету. И будьте любезны согласовать мой визит с тюремным начальством. Сопровождать меня надобности нет. Не беспокойтесь Бога ради, все мы в руках Его. Ступайте...

— Слушаюсь, Ваше Высочество! Все будет сделано, — Джунковский поклонился, но у порога замешкался. Вернувшись, он подошел к конторке и положил на ее открытую столешницу какое-то кольцо.

— Что сие значит? — нахмурилась княгиня, не терпящая рядом долгого присутствия слуг без надобности.

— Утром принес солдат, Ваше Высочество. Сказал, что вчера нашел в снегу. Насколько я разумею, это кольцо покойного Великого князя.

— Что? — воскликнула Елизавета Федоровна, отставив чашку так и не выпитого, уже почти остывшего кофе. — Кольцо Сергея? Дайте, дайте скорее! Ну что же вы стоите, Владимир Федорович?

Джунковский подал кольцо княгине, устало сидевшей в широком мягком кресле. Да, то было действительно любимое украшение Сергея Александровича из черного серебра с синей эмалью и замысловатой вязью выгравированных слов: «*Святая великомученица Варвара*».

Кольцо от раки с мощами святой Варвары передал из Киева Великому князю игумен Михайловского Златоверхого монастыря в день назначения Сергея Александровича генерал-губернатором Москвы. Рассматривая повлажненными глазами дорожку сердцу вещицу, Елизавета Федоровна удивлялась, как могло не затеряться в снегу такое скромное колечко.

Тогда она еще не могла знать, что это был знак свыше, говорящий об особой близости к великокняжеской семье именно этой великомученицы. Придет время и неслучайно в смертный час Великой княгини рядом с ней окажется преданная, бескорыстная помощница — инокиня Варвара, добровольно разделившая с Елизаветой Федоровной ее мученическую кончину. Но это будет много позже, а теперь...

Зажав кольцо в руке, княгиня тяжело поднялась с кресла и подошла к окну. Адьютант неслышно закрыл за собой дверь кабинета, поспешив выполнить поручения Елизаветы Федоровны. Не минуло и получаса, как карета было подана. Взяв с собой образок Спасителя и Евангелие, Великая княгиня отправилась на свидание с убийцей.

Начальник тюрьмы, предупрежденный адъютантом Джунковским о необычном визите, лично встретил во дворе Елизавету Федоровну и проводил ее до камеры Ивана Каляева. На пороге Великую княгиню ожала мысль: а надо ли встречаться с душегубом, не слишком ли большая для него честь? Но в ушах снова прозвучали слова, услышанные у гроба Сергея Александровича: «Я прощаю его... Прости и ты».

— Вы кто? — пренебрежительно скривив губы, выкрикнул Каляев. — Что вам от меня надо?

— Я вдова Великого князя. И хочу лишь передать вам от него прощение.

— За что меня прощать? Я ни в чем не виноват! Одним тираном стало меньше, так это только во благо народа. Да-да, не смотрите на меня осуждающе! Во благо! А посему я не нуждаюсь в ваших прощениях. Прошу оставить меня в покое!

— Тогда покайтесь перед Богом. Вот, я принесла вам иконку и Евангелие. Поймите, нет горше участи тех, кто добровольно злыми делами лишил себя веры и тем самым обрек свою душу на вечные мучения. Ведь вы убили не только моего супруга, вместе с ним вы убили и меня. Неужели вас не страшит Божий суд?

Каляев рассмеялся в лицо Елизавете Федоровне, но иконку с Евангелием все-таки взял и положил на нары. Нет, он не понимал слов человека, искренне желающего спасения его душе, эти слова ему были чужды. Ему не дано было понять движения чистого христианского сердца. Он не со-

жалел о содеянном, не намеревался каяться и просить пощады. Как и все террористы, одурманенные идеей свержения существующего в России государственного строя, Каляев неколебимо был уверен, что для достижения поставленной цели все средства хороши, в том числе и убийства. Он считал себя правым и, не скрывая, радовался «успешному» завершению своего злодеяния.

Более двух часов провела Елизавета Федоровна в камере смертника, но кроме революционной демагогии ничего от него не услышала. Ей даже показалось, что Каляев делает одолжение, разговаривая с ней, — настолько очевидным было его горделивое самолюбование, настолько надменным было выражение его лица.

С горьким чувством покидала Великая княгиня тюрьму. Успокаивала ее лишь надежда, что в последние минуты убийца осознает свою вину, почувствует греховную тяжесть совершенного преступления... Она даже решила обратиться с просьбой о его помиловании к Императору. Однако это прошение было отклонено, как вскоре выяснилось, из-за категорического отказа убийцы раскаться в содеянном и написать на Высочайшее Имя собственное прошение о помиловании.

В мае 1905 года Ивана Каляева казнили через повешение во дворе Шлиссельбургской крепости.

БЕЛЫЙ АНГЕЛ

В Москве, пожалуй, не было человека, который бы не знал матушку Великую из Марфо-Мариинской обители или хотя бы не слышал о ней. Да что говорить, если даже Хитров рынок затихал, когда на нем появлялась Елизавета Федоровна. «Опять Белый Ангел прилетел», — выглядывали из своих лавок торговцы, а шныряющие по рынку оборванцы снимали головные уборы и низко кланялись.

— Поопасались бы, Ваше Высочество, появляться в наших краях, — всякий раз, завидев Елизавету Федоровну, предупреждал ее городской Рудников. — Уж больно ненадежный тутошний народишко.

— Господь не допустит до беды, Федот Иванович. Какие-никакие, а люди — они везде люди. Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено.

Вид потерявших человеческий облик людей не пугал и не отталкивал Елизавету Федоровну. Вместе с другими сестрами обители она безбоязненно посещала самые смрадные трущобы, самые злачные притоны, заглянуть в которые из благородных решались только отчаянные. Но не было случая, чтобы кто-то из обитателей Хитровки оскорбил или поднял руку на Белого Ангела.

Однажды после раздачи денег и одежды наиболее нуждающимся в помощи хитровцам у Елизаветы Федоровны остались еще достаточно крупная сумма и вещи, которые она хотела на следующий день пожертвовать одному из подшефных приютов. Сестер, занятых своими делами, рядом не оказалось, и она, открыв первую попавшуюся дверь ночлежки, обратилась к сидевшему у порога темного подвала лохматому полупьяному мужику:

— Добрый человек, вы не смогли бы помочь доставить мою поклажу в обитель?

*Великая княгиня Елизавета
Федоровна. Худ. Филипп Москвитин*

Мужик недоверчиво посмотрел на Елизавету Федоровну, вытер грязные руки о залатанный, выдавший виды сюртук и хриплым голосом ответил:

— А чаво ж не пособить, княгиня? Ты к нашему брату с добром, и мы тебе зла не желам. Давай свою поклажу, мигом доставлю...

— Эй, Гришка! Добычу што ли учуял, окаанный? — выкрикнул кто-то из дальнего угла подвала.

Поднялся шум, возня, Елизавету Федоровну обступили по-вылазившие откуда-то страшные оборванцы:

— Да какой он добрый, Гришка-то? Вор из воров...

— Ограбит он тя, княгиня! Помяни мое слово. Ты бы мне доверила свою поклажу, оно надежно будет...

— Ой, надежно! Куды ты, Крот, со своей каторжной рожей лезешь? Счас получишь у меня...

— Гришку-то вчера с городской словил. У лавошника Митрошки цельный рупь умыкнул... У-у, зараза, — замахнулся на стоявшего рядом с Великой княгиней Гришку щуплый, с подбитым глазом мужичонка по прозвищу Гвоздь.

— Успокойтесь, люди добрые! — повысила голос Елизавета Федоровна. — Я полагаю довериться Григорию, а там — на все воля Божия.

— Ну, как хошь, княгиня... Как хошь... Ты богатая...

Ближе к вечеру Елизавете Федоровне доложили, что какой-то мужик с Хитровки доставил в обитель мешок с деньгами и одеждой.

— Мешок-то вроде как наш. Или похож больно. Сказывал, что это вы ему поручение дали, — недоверчиво улыбнулась встретившая Гришку крестовая сестра. — Скрал, поди, где ни на есть, да спужался, к нам прибег.

— Он правду говорит, милая. Накорми человека хорошенько и пригласи его ко мне.

Обласканный бродяга наотрез отказался возвращаться в свою ночлежку:

— Будь милосердна, матушка! — упал он на колени. — Возьми к себе, Христом Богом прошу... Какую хошь дай работенку, ни от чего не откажусь.

Елизавета Федоровна приняла Григория в обитель помощником садовника. И ведь встал на ноги человек! Бросил пить, о воровстве и не помышлял, не пропускал ни одной церковной службы. Садовник Тимофей не мог нарадоваться на своего помощника и постоянно благодарил за него настоятельницу.

Но больше всего Великая княгиня заботилась о детях и женщинах. На том же Хитровом рынке она находила брошенных спившимися родителями детей, а то и вовсе сирот, и определяла их в приюты. При обители она открыла приют для девочек. Здесь они учились в школе, занимались в кружках рукоделия, помогали крестовым сестрам. Со временем из этих истощенных, забытых, не слышавших за свою несчастную жизнь ни одного доброго слова скиталиц вырастали добрые, трудолюбивые девушки.

Мальчиков-сирот, промышлявших мелким воровством на рынках и вокзалах, Елизавета Федоровна устраивала в специальное общежитие. Не все, конечно, но многие из них быстро понимали разницу между прежней своей жизнью и настоящей — сытой, в чистоте, ласке и тепле, на глазах возрождаясь физически и духовно. Силой любви и христианского воспитания недавние уличные бродяги и воришки становились исполнительными, ответственными юношами. Они составили под присмотром Великой княгини хорошо зарекомендовавшую себя в Москве артель посыльных.

Елизавета Федоровна уставала, но никто и никогда этого не замечал. Всегда энергичная и добросердечная, она была в трудах с утра до позднего вечера. Не только разъезды по адресам нуждающихся в ее попечительстве больных и сирот, контроль за работой подшефных приютов и больниц, всевозможных благотворительных комитетов, встречи с нужными людьми для решения неотложных прошений, ежедневно десятками поступающих в обитель на ее имя, но и помощь крестовым сестрам почитала она всегда своим долгом.

Надо ли перебрать после зимней лежки картофель, пора ли высадить цветочную рассаду или выполнить еще какую-то работу по хозяйству — Елизавета Федоровна всегда была рядом со всеми. А по вечерам в своем кабинете она еще долго разбирала деловые бумаги и письма, накладывала резолюции, писала ответы... И только потом тихо садилась полюбоваться, как в прежние годы, ночным небом, усыпанным звездами, таинственной луной, робко освещающей обитель, и дорогой ее сердцу Покровский собор, на алтарную сторону которого выходили окна келии.

Нередко среди ночи Елизавета Федоровна входила в храм через служебный вход и долго молилась, забывая об усталости и нерешенных проблемах. В такие минуты ей было легко и отрадно, казалось, Сам Господь присутствует рядом, благословляя на новые добрые дела.

Случалось, келейница Варвара, окружавшая настоятельницу постоянной заботой, осмеливалась напомнить ей о необходимости отойти ко сну:

— Матушка Великая, чай уж третий час пошел, а ты все на ногах. Коли ж отдыхать-то будешь?

В тот день Елизавета Федоровна посетила один из детских приютов, где ее развеселила встреча с девочками-сиротами.

— Ты знаешь, Варварушка, какое ныне случилось приключение? — с улыбкой спросила она келейницу, не обращая внимания на ее слова.

— Не ведаю, матушка Великая. Откуда же мне знать?

— Присядь на минутку. Расскажу, да и спать будем... Приехала я к девочкам в приют, что на Патриарших. Встретили меня... Не по душе мне эти церемонии, Варварушка, а отучить никак не могу. Ну, да Бог с ними... Про себя думаю, мол, поговорю сейчас с воспитателями, посмотрю на деток, подарочки им раздам и вернусь домой. А директриса вместо своего каби-

нета сначала предложила проводить меня в танцевальную залу. Я согласилась. Смотрю, там собрались все девочки. Выстроились в ряд, чистенькие, в белых платьицах, с голубыми бантиками на шее, улыбаются. Позади их стоят воспитатели, тоже приветливо улыбаются. Вдруг сиротки все разом: «Здравствуйте, княгиня! Целуйте ручки!» И вытянули перед собой ручки. Я сразу поняла, что это воспитатели их научили поприветствовать меня и поцеловать мои ручки. А они, родимые, все перевели на свой лад. Я, конечно, рассмеялась, каждой поцеловала ручки и наградила подарочком. Радости было, ты не представляешь! Директриса с воспитателями бледные, перепуганные подошли, просят прощения, а я все смеюсь, да благодарю их за хорошую работу. Сейчас вспомнила, и снова весело стало...

— Любят все тебя, матушка Великая. И стар, и млад... Только сама ты себя не любишь. Извелась уж вся. Давай-ка отдыхать... Ложись, а я к себе пойду. Спи спокойно. Храни тебя Господь!

— И тебя, Варварушка, храни Господь! Спокойной ночи!

Проводив келейницу, Елизавета Федоровна еще долго не могла уснуть. Ей вдруг вспомнилось, как они с Сергеем Александровичем присутствовали на прославлении Серафима Саровского. Нет, не пышность торжества поразила тогда Великую княгиню, не блеск придворных дам и генералов... В Сарове она впервые близко увидела истинную веру, с какой немощные, больные люди молили о помощи Спасителя. С какой надеждой просили они заступничества у преподобного Серафима! Как плакали матери с больными детьми! Как истово молилась одна из них о выздоровлении своей немой дочери. И — о, чудо! Девочка заговорила! Это случилось у всех на глазах, и это ли не явление милости Божией по молитвам не отчаявшейся, но глубоко верующей женщины!

Едва в обители начался обычный трудовой день, как крестовая сестра Нина, послушанием которой было совершать ежедневные обходы лачуг и ночлежек, доложила настоятельнице об обнаруженной накануне тяжело больной женщине.

— Чахотка у нее, матушка, последняя стадия, похоже. А молодая еще... Двое ребятенков вокруг нее ползают, мальчик и девочка. Больно просила пристроить их, горемычных. Умрет она, матушка... Что делать-то будем?

Елизавета Федоровна разволновалась. Срочно вызвала к себе старшую медицинскую сестру Агриппину:

— Немедленно, сегодня же надобно привезти эту женщину в нашу больницу. Детей, Агриппина, внимательно обследуйте с докторами... Ну, не мне тебя учить. Если здоровенькие, то девочку помести в приют, а мальчика направь в общежитие. А нет, так лечите!

— Все будет исполнено, матушка Великая. Не извольте беспокоиться, — Агриппина поклонилась, и они вместе с Ниной выпорхнули из кабинета настоятельницы.

Поздно вечером Елизавета Федоровна навестила новую больную. Женщина, которую звали Екатериной, была уже вымыта, переодета в теплый больничный халат и накормлена. Увидев Великую княгиню, она упала на колени и обхватила ее ноги со слезами благодарности.

— Ну что ты, что ты, милая, — ласково проговорила Елизавета Федоровна, поднимая женщину с пола. — Все будет хорошо. Бог даст, попра-

вишься. Детки твои сытые, одетые, под присмотром наших сестричек. Все хорошо, не плачь.

— Бог спасет тебя, матушка!

— На все воля Его...

Выйдя из «Мертвого Дома», как сестры прозвали изолятор с больными чахоткой и другими инфекционными болезнями, Елизавета Федоровна долго сидела на скамейке под старой раскидистой липой. Два раза в неделю, а то и чаще, она навещала несчастных женщин. Пациентки в знак благодарности за заботу и внимание горячо обнимали свою благодетельницу, не задумываясь о том, что могут заразить ее. Но матушка Великая ни разу не увернулась от их объятий, ни разу не выказала недовольство или брезгливость.

Не оставляя она без внимания и сестер, ухаживающих за больными в «Мертвом Доме». Им выдавалось усиленное питание, а доктора больницы проводили регулярные обследования с целью своевременного выявления болезни. Елизавета Федоровна знала, что вылечить чахотку очень трудно, особенно если она перешла в последние стадии. А в обитель в основном попадали уже запущенные больные. Поэтому своей задачей и задачей крестовых сестер, несущих послушание в «Мертвом Доме», Великая княгиня считала духовное приготовление больных к неизбежному исходу. Не в пустых словах утешения больше всего нуждались, по ее мнению, безнадежные больные, а в молитве и покаянии, уверовании в Господа Бога, Его милость и волю.

Горячее сочувствие к судьбам детей-сирот проявилось в Великой княгине давно, сразу по приезде их с Сергеем Александровичем в Москву. К тому времени Воспитательный дом незаконнорожденных детей и подкидышей из-за перегрузки прекратил принимать детей из беднейших семей и сирот. Елизавета Федоровна, не задумываясь, взяла на себя заботу по устройству специального учреждения для этого контингента детей. Так появилось в Москве и Московской губернии Елисаветинское благотворительное общество. Уставом Общества была предусмотрена совместная благотворительная деятельность церковных и светских организаций. Воедино связывались возможности церковных приходов, богатых граждан и представителей местной власти. Столь разумный подход со стороны Великой княгини к созданию материальной базы Общества способствовал быстрому оказанию необходимой помощи нуждающимся в ней детям. Сама Елизавета Федоровна первой пожертвовала в фонд Общества более шестидесяти тысяч рублей.

Вскоре при московских церквях и монастырях появилось двести двадцать четыре Елисаветинских приходских благотворительных комитета, возглавляемых настоятелями храмов. В их обязанности Великая княгиня вменила попечение о сиротах и законнорожденных детях из беднейших семей. Комитеты должны были устраивать ясли и приюты, обеспечивая их всем необходимым — от полноценного питания и добротной одежды до квалифицированного медицинского обслуживания.

Казенных субсидий на содержание Общества не предусматривалось, но его деятельность была достойно оценена на самом высоком государственном уровне. В газетах его называли «украшением Москвы», «цветком христианского милосердия и просвещения»... И основная заслуга в этом принадлежала, конечно, Великой княгине Елизавете Федоровне.

ВОЙНА

Лето 1914 года стояло жаркое и сухое. Вокруг Петербурга в июле не выпало ни одного дождя. То тут, то там загорались торфяники, дышать было трудно из-за дыма и запаха гари. Какой уж тут отдых! Сухие грозы почти каждый день кружили над городом, но они не могли принести облегчения. Радовали только первые обнадеживающие вести, начавшие поступать с фронта.

В Царском Селе Императрица и Елизавета Федоровна провели совещание, пригласив к участию в нем старших Великих княжон и всех придворных дам. Обсуждался план действий, направленных на оказание медицинской и благотворительной помощи фронтовикам. Как и в годы Русско-японской войны, решено было немедленно начать формирование санитарных поездов, создать разветвленную сеть складов лекарств и снаряжения, возобновить изготовление походных церквей и служебной утвари для них. Ответственность за организацию помощи фронту и раненым в Царском Селе взяла на себя Императрица, а в Москве — Елизавета Федоровна. Возглавить Комитет по оказанию помощи семьям запасных призывников поручили Великой княжне Ольге Николаевне, а Комитет помощи беженцам — ее сестре Татьяне Николаевне.

В августе 1914 года Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Этим актом Царское правительство выразило свою неприязнь к Германии, первой из стран Тройственного союза, объявившей войну России.

С началом войны работа больницы Марфо-Мариинской обители быстро перестроилась на военный лад. Были подготовлены дополнительные места для приема раненых, приобретены недостающие инструменты и оборудование для хирургических операций, пополнены запасы лекарств и перевязочного материала... Елизавета Федоровна вместе с отцом Митрофаном, который сам был участником недавней Русско-японской войны, с душевным трепетом и вдохновением благословляли крестовых сестер, пожелавших работать в полевых госпиталях.

Не прошло и года, как успехи русской армии на фронтах сменились неудачами. Поток раненых увеличивался с каждым днем.

Елизавета Федоровна не знала ни минуты покоя. Усердные молитвы, помощь больным и увечным фронтовикам забирали все ее время. Нередко сон настоятельницы продолжался не более трех-четырех часов.

Уставшая, похудевшая, но не теряющая силы духа, она воспринимала выпавшие на ее долю трудности как возможность исполнить свой христианский долг. Матушка Великая по-прежнему участвовала во всех повседневных делах обители вместе с рядовыми сестрами, подавая пример трудолюбия и выносливости.

Строго соблюдая посты, да и в другие дни употребляя только растительную пищу, она не позволяла себе никаких послаблений, не требовала для себя никаких услуг. В больнице, ставшей теперь лазаретом, Елизавета Федоровна брала на себя самую ответственную работу, ассистируя хирургам при тяжелых операциях, делая сложные перевязки, часами просиживая у постели мечущихся в жару больных, всеми силами стараясь облегчить их страдания.

Выздоровливая, они со слезами на глазах благодарили Великую княгиню, уверяя, что только благодаря исходящей от нее целебной благодати им удалось избежать смерти.

Как ни печально, избежать смерти удавалось далеко не всем. Здраво оценивая складывающуюся ситуацию, Елизавета Федоровна телеграммой обратилась в Городскую Управу с предложением о создании в Москве Братского кладбища: «...Не признаете ли вы возможным отвести на окраине Москвы участок земли под кладбище для умерших в московских лазаретах воинов настоящей войны. Их родственникам и нам всем утешительно будет знать точное место упокоения павших при защите нашей дорогой Родины героев и иметь возможность там помолиться».

Инициатива Великой княгини была поддержана. Комиссию по созданию Братского кладбища возглавил гласный Московской городской Думы, главный врач Александровской больницы Сергей Васильевич Пучков. По его мнению, проектируемое кладбище следовало не только благоустроить подобающим образом, но и сделать настоящим памятником переживаемых великих событий.

Для кладбища выделили большой участок, на котором был впоследствии сооружен величественный храм. Предусмотрели и место для погребения сестер милосердия московских общин, нередко умиравших на своем посту от заразных болезней и погибавших на фронтах войны от неприятельского оружия.

Открытие Братского кладбища с временной часовней состоялось 15 февраля 1915 года. Церемония началась в церкви находившегося неподалеку Сергиево-Елизаветинского убежища увечных воинов Русско-японской войны. Епископ Можайский Димитрий (Добросердов) отслужил там панихиду, после чего Елизавета Федоровна и другие официальные лица вместе с духовенством проследовали на кладбище.

В часовне было совершено отпевание, а затем состоялись похороны первых пяти воинов, погибших на фронтах Первой мировой войны: сотника В. И. Прянишникова, старшего унтер-офицера Ф. И. Папкова, ефрейтора А. И. Анохина, рядовых Е. И. Гутенко и Я. Д. Салова. На похоронах присутствовали войска Московского гарнизона. Гробы несли Георгиевские Кавалеры, консулы союзных государств, городские гласные, а также временно командующий войсками Московского военного округа генерал А. Г. Сандецкий и московский губернатор граф Н. Л. Муравьев.

— Теперь дело за вами, Николай Леонидович, — обратилась к Муравьеву Великая княгиня. — Часовенку надобно мало-помалу заменить храмом Божиим. Часть денег получите от моей обители, а остальные, чаю, найдутся в казне.

— Увы, Ваше Высочество. Казна ныне совершенно пуста. Сергей Васильевич не даст соврать, — губернатор показал рукой на стоявшего рядом Пучкова. — Вся надежда на благотворителей и помощь Господню.

Елизавета Федоровна сокрушенно покачала головой и по еще не протоптанной, лишь только намеченной строителями дорожке направилась к ожидавшему ее экипажу.

— Ваше Высочество, Елизавета Федоровна, — донесся до нее взволнованный голос Пучкова. — Не огорчайтесь, есть у меня на примете достойные меценаты. Есть!

— И кто же? — остановилась Елизавета Федоровна.

— Это господа Катковы, Ваше Высочество, муж и жена. Война забрала у них двух сыновей, и они изъявили мне желание построить на Братском кладбище храм в честь праздника Преображения Господня с приделами во имя Архангела Михаила и апостола Андрея Первозванного, по тезоименитству погибших сыновей.

— Но достаточно ли у них средств? Сумма потребуется немалая.

— Вполне достаточно... Я спрашивал. Все расходы они берут на себя, а в качестве архитектора предлагают господина Щусева. Вы же его превосходно знаете. Так что беспокоиться нет причины. Лишь бы не оставила нас милость Божия.

— Надобно молиться, Сергей Васильевич, тогда Господь и не оставит милостью Своею.

Закладка первого камня Спасо-Преображенского храма на Братском кладбище состоялась 6 августа 1915 года — в годовщину гибели братьев Катковых. Ровно через год был освящен придел во имя Архангела Михаила, а придел во имя апостола Андрея Первозванного освятили 15 января 1917 года. В тот же день в храме состоялась первая Божественная литургия, на которой присутствовала Великая княгиня Елизавета Федоровна.

Череда крупных поражений в 1915 году, в результате чего Россия потеряла все прежние завоевания, а также частично территории Польши, Прибалтики, Украины и Западной Белоруссии, пагубно отразилась на настроении в обществе. Те самые люди, которые еще совсем недавно восторженно стремились к призывным пунктам и громче всех пели «Боже, Царя храни!», уже требовали свержения царизма. Снова манифестации, пикеты, перевернутые трамваи, пьяная поножовщина... На душе у Елизаветы Федоровны было тяжело и тревожно.

«ГОРЕ ВАМ, СМЕЮЩИЕСЯ НЫНЕ!»

Наступила Светлая седмица. И разве могли сестры Марфо-Мариинской обители подумать, что найдутся в эти дни люди, которые осмелятся омрачить радость великого торжества? Нашлись. Омрачили. Омрачили навсегда.

На третий день Пасхи, в день празднования Иверской иконы Божией Матери, обитель посетил Патриарх Тихон. В Покровском храме он отслужил Божественную литургию и молебен. После службы Патриарх долго беседовал с настоятельницей, отцом Митрофаном и крестовыми сестрами. Он в подробностях интересовался укладом жизни святой обители, ее благотворительными делами, сокрушался по поводу ущемлений со стороны безбожных властей. На прощание Патриарх благословил Елизавету Федоровну, напутствуя ее на дальнейшее ревностное служение Господу, не зная еще, что благословляет Великую княгиню в крестный путь на Голгофу.

Едва Патриарх покинул обитель, как в келию Елизаветы Федоровны, уединившейся немного отдохнуть, бесцеремонно ворвались комиссар в выгоревшем френче старого образца и двое вооруженных солдат-латышей. Незаметно выскользнувшая из келии Варвара бросилась за отцом Митрофаном. Через несколько минут появился встревоженный священник в сопровождении нескольких крестовых сестер. Оценив ситуацию, он понял, что на этот раз спасти матушку Великую от ареста не удастся.

— Гражданка Романова, вы арестованы. Даю вам полчаса на сборы, — тоном, не допускающим возражений, приказал комиссар. — С собой можете взять не более двух помощниц. И попрошу — без глупостей. Мы будем ждать вас в машине.

Елизавета Федоровна уже давно была готова к такому повороту событий. В небольшой шкатулке лежали Евангелие, документы, деньги, наиболее дорогие для нее семейные реликвии, карандаши и краски, листы чистой бумаги...

— Матушка Великая, одну я тебя не отпущу, — категорично заявила Варвара, торопливо, но аккуратно укладывая в саквояж вещи настоятельницы. — Хоть убей меня — не отпущу.

— Ну что за страсти такие ты выдумываешь, Варварушка, — стараюсь быть спокойной, улынулась Елизавета Федоровна. — Я всегда была и буду тебе рада, милая. Только знай, что на смерть меня везут... Не расквесишься?

Келейница с упрёком взглянула на Елизавету Федоровну и не ответила, давая понять, что вопрос этот совершенно излишний. Она только сосредоточеннее захлопотала над саквояжем, что-то бубня себе под нос. Вдруг прекратила работу и подошла к Елизавете Федоровне:

— Матушка Великая, дозволь поехать с нами еще сестре Екатерине...

— Екатерине Янышевой?

— Да-да! Янышевой... Дозволишь? Ведь солдат тебе сказал, что двух помощниц можешь взять с собой.

Елизавета Федоровна покачала головой, шутливо погрозив келейнице пальцем:

— Ох, и проворная же ты у меня, Варварушка! И когда только все успеваешь? Я не против Екатерины, но только если она согласна по доброй воле. Принуждать я никого не буду. Мало-помалу мы с тобой и вдвоем бы управились.

— Так мы с ней уже сговорились. Она сама изъявила желание и просила замолвить за нее перед тобой. Поди, собралась уже...

Открыв дверь келии, Елизавета Федоровна ахнула, узел с вещами выпал у нее из рук: перед ней выстроились, пожалуй, все сестры, которые находились в это время в обители. Опустив голову и нервно теребя свою окладистую бороду, впереди всех стоял отец Митрофан.

— Прощайте, милые мои, — тихо проговорила Великая княгиня. — На том свете свидимся. Благодарю всех вас за доброту и верность. И благословляю на исправное продолжение нашего богоугодного дела, коему отдано нами без малого десять лет. А вас, сестра Валентина, и вас, отец Митрофан, благословляю блюсти обитель, пока сие будет возможно. Христос Воскресе!

Подойдя с Варварой и Екатериной к машине, Елизавета Федоровна перекрестилась на купола Покровского храма, осенив всех провожающих крестным знаменiem. Что тут началось! Сестры зарыдали в голос. Многие бросились вслед за тронувшейся машиной, падали на дорогу, поднимались и снова бежали...

Узнав об аресте Великой княгини, Патриарх Тихон несколько дней стучался в различные правительственные кабинеты, пытаясь добиться ее освобождения. Но просьбы главы Русской Православной Церкви остались неслышанными: весь род Романовых, царствующий в России более трехсот лет, был обречен.

История и современность

Никита ШЕВЦОВ

КРЕПОСТЬ НА ДВИНЕ

Елена НАУМОВА

300 лет назад в устье могучей северной реки завершилось строительство первой каменной твердыни, построенной по повелению Петра Первого.

Крепость появилась неожиданно из-за поворота улицы, по которой мы ехали из Архангельска. Хотя поначалу трудно было догадаться, что перед нами — старинные каменные укрепления, когда-то считавшиеся одним из мощнейших оборонительных рубежей русского севера. Древние стены и бастiónы скрывались под толстым слоем снега и напоминали вытянувшиеся в сторону реки крутые холмы. Но подойдя ближе, увидели крепостные ворота с причудливым барочным декором. Мы стояли перед когда-то знаменитой, но затем забытой на многие десятилетия Новодвинской крепостью, по-

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 году в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 году в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преполагает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Двинские ворота

Большой пороховой погреб

строенной по повелению Петра Первого в 1701–1714 годах. Ее возведение началось еще раньше Петропавловской крепости. Можно сказать, она послужила образцом для Невской твердыни. Крепость расположена, как можно догадаться из ее названия, на берегу Северной Двины, вернее, одного из ее рукавов, составляющих речную дельту. Любой крупный корабль, направлявшийся в сторону Архангельска, проплывал мимо крепости. Именно

у ее стен в 1701 году была одержана первая победа над шведским флотом. Враг попытался тайно, внезапным ударом захватить Архангельск и тем самым уничтожить единственный существовавший в ту пору порт на севере России. Для выполнения этой задачи в Северную Двину вошел передовой отряд шведского флота, но благодаря находчивости и мужеству кормщика Ивана Ермолаевича Седунова (Рябова) шведские суда оказались на мелководье, в пределах досягаемости пушечных ядер со стороны крепости. Итоги пиратского рейда оказались плачевными, шведы бросили два корабля, русские в качестве трофеев захватили пушки и боевые знамена. События той схватки у стен Новодвинской крепости подробно описал Ю. Герман в своем романе «Россия молодая». По его сюжету был снят одноименный фильм. Роль Ивана Рябова прекрасно сыграл Николай Олялин.

Пару месяцев спустя после описываемой поездки в Архангельскую область нам неожиданно напомнила об Иване Рябове экспозиция музея села Сусанино, расположившаяся в храме, скромном, но тем не менее известном всей стране. Его изобразил на своей знаменитой картине «Грачи прилетели» художник А. Саврасов. Сусанино расположено в Костромской области, недалеко от болота, куда местный деревенский староста завел поляков, искавших Царя Михаила Романова. Осматривая со вкусом подобранные экспонаты музея, посвященные подвигу костромского крестьянина, мы обратили внимание на изображение крепости со знакомыми очертаниями. Неужели Новодвинская? Прочитали подпись: «Ново-Двинская крепость. (Гравюра из книги Корнелиса де Брейна «Путешествие по Московии». Амстердам. 1711)» А рядом — пожелтевшая заметка из «Ленинградской правды» от 27 июля 1967 года с красноречивым названием «Поморский Сусанин».

Петр гордился крепостью на Двине. Он осуществил то, о чем мечтали его предшественники. Ведь еще при его деде Михаиле Романове, в 1646 году, в Архангельск поступил запрос Посольского приказа, суть которого сводилась к следующему: можно ли построить на берегах Двины две баш-

Комендантский дом

ни и протянуть между ними цепь, чтобы контролировать движение судов в сторону Архангельска. Ставилась задача закрыть возможные подходы вражеских кораблей к северному порту. Но башни так и не построили, низкие, затапливаемые в половодье берега не позволяли в те времена возвести подобные сооружения. Правда, спустя тридцать лет деревянные башни все же появились на архангельских берегах. Но они мало походили на те укрепления, о которых мечтал Петр. Поэтому уже в свой первый приезд в Архангельск он повелел строить крепость из белого камня. Ее возводили по проекту инженера-фортификатора Георга Резе на одном из островов устья Двины. Молодой Царь провел два месяца на ее строительстве. Он жил в доме на расположенном неподалеку от крепости

Крест на месте церкви Петра и Павла

острове Маркове. Остров этот ныне не существует, его размывли и поглотили воды Двины. Не удивительно, что дом перенесли, сначала — в крепость, позднее — в Архангельск, ну, а потом, благодаря стараниям выдающегося архитектора, реставратора, энтузиаста Петра Дмитриевича Барановского он оказался в музее-заповеднике «Коломенское».

Как уже отмечалось, крепость закончили строить в 1714 году. Так что в нынешнем году она отмечает свое трехсотлетие. В течение многих десятилетий Новодвинская крепость являлась непреодолимой преградой для врагов России. Но со временем она утратила свое военно-стратегическое значение, и в 1864 году, в соответствии с указом Александра II, из нее был выведен гарнизон. Цитадель забросили. Возвышавшийся на территории крепости храм Петра и Павла, который построили раньше петербургского, превратился в приходскую церковь. После революции крепость и прилегающий к ней поселок превратили в детскую колонию, которая просуществовала до 1960 года.

Мы добирались в крепость долго. Поначалу даже всезнающие таксисты не могли сказать, где она находится. Лишь один из них, подумав, произнес загадочную фразу: «А, это, наверное, там, где Конвейер». «Что такое Конвейер?» — поинтересовались мы. «Так называется поселок, что рядом

с крепостью. Путь туда непростой. Надо преодолеть понтонную переправу. Времени уйдет много, поэтому я туда не поеду». В крепость нас отвез наш родственник, Вячеслав, на своей машине. Он живет в Северодвинске, что рядом с Архангельском, но в крепости ранее не бывал и чувствовал себя, как и мы, первопроходцем. Миновав один из районов Архангельска, остров Соломбалу, машина устремилась на север по покрытому наледью шоссе. Вскоре оказались у понтонной переправы, о которой слышали от таксистов. Она была проложена по льду, и, судя по образовавшейся в середине русла шуге, месиву из воды и льда, по реке недавно прошел ледокол. Отдавая двести рублей задумчиво смотревшему на нас сторожу, спросили: «До Конвейера доедем?» — «А как же, как переправитесь, повернете налево». Проехали по понтону и оказались на Линском прилуке — одном из островов дельты Двины. Долго ехали по зимней дороге, время от времени медленно проезжая проложенные поперек нее трубы отопления. Вокруг нас — в основном, разрушенные деревянные дома, часть населения острова живет теперь на «большой земле» в Архангельске, а те, кто остались, их не более двухсот человек, каждый день ездят на работу в областной центр. На острове им делать нечего, почти все расположенные здесь деревообрабатывающие предприятия остановились — нет сырья. Лесопилки переместились в другие места, ближе к лесам. Правда, летом население острова увеличивается в пять раз — ведь здесь находятся два дачных кооператива.

Крепость спряталась на самом краю Конвейера. Нас встретили две довольно агрессивно настроенные собачки, но Вячеслав поделился с ними припасенными конфетами, и мы сразу подружились. Из сторожевой будки вышел человек. «Добро пожаловать, — приветливо сказал он. — Приветствую вас на территории памятника федерального значения Архангельская Новодвинская крепость». Но беседовать на улице при температуре минус тридцать не очень хотелось, поэтому мы зашли в избушку, где и продолжили разговор.

Геннадий Григорьевич Иванов — один из трех сотрудников музея. Живет здесь же, в поселке. Работал инженером-механиком на территории крепости. А потому многое может рассказать о ее истории в советское время. От него мы узнали, что в годы войны здесь буквально за несколько суток наладили производство минометных снарядов. С 1962 года крепость вместе с поселком стала «взрослой» зоной. Здесь с послевоенного времени до 1985 года выпускали промышленные пылесосы ЗИЛ-900. Геннадий Григорьевич показал нам приколотый к стене снимок одного из них. Пылеулавливающие агрегаты устанавливали в цехах предприятий. С их помощью очищали воздух, а также собирали пыль, оставшуюся после обработки ценных металлов, прежде всего титана и кобальта. Ее в дальнейшем, после очистки, вновь пускали в производство. Пылесосы из зоны пользовались большим спросом. Их поставляли в тридцать две страны. Только вряд ли покупатели догадывались, кто были их создатели. Цеха находились на территории цитадели. Там-то и работал инженером наш собеседник. Слушая его, мы поняли, почему о существовании крепости ничего не сообщалось в советских справочниках и путеводителях. Зона есть зона. О ней писать было не принято.

Тут мы должны сознаться, что не в первый раз посетили Новодвинскую крепость. Нет, мы не входили в число заключенных. Просто за пять лет до нынешнего приезда мы летом, на катерах и автобусах добрались до Конвейера. Произошло это примерно через полгода после того, как зона

перестала существовать. Запомнились еще не снеженные вышки охраны, колючая проволока, невеселая вывеска «МАГАЗИН ИК 7 УИН МЮРФ ПО Арх. области». Ни названия поселка, улиц, сплошные цифры. Сейчас следы зоны практически исчезли. Территория крепости очищена от цехов. Сохранились лишь постройки XIII–XIX веков. В этом мы убедились, когда, поживаясь на морозе, все же отправились осматривать крепость. «Пойдем по асфальту», — загадочно произнес Геннадий Григорьевич. Подойдя к Летним воротам, свернули в сторону реки и, коченея от дующего с нее ветра, подошли к главному входу — Двинским воротам с возвышающимся над ним бывшим

Отсюда велся обстрел шведских кораблей

Такой была зона

Улица Ивана Рябова

комендантским домом. «Где же асфальт?» — недоумевали мы, а потом оценили юмор нашего экскурсовода. Под снегом угадывался деревянный настил, типичный «тротуар» северных русских городов. Фасад ворот, равно как и сам дом, также частично отреставрирован. Вошли в крепость, прошли несколько метров и оказались у памятного креста, установленного на месте, где когда-то возвышалась церковь Петра и Павла. Отсюда великолепно просматривалось внутреннее пространство крепости с офицерским домом и единственным сохранившимся с давних времен Большим пороховым погребом. «Ну, а теперь, — сказал наш провожатый, — выйдем из крепости и поднимемся на смотровую площадку, посмотрим, откуда обстреливали шведские корабли». Вдали виднелись еще не вырубленные леса, но особо манила застывшая река — могучая и непобедимая. Не захотела она, чтобы по ее водам пробрался к Архангельску враг, вот и принесла ему гибель.

Мы возвратились к сторожке. По дороге Геннадий Григорьевич рассказывал о ходе реставрации. Обрадовались, когда услышали, что летом в крепости работали 16 реставраторов. «Солидно», — подумали мы, представив себе целый коллектив авторитетных ученых-энтузиастов. «Вот здесь все шестнадцать и жили — три узбека и тринадцать украинцев», — наш собеседник указал на крошечный деревянный домик. Мы поняли, что снова «попались на удочку», забыв о блестящем чувстве юмора инженера-музейщика. «В России строителей-реставраторов нигде не готовят», — уже грустно продолжил он.

Пора было уезжать. Сфотографировались на память у заброшенного дома с недавно прикрепленной табличкой: «Ул. Ивана Рябова». В самом доме когда-то размещалась администрация лагеря. На прощание Геннадий Григорьевич произнес: «Я вот что вам скажу. Лес кончается. Скоро закроются последние лесозаводы. А крепость, она вечная, люди будут приезжать сюда, ведь это наша история, а значит, и наше будущее».

Сергей КОРЫТИН

«ВОСКРЕСНЫЙ СВЕТОНОСНЫЙ ДЕНЬ»

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1954 г. в селе Екатерино Никифоровского района Тамбовской области. После окончания в 1972 г. Екатерининской средней школы работал токарем, служил в армии. В 1980 г. окончил Гидрометеорологический институт по специальности «Гидрология суши». Работал инженером-гидрологом в Нижнем Новгороде. В настоящее время подвизается на ниве отечественного предпринимательства. **Живет в Санкт-Петербурге.**

СОВЕСТЬ

Пронзительно
Вглубь
Смотрела...

Словно
Хотела
Из тела

Душу
Извлечь...

Чтобы посесть!

1913 год

Звучали торжественно оды.
До хрипа кричали: ура!..
Прошло лишь четыре года
И предали подло Царя!

1917 год

*Собору новомучеников и исповедников
Церкви Русской посвящается*

Под скипетр Белого Царя
Пришла шестая часть планеты...

В тот год вечерняя заря
Терново-алые букеты
Роняла на Дворцовый плац
Царю, царице, верным слугам...

Священным светлым полукругом
С иконы смотрят они в нас!..

1918—1968 годы

Красные тени в старинных аллеях
Мягко ложатся на снег.
Липы, березы, зеленые ели...
Детский доверчивый смех.

Помню, и я был когда-то подростком,
Так же горела заря.
В школе сказали нам буднично просто,
Что расстреляли Царя.

* * *

Почти сто лет
В деревне слышен спор:

Чтоб примирить всех,
Дедушка Егор

Ты за кого?..
За белых, аль за красных?..

Берет в сельмаге
Беленькую с красной.

ПАРАД ПОБЕДЫ

«Вчера, 24 июня, в Москве шел дождь»
Из газет за 1945 г.

И небо плакало...
Дождинки — слезинки
Щедро кропили
Советских солдат.

К древним стенам
Кремля бросали
Знамена поверженных
Ими врагов.

По Красной площади
Они проходили,
В брусчатку впечатывая
Каждый свой шаг.

И только в сей день
Себя осознали
Потомками славных
Свято-русских полков.

Санкт-Петербург, 24.06.2013

* * *

В первый день Великого поста
Прилетала птица неземная...
Облетала многие места,
Все искала гнездышко для рая.

К вечеру устала, не нашла
Для ночлега чистого сердечка,
В камышах заснеженных легла,
И всю ночь ей песни пела речка.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Земля наплатила соком
Деревья, травы, кусты...
Русь сокроенным оком
Зрит на Голгофе Кресты.

Идет страстная седмица.
Великий Четверг Бытия...
В церкви читают страницы
Святого Евангелия.

с. Екатериново, 2013

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Дети подходят к Господней Чаше.
Словно живой ручеек течет,
Словно ветер поле колышет,
И колосок к колосочку льнет.

Вот причастились. Солнышки-дети
Сходят неслышно с амвона вниз.
Значит, на нашей хрупкой планете
И в понедельник продолжится жизнь.

* * *

Воскресный светоносный день.
Сияет иней фейерверком,
Взлетая с вековых ветвей
При легком дуновенье ветра.

Наполнен солнцем городок.
Народ спешит домой из храма.
И ярко-красный петушок
Сынишке покупает мама!

В ТРАМВАЕ

Как благородны все черты лица!..
Хотя одет он просто и без вкуса...

Так иудеи в облике Иисуса,
Не разглядели сущности Творца!

* * *

о. Андрею Кудряшову

Священник по храму
Жар-птицей плыл.

И там, где струился
Каильный дым,

Иконы, людей
Неспешно кадил.

Виделось мне,
Что летал Херувим.

* * *

Подталый снег. Начало марта.
К нам скоро прилетят грачи.
Из лужицы напьется галка.
И дружно потекут ручьи,

Наполнят реку силой грозной,
Ломая лед, уйдут на юг
И там волною осторожной
Коснутся чих-то нежных рук.

Март, 2013

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

Нежные чувства они сохранили.
Ласково, тихо всегда говорили:

— Мамочка, милая!..
— Что, доченька, свет?!..
А доченьке Машеньке семьдесят лет.

* * *

Когда называют по отчеству,
Всегда вспоминаю отца,
Детство святое и отрочество,
Ступени родного крыльца.

Деревню. Поля бесконечные.
Отечества чистый исток.
Наш род от Адама до Вечности,
Где ждет нас всех любящий Бог.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ЧУДО В РОССИИ

Все ищут корни. Архивы дымятся.
За родословие готовы драться.

Все знатного рода, дворяне, князья..
Что же выходит?..
Из крестьян только я?

1913—2013

Прошло сто лет.
И вверх тормашками
Перевернулось
Все вокруг...

И только за селом
Ромашками,
Как прежде,
Разукрашен луг.

В СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

Русь поглощала бездна.
Казалось, еще чуть-чуть
И оборвется песня,
И завершится путь.

Но где-то в убогой келье
Молитва слетала с уст...
И Бог прекращал паденье.
И возрождалась Русь!

* * *

Вот аллея лип...
Вот аллея вязов.
Рядышком родник
Илом перевязан.

Там заросший плес,
Камыши и ветер...
Крыльями стрекоз
Разлинован вечер.

Старый барский парк,
Как огарок свечи,
Стариной пропах...
А чуть дальше — речка.

За рекой луга
Тянутся безбрежно.
И стога, стога,
Словно вежи в вечность...

* * *

Просто играть со словами нельзя.
Слово вначале было у Бога...

Бог и теперь стоит у порога
Каждой души и каждого слога.

ПОЭЗИЯ

Священник
Сергий ГРИГОРЬЯНЦ

«СЕРДЦЕ НАД СМЕРТЬЮ СМЕЕТСЯ...»

Священник Сергей Григорьянц — родился в 1968 году в Ленинграде. Служил на флоте, учился во ВТУЗе при ЛМЗ. Окончил Духовную семинарию. Протоиерей Сергей служит в храмах Санкт-Петербургской епархии. Автор семи книг стихов. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Петербургский поэт Сергей Григорьянц в новой книге «Свет ко мне пришел» верен своему принципу — он предельно правдив с читателем и с самим собой. Эта лирика найдет отклик в людях, не всегда умеющих оформить чувства в точную мысль, не смеющих порой признаться себе в чем-то главном.

Поэзия С. Григорьянца отличается своеобразием, он ни с кем из поэтов не схож. В стихах порой, как будто бы бессознательно, появляется словно бы лишняя строка, которая дает ключ к пониманию главной мысли. Краткие, искренние, кажущиеся на первый взгляд очень простыми строки трогают душу, заставляют задуматься о смысле жизни.

Ирэна Сергеева

* * *

Новый день приходит каждый день.
Солнце укорачивает тень.
День как день. Повсюду яркий свет.
Свет ко мне пришел. Покоя нет.
Цель одна у солнечного дня —
Догонять, преследовать меня.

* * *

В песне о смерти поется.
Песня со мной расстается.
Жизни раскинуты сети.
Бодрствуя в Новом Завете,
Сердце над смертью смеется...

* * *

Сказал мне интернет:
На свете счастья нет,
А есть свобода слова. —
Правдивый пересказ
Всего, что губит нас.

Придумал интернет,
Что в нем покой и свет.

Нет счастья в интернете,
Как мира на планете.
Его «свобода слова»
Нас распинает снова.

ВЫСОТА

Ты мою осветила икону
С неразгаданным ликом Христа.
Ты меня подчинила закону,
Где мечта, простота, высота.

Подойди к моему изголовью
В белом платье из роз и стихов.
Мы касаемся нашей любовью
Белых птиц, белых звезд, облаков...

* * *

Я мира своего не узнаю,
Я как чужой на площади стою.
Какие надо мною облака?
Какая это синяя река?
Не мой Московский, Лиговский не мой.
Я так хочу придти к себе домой,
Открыть ключом входную дверь свою...
Я дома своего не узнаю.
Какие надо мною облака?
При чем здесь незнакомая река?
Крестовский остров? Лиговский проспект?..
Слепит глаза нездешний вечный свет...

* * *

Христос возносится со скоростью любви,
Израженный, оплавленный, в крови.
Со скоростью любви летит за ним
Мой лучший друг, честнейший херувим.
Шлет сверху херувим призывный знак.
Я остаюсь, я не умею так...

* * *

Не властно солнце надо мной,
А властно небо надо мной,
И властно море подо мной.
Песок, трава владеют мной,
Свет глубины сокрыт волной...

Где тишина, где глубина,
Там Правда Божия видна.

* * *

Херувим все тот же херувим.
Серафим все тот же серафим.
Внешне ничего не изменилось.
Ось земная больше накренилась.

И всплывают корабли со дна.
Ярче светят Солнце и Луна.
Серафим горит огнем холодным...
Только в Боге буду я свободным.

* * *

Не разрешай мне умирать.
С утра застелена кровать.
Помыта с вечера посуда.

Всю жизнь я в ожиданье чуда.
Пойдем со мной искать чудес
С корзинкой рано утром в лес?..

* * *

Я на флоте. Моя «автономка» —
В темноте телевизор негромко.
Я в бушлате. Моя «кругосветка» —

Чай с лимоном, печенье, конфетка.
Я в космическом сне на орбите...
Пожалейте, поймите, простите!

СЧАСТЬЕ

Унываю, плачу, устаю.
Счастье, я тебя не узнаю.
Сколько среди общего веселья

По-солдатски я стою в строю?
Не имею права унывать!
Не имею права строй ломать...

ПОТОМ

Сначала живу, а потом не живу,
Потом на небесную лягу траву.
Трава золотая повсюду в раю...

Потом я пойду — постою на краю...
Смотрю с высоты на тебя и детей
Из недр — из раскинутых
райских сетей.

* * *

Библиотечный запах книг
Вчера со мной в алтарь проник.
Ликует ладан из кадила —

Не он скрывает Божий Лик.
Нисходит с неба Божий Свет —
Со мною Пушкин, Тютчев, Фет...

* * *

Вдохновенье, вдохновенье,
Ты — мое стихотворенье...
Говорят, что ты — сомненье,
Шепот, страх, и увяданье...

Ты — вишневое варенье,
Ты — восторг и удивленье...
Ты — мое воспоминанье,
Ты — молитва, покаянье.

* * *

Грачи весенние летят.
Деревья шелестят.
Огни вечерние горят,
Покой в себе таят.

Гуляет ветер в облаках.
Клюет с ладони грач.
О ненаписанных стихах
Мой православный плач...

* * *

Поэзия выходит из меня
Кусочками пасхального огня.
Поэзия уходит от меня
Без жалости ко мне при свете дня.

Поэзия уходит без меня,
Стихи, как слезки детские, храня.
Да как же я теперь? Ведь я поэт...
Для нас Христос — поэзия и свет...

«РОДНАЯ ЛАДОГА» — «ЖУРНАЛ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РУССКОЙ МЫСЛИ»

23 мая на IX Международном книжном салоне «Время читать», проходившем в Петербурге в помещении Манежа («Зимний стадион»), состоялся круглый стол журнала «Родная Ладога» — «И литература, и политика...», объединивший редакцию журнала, его авторов (присутствовали такие известные писатели как В. В. Дворцов, Н. И. Дорошенко, Н. М. Коняев, С. С. Куняев, А. И. Казинцев, Б. А. Орлов, И. А. Смолькин) и читателей.

Нам не нужно искать каких-нибудь новых, еще небывалых на свете начал, нам следует только проникнуться тем духом, который искони живет в народе нашем, и содержит в себе всю тайну роста, силы и развития нашей земли.

Н. Н. Страхов

Открывая круглый стол, главный редактор журнала «Родная Ладога», поэт **Андрей Борисович Ребров** приветствовал участников встречи, держа в руках новый номер издания (№ 2(28) 2014), на обложке которого помещен фрагмент известной картины А. Дейнеки «Оборона Севастополя». В выступлении Андрея Реброва акцентировалась мысль, что прошлое длится в настоящем, что защита исконных ценностей, победа духа и ликование души — так звучит в нас история. Весенний номер журнала знаменовал действенность веры и верности духовным смыслам жизни, завещанных нашими предками, стал символом нового дыхания культуры России, эпохи начала переформатирования системы взаимоотношений на международном политическом поле.

Выступление Н. М. Коняева

Представляя праздничный, посвященный Христову Воскресению и Дню Победы номер журнала «Родная Ладога», заместитель главного редактора, поэт, литературный критик **Валентина Валентиновна Ефимовская (Станкевич)**, опираясь на смысловую связь, метафорически выраженную строчкой своего стихотворения: *«День Победы и Праздник Пасхи — жизни два багряных крыла»*, представила два важнейших, опорных материала номера. Это текст речи Президента России Владимира Владимировича Путина в Кремле 18 марта 2014 года о возвращении в Россию Крыма и Севастополя, подчеркнув, что, *«навверное, никому еще не удалось сказать об этом великом событии лучше»*. И духовно-историческое исследование архиепископа Курганского и Шадринского Константина (Горянова) *«И тогда воздвигается Сергей»*, посвященное 700-летию святого земли Русской Сергия Радонежского, где как духовный родник соборного служения России немеркнувший свет преподобного Сергия раскрывается в мудром слове церковного ученого и философа.

Историк, философ, прозаик **Николай Михайлович Коняев**, один из руководителей Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, подчеркнул, что журнал близок литераторам Санкт-Петербурга и России. Его глубинный духовный фундамент естественным образом объединяет светских и духовных авторов, многоопытных и начинающих в их стремлении сделать что-то во благо своей Родины. В сохранении направленности и качества журнала большая заслуга принадлежит его главному редактору, поэту Андрею Борисовичу

Выступление Н. И. Дорошенко

Выступление В. В. Дворцова

риков, философов в своем интеллектуально укрепляющем, душевно просветляющем пространстве, «Родная Ладога» сегодня — *«журнал стратегической русской мысли»*.

Галина Викторовна Скотникова, доктор культурологии, профессор, видит «Родную Ладогу» прежде всего как *журнал ответствен-*

Реброву и заместителю главного редактора Валентине Валентиновне Ефимовской.

Главный редактор издания и одноименного всемирно известного сайта «Российский писатель», известный современный прозаик и публицист **Николай Иванович Дорошенко** рассказал о крепких, постоянно расширяющихся связях журнала «Родная Ладога» со всей современной русской литературой, широко представленной в лучших своих образцах на страницах ставшей знаменитой по всей России «Родной Ладоги».

Василий Владимирович Дворцов, прозаик, публицист, литературный критик, один из руководителей Союза писателей России, сказал, что журнал «Родная Ладога» — совершенно особый среди литературных журналов России. Его отличает наличие безусловной духовной опоры, осмысление событий отечественной истории и современности с *православной позиции*, что предполагает видение органического развития культуры, осознание плодотворных линий преемственности. Журнал сохраняет исконно русские отношения к слову как созидательному началу жизни. Объединяя литераторов, политиков, исто-

ного слова, в котором не бывает подделок под правду. Его отличает искренность, духовно-душевная открытость авторов и одновременно высокая требовательность к уровню мастерства. Из номера в номер журнал раскрывает неисчерпаемую красоту русского человека, говоря о сути жизни и ее важнейших смысловых опорах. «Родная Ладога» противостоит нигилизму как разрушительному началу, на протяжении двух веков подтачивающему нашу жизнь. Выдающийся русский философ Н. Н. Страхов, которому принадлежит первое в России развернутое исследование «Письма о нигилизме» (1881), писал: «Нигилизм есть полная измена русского человека самому себе». Сила русского человека проистекает из чувства Родины, из любви к России: «...не полюбив России..., не спастись вам» (Н. В. Гоголь). Наконец, «Родная Ладога» — это петербургский журнал, имеющий камертон высокого достоинства и благородства, его стиль определяют беззаветно преданные делу члены редколлегии — Андрей Ребров, Валентина Ефимовская, Владимир Марухин.

Александр Иванович Казинцев, публицист, теоретик современной русской мысли, заместитель главного редактора журнала «Наш современник», приветствовал «Родную Ладогу» от присутствовавшей на круглом столе московской делегации. Прозаик, литературовед, зав. отделом критики журнала «Наш современник» **Сергей Станиславович Куняев** в своем выступлении акцентировал такую мысль: создание «Родной Ладogi» в Петербурге — особая стра-

Выступление Г. В. Скотниковой

Выступление А. И. Казинцева

Выступление С. С. Куняева

о подвиге своего деда, выдающегося советского разведчика, Героя Советского Союза Виктора Александровича Лягина. Выступающий подчеркнул важное воспитательное и историческое значение этого материала в новых геополитических реалиях и выразил готовность к дальнейшему сотрудничеству с журналом.

ница в истории отечественной литературы XX–XXI веков. Это *первый, собственно, русский литературный журнал* в городе на Неве по всем своим параметрам: замыслу, созданию, собранию литературного материала. Это *«флагман русского слова в северной столице»*.

Присутствовавший на встрече **Алексей Викторович Есипов** сердечно поблагодарил за публикацию на страницах журнала своего интервью под названием «Высшая степень отличия или Невидимый фронт Виктора Лягина». В нем он рассказывает

Выступление А. В. Есипова

Борис Александрович Орлов, поэт, председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, в ярком эмоциональном вступлении сказал, что «Родная Ладога» объединяет тех, кто честно служит своим делом нашей Родине. Это *журнал русской национальной элиты*, патристической, духовно укорененной интеллигенции. Он широко востребован, *«являясь оазисом духовности в мире разврата»*, живой силой национально-духовной традиции, обращаясь к политико-историческому, духовно-культурному, литературно-художественному прошлому, неразрывно связанному с современными проблемами русского человека. Журнал помогает сосредоточиться на главном, укрепляя самосознание и выстраивая духовно-душевный мир современника. Поэт Борис Орлов закончил свое выступление такими своими поэтическими строчками:

Выступление Б. А. Орлова

*Нас, русских, не поставит силой на колени.
Но можно обмануть.
Мы часто побеждаем отступленьем,
И в этом суть!
Мы только Богу в храмах бьем поклоны,
Даем гонимым хлеб и кров.
Для русских пятая колонна
Опаснее других врагов.*

Алексей Маркович Любомудров, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом), сказал, что журнал вносит немалый вклад в отечественное литературоведение. Особо отметил, что в нем была опубликована последняя прижизненная статья «Третьего не дано» выдающегося историка литературы, профессора МДА, автора многотомного труда «Православие и русская литература» Михаила Михайловича Дунаева (1945–2008).

Игорь Александрович Смолькин, писатель, председатель Псковской писательской организации, в своем выступлении сформулировал главную роль журнала «Родная Ладога», которая, по его усмот-

И. А. Смолькин

А. М. Любомудров

рению, состоит в том, что, служа Родине, воспринимая ее как метафизическую реальность, это издание помогает молодому поколению не только открыть духовное око, но и учит различать духов, жить в понимании того, что «*Нам свыше Родина дана*». Именно под таким названием в Пскове недавно прошел конкурс молодых писателей, получивший широкий резонанс.

Все участники круглого стола «*И литература, и политика...*» высказали искреннюю благодарность создателям журнала «Родная Ладога» за творческое служение русскому самосознанию, пожелали журналу процветания и верности избранному пути.

*Г. В. Скотникова,
доктор культурологии, профессор*

Николай КОНЯЕВ

ВОЛШЕБНОЕ ЯБЛОКО

Рассказы

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Уже первые книги Николая Коняева, вышедшие в начале восьмидесятых годов, «Земля, которая помнит все», «Первые уроки», «Такой ветер» привлекли внимание читателей и критики.

«Народная подпочва многих произведений Коняева, — писал в журнале «Звезда» Андрей Арьев, — как бы омывание сюжетов водами фольклора, чрезвычайно насыщает многие истории прозаика, рассказывать которые он мастер»

Потом были сборники рассказов «Ненайденные клады», «У тихой воды», «Марсиане», романы «Пригород» и «Заводское поле», открывшие читателю непривычный и вместе с тем такой узнаваемый мир северных поселков и окраин больших городов, где в каждом герое «писатель раскрывал прежде всего те человеческие черты, на основе которых происходит становление личности, — честность, доброту, обостренное чувство справедливости».

Писатель не идеализировал свои персонажи, не сглаживал трудности и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться героям. Порою, словно бы намеренно, внимание его обращалось к психологически-экстремальным ситуациям, как, например, в рассказе «Механик Баранов, искавший свою мать»... Невыносимо-бессмысленна гибель молодого парня, замерзшего по пьянке на поселковом кладбище... Старуха, которая увидела на кладбище вытянувшую из-под снега ногу, не может смириться с такой очевидной, но такой невероятно-страшной истиной, и придумывает легенду, дескать, «детдомовец» Баранов замерз, разыскивая свою мать.

И хотя придуманность этой легенды очевидна, но именно она и принимается всеми, как правда. Ибо только подобная легенда и способна защитить человеческие души от агрессии бездуховности, от вируса, проникающего в сами человеческие души.

Между тем, как и всем русским людям, героям рассказов и романов Николая Коняева еще только предстояло столкнуться с подлинными испытаниями. Знаком страшного, надвинувшегося на нас лихолетья стал рассказ Николая Коняева «Охота в старых кварталах», опубликованный в «Литературной России» и перепечатанный затем многими газетами и журналами.

Различно социальное положение героев рассказов и повестей Николая Коняева, появившихся в последние десятилетия в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Смена», «Подъем», «Континент» и т. д. Различны обстоятельства, в которые они попадают, но ощущение опасности, сгущающегося до мистической черноты ужаса, так или иначе, прорывается в них. Это на них — последних людей — идет охота. На то человеческое, что они пытаются отстоять в себе.

Весьма ярко эта линия проявилась в романе «Неудавшийся побег», опубликованном в журнале «Подъем» в 1993 году, книжное издание которого вышло в 2013 году. Молодой солдат, не выдержав издевательств, убив троих дембелей, бежит из армии, захватив с собой автомат. Его ищут, его ловят... Но обычная, детективная сюжетная линия сплетается в романе с рассказом о киностудии, где снимали документальный фильм об этом парне. Сейчас, узнав о трагическом повороте в его судьбе, кинодокументалисты дерутся между собою, выясняя, кто же будет делать фильм об этой трагедии, борются за выигрышную тему. Киностудийные интриги врастают в судьбу парня, подчиняют — как это теперь часто происходит — себе ход событий, но они же вовлекают в беду и самих людей, заваривших эти интриги.

Но порою происходит и чудо. Несмотря на весь ужас, навалившийся на героев, им удается одержать победу (рассказ «Петр»). Но если они и терпят поражение, отчаянное, индивидуальное движение к спасению (рассказы «Последний бой», «Дальний приход») не пропадает бесследно ни для самих героев, ни для всех нас.

Из крупных произведений, созданных Николаем Коняевым в девяностые годы, надо отметить также роман «Чужие», повести «Полет на Юпитер» и «Столица нашего мира». Каждое из них дает материал для отдельного обстоятельного разговора, но сейчас важно отметить еще одну, чрезвычайно важную линию в творчестве писателя за последние годы.

Как говорит сам писатель, подлинного художественного осмысления действительности не произойдет, пока Россия не выйдет из состояния непрерывного разрушения, в которое ее завели наши демократы, пока, наконец, не будет определен знак бесконечных блужданий, пока не вернется страна на свой исторический путь.

Отчасти стремясь преодолеть недостаточность чисто художественного осмысления действительности, отчасти опасаясь заблудиться среди миражей и болотных огней, насыщающих нашу действительность, и обращается в последние годы Николай Коняев к жанру документалистики.

Безусловной удачей стала его повесть «Путник на краю поля», посвященная судьбе гениального русского поэта Николая Рубцова, впервые опубликованная в журнале «Север», переизданная затем в «Роман-газете» и неоднократно издававшаяся в книгах. Очень верно сказал критик Юрий Дюжев в статье «Проза високосного года»:

«Интерес к повести Коняева был вызван и неординарностью фигуры поэта, и трогательным лиризмом повествования, и мастерством интриги. Но при оценке этого произведения надо сказать, что все изложенное здесь — правда, что описание неудачливой жизни поэта автору удалось возвысить и спаять в единое эмоциональное целое... Достоинством повести является наличие глубокого подводного течения мысли, непрестанно возвращающейся к теме трагического одиночества Н. Рубцова в той самой России, которую он воспел с такой пронзительной силой».

После этого пришел черед книге-исследованию о деятельности ПетроЧеКа в 1918 году «Гибель красных Моисеев», опубликованной в пяти номерах «Нашего современника» за 1995, 1996 годы. На основе не публиковавшихся доселе документов следственного дела о Каморре народной расправы — организации, выдуманной Володарским и Урицким, чтобы раскрутить обвинение всех неугодных им лиц в антисемитизме, а также на основании дела об убийстве Володарского и самого Урицкого Николай Коняев тщательно прослеживает механизм жуткой провокации, приведшей и к гибели самих провокаторов, и отчасти тому страшному Красному террору, что был обрушен соратниками Володарского и Урицкого на Россию.

Расследованию другой провокации — попытки ГПУ захватить с помощью агентов-обновленцев управление Русской Православной Церкви посвящена документальная повесть Николая Коняева «Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский».

«Книга Н. М. Коняева, — писал священник Алексей Мороз, — является одной из первых, если не первой работой, позволяющей нам приблизиться к пониманию путей современной святости, ощутить реального, живого, вполне досягаемого человека, священномученика Вениамина, соприкоснуться с миром той благодати и духовных утешений, которые даровал Господь Святому верному рабу на пути страданий и мученической смерти».

Без сомнения можно сказать, что каждая из документальных повестей Николая Коняева, будь это повесть «Апостольский колокол», рассказывающая о жизни настоятеля Валаамском монастыря Дамаскина, или повесть «Марш мертвых команд», рассказывающая о жизни В. С. Пикуля, книга «Якутский Нострадамус» об основоположнике якутской литературы Алексее Кулаковском или повествование «Шлиссельбургские псалмы», рассказывающее о семи веках истории русской крепости, повесть «Облеченный в оружие света» о жизни Владыки Иоанна или книга «Генерал из трясины» о генерале Власове — все они становились событиями в литературной жизни, вызывали достаточно бурный отклик.

Казалось бы, что общего между судьбами жертвующего своей жизнью за Русскую Православную Церковь священномученика Вениамина Петроградского и предателя, генерала Власова? Между судьбой отрекшегося

от донского казачества поэта-обериута Н. А. Олейникова и судьбою М. А. Шолохова — писателя, воспевшего казачество в своих гениальных книгах? Различен даже знак этих судеб. Спасители России и ее предатели... Герои и трусы... И, тем не менее, все это — русские судьбы, и все они объединены отношением к России...

Николай Коняев смотрит на свои персонажи через призму православно-морали и мировоззрения. И именно это позволяет ему не заблудиться в подпольных лабиринтах непростых судеб, но и по-новому увидеть то, что, казалось бы, хорошо знакомо всем.

Пытаясь найти корни наших нынешних бед, Николай Коняев обращается и к совсем уже давним временам церковного раскола в романе «Аввакумов костер», и к послепетровской эпохе в романе «Ревизия ко-мандора Беринга».

Одна из последних работ Николая Коняева в этом жанре — объемное историческое повествование-исследование «Подлинная история Дома Романовых. Путь к святости».

Ответы на извечные русские вопросы ищет писатель и своих последних книгах, обнаруживая в русской истории новые и чрезвычайно существенные для современного россиянина смыслы.

Непосредственной предшественницей Российской империи была империя Чингисхана. Поразительно, но ведь и наследница ее — Советская империя практически совпадала своими границами со своими предшественницами. Воистину, в этом смысле Россия — феноменальное, небывалое в мировой истории образование. Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империеобразующими этносами создавались эти три государства, но совпадала их территория, на которой — лучше ли хуже ли! — но обеспечивалось выживание всех включенных в империю народов. Когда же империя разрушалась, она снова возникала уже на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но в тех же самых границах...

Осмыслению этого факта и посвящена одна из последних книг Николая Коняева «Что читал Государь в Тобольске». На строго документальном историческом материале писатель размышляет о сущности русской монархии, о ее влиянии на конкретные исторические личности, на события истории и на нас, живущих столетие спустя после отречения последнего русского Императора Николая II.

Эта книга — о духовной наполненности истории, о том, как тесно переплетаются пути Церкви и монаршей власти, русской литературы и государственного устройства.

Среди героев книги: князь Александр Невский и Царь Иоанн Грозный, богатырь Илья Муромец и Козьма Минин, Патриарх Никон и вождь церковного раскола протопоп Аввакум, святые Серафим Саровский и Ксения Петербургская, Императоры Петр I и Николай I, Александр Пушкин и Лев Толстой, Михаил Шолохов и Иван Ильин, Валерий Гаврилин и Николай Рубцов, советские ученые-атомщики и советские солдаты Великой Отечественной войны...

Далеко не все они осознавали подлинный смысл событий, происходящих в сокровенной глубине исторического пространства, но все они трудились и совершали подвиги, чтобы эти события совершились.

«Монаршая воля — это не индивидуальная воля пусть и чрезвычайно мудрого и талантливого человека или коллективная воля группы тоже пусть и мудрых, и талантливых лиц, монаршая воля — это Божья воля, — пишет Николай Коняев. — Если монарх не рассеивает свое внимание на лукавые соблазны и советы, он осуществляет Божью волю, и свершения его выходят за пределы возможного даже для самых одаренных личностей».

Книга Николая Коняева «Что читал Государь в Тобольске» окажется полезной каждому, кто пытается разобраться в русской истории и в том, что происходит в России сейчас.

Нельзя обойти упоминанием и такой труд Николая Коняева, как «Русский хронограф», вместивший в себя всю русскую историю от Крещения Руси до наших дней. Этой работой, выполненный в соавторстве с женой, Мариной Коняевой, Коняев занимался более четверти века.

Марина Дейнекина

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Первым завял иван-чай, а ромашки еще стояли — горели солнышки в белом ореоле лепестков сквозь поникший и скукожившийся сиреневый мусор... Этот букет, который давно уже пора было выбросить, и увидел я, проснувшись посреди ночи. Проснулся от крика, раздавшегося во сне.

Кто-то кричал, кто-то звал меня, но кто? Я не мог вспомнить...

Густая, вязкая тишина стояла в отвыкшем за зиму от человеческих голосов доме, и только сердце тяжело бухало в груди, пытаюсь одолеть прорвавшийся сквозь сон крик.

Поднявшись с дивана, я прошел на кухню, вытащил из лежащей на столе пачки сигарету и закурил. В пламени спички на миг потемнело окно, но спичка погасла, и снова окно затянулось сероватым светом белой ночи. За деревьями тускло светилась речная вода.

Крик повторился снова, когда я уже докурил сигарету.

— Ну, куда ты лезешь?! Куда лезешь?! — кричала на улице соседка.

Торопливо натянув штаны и накинув на плечи куртку, я выскочил из дома.

На крылечке соседнего дома, в длинной белой рубаше стояла Вера Лепешкина. А кричала она на мужика, что стоял в помятом пиджаке, в сапогах посреди капустных грядок.

Соседская собака тоже была тут. Молча, без лая, прыгала на мужика, но тот не отбивался от нее, стоял, виновато опустив голову.

— Шарик! — крикнула соседка. — Да отойди ты! Кому говорят! И ты, Иван, иди. Нет здесь никого.

Собака послушно поджала хвост и отбежала в сторону.

— Ступай домой... — повторила соседка. — Не броди тут, Иван, по ночам. Иди с Богом...

Мужик, опустив голову, послушно двинулся прочь. Прошел через огород, открыл калитку и пропал за серым неровным забором, где-то на пустыре.

— Кто это? — закуривая новую сигарету, спросил я.

— Ваня Фершуков... — ответила Вера. — Он капитаном на самоходке ходил... А позапрошлым летом поехал на моторке с семьей. В самое озеро выехавши были, а тут ветер... Волны с баньку величиной пошли, ну и перевернулась, конечно, лодка. Жена и сын потонули. Теперь вот ходит, ищет их, по домам лазает...

— А их тогда так и не удалось спасти? — спросил я.

— Какое там спасение? — вздохнула соседка. — Погода такая страшная была. Его самого без сознания на берег выкинуло. До сих пор в себя не может прийти...

Она поежилась от прохлады и, вспомнив вдруг, что на ней одна рубашка, торопливо ушла в дом. Слышно было, как брякнула задвигаемая на двери щеколда.

Я посмотрел на часы. Была половина второго. Ночь, чуть-чуть было потемневшая, когда я ложился спать, сделалась как-то просторнее, словно все клубившиеся сумерки успели отстояться в ней. Прозрачной была она сейчас и бесконечно тихой. Густо пахло сиренью.

Вернувшись домой, я лег в постель, но уснуть не смог.

Дом, словно растревоженный ночным криком, был наполнен тихими шорохами, потрескиванием обоев... Казалось, что он тихо ворчит, сам себе жалуется на что-то.

Было время, когда я боялся оставаться в этом доме на ночь в одиночестве.

В тишине звуки разрастались, обретали сходство с голосами людей, казалось, все мои близкие, что жили в этом доме, собираются тут и разговаривают, но о чем? — я не мог разобрать... В полусне мешались голоса с сонными видениями. Я забывал в этой полудреме, кто жив, а кто уже давно умер, начинал разговаривать сам, и когда вдруг вспоминал, что говорю с умершей матерью или отцом, сжималось сердце от страха...

Впрочем, это было давно...

Сейчас и захочешь, а не сразу вспомнишь лицо матери, голос отца, сейчас я и сам уже вошел в возраст, в котором родители казались мне пожилыми людьми. Сейчас не так уж много мне самому осталось лет, если мерить по сроку жизней родителей...

Хотя, может быть, дело не только в возрасте.

Просто последнее время потихоньку начинаем мы приобщаться к православной жизни, «воцерковляться», как говорят батюшки, и ночные страхи отступают, рассеиваются...

Задумавшись о своем, я то ли задремал, то ли отвлекся, и пропустил момент, когда в потрескивание обоев, в шорохи, доносящиеся с чердака, вплелись другие, какие-то царапающие звуки. Вот — совершенно явственно — задребезжало стекло в боковой комнате, потом — оглушительно громко — закрипела створка окна.

Я вскочил.

Под руку попала только кочерга, что стояла возле лежанки. С этой кочергой и вбежал в боковушку.

Темный, заслоняя собою белоночный свет, лез в комнату мужик. Створка была слишком узкой для него, и он застрял, просунув в комнату только плечо и голову. На руке, сжимавшей подоконник, темнел вытатуированный якорек.

Глупейшее положение хозяина дома, наблюдавшего за застрывшим в окне грабителем. Ударить кочергою по голове? Вытолкнуть в огород?

— Голубчик... — проговорил я. — Что ты позабыл здесь?

Ситуация была кретинская, а вопрос еще более кретинский. Мужик дернулся так, что зашатался оконный переплет. Я подумал, что мой гость вырвет сейчас его из пазов и вместе с ним рухнет в огород.

— Главное, не волнуйся! — торопливо сказал я. — Не спеши... Поаккуратнее, пожалуйста.

— Ы-ы... — промычал мужик, поднимая лицо. Оно было темным от морщин и загара. Только голубые глаза светились из его сумерек.

— Они здесь?

— Они?! — я наконец-то узнал в своем госте мужика, которого видел час назад в огороде Веры Лепешкиной. — Нет... Здесь никого нет...

— А где же они?

Я пожал плечами. Мне все-таки удалось втащить его в комнату, не поломав раму. Закрыв окно, чтобы не налетели комары, я повел незваного гостя к выходу. Когда мы проходили через кухню, взгляд его задержался на миске с вареной картошкой, что стояла на столе.

— Может, ты есть хочешь? — спросил я.

Сглотнув слюну, он кивнул. Я вытащил из целлофанового пакета хлеб, достал из холодильника недоеденную тушенку и уселся напротив, наблюдая, как ест мой гость.

Ел он неряшливо, жадно, пальцами запихивая в рот неочищенные картошины и обмокнутые в тушенку куски хлеба. При этом он еще и рассказывал что-то.

Он говорил про озеро, про лодку, на которой они плыли, когда налетел ветер... Про церковь, вставшую на озерном берегу. Слова мешались с чавканьем, застревали во рту, с трудом проглатывались вместе с кусками картошки...

Наконец, он наелся. Вытер рукавом пиджака рот и внимательно посмотрел на меня.

— Где же они все? — с болью спросил он. — Мы ведь плыли в одной лодке...

— Ты же сам видел — здесь никого нет, — вставая, сказал я. — Пошли. Я открою дверь.

Фершуков кивнул и, не возражая, прошел следом за мною на веранду. Вышел в распахнутую дверь.

Уже на улице он остановился.

— Мы же все были в одной лодке... — сказал он.

Здесь, на улице, мне удалось лучше, чем в домашних сумерках, разглядеть его. Исхудавшее морщинистое лицо, порванный, испачканный пиджак болтался на его плечах, как чужой. А в голубых глазах светилось такое горе, что я отвел глаза.

— Иди домой... — сказал я. — Иди...

Уже из окна я видел, как вышел Фершуков на дорогу и, опутив голову, медленно зашагал вдоль реки, в поселок. Я следил за ним, пока он не пропал, заслоненный стоящим на подоконнике букетом, среди скукожив-

шихся, потемневших лепестков которого ярко горели незакатные солнышки ромашек.

Я докурил сигарету и снова улегся в постель. Странно, но это ночное приключение не развеяло сна. Удивляясь этому, я и заснул...

Мне снилось: мы плыли на лодке, когда налетел ветер... Высокие — под баньку! — пошли волны, захлестывая озерный берег, церковь, вставшую на берегу, само небо...

ДАЛЕКО ОТ ВАЛААМА

Лес, озеро, трава над водой — все здесь складывается в молитву, которую слышал отец Мефодий душой, когда оглядывался вокруг...

Но порою стлался над озерной водою туман, неразлично заглатывая в себя Валаам, и редкое судно могло рискнуть тогда подойти к островам...

Как раз в такую погоду и раздался на островах телефонный звонок.

Звонила мать из Новосибирска.

— Беда у нас, сыночек... — сказала она. — С папой плохо.

С трудом Мефодий разобрал ее рассказ, что лег отец в больницу, думал подлечиться немного, но в больнице выяснилось, что у него рак горла и уже в той стадии, когда и оперировать поздно.

Чтобы лучше было слышно, отец Мефодий вышел на озерный берег, смотрел сейчас на клубящийся над озером туман, на выглядывающие из белесой пелены верхушки деревьев...

— Приезжай, Паша... — повторила мать. — Очень тебя отец ждет...

— Дай мне его... — попросил Мефодий. — Папа?

— С-с-ыночек... — только и разобрал он из звуков, заполнивших трубку.

Сдавило горло. Защекотало в носу.

— Я приеду, — стараясь не заплакать, проговорил Мефодий. — Ты... Ты только дождись меня, папа...

Тяжело выбираться с острова в туманы...

Тяжело и с билетами в середине августа...

Но все устроилось. Денег в монастыре на дорогу собрали, хотя и пришлось ехать поездом.

И все три дня пути молился Мефодий, и думал об отце, вздыхая, что совсем неверующий он. Отец конструктором был, всю жизнь провел в итэ-эровских компаниях, и к церкви всегда относился с насмешкой. Когда Мефодий, бывший тогда еще Павлом, в монастырь уходил, поругались они. Отец кричал, что Павел не сын ему, и вот теперь получается, что все...

Отец встретил Мефодия на удивление тихо...

В доме было тепло, но все кутались — мертвым холодом несло из глубоко запавших отцовских глаз.

Глядя в эти заполненные страданием глаза, и понял Мефодий, что если что еще и держало отца на этой земле, то только страх, что *там* будет еще хуже.

Вчера навещали товарищи из КБ, и встреча эта не давала покоя отцу.

— А-а... — рассказывал он Мефодию, взяв его за руку. — А... Пришли...

Слова трудно выходили из отца, он пытался что-то рассказать, но ничего не получалось.

— Поговорил с товарищами! — подсказала мать, стоявшая рядом.

— Ага... И ни хрена! — отец сдавленно засмеялся.

Потом пришел врач, он долго мыл руки, наконец, подсел к постели больного.

— Как себя чувствуете? — спросил он, пряча глаза.

— Хорошо... — заученно отвечал отец.

— Ну-ну... — сказал врач. — Я пропишу обезболивающее.

Он выписал рецепт и ушел.

Вечером Мефодий сидел с отцом и показывал ему фотографии Валаама.

Отец внимательно смотрел снимки...

Потом погладил сына по руке.

— Хороший монастырь! — вздохнул он. — Отпустили ко мне... Денег дали...

— Да что деньги?! — сказал Мефодий. — Давай, папа, лучше помолимся вместе...

— А... Не... Не умею...

— Ну, ничего, ничего! Я молиться буду, а ты слушай... А лучше я кассету поставлю с нашими монастырскими молитвами! Ты только внимательно слушай...

Он поставил кассету с монастырскими песнопениями и включил магнитофон...

Под эти молитвы и заснул отец.

На следующий день был праздник Преображения.

С утра Мефодий ушел в городскую церковь и привел священника, чтобы он соборовал и причастил отца.

— Не... — сказал отец. — Не надо!

Вначале Мефодий подумал, что отец опять взялся за свое, опять в нем, после того когда вкололи ему лошадиную дозу обезболивающего, пробудилось итээровское брюзжание, но оказалось, что отец говорит про сон.

Приснилось ему, будто он на Валааме побывал...

Стоял на службе в Преображенском храме, а потом причастился...

— С тобой и были...

То ли от обезболивающего, то ли от приснившегося сна, но говорил отец сегодня лучше и подробно описал, как шли они с Мефодием из монастырской гостиницы в храм, как остановились у гробницы преподобных Сергия и Германа, как прошли и встали на левой стороне собора...

И все так точно рассказывал, что Мефодию и в самом деле показалось, будто отец был в монастыре...

— Ну, и ладно, раз там причастился! — сказал священник, приготовив все для соборования. — А теперь соборуем тебя и у нас причастисься...

«Отче Святый, Врачу душ и телес, пославый Единородного Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, всякий недуг исцеляющего, и от смерти избавляющего: исцели и раба Твоего Петра от одержавшие его те-

лесные и душевные немощи, и оживтори его благодатию Христа Твоего: молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и Приснодевы Марии, предстательства честных небесных сил бесплодных: силою честного и животворящего креста»... — зазвучали слова молитвы.

И как будто меньше холода стало в глубоко запавших отцовских глазах.

После причастия отец заснул, а когда проснулся, отказался от укола, и, попросив прощения у жены и Мефодия, сам перекрестился.

Потом попросил почитать ему о празднике.

Мефодий взял Евангелие, и оно сразу раскрылось на девятой главе Евангелия от Луки...

«Глаголю же вам воистину: суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят царствие Божие»...

«Бысть же по словесех сих яко дний осмь, и поем Петра, и Иоанна, и Иакова, възиде на гору помолитися. И бысть егда моляшеся, видение лица его ино и одеяние его бело блистая»...

Мефодий читал текст, который мог бы повторить, закрыв глаза, и перед глазами его не буквы и вставали, а плывущие с озера клочья тумана, явственно различал он шум набегающих на прибрежные скалы волн...

«Петр же и сущии с ним, бяху отягчении сном: убуждшеся же видеша славу Его, и оба мужа стояща с Ним.

И бысть егда разлучистася от Него, рече Петр ко Иисусу: Наставниче, добро есть нам zde бытии: и сотворим сени три, едину Тебе, и едину Мои-сеови, и едину Илии: не ведый еже глаголаше»...

Мефодий помотал головой, отгоняя видение озерного берега, и, прервав чтение, взглянул на отца...

Глаза отца были закрыты, а лицо — отстраненно-далеким.

Мефодий отложил Евангелие и осторожно потрогал руку отца — она была уже холодной.

— И егда бысть глас, обретеся Иисус един... — сжимая мертвую руку, проговорил Мефодий. — И тии умолчаша, и никому же возвестиша в тия дни дни ничесоже о тех, яже видеша...

ВОЛШЕБНОЕ ЯБЛОКО

В детстве я видел яблоки, только когда их привозили из Ленинграда.

В нашем поселке они тогда не росли — десятилетия, миновавшего после войны, не хватало, чтобы ожила выжженная гвардейскими минометами поселковая земля.

Правда, в окрестных деревнях яблони сохранились, но они уже окончательно одичали от непрерывной колхозной жизни и на них росли кислые и твердые плоды, больше похожие на картофельные яблоки, чем на фрукты.

Настоящие яблоки всегда были связаны с праздником и сами были праздником.

Помню, бабушка, взяв привезенное отцом яблоко в руки, задумалась, а потом сказала, что когда они только вернулись в Вознесенье из эвакуации — странник у них ночевал.

— Шурка-то наша не любила странников, но она на совещании была в Ленинград уехавши, — сказала бабушка. — Вот я и пустила человека... А он когда уходил, такое же яблоко подарил...

— Нет, мамаша... — ревниво сказал отец. — Это из Крыма яблоко... А тогда война еще не кончилась, откуда у странника такое яблоко взялось?

— Дак ведь не с Крыма, Миша... — вздохнув, согласилась бабушка. — Откуда в Крыму таким яблокам взяться? Сколько живу, а такого яблока больше не видела...

— Сладкое было? — спросил я.

— Наверное, сладкое, Миколя... — сказала бабушка. — А главное — не кончалось...

— Как это не кончалось?!

— А так, Миколя... У нас-то хоть тебя и на свете еще не было, детей в дому несчитано жило. Домов в поселке почти не осталось, вот и селили эвакуированных друг к другу. По две, по три семьи в комнате жили. И все с ребятами... И все ребята это яблоко видели, потому что странник при всех его мне дал. Положил на стол, а сам в сторонку отошел. А детишки чего? Обступили меня и глядят на яблоко, глаз не спускают... Ну, я взяла тогда нож, и каждому по ломтику отрезала. А половинку яблока в ящик буфета убрала, на вечер... И вот вечером открываю ящик, а там целое яблоко лежит, такое же, какое и было... Подивилась я, конечно, но перекрестилась и снова половинку яблока на всех поделила, а половинку в шкаф спрятала. А утром снова целое яблоко нашла. И так я три дня дитенков тем яблоком кормила. Иногда и по четыре раза в день им по ломтику давала, а яблоко не кончалось.

— А потом что? — спросил я. — Кончилось?

— А, не знаю, Миколя... — вздохнула бабушка. — Тогда ведь Шурка с райцентра, с совещания вернулась. Первым делом она странника, квартиранта моего, выгнала, а потом увидела, как я соседских детей яблоком одаряю, выхватила его у меня из рук.

— Совсем, — говорит, — с ума съехала, старая... Родные внуки без витаминов растут, а она чужих детей яблоками кормит...

Спрятала яблоко и больше я его не видела.

— Дак, может, Люся с Галей и ели его потом? — спросил я, когда бабушка, баюкая в руках привезенное отцом яблоко, замолчала.

— Не, Миколя... — бабушка покачала головой. — Когда Шурка вечером разрезала яблоко, червивое оно оказалось. Так и пришлось выбросить...

— Что же это было?

— А не знаю, Миколя... — бабушка аккуратно положила румяное крымское яблоко в вазу. — Откуда мне знать, если Шурка говорит, что никакого ума от старости не стало... Да и на что мне ум этот?

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валентин РАСПУТИН

БАЙКАЛ, БАЙКАЛ...

Очерк

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. **Живет в Иркутске.**

Один из первых восхищенных отзывов о Байкале из русских людей оставил протопоп Аввакум. При возвращении из даурской ссылки «неистовому» протопопу пришлось летом 1662 года переправляться с восточного берега моря-озера на западный, и он пишет о Байкале:

«...Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, — двадцать тысяч верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, — больши романовского луковицы, и сладок зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красныя — и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем, во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирни гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово-света наделано для челоовеков, чтоб, успокояся, хвалу Богу воздавал».

«Святое море», «святое озеро», «святая вода» — так называли Байкал с незапамятных времен и коренные жители, и русские, пришедшие на его берега уже в XVII веке, и путешествующие иноземцы, преклоняясь пред его величественной, неземной тайной и красотой. Это поклонение Байкалу и диких людей, и людей для своего времени просвещенных было одинаково полным, захватывающим, несмотря на то, что у одних прежде всего затрагивало мистические чувства, а у других — эстетические и научные. Человека всякий раз брала оторопь при виде Байкала, потому

что он не вмещался ни в духовные, ни в материалистические представления человека: Байкал лежал не там, где что-то подобное могло бы находиться, был не тем, что могло бы в этом и любом другом месте быть, и действовал на душу не так, как действует обычно «равнодушная» природа. Это было нечто особое, необыкновенное и «богоделанное».

Со временем Байкал обмерили и изучили, применив для этого в последние годы даже и глубоководные аппараты. Он обрел определенные размеры и по ним стал сравним: его сравнивают то с Каспием, то с Танганьикой. Вычислили, что он вмещает в себя пятую часть всей пресной воды на нашей планете, объяснили его происхождение, предположили, как могли зародиться в нем нигде больше не существующие виды животных, рыб и растений и как сумели попасть в него виды, существующие за многие тысячи километров в других частях света. Не все эти объяснения и предположения согласуются даже и между собой. Байкал не столь прост, чтобы так легко можно было лишить его таинственности и загадочности, но, тем не менее, как это и должно быть, по своим физическим данным он поставлен на соответствующее ему место в ряду величин описанных и открытых. И он стоит в этом ряду... потому лишь, что сам-то он, живой, величественный и нерукотворный, ни с чем несравнимый и ни в чем нигде неповторимый, знает свое собственное извечное место и свою собственную жизнь.

Как и с чем действительно можно сравнить его красоту? Не станем уверять, что прекраснее Байкала нет ничего на свете: каждому из нас любя и мила своя сторона, и для эскимоса или алеута, как известно, его тундра и ледяная пустыня есть венец природного совершенства и богатства. Мы с рождения впитываем в себя воздух, соли и картины своей родины, они влияют на наш характер и в немалой степени организуют наш жизненный состав. Поэтому недостаточно сказать, что они дороги нам, мы — часть их, та часть, которая составлена естественной средой; в нас обязан говорить и говорит ее древний и вечный голос. Бессмысленно сравнивать, отдавая чему-либо предпочтение, льды Гренландии с песками Сахары, сибирскую тайгу со среднерусской степью, даже Каспий с Байкалом, можно лишь передать о них свои впечатления. Все это прекрасно своей красотой и удивительно своей жизнью. Чаще всего попытки сравнения в таких случаях происходят от нашего нежелания или неумения увидеть и почувствовать единственность и неслучайность картины, трепетного и тревожного ее существования.

И все-таки у Природы как целого, как единого творца есть свои любимцы, в которые она при строительстве вкладывает особенное старание, отделяет с особым тщанием и наделяет особенной властью. Таков, вне всякого сомнения, и Байкал. Не зря его называют жемчужиной Сибири. Не будем сейчас говорить о его богатствах, это отдельный разговор. Байкал славен и свят другим — своей чудесной животворной силой, духом не былого, не прошедшего, как многое ныне, а настоящего, неподвластного времени и преобразованиям, исконного величия и заповедного могущества, духом самородной воли и притягательных испытаний.

Вспоминаю, как мы с товарищем моим, приехавшим ко мне в гости, долго шли и далеко ушли по берегу нашего моря по старой Кругобайкальской дороге, одному из самых красивых и ярких мест южного Байкала. Был август — лучшее, благодатное время на Байкале, когда нагревается вода и бушуют разноцветьем сопки, когда, кажется, даже камень цветет,

полыхая красками; когда солнце до блеска высвечивает вновь выпавший снег на дальних гольцах в Саянах, которые представляются глазу во много раз ближе, чем они есть в действительности; когда уже и впрямь запаса Байкал водой из тающих ледников и лежит сыто, часто спокойно, набираясь сил для осенних штормов; когда щедро играет подле берега под крики чаек рыба и когда на каждом шагу по дороге встречается то одна ягода, то другая — то малина, то смородина, красная и черная, то жимолость... А тут еще и день выдался редкостный: солнце, безветрие, тепло, воздух звенит, Байкал чист и застывшие-тих, далеко в воде взблескивают и переливаются красками камни, на дорогу то пахнет нагретым и горящим от поспевающего разнотравья воздухом с горы, то неосторожно донесет прохладным и резким дыханием с моря.

Товарищ мой уже часа через два был подавлен обрушившейся на него со всех сторон дикой и буйной, творящей пиршественное летнее торжество красотой, дотоле им не только не виданной, но даже и не представляемой. Повторяю, что она была в самом расцвете и самом разгаре. Прибавьте к нарисованной картине еще горные речки, с шумом (так и хочется сказать: с хрустальной торжественной музыкой) сбегające в Байкал, к которым мы раз за разом спускались испробовать водицы и посмотреть, с каким таинством и с какой самоотверженностью вливаются они в общую материнскую воду и затихают в вечности; прибавьте сюда еще частые тоннели, аккуратные и со вкусом отделанные, кажущиеся естественными, которых здесь не намного меньше, чем километров по этой дороге, и над которыми то торжественно и строго, то причудливо, словно с только что окончившей игру вольностью, высятся скалы.

Все, что отпущено человеку для впечатлений, в товарище моем было очень скоро переполнено, и он, не в состоянии уже больше удивляться и восхищаться, замолчал. Я продолжал говорить. Я рассказывал, как, впервые попав в студенческие годы на Байкал, был обманут прозрачностью воды и пытался рукой достать с лодки камешек, до которого затем при замере оказалось больше четырех метров. Товарищ принял этот случай безучастно. Несколько уязвленный, я сообщил, что в Байкале удастся видеть и за сорок метров — и, кажется, прибавил, но он и этого не заметил, точно в Москве-реке, мимо которой он ездит в машине, такое возможно сплошь и рядом. Только тогда я догадался, что с ним: скажи ему, что мы за двести-триста метров в глубину на двухкопеечной монете читаем в Байкале год чеканки, — больше, чем удивлен, он уже не удивится. Он был полон, как говорится, с крышкой.

Помню, его доконала в тот день нерпа. Она редко подплывает близко к берегу, а тут, как по заказу, нежилась на воде совсем недалеко, и, когда я, заметив, показал на нее, у товарища вырвался громкий и дикий вскрик, и он вдруг принялся подсвистывать и подманивать, словно собачонку, нерпу руками. Она, разумеется, тотчас ушла под воду, а товарищ мой в последнем изумлении от нерпы и от себя опять умолк, и на этот раз надолго.

Я даю это ничего не значащее само по себе воспоминание для того лишь, чтобы иметь возможность процитировать несколько слов из большого и восторженного письма моего товарища, которое он послал мне вскоре после возвращения домой с Байкала. «Силы прибавились — это ладно, это бывало, — писал он. — Но я теперь духом поднялся, который оттуда, с

Байкала. Я теперь чувствую, что могу немало сделать, и, кажется, различаю, что нужно делать и чего не нужно. Как хорошо, что у нас есть Байкал! Я поднимаюсь утром и, поклонясь в вашу сторону, где батюшка-Байкал, начинаю горы ворочать...»

Я понимаю его...

А ведь он, товарищ мой, видел только маленький краешек Байкала и видел его в чудесный летний день, когда все вокруг благодарствует покою и солнцу. Он не знает, как в такой же точно день, когда светит солнце и недвижим почти воздух, Байкал может бушевать, казалось бы, ни с чего — словно взбученный изнутри. Смотришь, и не веришь своим глазам: тишь, безветрие и грохот воды — это за многие и многие километры дошел сюда из района шторма вал.

Он, товарищ мой, не попадал ни под сарму, ни под култук, ни под баргузин. Так называются ветры, которые мгновенно, с сумасшедшей силой налетают из речных долин и способны натворить на Байкале немалые беды, поднимая порой волну до четырех и шести метров. Байкальский рыбак не станет, как поется в песне, просить: «Эй, баргузин, пошевеливай вал...»

Он не видел северного Байкала во всей его суровой и первозданной красоте, среди которой теряешь и ощущение времени, и меру дел человеческих, — так щедро и царственно властвует здесь над чистой водой древности сияющая вечность. В последние годы, впрочем, человек и тут торопится наверстать свое, укорачивая на привычный ему манер и царственность, и вечность, и покой, и красоту.

Он не бывал в бухте Песчаной, где солнечных дней в году гораздо больше, чем на прославленных южных курортах, и не купался в Чивыркуйском заливе, где вода летом нагревается ничуть не меньше, чем в Черном море.

Он не знает зимнего Байкала, когда вычищенный ветрами прозрачный лед представляется настолько тонким, что под ним, как под увеличительным стеклом, живет и шевелится вода, на него боязно ступить, а между тем под ногами может быть и метр и больше толщины; не слышал он, товарищ мой, с каким гулом и треском разрывает Байкал, пошевеливаясь, под весну этот лед широкими бездонными трещинами, через которые ни пройти, ни проехать, а затем, снова сойдясь, возводит над ними великолепные громады голубых торосов.

Он не попадал в волшебную сказку: то мчится навстречу тебе с распушенным белоснежным полотнищем парусник; то повиснет в воздухе, плавно снижаясь и как бы принаравливаясь, где лучше сесть, средневековый красавец замок; то широкой полосой плывут с высоко и гордо поднятыми головами и совсем близко наплывают на тебя лебеди... Это миражи на Байкале, обычное здесь явление, с которыми связано немало прекрасных легенд и поверий.

Он, товарищ мой, много чего не видел, не слышал, не испытал, а лучше сказать, не увидел, не услышал и не испытал почти ничего. И мы, живущие подле Байкала, не можем похвалиться, что знаем его хорошо, потому что узнать и понять его до конца невозможно — на то он и Байкал. Он постоянно разный и никогда не повторяет себя, каждое мгновение он меняется в красках и оттенках, в погоде, движениях и духе. О, дух Байкала — это нечто особенное, существующее, заставляющее верить в старые легенды и с мистической опаской задумываться, насколько волен человек в иных местах делать все, что ему заблагорассудится.

И все-таки, побывав очень недолго и увидев ничтожно мало, товарищ мой имел возможность если не понять, то почувствовать Байкал. Чувство в таких случаях зависит от нас, от нашей способности или неспособности принять в себя духовное зерно.

Байкал, казалось бы, должен подавлять человека своим величием и размерами — в нем все крупно, все широко, привольно и загадочно — он же, напротив, возвышает его. Редкое чувство приподнятости и одухотворенности испытываешь на Байкале, словно в виду вечности и совершенства и тебя коснулась тайная печать этих волшебных понятий, и тебя обдало близким дыханием всеильного присутствия, и в тебя вошла доля магического секрета всего сущего. Ты уже тем, кажется, отмечен и выделен, что стоишь на этом берегу, дышишь этим воздухом и пьешь эту воду. Нигде больше не будет у тебя ощущения столь полной и столь желанной слитности с природой и проникновения в нее: тебя одурманил этим воздухом, закружит и унесет над этой водой так скоро, что ты не успеешь и опомниться; ты побываешь в таких заповедных угодьях, которые и не снились нам; и вернешься ты с удесатеренной надеждой: там, впереди, обетованная жизнь...

А очищающее, а вдохновляющее, а взбадривающее и душу нашу, и помыслы действие Байкала!.. Ни учесть, ни пометить его нельзя, его опять-таки можно только почувствовать в себе, но с нас достаточно и того, что оно существует.

Вернувшись однажды с прогулки, Л. Н. Толстой записал:

«Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в человеке чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой — этим непосредственным выражением красоты и добра».

Старое, извечное несоответствие наше той земле, на которой мы живем, и ее благодати, старая наша беда.

Природа сама по себе всегда нравственна, безнравственной ее может сделать лишь человек. И как знать, не она, не природа ли, и удерживает в немалой степени нас в тех более или менее разумных пока еще рамках, которыми определяется наше моральное состояние, не ею ли и крепится наше благоразумие и благодеяние?! Это она с мольбой, надеждой и предостережением денно и ночью глядит в наши глаза душами умерших и неродившихся, тех, кто был до нас и будет после нас. И разве все мы не слышим этот зов? Когда-то эвенк на берегу Байкала, перед тем как срубить для надобности березку, долго каялся и просил прощения у березки за то, что вынужден ее погубить. Теперь мы стали иными. И все-таки не оттого ли и в состоянии мы удержать занесенную уже не под березкой, как двести и триста лет назад, а над самым батюшкой Байкалом равнодушную руку, что возвращаем ему сторицей вложенное в нас природой, в том числе и им?! За добро добром, за милость милостью — по извечному кругу нравственного бытия...

Байкал создан, как венец и тайна природы, не для производственных потребностей, а для того, чтобы мы могли пить из него вволю воду, главное и бесценное его богатство, любоваться его державной красотой и дышать его заповедным воздухом. Он никогда не отказывался помогать человеку, но только в той мере, чтобы вода оставалась чистой, красота непогубленной, воздух незасоренным, а жизнь в нем и вокруг него — неиспорченной.

Это прежде всего необходимо нам.

Байкал, Байкал...

Он давно уже стал символом наших отношений с природой, и от того, быть или не быть в чистоте и сохранности Байкалу, зависит ныне слишком многое.

Это явилось бы не еще одним пройденным и покоренным рубежом, а рубежом последним: за Байкалом нет ничего, что могло бы неразумно рьяного в своей преобразовательной деятельности человека остановить.

Трудно удержаться, чтобы не повторить вслед за моим товарищем: как хорошо, что у нас есть Байкал! Могучий, богатый, величественный, красивый многими и многими красотами, царственный и неоткрытый, непокоренный — как хорошо, что он у нас есть!

ВЫШЛА КНИГА

Бударин С.

Сторона речного ветра. Стихотворения. — М.: ИПО «У Никитских ворот», Главная редакция литературных приложений и книг МСПС, 2013. — 64 с.: ил.

В небольшой книге молодого волжского поэта Сергея Бударина представлены лучшие его стихотворения. Они о природе, о чувствах человека перед лицом вечных нерукотворных красот. Читатель не знает истоков восторгов и огорчений автора, но все они проявляются, стоит ему узреть милые русские степи, реки, рощи и окна родного, с детства знакомого деревенского дома. Поэт молод, влияние на него такого, например, русского поэтического гения, как Есенин, очевидно. Но так же очевидно, что в наш век интернета, космоса, нанотехнологий и других интеллектуально-технических совершенств человек всегда остается сыном земли, сыном Родины, большой и малой.

Владимир КРУПИН

«О, КАК БЫ ЖИЛИ МЫ БЕЗ ДАЛЯ?»

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Прекрасный русский поэт Алексей Решетов очень хорошо написал о Владимире Дале:

*Владимир Даль, Казак Луганский,
В отставку выйдя, пишет сказки.
И даже сам Виссарион
Белинский*

Ими восхищен.

*Но в Академии имперской
Его пословицам и песням
Свободный вход не разрешен,
Зане (потому что) народу
служит он.*

*Увы, вошло в слепую моду
Натурой называть природу
И двести тысяч слов родных
Менять на несколько ввозных
Слов, супротивных, чужедальных.
О, как бы жили мы без Даля?
Кого бы Пушкин попросил
Поднять его, лишаясь сил?*

Да, именно Пушкин благословил Даля на создание Словаря русского языка, и именно Даль был около поэта в его последние земные часы.

Однажды, заполняя анкету и отвечая на вопрос: «Какими языками владеете?», я ответил: «Русским со словарем Даля». Сочли за шутку. Но ведь это и в самом деле так. Считать, что ты владеешь русским, и не знать Даля — это значит говорить неправду. Словарь Даля — это не собрание слов по алфавиту, это самая национальная книга русских. Гнездовое размещение слов в его словаре, к которому всегда придирались, оказывается очень полезным для расширения не только знания слов, но и для постижения русской жизни.

Интересно, что о Дале я впервые узнал из статьи Крупской, жены вождя всемирного пролетариата, статьи обязательной к чтению: статья, конечно, о Ленине. Крупская пишет: «Когда Ильич расстраивался, то брал словарь Даля и листал его. И вообще

говорил, что кабинет интеллигента — это стол, стул, Даль». Как было мне, комсомольцу пятидесятых, не учиться у вождя? Но еще интереснее то, что сам-то Ленин читал Даля, а издавать его не давал, обзывал областническим, устаревшим. Так и не издавали. И нигде его было не достать. Хотя до революции словарь выходил трижды.

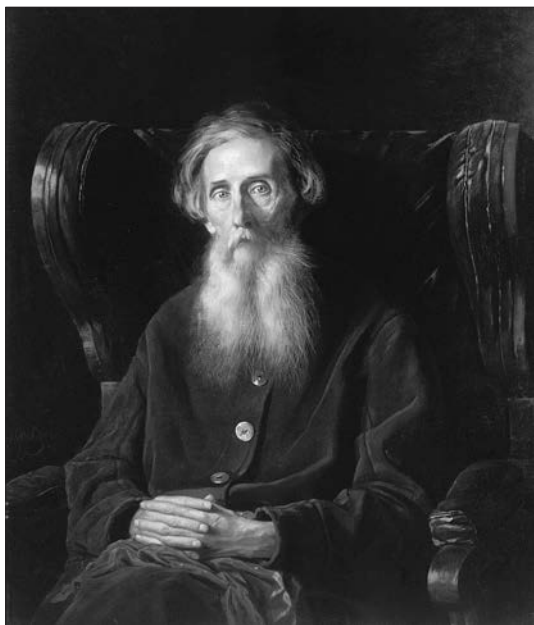
Еле-еле в 1957-м Михаил Шолохов своим авторитетом добился его издания, но вначале не словаря, а книги «Пословицы русского народа». О, это было событие! Тираж в 75 тысяч исчез из магазинов за день-два. И стоил немало, 25 рублей. Но это была такая драгоценность, что не один я был готов лишиться себя чего-то необходимого, лишь бы взять в руки этот желто-золотой 990-страничный том и потом многие дни и годы утешаться душеполезным его чтением. В нем была такая магнитность, что рука сама тянулась к книжной полке, а чаще всего книга и до полки не добиралась, жила на столе и часто согревалась теплом моих ладоней.

Ложка дегтя, увы, имела место быть в словаре. Не в самом тексте, а в предисловии. Уж так не хотелось атеистам давать дорогу, как они говорили, «пропаганде религии», что до смешного скрупулезно выискивали примеры, по их мнению, безбожия русского народа. А Белинский, похвалив Казака Луганского (литературный псевдоним Даля) за сказки, тут же написал свое, полное мракобесия письмо Гоголю, где безобразно говорил о вере Православной. Утверждает: «В русском народе еще много суеверия, но нет и следа религиозности...», это как понимать? И не говорили в народе, «почесываясь», про иконы: «Годится — молиться, не годится — горшки покрывать».

Русь оттого и непобедима, что выращена Православием. «Постоим за Русь, за веру Православную!» — это главный возглас наших предков во всех испытаниях.

Предисловие относит пословицы «На Бога надейся, и сам не плошай», «Бог-то Бог, да и сам не будь плох» к разряду неверия в Бога. Но они же очень православны. Да, на Бога надейся, но и сам спасайся. «И Богу молись, и к берегу гребись». Из одного дерева и икона, и лопата. Так и что из того? Лопатой работай, на иконы молись. Не дереву же молишься, а образу святого, на нем написанному. Икона — окно в Божий мир.

Свой труд Даль не мог издать десятилетие. Мытарили цензоры, академики Академии российской словесности, упрекали в расшатывании устоев власти и религии. Даль никогда никаким врагом властям не был; он, как всякий православный, был монархистом. Несправедливые упреки вынудили его написать объяснительную записку. С горечью писал: «Академия не только признает печатание сборника небезопасным, но даже опасается от него развращения нравов. Один из сочленов ее для большей вразумительности придумал даже для моего сборника свою собственную пословицу, сказав, что это *куль муки и щепоть мышьяку*. (Конечно, переделка пословицы «В бочке меда ложка дегтя». — В. К.) Если 35-летний труд мой мог побудить почтенного и всеми уважаемого академика к сочинению и применению такой пословицы, то сборник мой очевидно развращает нравы. Остается положить его на костер и предать всесожжению». Даль вспоминал тех, кто горячо поддержал его первые публикации в 1832 году: Пушкина, Гоголя, Киреевских, Погодина, Греча. «Жуковский был как бы равнодушнее к этому, боялся мужичества». Но что, запоздало спросим Жуковского, есть Русь,

*Владимир Иванович Даль. Художник
Василий Григорьевич Перов, 1872 г.*

как не страна мужичества? Кто же Измаил штурмовал?

Мучились собранные воедино русские слова в ученых застенках, не пускали их к печатному станку. А время шло, а Даль был далеко уже не молод. И он, желая сохранить кладовую народной мудрости, делает несколько рукописных копий сборника.

Когда все-таки сборник был издан, успех его был несравним ни с одной книгой того времени. Некрасов не выпускал сборник из рук, лично послал один экземпляр в русскую колонию Ниццы. Толстой просил Страхова достать для него сборник, но это было и для Страхова нелегко. В рукописях романа «Война и мир», в характеристике Платона Каратаева есть выписки

из словаря Даля. Все русские классики: Островский, Салтыков-Щедрин, Чехов, Достоевский, Лесков, Шмелев, Бунин, Шолохов — все они, конечно, и без Даля обладали знанием народной жизни, примет, обычаев, но единодушно оценили подвиг собрата по русской словесности; это было равно, может быть, труду Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». А в наше время рядом с ними, конечно, «Лад» Василия Белова. Но, несомненно, словарь Даля первый в этом ряду.

Да, «как бы жили мы без Даля?». Владимир Даль — из русских русский. Собственно русскость может быть присуща и нерусскому. Уж как любят либералы талдычить, что Лермонтов шотландец, а Пушкин эфиоп. Что ж это в Шотландии нет Лермонтова, а в Эфиопии Пушкина? А немец Фасмер — автор Этимологического словаря русского языка — он русский? Дело же в любви к народу и языку. Да и есть ли хоть в каком народе такое золото народной мудрости, выстраданное столетиями, уходящее в народ как учебник жизни. Любой ребенок, вырастая в языковой среде, слыша ежедневно пословицы, поговорки, невольно проникался их учительной силой. «Не бойся никого, только Бога одного». «Свет в храме от свечи, в душе от молитвы». «Кто без крестов, тот не Христов». «Менять веру и совесть менять». «Страшна могила без кадила». «В ком есть стыд, в том и Бог». «Небо — престол Бога, земля — подножие». «Всем рекам река Иордан, всем городам Иерусалим-град, всем деревьям дерево кипарис, лев всем зверям зверь, всем птицам птица орел».

Да начини читать любой раздел из двух сотен разделов сборника, не оторвешься. О жизни, о неизбежности ее конца: «Сегодня жив, завтра жил». «Умрем — ничего с собой не возьмем». «Только во сне сдалось, будто на свете жилося». «Каково житье, таково и на том свете вытье». «Кто как живет, тот так и умирает». «Собираемся жить с локоть, а живем с ноготь».

«И царь, и народ — все в землю пойдет». «Родится человек на смерть, а умирает на живот» (то есть рождается в жизнь вечную). «Тяжел крест, а надо несть».

А сколько о любви, о семье, детях, о труде, о жадности и лени. Сколько о грехах: «Церковь близко, да ходить склизко». «Обрящешь кротость, найдешь и мудрость». «Тихая вода берега подмывает». Да любое место открываешь, любое, и везде не мука, а вперед наука: «Лучше споткнуться ногою, нежели словом». «Ждать да догонять — хуже нет». «Не ищи царства земного, ищи небесного». «Смирение побеждает гордыню, аки Давид Голиафа». Есть большие разделы житейских правил: «С собакой ляжешь, с блохами встанешь». «Вяжись лычко с лычком, ремешок с ремешком». «Материнское сердце в детях, детское в камне». «Батка нажил горбом, а сынок прожил горлом». «Коли внуков маю, так и сказку знаю». «Спать долго — встать с долгом». «Домашняя гривна крепче заезжего рубля». «Излишние порядки доведут до беспорядков». «Не потопаешь — не полопаешь». «Не для Иисуса, а ради хлеба куса» (что-то делается). И наоборот: «Для Иисуса, а не ради хлеба куса». И каждая пословица — это пища уму, повод к размышлению, к взрослению разума.

Но как тороплива жизнь, как жестоки достижения науки и техники к народному говору. Стал исчезать крестьянский двор, труды в поле и лесу, и огромный пласт пословиц, поговорок, загадок ушел в прошлое. И ушли из жизни девушек зимние вечера, подготовка приданого. Заменяли спицы и коклюшки, иглы клавиатуры. Что это? «Бычок кованый, хвост веревочный». «Сам железный, хвост портяной». «Конь стальной, хвост льняной». «Волк железный, хвост конопляный». «Зверок с вершок, а хвост семь верст»?.. Да это иголка с ниткой, это малая о них часть загадок. А это? «На яме сто ямок». Или: «Бежит свинья из Питера, вся истыкана». Это уже не угадать, это наперсток. «Два борова дерутся, промеж их пена валит». И это не угадать, это мельничные жернова. «Скоро ест и мелко жует, сама не глотает и другим не дает». Что это? Пила. «Кланяется, кланяется, придет домой, растянется». А это что? Топор. И о топоре, и о любом инструменте десятки уже умерших и похороненных в памяти загадок. Ведь и работать было интересно. Весь мир окружающих человека вещей был жив.

Невозможно оторваться. Вновь и вновь листаю словарь Даля. Он у меня весь в пометках, в подчеркиваниях. Даже много и дописывал в него. Это мой язык, мои правила жизни. Нет, писателям еще расти да расти до народного языка. Может, уже и не вырасти — уходит язык. Уходит. Горе-горькое. Давит, оглушает шаблонная трескотня политиков, засыпает серой пылью полчище уголовных жаргонов, забивает мозги интернетская англоязычная смесь и спесь. Да ведь, сам не видел, думаю, что и в интернет уже загнали словарь, приручая его к новым порядкам. Но это дело бесполезное. Нет, словарь Даля, сборник пословиц надо держать в руках, надо листать, надо бродить в нем, как в золотом осеннем лесу. Такие тебя встречают поляны, такое небо над тобой, так легко дышится. Нет, сломает зубы интернет о Даля, сломает.

В сборнике пословиц слово Бог везде напечатано с маленькой буквы. Это пигмеи замахивались на солнце. Но как от него ни заслоняйся, оно же есть. В конце восьмидесятых переиздали, наконец, и словарь Даля, но там были такие купюры, такие выдирки, чтоб лучше и не позорились.

К 200-летию Владимира Ивановича Даля, в 2001-м году, были все-таки свершены издания его трудов, была даже отчеканена юбилейная медаль. Это заслуга нашей Государственной библиотеки. И все-таки нет еще такого, чтобы далевские словарь и сборник, его сказки были непременно настольной книгой в каждой русской семье и у тех, кто пытается постичь загадочную русскую душу.

Владимир Даль был прекрасным военным хирургом. Особенно прославился тем, что возвращал зрение, искусно удаляя катаракту с глаз. Так и его словарь — возвращает нам национальное зрение.

ВЫШЛА КНИГА

Анонимная война. От аналитиков Изборского клуба. — М.: Издательство Алгоритм, 2014.

Феноменом последних лет стал резкий рост массовых протестных выступлений в разных странах мира. На смену череде «оранжевых революций» пришли «революции 2.0», отличительная черта которых — ключевая роль Интернета и социальных сетей. «Арабская весна», «Оссиру Wall Street», «болотная площадь», лондонские погромы, Турция, Бразилия, Украина... — всюду мы видим на улицах молодежь и средний класс, требующий перемен.

Одна из точек зрения на эти события — рост самосознания и желание молодых и активных участвовать в выборе пути развития своих стран и «демократический протест» против тирании и коррумпированных элит. При внимательном анализе политического, социального и культурного бэкграунда этих событий мы, тем не менее, видим иную картину.

Авторы книги — известные аналитики «Изборского клуба», доказывают, что эти события не происходят «сами по себе», они происходят с активнейшим участием внешнего фактора.

ПРОЗА

Николай ИВАНОВ

БРЯНСКАЯ ПОВЕСТЬ

Николай Федорович Иванов — родился в селе Страчево Брянской области. Окончил Московское суворовское и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Служил в ВДВ, воевал в Афганистане. Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу» и др. В Чечне в 1996 г. был захвачен в плен боевиками, освобожден через 4 месяца в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции. Автор 20 книг прозы и драматургии. Лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград» и мн. др. **Живет в Москве.**

Бежала уточкой, норовя обогнать свою палку-костыль и удержаться от налетающей пороши брезентовые крылья плаща. Я спешил, но старушка, видать, торопилась еще больше.

— Ты чего стал? — настороженно заглянула она в приоткрытую щелочку окна.

— Подвезти.

— А ты меня знаешь?

— Нет.

— Тогда почему стал?

— Снег начинается, вы торопитесь, я еду. Садитесь.

— Но ты точно меня не знаешь?

— Не знаю.

Ветер с разбега швырнул пригоршню снега в машину, на шитый во времена развитого социализма плащ старушки, ее увитую венами руку, лежавшую на клюке.

— Бабуля, время! Едем.

Но она продолжала пристально всматриваться в меня, угадывая породу. Ни на кого в ее памяти не оказался похож, но просияла в озарении, найдя неопровержимый аргумент моего возможного коварства:

— А почему тогда другие проехали мимо и не стали?

О-о, святая простота!

— Ну не знаю я, бабуль. Меня подвозили — я подвожу. За других не отвечаю. Поедете? — перебросил на заднее сиденье бутылки из-под пива.

— Но ты точно меня не знаешь?

— Точно. Не знаю.

Глянула на небо, по сторонам, открыла дверцу. Прежде чем сесть, сбросила дождевик, как в деревне снимают галоши перед тем, как войти в дом. Смотала брезент в рулон, прижала к животу: если испачкает, то себя. Осторожно усевшись, двинула зажатой меж колен клюкой, словно штурвалом в самолете — вперед.

Только набирать по здешним дорогам крейсерскую скорость — оставить на ней подвеску или вылететь в кювет.

— А что это у вас дороги такие разбитые?

— Так война ж была.

Не шутила, не ехидничала — правду говорила и верила в это.

Скрывая улыбку, отвернулся к окну. Молоденькие деревца, летом зелеными солдатыками бежавшие по косоугру в атаку, сейчас, убеленные седым инеем, выходили из боя по колено в снегу.

Война, так война. «Мы вели машины, объезжая мины»... Сократил на свою голову дорогу по проселкам! Хотя, как ни странно, народ здесь тоже куда-то спешит.

— И куда можно торопиться в такую погоду?

— Так снег же понедельник не отменял! А у меня дед только по ним на рыбалку: говорит, меньше конкурентов. А нынче очки забыл. Несу вот, а то без них и без меня как слепой. Чего отказываться от правды: крайней-то я окажусь, что не проверила.

Похлопала по карманам: не попутал ли бес и ее? Вытащила перевязанный резиночкой очечник, как в шкатулочку, заглянула внутрь. Порылась в ворохе бумажек, оказавшихся под очками. Ноготком выцарапала с самого низа сотенную, удивилась, в дедовы же очки проверила ее на свет. Укоризненно посмотрела на меня. Ясно, отвечать за поведение всего мужского населения страны тоже мне...

— А божился, как иконе, что потерял. Вот теперь будет ему ни дар ни купля, — затолкала бумажку в карман кофты, зашпилила личный сейф булавкой. — Сам-то где живешь?

Ехали в сторону Украины, и кивнул назад:

— В России.

— А я дома. Пятистенник. Пятерых и родила, каждому по стене. Да только разбежались все. Кукуем с дедом вдвоем. Ты, видать, такой же. Летун? — ей очень хотелось оправдаться мной, чужим для нее человеком, что остались они с дедом одни не из-за плохих детей, а что времена нынче за окном такие.

За стеклом начинающаяся поземка была в грудь собравшихся на обочине воробьев. Сугробы, присевшие отдохнуть на поваленные вдоль дороги деревья, приглашали присоединиться, но нам посиделок не надо. Нам вперед, на Киевскую трассу.

Скосил глаза на панель приборов. Цифры в минутах сменяются быстрее, чем в километрах...

— А ты не летай быстрее своего ангела, — утихомирила попутчица, все замечая. — Раз сдерживает в пути, значит, хранит от беды, которая может ждать впереди. А мне вон там, около Барыни, останови, — кивнула на железный транспарант с дородной колхозницей, державшей в руках проржавевший сноп пшеницы.

— Почему Барыня?

— Так мы все работали, а она всю жизнь простояла с улыбкой. Стопроцентная правда, это я не перцем чихнула.

— Ясно. Далеко до озера?

— За тремя кустами. Добегу. А то дед заревнует, что на машинах без него разъезжаю, — поулыбалась несбывшемуся.

— Спасибо тебе, хоть и не знаешь меня. Авось и тебе когда от людей в нужную минуту поможется.

Помявшишь, вскрыла сейф, на ощупь распознала его содержимое и положила на панель две конфеты:

— Вместо курева.

Огляделась, выходя: не унесла ли на хвосте чужое и не оставила ли чего своего. Раскатала обратно плащ, кивнула то ли мне, то ли небу за помощь и снова побежала, переваливаясь уточкой, к своему слепому деду-селезню. Поймать вам золотую рыбку!

А мне опять наверстывать время, благо до трассы тоже три куста. На таких одинаковых расстояниях от пересечения дорог обычно ставят храмы...

Ударить по газам не получилось и на Киевке. На первом же пригорке, собрав гармошку из нетерпеливых, мальками дергающихся легковушек, полз трактор-«петушок», издевательски кивая всем задранным ковшом. Сколько не имей лошадей под капотом, а подчиняйся второй скорости трактора. Тянись следом, читай указатели, смешавшие красоту и политику — «Красная поляна», «Красный бор», «Красная коммуна», «Красный колодец». Не хватало еще какой-нибудь «Красной синьки» — в Питере в двадцатых годах назвали так завод, выпускавший побелку. Но там был революционный подъем, а тут едешь как на быке. Давай же, то ли брат, то ли сестра «Беларусь», мне еще возвращаться назад!

Рвануться вперед всем скопом смогли, лишь выскочив на пригорок и получив обзор.

Всем скопом внизу и остановил своей волшебной палочкой выбежавший из-за автобусной остановки счастливый гаишник. Вот же засада в прямом и переносном!

Я оказался в веренице последним, и мог лишь молча наблюдать, как толстый от бронежилета капитан собирал, словно жирный котяра сметану, паспорта и водительские удостоверения. Вальяжность гаишника убила добрый десяток минут, и пришлось поверх водительского протянуть служебное удостоверение — своего-то должен отпустить.

Усы кота-капитана сжались, но только лишь для того, чтобы сдержат улыбку при старшем по званию. Постучал документами по палочке. А она ведь черно-белая, как наша жизнь...

— Скоро у нас будет как на Кавказе, товарищ полковник.

— А что на Кавказе?

Я только что прилетел оттуда, завтра возвращаться обратно, потому иронии не принял. Хотя интересно услышать о «родных» местах со стороны.

— А там у каждого нарушителя есть оправдательный документ, — поведал капитан. И не преминул подчеркнуть свое пребывание в «горячей точке». Может, и затевал весь разговор ради этого: — Неделю назад в Нальчик летали на усиление. Тормозим парнишу лет восемнадцати. Улыбается — я свой! И показывает листок стандартной бумаги, на котором на ксероксе переснято удостоверение его двоюродного брата. Из вневедомственной охраны. Так что все может быть, — капитан развел руками, размышляя, отдавать ли документы.

В другой раз пояснил бы ему разницу между парнишей и полковником, ксероксом и ксивой, проверкой документов в Нальчике и лежкой под огнем артиллерии в Аргунском ущелье. Но я спешу, меня ждет в госпитале мой

друг Лешка, вызвавший этот самый огонь на себя. У меня нет времени на разговоры с тобой, капитан.

Тот мое презрение почувствовал, неторопливо заглянул в машину. Сдерживая эмоции, я глубоко вздохнул: делает ведь все законно и правильно. Я сам приучал подчиненных точно так же осматривать подозрительный транспорт. По замершему взгляду проверяющего понял, что сам же и оставил тому зацепку — бутылки из-под пива! Но не оправдываться, не обращать внимания, перевести разговор...

— Но можно узнать, что мы нарушили? Пошла прерывистая разметка...

— Товарищ полковник, а как вы думаете, неужели мы здесь случайно стоим? Там выставлен знак «Обгон запрещен». Ждите, вызовем, — капитан еще раз глянул на вещественные доказательства и, пропустив только-только подъехавший трактор, пошел к спрятанной за автобусной остановкой машине.

Зато поземка ярым нарушителем дорожного движения пересекала двойную сплошную, вылетала на встречу, переваливала отвал и неслась в снежное нетронутое безмолвие полей. Мне бы ее вольницу и безнаказанность. Хотя бы на сутки!

Прикрыл глаза, откинулся на сиденье. Пока все складывается против того, чтобы я успел к сроку в Севсько — старинный русский город Севск, расположенный на границе с Украиной. Но ведь все равно успею, иного выхода нет. Просто придется гнать. А попутчица правду сказала про опасность впереди. Довез бы ее с очками до озера, не уперся бы в «петушка». Вот и не верь приметам. Хотя и другая пословица есть: тише едешь — никуда не приедешь...

Гудок гаишной машины вернул к реальности: меня звали. Арестованная вереница рассосалась, только один из водителей звонил по мобильнику, явно поднимая на вырубку знакомых. Мне поднимать некого, мои все в Чечне...

Мнущийся около машины капитан мурлыкал в усы песенку, за рулем оказался майор. Это лучше. В одной звезде больше мудрости, чем в четырех капитанских жажды власти над людьми.

Не ошибся. Тот вертел в руках мое удостоверение, придумывая причину задержки.

— Вы... вы слегка увлеклись скоростью, товарищ полковник.

— Даже не спорю, — поднял я руки.

— Не пили сегодня?

— И вчера нет. Вторые сутки за рулем. И надо успеть к утру вернуться в Москву. Аэропорт Чкаловский. Моздок, — произнес я паролем путь из точки А в точку Б. Гражданским они ничего не скажут, людям в погонах это как путь из варяг в греки.

Майор понял и оценил, что я не выпячиваю Чечню охранной грамотой.

— Подождите немного, сейчас товарищ отъедет, — кивнул на звонившего.

Тот уезжать без прав не собирался, зато заглянул внутрь машины капитан:

— Куда Васю?

Майор скосил на меня глаз, но посчитал за своего и отдал распоряжение:

— Гони обратно.

Через минуту мимо нас на гору, подгазовывая себе синими точками-тире, весело побежал «петушок». Теперь уже ясно: собирать очередную партию лохов. Не знаешь, что лучше: Кавказ со своей наглостью или родная глубинка с подвохом...

Мою горькую усмешку майор попытался не увидеть, но оправдаться посчитал нужным:

— Самое гиблое место. За смену две-три аварии. А так хоть сдам ее без трупов.

Стопка отобранных водительских прав на панели перед стеклом не тянула на свидетельство о смерти, но даже если она перекроет один некролог, капитан-кот не зря слизывает с пригорка свою сметану. Вот только если бы не исподтишка...

— Осторожнее, товарищ полковник. Дорога скользкая.

— Спасибо. Справлюсь.

Снег кружил уже по-взрослому, с уверенностью в свои глубокие тылы. Фуры на трассе начали сбиваться в паровозики, и обгонять их без риска схватить лобовое столкновение сделалось практически невозможно. Но я обгонял — спасибо, товарищ майор, за задержку. Понимаю ситуацию, но самолет ждать не станет. Но вначале надо добраться до Севска, родины моего друга, которого я подставил под пули.

— Держись, родная, — я сжимался в пружину, чтобы не вильнуть и не цапнуть колесом снег на обочине. Тогда точно принесут цветы, так неестественно алеющие среди дорожных отвалов, и мне. Сейчас нельзя. Никак нельзя.

Ангел, наверное, выбился из сил поспевать за мной. Держись, брат! Сам меня выбрал, не я тебя. С другим бы наверняка лежал на диване...

Самыми одинокими, несмотря на их прокол с ГАИ, на зимней трассе кажутся автобусные остановки. Но когда впереди замаячила маленькая фигурка, сгорбленным столбиком стоящая у дороги, я закачал головой: не-ет! Я что, один на всей трассе? А если бы не приехал? Все бы так и остались стоять и бежать своим ходом? Подберут те, кто не так спешит...

Сзади накатывали железнодорожным составом фуры. А стоял, кажется, пацан. Что ты тут делаешь в снегопад? Тоже на рыбалку или уже с нее? Подарю Лешке после госпиталя удочку, приедем с ним на его Брянщину и засядем у лунки на все дни недели. Кроме понедельника.

Лишь бы выжил!

— Быстрее! — я выбросил дверцу перед парнем.

В зеркало заднего вида надвигалась снежная круговерть с мощными фарами внутри. Они мигнули, предупреждая об обгоне, и я прикрыл глаза: все, второй раз мне эту грохочущую, клубящуюся в снегу массу не обойти. Парень-парень...

Тот, похоже, уже не надеялся, что его кто-то подберет. В легкой курточке, кроссовках, вязаной шапочке, паренек полусогнутым ввалился в машину и остался на сиденье в этой же позе, совершенно равнодушный, что с ним будет происходить дальше. Фуры, волнами качая машину, проносились мимо, и я направил на нового пассажира все вентиляторы от печки. Пропустив весь затор, выехал на дорогу. Возвращаться все равно в темноте.

Несколько минут проехали молча. Паренек оживал постепенно: сначала зашевелился, потом сел поудобнее, огляделся.

— А я все равно думал, что кто-то добрый найдется и не даст замерзнуть, — совсем как старушка перед этим, кивнул в благодарность. Протянул руку: — Леша.

Пальцы были холодными, но зубы уже не стучали.

— Привет, Леша. Моего друга тоже так зовут. Сколько же ты стоял?

— Часа два.

— А куда добираешься?

— В Суземку. К крестному.

До поворота на Суземку было километров восемьдесят, после него еще тридцать...

— А почему не на автобусе?

— Билет 120 рублей. А мамка дала только пятьдесят три. Водитель не посадил.

— Надо было ехать?

— У меня сегодня день рождения, пятнадцать лет.

— Поздравляю.

— Спасибо. А крестный еще летом обещал подарок. Как вы думаете, что он может подарить?

— А он знает, что ты едешь?

— Нет. Но он же обещал!

Господи, в какие дикие края я попал! Что это за страна такая, полная наивных людей — Брянщина! А если крестный забыл про обещание? Или, хуже того, лежит пьяный? Или просто уехал и дом закрыт? Леха ты Леха, голова два уха...

— Бери конфету, — кивнул ему на свой утренний заработок. Сам не успел вытянуть шею и осмотреть колонну, а сосед уже облизывал фантики синим языком. Значит, краска на обертках поганая...

Дорога пошла волнами, сведя видимость к нулю. Рисковать попутчиком, да еще в его день рождения, стало непозволительно. Ну и ладно. Переродем. А еще лучше — дозаправиться на обратную дорогу и перекусить. При таком движении все равно одинаково со всеми подъедем к суземскому повороту.

— Перекусим? — кивнул на заправку.

Лешка недоверчиво поднял глаза, торопливо согласился, пока я не раздумал.

— Что взять?

— А можно сосиску в тесте? Такие бывают, я знаю.

— Иди выбирай, пока запраплюсь.

Именинника нашел у витрины — он словно сторожил вожделенный бутерброд недельной заветренности.

— Вон она, — прошептал с облегчением часового, сдавшего пост.

— Садись туда, — кивнул я на дальний столик. Наклонился к девчонке за стойкой: — Тому парню — хороший кусок мяса. С полной тарелкой картошки. Салат со всей зеленью, какая есть. Еще... давайте компот с сырниками. И сосиску в тесте. А мне кофе. Покрепче.

За столом Лешка перегнулся, чтобы не слышали остальные, брянским партизаном-подпольщиком прошептал:

— Сзади иностранцы сидят. Видите? Думал, хохлы, а прислушался — нет, я по-ихнему понимаю. Наверное, молдаване.

Подошла девушка с полным подносом, принялась выставлять тарелки. Леха проводил каждую завистливым взглядом, но увидев свой заказ, облегченно выдохнул.

— С днем рождения, Лешка, — я сдвинул все порции к нему.

— Это мне? Все? — голос парня дрогнул, в глазах показались слезы. Не удержавшись, покатились по худым щекам, булькнули в компот. — А я еду и есть хочу. Еду и хочу есть...

— Я машину посмотрю, а ты ешь, — оставил именинника одного. Кофе можно и в кабине попить...

Допить не успел. Утирая рот, выбежал с зажатой в руке сосиской попутчик. Может, боялся, что уеду? Нет, Леха, ты земляк моего друга. И имена у вас с ним одинаковые! А значит, я тебя не оставляю.

— Там был такой кусок мяса! — убедившись, что я на месте, начал именинник с самого восторженного. Видать, и впрямь мать не смогла наскрести на билет, если парень забыл, когда сытно ел. — Такой кусище! Спасибо.

Улыбнулся счастливо, по-хозяйски уселся на сиденье:

— А у меня теперь получается, что я в Москве был и в кафе. И на метро ездил. Там, чтобы попасть в него, надо сначала карточку купить и приложить к желтому кругу. Я два раза проехался по эскалатору — и привык сразу. Только вот народу там — табуны. Та-бу-ны народу!

Он еще рассказывал, как надо вести себя в Москве, чтобы не потеряться, как сторониться цыганок. А главное, не покупать продукты в первом попавшемся магазине. Потому что если обойти несколько, то хоть на пять копеек, но товар найдется дешевле...

— Леха, вон поворот на твою Суземку. Люди стоят, значит, автобус скоро придет. Я бы довез до конца, но очень спешу. К твоему тезке, он раненый лежит. Обещай, что сядешь на автобус.

— А пешком и нельзя. Волки завелись. Не дойду.

— Это тебе на билет, — протянул ему деньги.

Я сидел сбоку, но Лешка посмотрел вверх, словно они свалились оттуда. А может, чтобы просто проморгаться. Прекращай это мокрое дело, брат! И не заражай других.

— Спасибо за пожертвование.

Тебе спасибо, Лешка. За твою наивность и открытость. Что оказался одного имени с другом, на которого я ненароком, но навел врага. Я, когда останавливался, не знал, что у вас одно имя. Но пусть получится, что и таким образом я отмаливаю свой грех. Теперь одна просьба ко всем святым — чтобы был дома твой крестный...

А мне — все! Лимит остановок исчерпан. Хоть пожар, хоть наводнение, а мой путь только к колодцу на окраине Севска. Рядом с женским Крестовоздвиженским монастырем. В госпитале Лешка попросил воды из него. Не просил, конечно, а лишь помечтал, облизывая сухие губы:

— Воды захотелось. Из нашего колодца...

— Воды просит, — сказал я врачу, когда вошли к нему в кабинет. В углу рядом со скелетом стоял кулер, но я уточнил:

— Из колодца около дома.

— Это было бы, между прочим, очень кстати, — вдруг поддержал главврач. Себе налил в чашку из кулера. Набросив на скелет халат, приподнял поникший череп анатомического пособия, ставшего вешалкой. —

В природе все просто. Человек на 80 процентов состоит из воды, и ее структура полностью совпадает только с той, которую он пил с рождения. Так что если больному питаться пищей, которая окружала его с детства, и пить воду из родного колодца, выздоровление пойдет значительно быстрее.

В тот же вечер я отыскал военный борт на Москву и договорился на обратный вылет. Двухлитровые пластиковые бутылки из-под пива — это набрать воды Лешке. И завтра утром я должен стоять с ней на аэродроме, если хочу успеть к повторной операции.

— Сегодня ночью были голубые пакеты, — усмехнулся Лешка тогда в реанимации. Пакеты для вывоза умерших и впрямь делают разного цвета — черные, голубые, золотистые... — Двое ночью захрипели и... А я лежу и приказываю себе дотянуть до утра. Чтобы уж если душа летела над землей, то... на рассвете, а не в темноте. Почему-то это оказалось важным...

Уставился в высокий потолок. Однако открылась дверь и вошел бог земной — наш военный хирург Васильич. Постучал для меня по часам — ты просил минуту...

— Это я виноват, Васильич, — уговаривал я его накануне попасть в реанимацию. — Я вышел с ним на связь.

— А мне сказали, что он сам вызвал огонь на себя.

— Да, но все наоборот. То есть сначала он ушел со своей группой брать главаря. Трое суток сидел в норе как мышь. А я не знал. Никто не знал. А тут внучка родилась. Он так ее ждал!

Хирург прищурил глаз, прикидывая наш возраст. Да, не мальчишки. Но что делать, если на Кавказе воюем мы, деды. В Афгане ждали рождения своих детей, на Кавказе — уже внуков. Страна не воспитала замены, Кремль с Белым домом, как шерочка с машерочкой, барахтались все эти годы в нефтяных, митинговых и барахольчих проблемах...

— И что? При чем здесь внучка?

Врач намеревался остаться непреклонным. Было от чего: через три дня у Лешки повторная операция и лишний раз волновать пациента — всем дороже.

— А я стал выходить на него по связи. Поздравить. Я так часто пробивался в эфир, что он испугался: что-то случилось. И ответил. И его в этот момент самого запеленговали «духи». Так он из охотника сам превратился в дичь. Потом уже был бой и огонь на себя.

— Понятно. Тебе одна минута. Он очень слаб. Дай Бог продержаться критические три дня.

Три дня кончаются завтра. А я пока за 500 км от Москвы плюс полторы тысячи от столицы до Моздока.

Снег чуть поутих, но переметы лежачими полицейскими пытались сбить скорость. Но только не сегодня и не для меня. Впереди показалась знакомая, нарастившая себе дополнительный хвост колонна. Говорил же, что придем одновременно. Слева дозорными пошли дома с окраины Севска, и первый купол от Москвы — как раз Крестовоздвиж...

Я не понял, почему вильнул хвостом летящий по трассе снежный вихрь. Но из него выпала, оторвавшись от общей колонны, последняя фура. Машина на глазах, перед глазами, стала крениться, хватать перепуганными колесами воздух, перегораживать путь. Я летел прямо под этот падающий двухэтажный дом, тормоза бессильно завизжали на скользкой трассе, меня закружило, и последнее, что увидел, — это обрыв. То ли крикнул, то ли подумал:

— Все!

Последний раз перед опасностью закрывал глаза при первых прыжках с парашютом, будучи лейтенантом. Потом запретил себе подобное. Поэтому, раз не помнил, что произошло при падении, значит, потерял сознание. Кратко, на миг, но случилось...

Да и когда пришел в себя, ничего не увидел: раскрывшийся жабьим ртом капот закрывал обзор. Прислушиваясь к себе, возможным травмам, повернул голову в сторону насыпи. И понял, что обманывался зря, что я все же разбился: сверху меня крестила монахиня. С черным клобуком на голове, с большим наперстным крестом поверх мантии и рясы с широкими, развивающимися на ветру рукавами. Значит, наместница монастыря. Может, самого Крестовоздвиженского. Но как смогла так быстро оказаться здесь? Ангел позвал? Хирург зря поднимал голову скелету...

Только как могла подняться на небеса вместе со мной и кабина? Может, я все же на земле? И жив?

Толкнул дверцу.

К машине, скользя и падая на крутом склоне, торопились люди.

— А должен был перевернуться, — услышал недоуменное.

— И косточки должны были лежать в рядок по насыпи.

Пока же по насыпи от моей машины шла всего одна колея. Значит, правая сторона Рено летела по воздуху. Старушка-попутчица не зря назвала меня Летуном. Знать, не подобрали еще цвет для моего мешка...

— Будь скорость поменьше, перевернулся бы. Как пить дать, — продолжали со знанием дела оценивать мою аварию любопытные.

Фраза напомнила про Лешку. Снег хотя и спас, приняв меня с машиной, как в ватную стену, но из этого рва теперь не выбраться до скончания века. Они, придорожные сугробы, давно звали меня на посиделки.

Только загорать на морозе, похоже, светило не одному мне. Из разорванного брюха развалившейся поперек дороги фуры вывалились мешки, перегородив и обочины. Задранные вверх колеса продолжали наматывать время. В голос дрожал треугольным нутром одинокий дорожный знак крутого поворота: ясно, что он не виноват, но дело для России знакомое — наказать невиновных и поощрить не причастных. Тем более что трасса остановилась в обе стороны.

Любопытные разделились — одни шли смотреть фуру, другие оценивали мой полет. И только матушка, не двигаясь, продолжала шептать в мою сторону молитву. Я благодарно кивнул, подумав, что надо попросить помолиться за Лешку...

— Не вытащим. Перевернется, — вокруг моей машины продолжали топтаться, утрамбовывая снег, мужики.

Склон и впрямь слишком крут, и второго фокуса с полетом он, конечно, не допустит. Пробиваться вперед дело не менее гиблое — снег по колено, за рвом хоть и хилая, но лесополоса, а дальше заснеженное поле. Единственный выход — это оставить машину и добираться в Москву на попутках. Но ведь и попуток нет...

— Попробуй завести. На ходу хоть? — посоветовал парень в унтах. Вот так надо зимой собираться в дорогу, по-сибирски. А то вырядился в полусапожки...

Черная ими снег, залез в машину. Не без тревоги повернул ключ. Есть! Толку от этого никакого, но завелась. И на табло горит красным контуром аккумулятор. Ясно, что это второстепенно, но с времен учебы в суворовском училище предупреждали: в армии все красное несет опасность.

— Аккумулятор показывает разрядку, — открыв окно, прокричал парню.
— Глуши.

Вслед за «сибиряком» в мотор нырнул шустренький, подпрыгивающий из-за малого росточка мужичок. Наверняка пахал колхозные поля. Сделайте что-нибудь, мужики! Авось получится!!

Вернулись с уловом, показав всем разорванный ремень генератора. Тут даже если выбраться на дорогу, аккумулятор в одиночку, при морозе, работает не более пятнадцати минут. Потом машина заглохнет и превратится в остывающий кусок железа и пластика. Влетел! По всей системе координат!

Зато парень не думал сдаваться.

— Мужики, у кого-нибудь ремень есть?

Несколько человек пошли к своим машинам, и вскоре с насыпи один за другим прилетело сразу четыре лассо.

«Сибиряк» выбрал по размеру самый близкий к оригиналу, снова нырнул под капот. Вернулся из забитой снегом преисподней озадаченный. Одного взгляда на меня ему оказалось достаточно, чтобы понять: я тут ему не помощник. Мужичонка-механизатор тоже втянул голову в плечи, став ниже поднятого капота: в тракторе все проще, там с матерком как с ветерком, при одном молотке да отвертке можно объехать все поля...

— Кто-нибудь помнит схему, как надевать ремень? Здесь восемь шкивов.

Вниз, оберегая копчики, спустилось еще пару человек. Только бы не бросили, только бы у мужиков получилось! Они стали спорить, рисовать на снегу расположение шестеренок, угадывать ход ремня. От меня им и впрямь не было никакой пользы, и я вскарабкался на дорогу. Водитель фуры сновал вдоль рассыпанных мешков, оправдываясь перед кем-то по телефону. Пробка росла на глазах. Извини, Леха. Но я правда очень хотел тебе помочь...

— Храни тебя Господь, — подошла тихо игуменья. — Ангел-хранитель тебе крылышки подстелил.

Согласно кивнул. Все же успел он за мной. Вернусь в Моздок и выпишу ему увольнительную на сутки!

Но во взгляде настоятельницы читалось и осуждение за скорость, и попытка оправдаться:

— К вашему монастырю ехал. Там рядом колодец есть.

— Есть. Сами берем из него. Вкусная вода.

— За ней и ехал. Другу.

— Из самой Москвы? — монахиня посмотрела номер на моей машине.

— Из Чечни. Он ранен.

Матушка перекрестилась, зашептала молитовку. Поглядев на вставшие намертво вереницы машин с обеих сторон, отошла, достала мобильник. Если ей на вечернюю молитву, то тоже не успеть. Хорошо, что хоть я ни перед кем не виноват...

В конце пробки, убирая с дороги любопытных, закрутились под вой сирены проблесковые маячки знакомой гаишной машины. Позже всех, но

все равно вовремя. Вызовут тягачи, кран, — что-нибудь ведь сделают. Не удалось майору спокойно завершить смену.

Одного взгляда ему хватило и оценить обстановку, и узнать меня. Капитана послал к фуре, мне укоризненно прошептал:

— Предупреждал же — осторожнее! Я, что ль, хотел этого?

Гаишник не погребовал спуститься вниз, окунуться вместе со всеми в мотор, вытолкнув плечом мужичонку. Потом нарисовал для «сибиряка» в воздухе загогулину, для гарантии повторив ее на снежной схеме. Поднялся обратно, на ходу вытаскивая мобильник.

— Алло, Вася? Трос есть? Дуй на Севский перекресток, надо будет протянуть машину по полю.

Через два часа Вася на «петушке» набивал колею по снежной целине, «сибиряк» вырубал окно в просеке, водители, черпая туфлями снег, спускались толкать мою «Реношку». Сверху крестила теперь уже всех игуменя. А по белому полю, словно черные воронята, утопая в снегу, шли от Крестовоздвиженского монастыря монашки с бутылками воды...

ВЫШЛА КНИГА

Охапкин О.

Любовная лирика / Составитель Татьяна Ковалькова — СПб.: Русская культура. Союз писателей России, 2013. — 128 с. ил.

«Простоте заглавия книги Олега Охапкина соответствует ее чистота и глубина, качества столь необходимые современному искусству, стремительно их утрачивающему. Лирическая в зародыше, но торжественно повествовательная по приобретенному с годами обличию, стихотворная речь Охапкина органически выражает себя как раз в его любовной лирике — с ее старинной величавостью, под которой, конечно, эротический «хаос шевелится», но наружу мутной пеной не выплескивается. Гул давней русской поэтической речи довлеет себе — словно бы громогласный строй державинской оды, смягченный последующим сладкогласием элегий Батюшкова, величаво доказавшись до нашего времени.

Поэзия Олега Охапкина в высоком смысле слова поучительна. Не назидательна, а именно поучительна. Она позволяет надеяться, что и сегодня сквозь юдоль лирического существования возможен прорыв к сияющему Небесному Граду».

Андрей Арьев

Виктор ПОТАНИН

ОДНАЖДЫ НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Недавно, в своем Утятском, я пережил одну чудесную встречу. Мне привиделось, что я снова учусь в своем незабвенном Литературном институте, а самое главное, что я снова молод, снова полон сил и желаний. Но это, конечно, не все. Да, да... Самое чудное все-таки то, что я увидел себя в большой комнате нашего общежития, а за столом сидел писатель Юрий Селезнев. Это было почти как в кино: наше воображение порой вытворяет великие чудеса. Ну конечно, конечно... И потому я мучительно вглядывался в это дорогое до боли лицо, а какой-то голос во мне все повторял: «Но как же, как же?.. Что за мираж? Ведь его уже нет на земле, а ты его видишь». И только прищурю глаза, а он снова рядом, рядом, можно ладонью дотронуться, можно даже о чем-то спросить. Но спросил первый он:

— Значит, условились? Я сейчас тебя буду экзаменовать... Выходит, обещанный роман ты так и не написал?

— Нет, нет... — залепетал я смущенно и опустил глаза.

— Плохо, милый, никуда не годится. Ты же обещал написать о своих сельских учителях. Это же кровь твоя, — неужели тебя не пугает?..

— А что должно напугать? — ответил я с вызовом, а он улыбнулся в ответ своей пронзительной детской улыбкой:

— Жизнь наша, пути наши должны напугать... — И вдруг добавил строго и наставительно: — Забывать мы стали своих пророков. Э-э, да что говорить. Вот прочти в моей будущей книге, как великий Федор Михайлович разговаривал с сирыми да убогими, как помогал им. Да, да... Часто последнюю денежку выложит, а что до чувств! — Он покачал головой. В его синих глазах мелькнула усталость. А может, пе-

чаль. И через секунду опять продолжал: — А учительство наше тоже сирое и убогое. Кто только над ним не командовал, кто только не обижал. Ты помоги ему распрямиться...

— Я? — вырвалось у меня с каким-то испугом.

— А кто же, если не ты! Нужно ставить перед собой большие задачи. Порой один бывает сильнее целой толпы. Наши великие это знали и потому шли на бой...

— И часто проигрывали.

— Ну-ну... — Он рассмеялся и потянулся за сигаретой. — Нам бы, милый, их поражения. Мелеют нынче не только моря, но и наши страницы... А я вот пишу сейчас, как Достоевский готовил свое слово о Пушкине. И ты знаешь... А впрочем говорить преждевременно. Примета худая. — И после этих слов он затих. И голова его, уже слегка поседевшая, как бы остановилась в пространстве, застыла. А потом пропало, смылось видение. И сколько бы я ни напрягал память, а больше вспомнить не мог ничего. Пропала и та наша комната, и тот разговор. Как это печально. Ведь мне о нем нужно было многое написать. На днях пришло письмо из Краснодарского книжного издательства — с его родины, а в том письме: «...выпускаем книгу воспоминаний о Юрии Ивановиче Селезневе. Вы с ним много встречались, дружили, потому приглашаем участвовать в нашем сборнике...» Вот и все слова, а сколько забот они мне принесли, сколько волнений... Вот и тогда я сидел на крылечке своего деревенского домика, смотрел на закатное солнце и горевал. «О чем же писать и как выделить главное? О чем же, подскажите мне, посоветуйте?..» — умоляла кого-то душа. Но кто подскажет, да и нужны ли в этом деле советчики. И тогда я открыл его книгу «Достоевский», изданную в серии «ЖЗЛ». Открыл и нашел то место, где великий прозаик говорит о великом поэте: «Голос его уже звенел в потрясенной тишине зала, время от времени взрывающейся овациями, и он продолжал:

— Да, Пушкин — истинно наш народный поэт, но и не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и в этом смысле он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески...

— Жил бы Пушкин далее, — голос его снова опустился едва не до шепота, — так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров... Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем, — почти экстатически закончил он.

Несколько мгновений зал пребывал еще в каком-то онемении, которое прорвалось вдруг столь бурно, что вряд ли когда прежде Благородное собрание видело что-либо подобное.

— Пророк! Пророк! — раздавались крики. Славянофил Иван Аксаков и западник Тургенев бросились целовать Достоевского. В зале творилось невообразимое — люди плакали, обнимались, кто-то упал в обморок, словно пусть на мгновение, но все злое, недоброе, разделяющее людей, отпало вдруг как скорлупа, и они обрадовались себе, новым, забытым, но мучившимся всегда в этой проклятой скорлупе и теперь ликующим от возможности быть самими собой. Рассказывали потом, что в эти минуты мирились,

обнимая и целуя друг друга, даже старые враги: два известных Москве старика, о которых знали — лет уже двадцать слышать не могли один о другом без содрогания, — вдруг, не сговариваясь, бросились в объятия, сникли и заплакали, как малые дети, седые, беззащитные...

Следующим должен был выступать Иван Сергеевич Аксаков, его любили в Москве и встретили овацией.

— Я не могу говорить, — сказал он, — после речи Федора Михайловича Достоевского, этой гениальной речи, которая, конечно же, — историческое событие.

Объявили перерыв. К Достоевскому подходили, поздравляли, спрашивали о планах на будущее.

— Вот напишу еще «Детей» после «Карамзовых» и умру, — отвечал спокойно, не рисуясь, как о деле давно решенном.

Вечером в гостинице только почувствовал, как он устал. Но не спалось, дневное потрясение от того впечатления, которое произвела его речь на присутствующих, все еще живо переживалось, и он снова оделся, взял с собой тяжелый — дотащит ли? — венок, которым увенчали его сегодня, нанял извозчика и по ночной Москве — прямо к Страстной площади, к Тверскому, туда, где теперь вечно будет стоять Пушкин, задумчиво склоняя голову, глядя на потомков своих:

— Здравствуй, племя младое...

Он положил свой венок к подножию памятника, снял шляпу, низко поклонился поэту, улица была безлюдна, одиноко светили фонари, накрапывал легкий июньский дождь. Так он стоял, один и вместе с Пушкиным и, казалось, со всей вселенной, глядящей на него через разрывы неплотных и невидимых облачков таинственно мерцающими из ее бесконечности мирами. Как знать, может, это и было то самое его мгновение, которое, конечно же, стоило всей жизни и, во всяком случае, ради которого стоило пройти через все ее нелегкие искушения, мытарства, обманы, насмешки?..» Я закрыл книгу и стал молить снова кого-то, чтоб повторилось то виденье — та встреча в студенческом общежитии... Но тщетно, тщетно. И сколько я ни напрягал память — ничего не мог вспомнить. А ведь мы тогда еще долго сидели и говорили. Но о чем же, о чем?.. И чем больше было этих вопросов, тем больше скапливалось раздражения. А потом я неожиданно успокоился и решил про себя: «все равно, все равно я напишу свои странички про Юрия Ивановича Селезнева. Напишу и отправлю заказным письмом в Краснодар — пусть смотрят издатели, пусть критикуют. В конце концов я имею право: у меня целая стопа писем от него и открыток, да и встреч было столько, что и считать бесполезно. Вот только знать бы тогда — я бы все заносил в дневничок... Хорошо, конечно, тем, кто умеет писать такие воспоминания. А ведь я не шучу, я уверен: есть люди, которые прекрасно это умеют... У них даже талант на это — ну, конечно, талант! Иначе чем объяснить их обильную, ни с чем несравнимую память. Они помнят каждую фразу того, о ком пишут и вспоминают. Да что фразу... Они помнят каждый жест его, все привычки, причуды. Как будто только и делали, что ходили за ним с блокнотом в руках — и стенографировали, запоминали, заносили в анналы... Читаешь потом такие воспоминания, и нет-нет да и шевельнется льдинка сомнения — а правда ли это? Может, все это выдумка, литературное сочинение?..»

А впрочем, хватит об этом! Да и если честно, то все мое ворчанье сейчас только ширма, только способ прикрыть свою робость, свое волнение. Ведь я твердо решил написать сейчас эти странички и рассказать о дорогом для меня человеке — Юрии Селезневе...

Но о чем рассказывать и что вспомнить?! Может быть, о его письмах, которые так согревали меня и давали утешение и надежду. Да, согревали и утешали, потому что все мы тоскуем по доброму слову, по теплу и вниманию. А если уж честно признаться, то я не очень люблю давнюю расхожую истину, что наши друзья обязаны-де быть суровыми, принципиальными мужчинами и в своей суровости должны низвергать на нас только правду, правду и правду. И о нас самих, и о наших близких, и о наших книгах, которым всегда так далеко от совершенства. Нет, для меня настоящий друг тот, который всегда может утешить и вызвать надежду. И в письмах Юрия Селезнева все это было — и надежда, и верность, и доброе слово. И еще какая-то щемящая, неприкрытая нежность, от которой встает комок в горле... «Витя, дорогой мой человек, с Новым годом тебя! Дай Бог тебе здоровья, душевного тепла, понимания, добрых дружеских встреч, светлых минут за рабочим столом. Не забывай. Будет минута — напиши о себе. Целую тебя. Твой Юрий С.» — и дата — 28 декабря 1983 года...

Это было одно из его последних писем на мой домашний адрес. «Не забывай...» И сказано это за три дня до Нового года. Не забывай! Как это горько, непоправимо — этих слов он уже больше мне не скажет. И самое горькое, что он еще был молод, полон сил и надежд, полон планов, он еще только-только набирал высоту, и можно было только догадываться: какой это был бы бесконечный и прекрасный полет... Как это горько, непоправимо, но ничего не изменишь. Я смотрю вверх по улице, и мне еще тяжелее. Вокруг — пустота и почти нет прохожих. А зимой здесь еще тяжелее. Все попрячутся в теплые дома, за двойные рамы, за тяжелые, обитые одеялами двери. У нас в Сибири привыкли основательно готовиться к долгой зиме, ведь в январе морозы за сорок. Наверное, потому человек наш сибирский привык закутывать не только свои дома, но даже и души. И потому, конечно, так много у нас людей молчаливых, угрюмых. Но это внешне только, честное слово. Копни поглубже, расшевели ту угрюмость — и своим глазам не поверишь — сколько хлынет на тебя доброты и силы! И нежности, сострадания! И мужества, и верности своему долгу... Как-то с Юрием Селезневим мы долго говорили об этом. Точнее он говорил, а я слушал.

— Какое все-таки необъятное слово — Сибирь, здесь и Ермак, и Кяхта, и знаменитый сибирский характер.

— Почему знаменитый? — прикинулся я непонимающим...

— А потому... Потому что закаленный, выносливый... Один стоит десяти. — Он на секунду задумался, стал разминать сигарету. Глаза сделались печально-серьезны.

— Вспомни сорок первый, бои за Москву. Какие были тяжелые дни и недели. Но вот пришли из резерва сибирские полки и спасли положение. А потом гнали врага до самой границы... А возьмем литературу... — Он повернулся ко мне и улыбнулся чудесной белозубой улыбкой: — Да, и в литературе бывали тяжелые дни. Но вот пришел из Иркутска молчаливый, застенчивый человек Валентин Распутин — и сразу приподнял все литературные потолки. На десять этажей вверх, на двадцать. Согласен?

— Ну конечно, конечно... сказал я и замолчал. А он снова стал говорить о Распутине, о его книгах, о встрече с ним, о его известности, о читательской любви к нему — любви миллионов. И разговор наш продолжался еще долго-долго. Такой памятный для меня разговор! И вспоминаю об этом, как будто все случилось только-только вчера. А ведь прошло уже десять лет с того дня, с того часа. Даже страшно подумать — десять лет! И кажется, что это случилось только вчера. Да, да, я помню все — почти каждое его слово. Мы оба были приглашены тогда в качестве руководителей на зональный семинар молодых литераторов. Семинар проходил в Костроме, в загородном доме отдыха на берегу Волги. Стояла поздняя весна, березы уже были в зеленом уборе, и солнце грело уже по-летнему... И пришли мои незабываемые счастливые дни. А впрочем, что же здесь счастливого? — кто-то усмехнется из моих читателей. Ведь семинар — это тяжелая работа. А для руководителей — особенно... Да, спорить не буду. Конечно же, любой семинар — это работа. Но все-таки я ничего не прибавлю сейчас, когда говорю о счастливых днях. Потому что совсем рядом, в каких-нибудь тридцати метрах от нас, была Волга. А для всякого русского человека близость Волги — как сильный дождик в засушливый день. Хлынул он — и все ожило, расцвело: и деревья, травы, и каждая былинка пошла в рост, почуяла силу. Так и было с нами. Спать мы почти не спали, по крайней мере, я почти совсем не ложился. Да и как было заснуть, когда рядом, за окнами, была Волга. По реке все время шли и шли пароходы, и эти пароходы беспрерывно гудели. И гудки были какие-то непривычно громкие, молодые, веселые. И мне, никогда не жившему у большой реки, все это казалось праздником. Оно так и было. Именно так. В своем родном городе я привык к размеренному, довольно обыденному существованию — и вдруг рядом огромная весенняя река, длинные гудки пароходов, теплые, почти летние ночи, напоенные запахом трав и близкого леса... И рядом, совсем рядом с тобой — такой умный, искренний и надежный человек, как Юрий Селезнев. Разве это не праздник?... И опять какой-нибудь скептик сурово сдвинет брови — подумаешь, мол, умный, глубокий... Да мало ли вокруг нас таких людей? Да, согласен, таких людей немало. Только у Юрия Селезнева все это было возведено в квадрат, в куб, а может, и того больше... И еще: он по-братски любил тех, кого считал настоящими. Да, мне всегда казалось, что людей он делит на две категории: просто на людей и на людей настоящих, у которых душа, как глубокий артезианский колодец. И эти настоящие люди часто были совсем не писатели, а порой даже и близко не стояли к литературной работе. У него было много таких — и в родном Краснодаре, и в Москве, где он учился в аспирантуре, а потом работал в различных местах. К слову сказать, я давно уж заметил, что часто большие писатели как раз и тянутся к людям простым, обычным, не обремененным большой начитанностью и мудрыми книжными мыслями. А впрочем, стоит ли об этом серьезно, ведь часто любая начитанность просто меркнет, бледнеет, если рядом поставить глубину совести — глубину человека. Но я снова немного отвлекся...

А между тем я хорошо помню самые первые его московские годы. Даже и не годы, а самые первые дни и недели в столице. Он жил тогда на седьмом этаже в общежитии Литературного института по улице Добролюбова. У меня в глазах опять встает эта комната. Она вся была завалена книгами, журналами, рукописями, как говорят, ноге ступить некуда. Как он нахо-

дил дорогу в этих книжных лабиринтах — ума не приложу. Да вдобавок в комнате этой всегда было сине от табачного дыма. Табак хозяин комнаты признавал, а вот вино, мне кажется, недолюбливал. Но бутылка сухого у него всегда была в запасе. На какой-нибудь пожарный случай — мало ли... Зайдешь, бывало, к нему на огонек — он поставит на стол тарелку с конфетами, сигареты, а рядом — это сухое.

— Витя, немного? Чисто символически?

— Нет, нет. У меня же давление.

— Вот и хорошо! — вздыхал он с громадным облегчением. Он радовался, что не нужно пить эту злополучную рюмку. Ведь впереди у него была ночь работы, на столе у него всегда лежали исписанные густым почерком странички. В те дни он писал свою книгу о Достоевском. К слову сказать, о Достоевском, о своих страничках он говорил со мной мало, да и с другими тоже. Почему так — я не знаю. Может, это было обычное авторское суеверие, что если дело не сделано, то и грешно о нем говорить. А может быть, он не находил для себя среди нас достойного оппонента, ведь тема-то какая — Достоевский! Зато часто, для отдыха, что ли, он говорил совсем о другом, о более близком для нас, повседневному — о наших всегдашних заботах, печалях. Я говорю о литературных, конечно, печалях... Бывало, посмотрит на меня повнимательней, чем всегда, улыбнется своей тихой улыбкой:

— Витя, что сейчас обживаешь? Опять рассказ? Из курганской жизни своей?

— Опять...

— Да-а, друзья милые. Ты тоже, как все...

— Почему?

— А потому, что все писатели пишат свою жизнь, что было с ними, происходило — живую реальность. Ты вот напиши о том, что с тобой никогда не случилось и не случится. Вот, к примеру, в Париже ты был?

— Не был. Ну и что?

— А на острове Пасхи был?

— Ну и что! — Я уже стал выходить из терпения. — И на экваторе я не был, и в пустыне Сахара.

— Хорошо, что сознался, — он громко смеется, а глаза что-то знают. И вдруг он обрывает смех, и сразу грустнеют глаза: — Вот ты и напиши о том, что с тобой никогда не случится. Ведь это тоже жизнь. Да, наши мечты — это тоже прекрасно. Ведь у иного в жизни только и есть, что мечты да надежды, а состарился, и все равно есть о чем вспомнить. Он мечтал, он надеялся! Как это хорошо... — И он еще долго говорил на эту тему, но я не решаюсь сейчас приводить его слова, потому что боюсь неточностей. К тому же я только что иронизировал над такими воспоминаниями, где все прекрасно и замечательно, как будто авторы только и делали, что ходили за своим героем с блокнотом в руках и стенографировали все, заносили в анналы... И все же в одном я признаюсь: тот разговор для меня не прошел бесследно. У меня действительно появился такой рассказ, подсказанный Юрием Селезневым. Главный герой рассказа — провинциальный учитель — человек очень нудный, тяжелый. Он постоянно всем недоволен, даже погодой. И самое лучшее, самое счастливое его состояние, когда он спит, когда видит сны и мечтает. Но мечты его маленькие, пустые, как у

Манилова, но у того хоть была широта, а мой учитель всего боится: и учеников своих, и их родителей, и своей любимой девушки он тоже боится, потому что та всегда может узнать, догадаться, какой он мелкий, трусливый. И погибает он тоже нелепо: случайно попадает под машину, которая возила на ферму концентраты. Его хоронит вся школа, даже отменяют уроки. И на школьной ограде играет оркестр, в почетном карауле стоят пионеры. А потом начинаются речи, прощание. Все шумят, суетятся, речи произносятся громкими, веселыми голосами. И только одна девочка, пятиклассница, плачет — жалеет учителя. И этот плач оттого, что учитель походил на ее старшего брата. Наконец эта пятиклассница не выдерживает и кричит прямо в лицо всем окружающим: «Почему вам не жаль его?! Почему?!» И после этого я поставил точку, хотя и понимал, что рассказ вышел бескровный, нежизненный. А потом я еще долго мучил его, переписывал, перedelывал, а потом взял... и бросил. Видно, трудно все-таки писать о том, что с тобой никогда не случилось. И прав Юрий Селезнев, что живую реальность описывать, конечно же, легче. Но литератор должен все время усложнять свои задачи и идти часто неведомыми путями...

А мои горячие беседы с Юрием Селезневым становились все продолжительней, откровенней. Как-то зашел к нему в комнату, а он прямо на первой минуте стал выговаривать.

— Вот все пишут, трезвонят, что теперь провинции уже нет... А ведь это неправда. Есть же?

— Ну конечно! — соглашалась моя душа. А он уже продолжал, и глаза его нервно блестели:

— И гнилые заборы есть, и лужи посреди улицы, и низкая вялая травка возле заборов. И такие же разговоры в домах — усталые, вялые, ни о чем. И такие же люди. Уставшие, без желаний. Вроде бы люди, а вроде бы и сухие листья... Подул слабый ветерок — и вот уж закружились, опали, и как не было их. Как не было...

И опять душа моя соглашалась с ним, потому что именно в те дни я начал писать повесть «Провинциальный человек». И повесть эта у меня написалась. Несколько лет спустя Юрий Селезнев мечтал напечатать ее в одном столичном журнале, но повесть не взяли. В другой журнал предлагал — и снова не взяли. Такая уж видно судьба...

А потом в редакции «ЖЗЛ» он предлагал мне новую идею:

— Витя, уйди с головой в Древнюю Русь... — И предложил мне такую тему, от которой у меня кружилась голова. А душа моя радовалась, приподнималась: надо же, он продолжает верить в меня, надеяться. Как это хорошо, когда верят... А он уже улыбался своей мягкой, удивительной улыбкой. И вдруг грустно шурил:

— Недавно был на море. Как будто приснилось. Позагорал немного, поплавал. Завидую тем, кто каждый год отдыхает. Счастливые люди... А меня опять отозвали в Москву. Заехал по пути в Краснодар, повидался с мамой. Мы редко встречаемся. Дела, Витя, все дела-а. Нас погубят эти дела...

Так и вышло. Его сгубила огромная работа. Хорошо было тем эллинским богам — и останавливать реки, и вести войны, и ворочать огромные камни, передвигать горы... Хорошо им было, ведь они были бессмертны. Но у человека — иначе. У него бывает последний час на земле, последний

миг, последнее слово... С Юрием Селезневым случилось это очень рано. Непоправимо рано...

Я не хоронил его, не стоял в изголовье гроба. Я находился в то время опять в своей деревне, а туда все известия доходят с опозданием на много дней. А может быть, это судьба меня пожалела, что я не хоронил Юрия Селезнева. Я бы ведь все равно не поверил, что это лицо может быть мертвым и неподвижным... Прекрасное, иконописное, удивительное лицо... Не лицо даже — какой-то древнерусский лик, особенно глаза!.. У нас в деревне был человек с такими глазами. «Этот не жилец!» — все время говорила про него моя бабушка Катерина. «Ну почему?» — «А потому, — отвечала она, — что Бог таких любит. Вот и берет их к себе...»

Я не знаю, каким именем назвать того бога, который позвал к себе Юрия Селезнева. Наверное, его зовут все-таки любовь, наша большая любовь. И эта же любовь вернула его обратно. И его небесное лицо, и его книги, и его незабываемое слово тоже вернула...

Помню, когда на Волге я стоял с ним на большом холме, возле беседки, на которой любил сидеть великий А. Н. Островский. И Юрий осторожно тронул меня за плечо:

— Его уже нет. А Волга все та же. И будет здесь вечно...

Я сейчас говорю то же самое о Юрии Ивановиче Селезнев:

— Его уже нет. А образ его с нами. И будет так вечно.

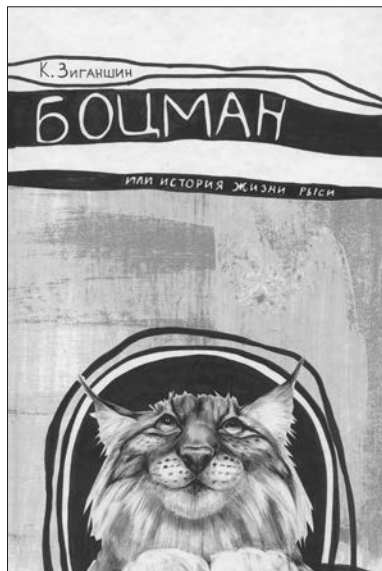
ВЫШАА КНИГА

Зиганшин К. Ф.

Боцман или история жизни рыси. Повесть. — Уфа: Инеш, 2013. — 84 с.

Удивительные картины живописной природы, прекрасное знание животного мира, повадок зверей, умение показать это не в какой-то застоялой статичности, а в прямом единении с жизнью и человеком — вот те основополагающие моменты, какие делают интересным и привлекательным творчество Камиля Зиганшина. Его книги притягивают к себе сочностью, красочностью литературного языка. Их с увлечением могут читать люди любого возраста. Для взрослых интересна жизнь природы, всего окружающего мира, для детей в них всегда найдется много познавательного.

*Александр ФИЛИППОВ,
народный поэт Башкортостана*

ПРОЗА

Сергей КУНЯЕВ

«“РУССКОЕ ДЕЛО” Н. КЛЮЕВА»*

Глава из новой книги

Сергей Станиславович Куняев — родился в Москве в 1957 г. Окончил филологический факультет МГУ (1980). Работал в издательстве «Современник», в журнале «Москва», зав. отделом критики журнала «Наш современник» с 1992 года. Выпустил книги: «Огнепальный стих»; «Растерзанные тени», «Сергей Есенин», «Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака...», в соавторстве со Станиславом Куняевым; документальная повесть о Павле Васильеве «Русский беркут». Член СП России. Член правления СП России (с 1999). Лауреат премий «Зодчий» им. Д. Кедрина (1995), им. С. Есенина (1996). **Живет в Москве.**

*Продолжение. Начало в № 3 и № 4 2013 г., в № 2 2014 г.

«Стая поджарых газет», о которых писал Клюев в «Плаче о Сергее Есенине», пополнилась еще одним «воителем» — бывшим другом, «наставником» и «рачителем» (так еще вроде недавно надписывал ему книгу Есенин) Сергеем Городецким. В журнале «Советское искусство» Николай мог прочесть о себе нечто совершенно в князевском духе.

«Гибель Есенина совершенно расстроила ряды крестьянской поэзии. Он был самый сильный и самый талантливый, и все же он погиб на перевале от старого к новому. На плечи его товарищей по группе легла тяжелая и, кажется, непосильная задача продолжить начатое им дело. Старший его товарищ, Николай Клюев, не подает никаких надежд. Он целиком и до сих пор покоится в иконах, лампадах и свечах. Изобразив в свое время Кремль, как Китеж, и увидев в Ленине “керженский дух”, он дальше не пошел, и ничего, кроме старых песен, мы ждать от него не можем. В таком же положении находится Сергей Клычков, ближайший сверстник Есенина. Песня его отравлена надрывом и старой деревенской мистикой».

К этому словоизвержению разум уже начал привыкать, хотя непросто было смириться с «воскрешением» Городецкого-предателя, памятного еще по истории с «Красой». Но тут же в «Новом мире» — новое сочинение Сергея Митрофанюча, словно зайчиком без остановки прыгающего с одной лужайки на другую: «неозычи́чник» — акмеист — «крестьянский поэт» — советский пропагандист.

Это уже были «воспоминания» о Сергее Есенине, в которых путалось и искажалось все, что можно было перепутать и исказить.

«...Была еще одна сила, которая окончательно обволокла Есенина идеализмом. Это — Николай Ключ-

ев... Чудесный поэт, хитрый умник, обаятельный своим коварным смирением, творчеством вплотную примыкавший к былинам и духовным стихам севера, Клюев, конечно, овладел молодым Есениным, как овладевал каждым из нас в свое время. Он был лучшим выразителем той идеалистической системы, которую несли все мы. Но в то время как для нас эта система была литературным исканием, для него она была крепким мировоззрением, укладом жизни, формой отношения к миру... У всех нас после припадков дружбы с Клюевым бывали приступы ненависти к нему. Приступы ненависти были и у Есенина: Помню, как он говорил мне: «Ей-богу, я пырну ножом Клюева!» Тем не менее, Клюев оставался первым в группе крестьянских поэтов... Я назвал всю эту компанию и предполагавшееся ею издательство — «Краса»... «Краса» просуществовала недолго. Клюев все больше оттягивал Есенина от меня. Кажется, он в это время дружил с Мережковскими — моими «врагами». Вероятно, там бывал и Есенин...

Можно было читать — и диву даваться. Чего стоит одно это: «пырну ножом» — еще неизвестно, сказанное ли в действительности Есениным! Но пронзает память Клюева страшная догадка — зря, что ли, родились тогда строки «Жертва Годунова, я в глуши еловой восприму покой...» Но дальше-то — «дружба с Мережковскими», в которой, «кажется», Городецкий так и уличает Клюева! С Мережковскими — самыми лютыми врагами Николая в символистском кругу... И в более спокойное время прочитать о себе такое — мало радости. А сейчас — в 1926 году — воспринимается, как прямой политический донос.

И это еще не конец. Городецкий жалуется на то, что «Ключи Марии» Есенина «не были “разбиты” критиком К. (естественно, Князевым. — С. К.) по линии философии...» А дальше пишется «путь спасения» заблудившегося в непроходимой «клюевщине» Сергея:

«Имажинизм был для Есенина своеобразным университетом, который он сам себе строил. Он терпеть не мог, когда его называли пастушком Лелем, когда делали из него исключительно крестьянского поэта... Он хотел быть европейцем... И вот в имажинизме он как раз и нашел противоядие против деревни, против пастушества, против уменьшающих личность поэта сторон деревенской жизни... Быт имажинизма нужен был Есенину больше, чем желтая кофта молодому Маяковскому. Это был выход из его пастушества, из мужичка, из поддевки с гармошкой. Это была его революция, его освобождение. Здесь была своеобразная уайльдовщина. Этим своим цилиндром, своим озорством, своей ненавистью к деревенским кудрям Есенин поднимал себя над Клюевым и над всеми остальными поэтами деревни... Есенинский цилиндр потому и был страшнее жупела для Клюева, что этот цилиндр был символом ухода Есенина из деревенщины в мировую славу...»

В этом пассаже, помимо всего прочего, присутствовала и еле скрытая подлость, рассчитанная именно на Клюева. Городецкий очень расчетливо переадресовал самому Есенину его сравнение Клюева с Уайльдом в «Ключах Марии» — причем, если Есенин снижал Клюева этим сравнением, подчеркивая «крестьянский эстетизм» Николая, то Городецкий возвышал здесь Есенина над всем крестьянским миром...

Читать все это Клюеву было особенно тяжело — летом 1926-го он был опасно болен, перенес две операции, чудом выжил после заражения крови.

Нищий, безденежный, потративший все сбережения на врачей и санитаров, писал письма и в Московское, и в Ленинградское отделения Союза писателей, прося помощи, которую так и не получил.

Оставалось ради хлеба насущного расставаться с самым дорогим. В это время он начинает продавать отдельные иконы и рукописные книги.

В декабре он ответил на письмо Сергея Клычкова.

«...Я никогда не обращался в Союз за помощью, я горд был этим. В страшные голодные годы от меня никто не слышал просьб. Но сейчас я очень слаб. Ходить не могу, — а если и хожу, то это мне дорого обходится. Помоги, Сергей Антонович. Пострадай за меня маленько. Век не забуду. От многих умных и уважаемых людей я слышу негодование на статью Городецкого в “Новом мире” об Есенине и обо мне. Следовало бы “Новому миру” отнестись осторожнее к писаниям Городецкого и, глубоко уважая его честность и преданность красному знамени, принять во внимание и мое распутинское бытие. **Я еще по/ка/ не повесился и не повешен** (выделено мной. — С. К.), и у меня есть перо и слова более резонные и общественно нужные, чем статья Городецкого. Или “Новый мир” этого не допускает и считает мое убожество неспособным тягаться с такими витязями, как Городецкий? Или все это вытекает из общего понимания, что шаферы нужнее художников? Я бы сердечно хотел с тобой повидаться, ты ведь остался из родных поэтов для меня последним, но у меня нет денег на проезд в Москву... У меня в Москве негде головы преклонить. Прошу тебя — поговори с “Огоньком”, не издаст ли он книжечки моих стихов. Дал бы любопытный материал под интересным названием... Пришли мне свой новый роман, я им — очень — по отрывкам обрадован. Извини, что все письмо пересыпаю просьбами, но видишь, как я встревожен. Есть нечего. Из угла гонят. Весь износился...»

Летом 1926 года Максим Горький напишет из Сорренто Алексею Чапыгину:

«Дорогой друг,

Прочитал я в очередной книге “Кр/асной/ нови” “Разина” и снова изумлен, снова с праздником. Человек, который сказал вам: “Да, это новый тип исторического романа”, — сказал неоспоримую правду. Так оно и есть, — до “Разина” такой книги в русской литературе не было... “Разин” — колоссальное создание истинного художника — под таким титулом эта книга и будет внесена в историю русской литературы. Я — едва ли доживу до этой записи, но вы-то, дорогой человек, наверное, доживете. Мне хочется, чтоб дожили... Хорошие, удивительные люди вы, северяне... Моя Венера — Орина Федосова, маленькая, кривобокая старушка, олонечкая «сказительница» былин... Она дала мне то, чего ни до, ни после я не испытывал... И вот сейчас, читая “Разина”, я переживаю почти тот же потрясающий восторг, невыразимое словами волнение и радость за вас, и зависть к вам...»

И в самом конце письма, помянув «удивительных северян», не мог Горький не вспомнить хотя бы одной фразой о Клюеве в череде других имен: «Что делает Клюев?»

И Чапыгин ответил — что же делает его собрат.

«Есть здесь у меня драгоценный человек, некто Вас/илий/ Вас/ильевич/ Гельмерсен — большой знаток старонемецкого и нового языков. Он,

например, прекрасно переводил на немецкий язык Клюева, чего другие переводчики делать почти не могут. И вот Гельсмерсену очень хочется перевести «Разина» современным веку языком на немецкий... Клюев — захирел, ибо ему печатать то, что он пишет, негде, а когда делает вылазки в современность, то это звучит вместо колокольного звона, как коровий шаркун, последнее время даже иконы писал, чтобы заработать хоть что-нибудь. Теперь он где-то в деревне, но не в Олонецкой, а в Новгородской...»

Когда Чапыгин писал это письмо, Клюев жил в деревне Марьино Новгородской губернии, снедаемый тяжкой болезнью. Но и после больницы его положение по сути не изменилось...

Когда Чапыгин писал о «вылазках Клюева в современность», он, естественно, имел в виду клюевские «новые песни», печатавшиеся в «Звезде», «Красной газете» и «Прожекторе»... Публикации «нового» продолжались и в 1927 году. Одновременно с «Заозерьем», «Деревней» и «Плачем о Сергее Есенине» читатель наслаждался гимном пионерской юности.

*Мой галстук с зябликами схож,
Румян от яблонных порош,
От рдяных листьев Октября
И от тебя, моя заря,
Что над родимую страной
Вздыхаешь молот золотой!*

Перевоплощение идеальное! И своего рода пример для всей последующей «пионерской поэзии»... Личина, не ставшая лицом, но выглядящая, как настоящее лицо!

Правда, следующее стихотворение «Корабельщики» пришлось отдать в печать в отредактированном виде. Слишком очевидна была злая ирония уже в первых строках:

*Мы, пролетарские поэты,
В водовороты влюблены,
Стремим на шквалы и кометы
Неукротимые челны.*

*И у руля, презрев пучины,
Мы атлантическим стихом
Перед избушкой две рябины
За Пушкиным не воспоем.*

*Нам ненавистна глушь Чарджув,
Где воронье — поводыри,
Пускай песнобородый Клюев
Бубнит лесные тропари.*

В результате первая строка приняла иной вид: «Мы, корабельщики-поэты»... «Пушкин» был заменен «выюгою», а третья строфа вообще исчезла. В итоге — никакой иронии, никакой литературной полемики. Одно восхищение новой советской поэтической генерацией:

*Познав веселье парохода
Баюкать песни и тюки,
Мы жаждем львиного приплота
От поэтической строки.*

*Напевный лев (он в чревной хмаре)
Взревет с пылающих страниц —
О том, как русский пролетарий
Взнуздал багряных кобылиц,*

*Как убаюкал на ладони
Грозовый Ленин боль земли,
Чтоб ослепительные кони
Луга беззимние нашли...*

Да не снилось подобное в самых радужных снах ни Казину, ни Садофьеву, ни Светлову, не мечтали о такой поэтической мощи ни Тихонов, ни Твардовский, ни Смеляков, не говоря уже о прочих безыменных с алтаузенцами... И разве что в самой последней строфе чуткое ухо различит диссонанс с общей торжественной мелодией — диссонанс, вызванный еле различимым ошеломлением от зрелища: что же это за племя на свет народилось?

*И вея кедром, росным пухом
На скрип словесного руля,
Поводит мамонтовым ухом
Недоуменная земля!*

А ведь это племя при полном параде выстроилось на страницах знаменитой «Антологии русской лирики первой четверти века» в составлении И. С. Ежова и И. С. Шамурина. Вот они все: Илья Ионов, Семен Родов, Г. Лелевич, А. Безыменский, Александр Жаров, Михаил Голодный... «Сколько их, куда их гонят? Что так жалобно поют?..»

Песни были, впрочем, отнюдь не жалобные. И воспевались, в самом деле, отнюдь не пушкинские «две рябины» и даже не «тонкая рябина» суриковская.

Эта эпоха требовала иных песен. А. Ясный, вожделевший «укокошить» старую Русь, прозревал новую в иных статях и формах.

*Эх, ты, Русь, стальная зазнобушка,
Советская краля моя...
Забубенные наши головушки,
Забубенные наши края.*

*Теремок позабыла свой, милая,
Во Кремле алый дом — Исполком,
Видно, скучно сидеть за сурмилами,
Что сменяла на серп с молотком.*

*Видно, хочется крале запевкою
Прозвенеть в алой песне веков...*

*Эй, Россия — озорная девка,
Принимай к нам гостей на поклон.*

Эта «краля» и «озорная девка» скоро вспомнятся Ключеву... Кстати сказать, в этой антологии, где биографические справки составлялись со слов поэтов и по литературным источникам и, в основном, содержали стандартные биографические и библиографические сведения, Ключев приложил автобиографический текст в записи Павла Медведева:

«Жизнь моя — тропа Батыева. От Соловков до голубых китайских гор пролегла она: много на ней слез и тайн запечатленных... Родовое древо мое замглоло корнем во времена царя Алексея, закудрявлено ветвием в предивных Строгоновских письмах, в сусальном полыме пещных действий и потешных теремов. До Соловецкого страстного сиденья восходит древо мое, до палеостровских самосожженцев, до выговских неколебимых столпов красоты народной...»

Контраст был разительный. А для Ключева предельно важным было помещение именно этого автобиографического куска в антологию, представившую всех — от символистов до пролетарских поэтов. Текста с прямым отсылком к самому началу романа П. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах».

«Верховое Заволжье — край привольный... Судя по людскому наречному говору — новгородцы в давние Рюриковы времена там поселились. Преданья о Батыевом разгроме там свежи. Укажут и «тропу Батыеву», и место невидимого града Китежа на озере Светлом Яре... Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа... И досель тот град невидим стоит, — откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре, тихим летним вечером, виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема княжеченские, хоромы боярские, дворы посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских. Так говорят за Волгой. Старая там Русь, исконная, кондовая. С той поры, как зачиналась земля Русская, там чужих насельников не бывало. Там Русь сысстари на чистоте стоит, — какова была при прадедах, такова хранится до наших дней. Добрая сторона, хоть и смотрит сердито на чужанина...»

...Переводы на немецкий, публикации в журналах и альманахах — и напряженные попытки свести концы с концами.

«В московский отдел Всероссийского Союза писателей Николая Ключева.

Пролежав пять месяцев в больнице и перенеся две изнурительные операции, крайне нуждаюсь в материальной поддержке, о чем усердно прошу Московский Союз писателей».

«В Ленинградское отделение Всероссийского Союза писателей Николая Ключева.

Довожу до сведения Союза, что книгоиздательством “Прибой” куплена у меня моя поэма под названием “Плач об Есенине” (так! — С. К.) за сумму двести рублей (200 руб.), которые и уплачены мне упомянутым книгоиздательством в два срока — сполна. (Далее — подробное перечисление об израсходовании денег. — С. К.)... В настоящее /время/ я крайне нуждаюсь — нужно сносное питание, ежедневные перевязки и лекарства. О помощи усердно прошу Союз...»

Но и подачки от Союза — если они были — помогали мало.

* * *

«Новый роман» Сергея Клычкова, о котором писал ему Клюев, печатался в «Новом мире» на протяжении 1926 года и назывался он «Чертухинский балакирь». В том же году роман сей вышел отдельным изданием с «конвойным» предисловием одного из самых ярых «напостовцев» Г. Лелевича.

Выход «Чертухинского балакиря» был встречен обилием рецензий (более двух десятков) авторов самых различных умонастроений — от Александра Воронского до комсомольского активиста Зорича.

Это нужно было кое-кому сильно напрячь нервы, чтобы без дрожи в руках и со спокойным дыханием прочесть в 1926 году удивительное клычковское повествование, овеянное духом тысячелетней Руси.

«Теперь у нас в леших не верят, да и леших самих не стало в лесу... потому, должно быть, их не стало, что в них больше не верят. А было время — и лешие были, и лес был такой, что только в нем лешим и жить, и ягоды было много в лесу, хоть объешься, и зверья всякого-разного как из плетуха насыпано, и птица такая водилась, какая теперь только в сказках и на картинках, и верили в них и жили, ей-Богу, не хуже, чем теперь живут мужики.

Должно быть, так уж это положено и иначе быть не должно и не может: потому, надо думать, и такое время придет, когда не только леших в лесу или каких-нибудь там девок в воде, а и ничего вовсе не будет, окромя разве пней да нас, мужиков, потому что последний мужик свалится с земли, как с телеги, когда земля на другой бок повернется, а до той поры все может изгаснуть, а мужик как был мужиком, так и будет... по причине своей выносливости природы!..

Только тогда земля будет похожа не на зеленую чашу, а на голую бабью коленку, на которую, брат, много не нагладишь!..»

Так и видишь перед собой лукавую, прячущуюся в многолетнюю бороду улыбку рассказчика, старичка-лесовичка, возраст которого теряется в далях глухих, слышишь его смешливое побряхтывание, когда повествует он, об чем беседовал Петр Кириллыч с лешим Антютиком на глухой лесной тропе, печальное посапывание, когда речь зайдет о книге «Златые уста», да невеселые пророчества на будущее, и чем далее они — тем грустнее.

«Черт и человек не мешают друг другу, потому оба живут во уничтожение мира и жизни...

Не за горами пора, когда человек в лесу всех зверей передушит, из рек выморит рыбу, в воздухе птиц переловит и все деревья заставит целовать себе ноги — подрежет пилой-верезгой. Тогда-то железный черт, который только ждет этого и никак-то дожидаться не может, привертит человеку на место души какую-нибудь шестерню или гайку с машины, потому что черт в духовных делах — порядочный слесарь.

С этой-то гайкой вместо души человек, сам того не замечая и ничуть не тужа, будет жить до скончания века!..»

Любопытно сопоставить эпистолярные отзывы на этот роман Максима Горького и Николая Клюева.

Горький, отчаянный противник «идеологии мужикопоклонников и деревнелюбов», писал Пришвину с каким-то диким восхищением от лицезре-

ния клычковской неукротимости: «Читали Вы роман Клычкова “Чертухинский балакирь”? Вот — неожиданная книга! Это — в 1926 году в коммунистическом и материалистическом государстве!..

Да — “Крепок татарин — не изломится!

А и жоловат, собака, — не изорвется!”

Это я цитирую Илью Муромца в качестве комплимента упрямому россиянину».

Это — письмо противника. Противника идейного и непримиримого.

А вот — письмо друга и единомышленника.

«Милый друг!

Сердечно благодарю тебя за добрые слова и за твои хлопоты! Низко тебе кланяюсь за твою прекрасную книгу “Балакирь”. После “Запечатленного ангела” это первое писание — и меч словесный за русскую литературу. Радуюсь и величаюсь тобой!» И после выражения радости — новая мольба о помощи:

«Усердно прошу и молю тебя не охладеть в желании устроить вечер в мою пользу (если на самом деле ты уверен в этой пользе для меня)... Союз действительно мне выслал, по Кириллову, 50 руб., но это было в прошлом году в конце марта-апреля. А теперь я не получаю ничего от него кроме Тв/о/их 25 руб. Приветствую, благодарю, люблю и всегда ношу в сердце своем образ твой... Жадно, нетерпеливо жду ответа о вечере. Умоляю его устроить, это смертельно нужно. Кто ненавидит или любит меня — помогите!»

Но любящие голоса все более заглушались голосами ненавидящими.

Уже прогремели на всю страну бухаринские «Злые заметки», в которых есенинская поэзия была охарактеризована как «причудливая смесь из “кобелей”, икон, “сисястых баб”, “жарких свечей”, некрофилии, обильных пьяных слез и “трагической” пьяной икоты; религии и хулиганства... бес- сильных потуг на “широкий” размах (в очень узких четырех стенах ординарного кабака)... все это под соусом юродствующего quasi-народного национализма». Бухарин на этом не успокоился. Сразу же после публикации он произнес речь на XXIV конференции ВКП(б):

«Мы сейчас имеем оживление политической активности мелкобуржуазных слоев, оживление по “национальной” линии, что принимает форму роста шовинизма. Надо вести энергичную борьбу с великорусским шовинизмом, за последнее время особенно выпирающим в нашей литературе. Надо считаться с общим положением страны, с общим положением наших отдельных республик и, прежде всего, держать за ухо великорусский шовинизм.

...Сущим вздором являются разговоры о том, что будто наша партия хочет изменить свой курс по отношению к интеллигенции и перейти к «нормам», которые существовали в 1918 году, что мы хотим интеллигентов посадить на сеledку и рассматривать как саботажников. При громадных задачах строительства потребность в научных, квалифицированных силах, работающих вместе с нами, будет непрерывно возрастать, и наше внимание к интеллигенции будет усиливаться. Но, конечно, мы должны бороться против различных процессов в интеллигентской среде, процессов, которые мы считаем отрицательными. Мы будем и наших дураков учить уму-разуму, тех, которые придираются к мелочам, усердствуют по части самых нелепых “оргвыводов”, но мы будем вести борьбу против всяких вредных

идеологических тенденций. От нашей пролетарской линии мы отступать не собираемся».

Выступление поистине замечательное по своему смыслу. Итак, с «нормами» 1918 года в отношении интеллигенции покончено раз и навсегда. Интеллигенция стала жизненно необходима. Но не вся. Носители «вредных» идеологических тенденций будут по-прежнему изолироваться. Само собой разумеется, среди них будут зараженные «великорусским шовинизмом». Это и есть «отрицательный процесс» в интеллигентской среде, с которым призывает бороться Бухарин. «Дураков», сторонников «оргвыводов» следует учить «уму-разуму», а с «врагами пролетарской линии», «шовинистами» необходимо бороться. Такая предлагалась программа.

То, что не расшифровал Бухарин, наглядно разъяснил в этом же номере «Вечерней Красной газеты» Александр Безыменский. Статья его называлась «“Русское дело” Николая Клюева», что недвусмысленно давало понять, кого именно на данном этапе необходимо считать «великорусским шовинистом» и «носителем вредных идеологических тенденций». Вся безыменская инвектива была посвящена поэме «Деревня».

«Что кулаки и кулацкая идеология существуют — спору нет. То, что она жаждет пробиться в свет — не подлежит сомнению. Но почему должны ей давать место советские журналы — это не понято. Это обидно. Это больно».

Далее Безыменский в самых восторженных тонах пишет о Бухарине, который «всей силой большевистского удара» обрушился на «шовинистов», в частности, на стихи Павла Дружинина в «Красной нови», «через которые кулацкая идеология просочилась явно». Стихотворение Дружинина «Российское» стало для Бухарина лишь поводом к наступлению на поэзию Сергея Есенина, которого уже год не было в живых, но живы были его недавние соратники, «товарищи по чувствам, по перу»... Необходимо было создать вокруг них такую же атмосферу, в которой они не могли бы нормально жить и творить, создать все возможные предпосылки к тому, чтобы выбросить их из литературы, а в будущем и из жизни.

Безыменский пугал читателя тем, что «есть вещи и похуже», чем упомянутое стихотворение Дружинина. «В журнале “Звезда” № 1 за 1927 год стихи Н. Клюева “Деревня”. Облик этого поэта известен. И Ленина он сумел окулачить... Но “ячменный лик” поэта обнажился до конца...» Далее Безыменский цитировал кровью сердца написанные строки Клюева:

*Будет, будет русское дело, —
Объявится Иван Третий
Попрать татарские плети,
Ясак с ордынской басмою
Сметет мужик бороною!*

Комментарий к этим строчкам давался совершенно недвусмысленный: «Ой, держитесь, большевики! Ваши татарские плети и вашу басму сметет бороною кулацкий Иван Третий. Вот оно, “русское дело” Н. Клюева!

...Всякому ясно, что злодеи-большевики, вскрыв мощи Серафима Саровского и прочих “утолителей печали и ран”, совершили, с точки зрения Клюева, страшное безобразие...

Дело ясное... И никакие “пирогошие” ухищрения Клюева не замажут этой кулацкой его правды.

Мы болеем лишь тем, что такие стихи (конечно, случайно) глядят на нас со страниц наших журналов. Не будем только констатировать. Будем это преодолевать».

В «Комсомольской правде» Безыменский распоясался еще пуще. Достаточно привести его комментарий к строчкам из «Плача о Сергее Есенине» («Отцвела моя белая липа в саду. Отзвенел соловьиный рассвет над речкой. Вольготней бы на поклоне в Золотую Орду изведать ятагана с ханской насечкой...»)

«Ась? Товарищ Ленинградский гублит за № 26594? Родной мой! Да протрите глазыньки! Мы, конечно, верим, что кулаку вольготней изведать ятаган с ханской насечкой татарского ига, чем видеть страну пролетарской диктатуры, но вы тут при чем или ни при чем?.. Мы ясно увидели лицо тех, которым вольготней целовать пятки ханов Золотой Орды, чем видеть советскую страну».

Итак, один из главных носителей «чуждой идеологии» и «шовинизма» был назван: Николай Клюев, который через несколько лет в письме во Всероссийский союз писателей писал о «серых», невоспитанных «для музыки слухов» людях, которые «второпях и опрометно» утверждают, что «товарищ маузер» сладкоречивее «хоровода муз». В самом деле, эпиграфом к статье Безыменского, как и к «антишовинистским» выступлениям Бухарина, вполне могла пойти строка «Ваше слово, товарищ маузер!», причем слово «маузер» прочитывалось бы не в переносном, а в самом прямом смысле, что полностью подтвердили последующие события.

Прозвучал, однако, в открытой печати голос, категорически несогласный с вынесенным поэту приговором. Уже упоминавшийся Роберт Федорович Куллэ в «Вестнике знания» (№ 7, 1927 г.) выступил со статьей «Поэт раскольничьей культуры», отмечая все обвинения в адрес Клюева. Статья эта мало известна, так что стоит привести ее в солидных выдержках.

«Там, в Олонецкой, Архангельской и Заволжской губерниях — до Урала и Сибири, в “лесах и горах”, у заповедных озер, в водах которых “посвященные” видели очертания затонувшего «Китежа-града», хранились и накапливались богатства словесной руды, всегда золотоносной, всегда изобилующей густым, ярким, суггестивным символом. Былина, духовный и “цветной” стих, песня, сказка, заговор, приворот, загадка, заклинания живут и питаются корнями своей не только религиозно-исторической стихии, актуальной, как все живое, и составляющей мироощущение, лишенной иных просветительных влияний среды, но и как большая, могучая культура словесного творчества, знающего грани между “низким”, ежедневным коммуникативным значением слова и его “возвышенным”, поэтическим значением, таким, к которому прибегают в совершенно особых, торжественных случаях...

К сожалению, совершенно непонятым остается до сих пор наш крупный современный поэт Николай Клюев. Его мастерство, своеобразная поэтическая манера, кровно связанная со стихией народного творчества именно в его раскольничьем, культивирующем песенно-былинный сказочный стиль преломлении, его изумительная цветистость творческого слова, необычайная яркость его образов, таких нарочитых, сказочно-стилизированных — идут целиком от этой вековой “крестьянской” культуры...

Только полным непониманием основных течений нашей литературной культуры можно объяснить “критику” Безыменского ... Поэтическое слово Клюева несет в себе ту рудоносную концепцию крестьянской культуры, которая и Разина, и Пугачева, и Ивана Третьего и Четвертого понимает по-своему, преображенно, в каких-то обратных преломлениях, за которые мы судить поэта просто не вправе, как не вправе упрекать то или иное слово за его первоначальное значение, скрытое, но веющее древней тайной.

Ведь и “керженский дух”, обнаруженный в Ленине Клюевым, и “игуменский окрик в декретах” — только образы, говорящие определенной среде полно и суггестивно, но могущие стать подозрительными для мало знакомых с культурой нашего сказочно-мифологического севера критиков. И это совсем не «окулачивание» образа вождя революции, а только своя, единственно возможная в определенной среде концепция, величественная, если хотите, как величествен вообще словесно-поэтический подход поэта к явлениям, поразившим сознание, вошедшим в него острым углом.

Вся поэма (“Деревня”. — С. К.) говорит только о настроении современной северной раскольничьей деревни, ее языком, ее образами. Совершенно очевидно, что эти настроения не однородны у разных возрастных и классовых слоев. Виноват ли в этом поэт? Реакционен ли он поэтому?..»

Роберт Куллэ дал такую интерпретацию заключительным строкам «Деревни», которая могла бы убедить противников Клюева и сомневающихся, что поэт в самом деле пишет «о победе новой стихии над старой, жизни над застойностью»... Но финал статьи прозвучал мощным аккордом в унисон клюевскому финалу в его изначальном смысле:

«Ведь надо же понять, что именно в этой среде — хранильнице жемчужной россыпи сказочных слов, величавых образов, нарочитых приговоров и кровно-почвенной мужицкой культуры, — наиболее уместны недоуменные вопросы, выраставшие как грибы, на почве вечных гонений, преследований, аввакумовских бунтов, двуперстных знамений, нескончаемых схоластических споров, неутомимой бунтарской религиозной мысли, искавшей — страстно и мучительно — воплощений в магическом, покоряющем слове...»

Эти слова звучат совершенно по-особому, если связать их с декларацией Русской Православной Церкви того же года.

Заместитель местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) и Временный Патриарший синод утверждают лояльность Церкви к Советской власти, несовместимость Христианства и марксизма, полное отделение Церкви от государства.

А весной 1928 года Клюев начал работу над одним из своих вершинных произведений — поэмой «Погорельщина», что вошла в классический свод русской и мировой поэзии.

Ленинградские современники Клюева рисовали его чрезвычайно разным, казалось, что перед глазами различных людей прошла вереница персонажей, совершенно не похожих друг на друга. А проходил один и тот же человек.

Зоя Дыдыкина, дочь известного скульптора, вспоминала полноватого мужчину с моложавым лицом в рубашке навывпуск, вышитой по вороту и рукавам крестиком, с коричнево-малиновым пояском, также вышитом крестиком, мужчину, который рассказывал сны, в которых оживал его поясok,

превращался в змею, коброй обвивался вокруг ножки стола. Девочка потом кричала от страха всю ночь.

Дочь Николая Бруни рассказывала о старике, который криком кричал, читая «Поддонный псалом», а закончив, хитровато поглядывал на нее, и та опрометью неслась в кухню и забивалась в самый дальний угол — только бы этот старик до нее не добрался.

Ошеломительное впечатление производил Клюев не только на детей.

Читаешь Леонида Борисова — и перед глазами встает порочный старикашка, не переносящий рядом с собой женского общества.

Читаешь Игоря Западалова, записи рассказов его матери — и совершенно иная картина: «Он всегда был подчеркнуто вежлив, корректен, особенно с женщинами, — вспоминала мама. — И наверно из ревности, что ли, Леонид Борисов, наш общий друг и знакомый, незадолго до смерти писал, что, выступая в дружеской компании, Клюев не мог терпеть присутствия особ прекрасного пола. Ему, мол, всегда хотелось читать, когда не было дам или их было немного... Разве мог бы поэт, равнодушный и презирующий женщину, написать такие шедевры, как “Ты все келейнее и строже”, “Любви начало было летом”, как посвященные горячо любимой им матери Прасковье Дмитриевне “Избяные песни...”»

Александра Ивановна Вагинова и Виктор Мануйлов запомнили Клюева как интереснейшего рассказчика и собеседника. «Клюев начал рассказывать о своих летних странствиях на Печору к старообрядцам, к сектантам, которые до прошлого года жили настолько уединенно, что даже не слышали о Советской власти, о Ленине. Николай Алексеевич был одним из немногих, кто знал, как добраться до отдаленных северных скитов по тайным тропинкам, отыскивая путь по зарубкам на вековых стволах. Он рассказывал, как в глухих лесах за Печорой, отрезанные от всего мира, живут праведные люди, по дониконовским старопечатным книгам правят службы и строят часовенки и пятистенные избы так же прочно и красиво, как пятьсот лет тому назад...»

«Я помню, как Клюев рассказывал, — вспоминала жена Константина Вагинова, — что когда решили вывезти из Соловков всех, кто там сидел, в другие места, то оказалось, что они сделали там изумительный музей.

Собрали старые иконы, всякие церковные архивы. И вот всех узников увезли, а Соловки отдали Морскому ведомству. Приезжал адмирал — прошелся, увидел все эти витрины с иконами, книгами и приказал бросить все в реку, и иконы плыли по воде. Вода приносила их на берег, а жители встречали колокольным звоном. Клюев этому сам был свидетель...»

Зое Дыдыкиной запомнилась комната Клюева вся в книжных стеллажах и иконах, освещаемая свечами и с телефоном на столе. Геннадию Гору почудилась «изба, по бревнышку перенесенная из Олонецкой губернии и собранная заново, разместившаяся в петербургской квартире», в которой «между бревен торчал мох», а «из щелей выполз таракан»... Таракан, которого в помине не могло быть у Клюева, содержавшего свое жилище в идеальной чистоте.

«Но вдруг словно кто-то нажал на рычаг машины времени. Олонецкая изба понеслась в XX век. Бабий, деревенский окающий голос Клюева мгновенно изменился, по-интеллигентски заграссировал.

— Валери Ларбо, — сказал этот уже совершенно новый, другой, неожиданный Клюев, — Жак Маритен... Читали ли вы, советские студенты?

Не читали? Так о чем же с вами спорить? О сочинениях Пантелеймона Романова, что ли?

Скажем прямо, больно уж эта сцена напоминает «классическую» из «Петербургских зим» Георгия Иванова с «Отелем де Франс» и «Гейне в подлиннике».

Но прослеживается и нечто иное: в первую очередь ощущаешь абсолютную пронизательность Клюева, мгновенно углядевшего, что советские студенты пришли полюбоваться на «диво невиданное», всплывшее в современности из каких времен... Пощекотать нервы «экзотикой»... Тут же осадил, оглушил «контрастом», мгновенно дал понять, как ни во что не ставит очередную писательскую «звезду», прославившуюся рассказами «Без черемухи» и «Товарищ Кисляков» (зачитывались все комсомольцы) и указал — кого бы надо прочесть молодым да ранним.

Даниил Хармс огорошивал своих собеседников рассказами о Клюеве, который читал наизусть по-немецки отрывки из «Фауста». Он же стал свидетелем сцены, когда их с Николаем Алексеевичем не пускали в ресторан из-за того, что Клюев был в поддевке, а тот, мгновенно распрямившись, подхватил одну даму, и прямо на ходу в ресторанный зал сделал с ней под музыку несколько классических проходов... Присутствующие так и замерли.

Совершенно по-иному отреагировал на Клюева Николай Заболоцкий.

В воспоминаниях Игоря Бахтерева описывается визит Николая Заболоцкого в гости к Николаю Клюеву. Причем, судя по этим воспоминаниям, молодые поэты пришли, изначально настроившись на зрелище. И их любопытство было удовлетворено полностью.

Клюев встретил обериутов в своей неизменной поддевке и смазных сапогах, заговорил с ними елейным голосом, предложил угощение. Заболоцкий смотрел-смотрел — и выдал нечто вроде следующего: «Николай Алексеевич, мы с вами поэты, серьезные люди, к чему весь этот маскарад?» Клюев, обронивший до этого «сказывай, Николка, сказывай, от тебя и терний приму», — мгновенно изменился. Холодными глазами воззрелся на сопровождающих: «Вы кого ко мне привели? Али я не хозяин в своем доме? Могу и канкан сплясать». И тут же продемонстрировал знание канкана.

Бахтерев, зафиксировав эту сцену через много лет, подводил читателя к мысли о полном неприятии бесхитростным Заболоцким какого бы то ни было притворства. Но дело не в «бесхитростности» Заболоцкого и не в «притворстве» Клюева, которого, судя по всему, обериуты на дух не переносили. Заболоцкий, как бы он ни относился к Клюеву по-человечески, находился под его огромным поэтическим влиянием в конце 20-х и в первой половине 30-х годов. Это, в отличие от многих литературоведов, тонко прочувствовал великий русский композитор Георгий Свиридов, о котором когда-нибудь будет написана фундаментальная работа под условным названием «Свиридов — читатель русской классической поэзии». В своих записных книжках он не единожды обращался к имени и поэзии Клюева и, в частности, оставил любопытную запись.

«Влияние Клюева не только породило эпигонов, имена которых ныне забыты. Его мир вошел составной частью в творческое сознание: Блока, Есенина, Александра Прокофьева, Павла Васильева, Б. Корнилова и особенно, как ни странно, — Заболоцкого в его ранних стихах, Николая Рубцова».

Эту же мысль Георгий Свиридов повторил в письме к Сергею Субботину от 14 ноября 1980 года: «Повлиял Клюев и на А. Прокофьева (ранние, лучшие его стихи), и на Заболоцкого (как это ни странно), и вообще на многое в литературе». Причем дважды повторил слово *странно* в применении к мысли о влиянии Клюева на Заболоцкого. Видимо, было ощущение властного воздействия клюевского мира на поэзию, казалось бы, безнадежно далекого от него и даже чуждого поэта. Но в чем это воздействие проявилось — Свиридов не расшифровал.

А между тем весь фантасмагорический кошмар «Столбцов» исходит не только из гоголевских видений «Невского проспекта» и «Носа», о чем уже говорили некоторые исследователи. Неявное, но сильное соприкосновение с предреволюционными стихами Николая Клюева из первого тома «Песно-слова» становится очевидным при углубленном сопоставлении.

*Помню столб с проволокой гнусавою,
Бритолицых табачников нехристей;
С «Днесь весна» и с «Всемирною славою»
Распростился я, сгнувшись без вести.*

*Столб кудесник, тропка проволочная
Низвели меня в ад электрический...
Я поэт — одалиска восточная
На пирушке бесстыдно-языческой.*

*Надо мною толпа улюлюкает,
Ад зияет в гусаре и в патере,
Пусть же керженский ветер баюкает
Голубец над могилою матери.*
(Николай Клюев)

«Ад электрический» и «пирушка бесстыдно-языческая» правят свой бал в «Столбцах», где господствует пир уродливой плоти, калейдоскоп утративших органическую связь друг с другом разрозненных деталей городского пейзажа, наводя на мысль о сущей обреченности человека в этом мире смерти и распада.

*Мужчины тоже все кричали,
они качались по столам,
по потолкам они качали
бедлам с цветами пополам;
один — язык себе откусит,
другой кричит: я — иисусик,
молитесь мне — я на кресте,
под мышкой гвозди и везде...
К нему сирена подходила,
и вот, колено оседлав,
бокалов бешеный конклав
зажегся как паникадило...*

Оба они — и Клюев, и Заболоцкий — были внимательными читателями «Философии общего дела» Николая Федорова. «Город есть совокупность небратских состояний» — эту федоровскую мысль Клюев воплощал в своей поэзии в плане эсхатологическом, описывая в цикле «Спас» пришествие Христа на стогны предреволюционного Петербурга.

*Питер злой, железногрудый
Иисусе посетил,
Песен китежских причуды
Погибающим открыл.*

*Петропавловских курантов
Слушал сумеречный звон,
И «Привал комедиантов»
За бесплодье проклял он.*

И еще через десять лет Заболоцкий, подхватывая эту отчаянную, остервенелую ноту, рисует свои «немые стогны града», где злость и бесплодье уже настолько привычны, что можно лишь отстраненным взглядом, в котором сочетаются истерическое спокойствие и ироническая ухмылка, созерцать картины «нового нэповского быта», который уже спустя десятилетия воцарился в Петербурге, бандитском и разграбленном, помпезно отмечающем свое 300-летие. Фантазмагории поэта обретают в современной реальности новую зримую плоть.

*Качались кольца на деревьях,
опали с факелов отрепья
густого дыма, а на Невке
не то сирены, не то девки —
но нет, сирены — шли наверх,
все в синеватом серебре,
холодноватые — но звали
прижаться к палевым губам
и неподвижным, как медали.
Но это был один обман.*

.....
*Вертя винтом, шел пароходик
с музыкой томной по бортам,
к нему навстречу лодки ходят,
гребцы не смыслят ни черта;
он их толкнет — они бежать,
бегут-бегут, потом опять
идут — задорные — навстречу.
Он им кричит: я искалечу!
Они уверены, что нет...
И всюду сумасшедший бред.*

А еще через несколько лет в статьях литературных критиков Заболоцкий и Клюев будут обвинены в кулачестве за поэмы, по смыслу диаметрально противоположные друг другу. За «Торжество земледелия» и «Погорельщину».

**Алексей
ЛЮБОМУДРОВ**

**«...И ТРИДЦАТЬ
ТРИ МОИХ
СТИХОТВОРЕНЬЯ
ВЫПЛЕСКИВАЕТ
НА БЕРЕГ ВОЛНА»**

*О поэзии и прозе
Галины Ильиной*

Алексей Маркович Любомудров родился в 1958 году в г. Котельниче Кировской области. Окончил филологический факультет ЛГУ. Ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, очеркист и публицист. Автор книг «Вечное в настоящем», «Духовный реализм в литературе русского зарубежья», «Б. Зайцев, И. Шмелев в жизни и творчестве», «Знамена Божии от святых икон» и др. Член СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Галина Ильина хорошо известна в литературных кругах Петербурга. В творчестве она далеко не новичок, счастливо сочетает качества молодого поэта и зрелого мастера.

Как у многих русских писателей, художников, артистов, талант Ильиной обогащен и оплодотворен украинской кровью: любовь к песне, чувство музыки унаследованы ею от предков из Малороссии.

В то же время Ильина кровно связана с городом на Неве: ее мать, потомственная петербурженка, всю блокаду вместе с семьей провела в Ленинграде, награждена медалью «За оборону Ленинграда». Об этом времени Галина написала рассказ «Жить в кольце блокады». В доме была большая библиотека и, благодаря матери, работавшей машинисткой, постоянно присутствовал «самиздат». Чтение стихов, книг по философии и искусству формировало в юной девушке эстетические привязанности и любовь к русской поэзии.

Первые стихотворные опыты Галины относятся к школьным годам. Самостоятельный голос молодая поэтесса обретала по мере серьезных занятий, которые начались в ЛИТО «Молодой Петербург» под руководством Алексея Ахматова и продолжались в литературной мастерской Юрия Шестакова. Необходимую поэтическую школу она прошла, не раз участвуя в конференциях молодых писателей Северо-Запада.

С тех пор Ильина публикует свои стихи во многих авторитетных альманахах, сборниках и журналах, среди которых «Пражские огни», «Огни Севера», «Огни Кузбасса», «Вертикаль. XXI век», «Всерусский собор», «Родная Ладога», «Невский альманах», «Окно», «Поэтический форум», «Молодой Петербург», «Петербургские строфы», «Гармо-

ния», «Дорога», «Синий апельсин», «6 ЛИТО на Звенигородской», «Литературное Приневье» и др.

Сегодня Ильина — автор уже трех книг стихов: «Радужный дождь», «Радуга в ладонях», «Зачеремушело...».

Стихи поэтессы вносят свою особую ноту в современную петербургскую поэзию. В них привлекает светлое и гармоничное мироощущение автора. Созерцание природы дарит радость и умиротворение, придает жизненную энергию:

*Наслаждаюсь каждым глотком
Солнца, ветра, дождя летящего,
Удивляясь тому, что в простом —
Столько главного, настоящего.*
«Запрещаю»

Художественный мир Ильиной светел и радостен, полон красок, звуков, ароматов: «Запах сена, солнца, чистоты / И понятный сердцу гомон птичий». Его отличают богатая и оригинальная метафорика («Зеленым вздохом / Тронуты макушки / Плакучих ив...», «Жаром паленая простынь степи»), удачное словотворчество («горьковато-густой цветопад», «в небе радуга-солнцеграй»), языковые находки («плавкая жара» города), олицетворения («Заморосила осень, заслезилась, / Оплакивая череду утрат...»). Чувство русского языка, образное мышление видно даже в однострочном стихотворении-загадке: «Желтая ладошка упала на дорожку» (кленовый лист).

Стихи динамичны, в них есть движение и порыв, ощущение легкости и полноты жизни:

*Я два крыла прижму к груди —
Платка узорного два края.
Гляди, как золото играет,
Как счастье душу бередит...*
«В расшитый золотом платок...»

Лейтмотив — образ неба, связанный с устремленностью к горнему миру, сопряженный с очищением души и сердца («легкое и радостное небо»). И часто присутствующая в стихах горизонталь — «поля бескрайние» сопрягается с вертикалью, как например в цикле «Родина» лес «врос в поднебесье своими верхами».

Плодом рефлексии о собственном творчестве и призвании стали стихотворения «Как рыба без живительной воды...», «Выщела глаз синева...». Автохарактеристики встречаются в разных стихах, одна из емких — следующая:

*Не люблю макияж и грим
Не терплю показушный дым <...>
И искусственности броня
Неприемлема для меня.*

Из мозаики стихов складывается образ лирической героини — выдержанной, рассудительной, спокойной, с сильным характером. Галина с улыб-

Галина Ильина

кой обыгрывает свое имя: это и птица-галка, рвущаяся в небо («Я птичьим именем довольна: / И легкокрыла, и вольна»), и «разноцветная галька».

В любовной лирике Ильиной превалирует тема прощания, несбывшейся встречи, горечь расставания («Заметаю следы, / Что протоптаны Вами...»). От раза к разу счастье с любимым оказывается мимолетным, ускользающим («Как тебе живется без меня...», «Я в разлуке смогла позабыть...»). Иногда героиня терпеливо переносит разлуку и готова смириться («Я прощаю долги / И тебя от себя отпускаю...»), иногда — охвачена страстью («Рука моя с твоей рукой...», «Мокропогодица и листопадица...»). Ритмика древнерусских причитаний и плачей реализована в стихотворении «Плач», где героиня вновь прощается с любимым.

Пейзажная лирика Ильиной заключает в себе приобретенный на земных путях духовный опыт. Множество стихов посвящены бесконечным дорогам России («Ложится трасса скатертью под шины...», «Просторы, объемы, пути, километры...»). Это путешествие во времени и пространстве, помогающее понять Россию и одновременно понять себя, смысл своего существования.

Ильина тщательно работает над словом и формой, отсюда богатство метрики и рифмовки в ее творчестве. Таковы удачная тернарная рифма в стихотворении «Времена года», дольники с панторифмическими цепочками и регулярными спондеями в стихах «Смог над городом завис...» («Посерели облака лиц / Опрокинуты дома ниц»); кватернарная скользящая рифмовка в стихотворении «Прокралась осень»; строфы-пентеты в стихотворении «Какая поздняя весна!» В то же время внутреннему миру героини Ильиной чужда рационалистичность, она отвергает попытки «поверить алгеброй гармонию». Об этом — стихотворение «В горниле сбрендившей погоды...», где Г. Ильина ведет полемику со своим учителем Ю. Шестаковым, певцом «ментального огня»; поэтесса не приемлет искустельную игру ума с вечными понятиями.

Некоторые стихи Ильиной, благодаря своей распевности, просятся на музыку, как, например, одно из самых совершенных — «В марте»:

*Упиваясь синевой
рек,
Обновятся небеса
в них.
И растает зимних душ
снег.
И напишется цветной
стих.*

В этом стихотворении явственна присущая всей поэзии Г. Ильиной, по словам Л. Стариковой, «философия обновления окружающего мира».

Очень бережно вводится поэтессой тема Творца и мироздания; взаимоотношения лирической героини с Богом исполнены покаяния и надежды («Внемлю горним мирам / Все теперь — впереди», «Верую, Господи, верую — / И воскресаю вербою...»). Отношение к святыням всегда очень личное, серьезное и сдержанно-целомудренное, как в стихах «Святой источник» с воплотившейся метафорой: «Чистейшая вода — святой любви глоток».

Художественный талант Галины Ильиной многосторонен, она достигла успехов не только на стихотворном поприще, но и в очеркистике, и в прозе. Ильина — участник пяти литературно-исторических экспедиций по России под руководством Ю. Шестакова. Об этих поездках написала цикл увлекательных очерков, где делится впечатлениями от посещения полей боевой славы (Бородино, Куликово поле, Прохоровка), монастырей (Дивеево, Оптиная пустынь, Холки и др.), литературных мест, связанных с именами Пушкина, Есенина, Тютчева, Фета, Некрасова, Рубцова, передает свое чувство сопричастности святыням России.

Книга прозы «Разноцветная галька», куда включены зарисовки с натуры, городские рассказы, детские воспоминания, письма внуку, сказки, путевые заметки, стихи в прозе, — продолжает традицию малых форм русской литературы (от «Камушек на ладони» В. Солоухина до «Крупинок» В. Крупина). Прозу Г. Ильиной отличает изящество стиля, ясность и легкость языка, за которыми стоят подлинные проблемы мира, глубокие смыслы. Слово автора естественное, природное, нравственно цельное, лишненное всякой рисовки. Автор бережно вслушивается в мир и передает музыку живой жизни. Природа для автора и источник вдохновения, и объект созерцания, воплощенная красота: «На самом деле, жизнь удивительна и разноцветна. Она переливается всеми цветами радуги. Наполняет нашу бесцветность, серость, блеклость» («Мои переливы»). И в прозе, как и в поэзии Ильиной, неизменен философский посыл — принятие жизни: «Этот мир мне нравится. Причем, чем дольше живу на свете — тем больше нравится... И полной мерой смогу ощутить это счастье — жить».

В целом тональность миниатюр светло-радостная, но оптимизм автора выстрадан опытом нелегкой жизни. Так, в эссе «Одиночество в сети» звучит тема разобщенности в условиях огромного мегаполиса и виртуальных сетей, «когда пишешь и пишешь, а ответа все нет и нет. И кажется, что на всем белом свете ты одна, и глас вопиющей в сети так похож на глас вопиющего в

пустыне!». Размышления о смысле жизни звучат в различных регистрах — от юмористических разговоров на кухне с подругой до бесстрашного самоанализа перед операционным столом: «Остановись. Оглянись. Так ли живешь, то ли делаешь? Господи, Ты снова даешь мне шанс все обдумать, понять, исправить».

Поэтическая образность в описаниях природы наследует традиции М. Пришвина и В. Бианки, как в зарисовке «Три березки», где деревца сравниваются с девушками, у каждой из которых свой особый характер: «беззащитная нагота белых стволов — неизменная, светящаяся даже в хмурой осенней темноте. Кусочек света, пусть неяркий, словно от свечи».

Ильина прекрасно владеет словом и чувствует его. Наблюдает за языком малышей («Говорят дети») и случайно встреченных прохожих («Словотворчество»). В книге есть и тонкий анализ музыки Пяццоллы с живущей в ней «истерзанной душой» композитора, и рецензия на книгу стихов поэта Бориса Краснова.

От изящных, добрых и смешных историй Галина Ильина поднимается до серьезного осмысления своего пути и молитвенного обращения: «ищу себя на перекрестиях великих русских дорог, ищу смысл своего бытия, ищу Бога. Господи, помоги в моих исканиях» («Подорожная»). Свое творческое credo поэтесса выразила глубокими и искренними словами: «А пока пишется — пишу, дышу, радуюсь этому чуду — слову русскому, что сопровождает меня с рождения, а, соединившись однажды с творческими моими муками, являет себя во всей своей чудесной полноте».

ВЫШАА КНИГА

Фролов Ю.

Великая Сталинская империя. — М.:
Издательство Алгоритм, 2014.

«Великая Сталинская империя» — это книга известного специалиста по истории Советского государства 1920–1930-х гг. Юрия Фролова, автора бестселлера «Крушители империи СССР».

Из этой книги становится ясно, как личность вождя повлияла на формирование советского партийного имперско-бюрократического государства, ставшего лидером на мировой арене.

Особенно подробно освещается внешняя политика Советского Союза — присоединение территорий бывшей Российской империи, сильная дипломатия и умение Сталина диктовать свою волю правительствам других государств.

Вышла КНИГА

Владимир НЕКРАСОВ

«ПОЛЕ ФОРМЫ ЗЕМЛИ»

В монографии представлена история научного открытия: «Закон распределения энергии левизны-правизны и ее диссимметрии в биосфере (геометрическая форма) — Поле Формы Земли». Открытие относится к исследованиям в области биофизики, но оно охватывает многие другие области науки, такие как физика, химия, биология, экология и медицина.

Некрасов В. А. Поле Формы Земли. История открытия закона. Научное открытие: «Закон распределения энергии левизны-правизны и ее диссимметрии в биосфере (геометрическая форма) — Поле Формы Земли». — М., 2014. — 128 с.

Рецензенты:

Л. В. Ворончихина, д-р хим. наук;
С. В. Михеев, д-р техн. наук, академик РАН;
А. Н. Никитин, д-р техн. наук;
Е. П. Попечителей, д-р техн. наук.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В монографии представлена история научного открытия природного закона. Неизвестная ранее закономерность, обнаруженная в биосфере Земли, проявляемая в наличии сил левизны и правизны и их диссимметрии, распределенных в виде строго упорядоченной геометрической структуры, названная автором «Поле Формы Земли». Основное содержание монографии — это описание открытия конструктивного порядка во взаимоотношениях человека и окружающей среды. Автором описаны природные феномены, такие как существование энергии левизны и правизны, явление ее распределения в пространстве биосферы, наличие биосферной диссимметрии, существование левых и правых типов живых организмов в растительном и животном мире, биосферные патогенные зоны и их влияние на живую и неживую материю, ритмические процессы колебаний левизны-правизны и др.

Автором показано, что открытые им явления легко обнаружить в окружающем пространстве. Кроме того, автор акцентирует внимание на

том, что процессы, наблюдаемые в живом организме или в биосфере Земли, в целом аналогичны и неизменно связаны с процессами в космическом пространстве — с процессами, происходящими во Вселенной. В своей работе автор доказал, что нельзя отделять физику живого вещества от физики пространства: именно общее в их устройстве должно находиться в основе картины Мироздания. Очевидно, что настало время новых гипотез, построения на их основе новых моделей, разработки теорий многих явлений, ранее необъяснимых в науке. Неудовлетворительное состояние нынешней картины Мира впервые широко обсуждалось в 2009 г. в рамках I Международной конференции под названием «Кризис в космологии». Мир стоит на пороге очередного пересмотра научных представлений о природе происходящих в нем явлений. Известный европейский ученый д-р Ж. Магейджу, обнаруживший и описавший диссимметричную модель Вселенной, названную им «Темная ось» (2008), заявляет: «Стандартная модель уродлива и запутана. Надеюсь, ее финал не за горами. Тем не менее, теории, которая придет ей на смену, придется объяснить всю совокупность фактов — и в том числе те, которые стандартной моделью описывались вполне удовлетворительно. И это будет чрезвычайно непросто».

Обнаруженное автором явление энергетической диссимметрии в биосфере, безусловно, является причиной молекулярной и клеточной диссимметрии в веществе. Оно также, возможно, имеет первостепенное значение в зарождении и поддержании жизни на планете. Бесспорно, Поле Формы Земли является следствием диссимметричной структуры Вселенной, влияние которой простирается на все объекты биосферы, начиная от формирования молекулярного состава до образования всевозможных форм живых организмов. Фундаментальность открытого автором закона подтверждает и открытие им принципа разделения живых организмов на левые и правые биологические типы, основой которого является диссимметрия в устройстве людей, животных и растений. Важнейшим достижением является то, что эти новые знания легли в основу новейших разработок в сфере медицины и экологии, определили создание принципиально новой Концепции организации здоровой и безопасной жизни человека на планете.

*Летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза,
действительный член Российской академии
космонавтики им. К. Э. Циолковского;
Российской академии естественных наук, профессор
Джанибеков Владимир Александрович*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Открытие универсального закона в структурной организации биосферы Земли и в биологических организмах, проявляющегося на больших и малых масштабах пространства, невозможно было бы без целостного взгляда на природу и происхождение материи, без синтеза уникальных научных и философских воззрений. В данной работе автор представляет не просто открытый им природный закон, а новую концепцию взаимодействий в мире живой и неживой материи, сводя воедино научные теоретические и практические наработки нескольких поколений ученых.

В. А. Некрасов

Пространственно-временная концепция «Поля Формы Земли», объединяющая пространственную закономерность в распределении энергетической диссимметрии и временную зависимость ее периодических колебаний — ритмов, способна дать новый толчок к развитию космобиофизики, поскольку именно такой угол зрения позволяет ближе подойти к ответу на главный ее вопрос: о возникновении живой формы материального движения, о причинах и возможности зарождения жизни в Космическом пространстве.

Следует отметить, что в русле данного открытия автором описаны и другие открытые им закономерности, материалы которых готовятся к публикации. В данной монографии представлено не только открытие закона структурной организации биосферы Земли, но и предложена концепция, объясняющая взаимосвязи этой структуры (Поле Формы Земли) с другими, неизвестными ранее закономерностями в природе.

Автор заложил основательный фундамент данной концепции, опираясь на теоретические научные достижения академика В. И. Вернадского, труды которого на протяжении десятилетий были практически недоступны. Его научное наследие велико, но недопонято в рамках сложившейся в XX в. системы научного знания и недостаточно ею оценено. Автор, выделив в работах предшественников главную квинтэссенцию — «идею об энергетической диссимметрии в пространстве, об энергии левизны-правизны», задал направление исследованиям в самой важной области наук, ответственной за здоровье человечества, за организацию гармоничной и безопасной жизни на планете.

Обнаруженные автором закономерности природных явлений выразились в целом спектре практических приложений, результаты апробации которых в течение последнего десятилетия убедительно свидетельствуют о правильности выбранного пути. В данном направлении возможно развитие и расширение технологических решений, что предоставляет специалистам в различных отраслях деятельности широчайшее поле для исследований и экспериментов. Очевидно, что за этими новыми знаниями стоит большое будущее, а широкомасштабное их применение позволит человечеству преодолеть тупиковую ситуацию в вопросах экологии, здравоохранения и безопасности жизнедеятельности.

*Председатель московского отделения РАЕН
«Ноосферные знания и технологии»
лауреат Государственной премии РФ
д-р техн. наук, профессор
Никитин Альберт Николаевич*

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344 +49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkddl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл. Нижний	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяны Макаровой*

Подписано в печать 27.06.2014 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1406115.

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.